

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ

ПАМЯТИ
ЮРИЯ ГЕРМАНОВИЧА
ВИНОГРАДОВА

СЕВАСТОПОЛЬ
2001

ББК 63(0)3
Х-39

АНАХАРСΙΣ
ПАМЯТИ
ЮРИЯ ГЕРМАНОВИЧА
ВИНОГРАДОВА
(Херсонесский сборник. Выпуск XI)
Сборник научных статей

Ответственный редактор **М.И. Золотарев**

Редакционный совет "Херсонесского сборника":

С.Д. Крыжицкий	член-корреспондент Национальной академии наук Украины, профессор, доктор архитектуры
В.М. Зубарь	профессор, доктор исторических наук
А. И. Айбабин	доктор исторических наук
А.И. Иванчик	профессор, доктор исторических наук
А.В. Подосинов	профессор, доктор исторических наук
К. К. Марченко	доктор исторических наук
М.И. Золотарев	кандидат исторических наук
В.Л. Мыц	кандидат исторических наук
Л.В. Марченко	кандидат исторических наук
Г.М. Николаенко	кандидат исторических наук

Рецензенты:

С.Б. Сорочан	доктор исторических наук
С.Б. Охотников	кандидат исторических наук

Сборник посвящен памяти выдающегося ученого-антрополога, профессора Юрия Германовича Виноградова. Входящие в сборник статьи и публикации коллег и друзей Ю. Г. Виноградова охватывают круг его научных интересов в области античной и средневековой археологии и истории. Представляет интерес как для профессионалов, так и для всех интересующихся древностями.

*Печатается по решению ученого совета
Национального заповедника "Херсонес Таврический"*

ISBN 966-95994-4-X

9 789 669 5994 4 5

© Национальный заповедник
"Херсонес Таврический"

Юрий Германович Виноградов
(13.06.1946г. - 28.05.2000г.)

*Светлой памяти
Юрия Германовича Виноградова
посвящается*

Минул год, как нет с нами Юрия Германовича Виноградова. Однако по прошествии этого времени горечь человеческой и научной утраты не стала меньше. Более того, явственней осознаешь и опущаешь, как не хватает Юрия Германовича, его искрометной, всегда доброжелательной и в то же время позитивно-критичной реакции на работы своих коллег, искренней радости, а иногда и просто восторга, от новых находок археологов- античников. Юрий Германович всегда был открыт. Он постоянно был готов поделиться с друзьями своими открытиями и с особенным вниманием относился к деловой критике своих работ. Его цепкий ум моментально выхватывал из советов коллег то полезное, что помогало его работе. Для него не было разницы в том, кто был автором этого совета - маститый академик или только начинающий свой научный путь студент. Для него высшей степенью признания была возможность называть собеседника на "ты". Таким обращением он как бы подчеркивал равенство перед наукой всех, кто занимается ею любимыми северопричерноморскими древностями. Северное Причерноморье было его стихией. Здесь он всегда был в курсе самых последних достижений археологов и историков античности. Блестящий эпиграфист, он умел не только виртуозно восстановить тексты древних документов, но - и филигранно сопоставив их с новейшими археологическими данными - выйти на совершенно новый уровень: воссоздание исторических событий античного Причерноморья. В тонкостях методики подобных построений Юрию Германовичу равных не было. Абсолютное большинство его научных идей признано мировой наукой. Он неустимым пропагандировал за рубежом достижения отечественного антиковедения и был, пожалуй, одним из первых, кто еще в годы советской "изолированности" начинал прокладывать путь взаимообмена научными идеями между учеными "Востока" и "Запада". Во второй половине XX столетия Юрий Германович Виноградов был одним из самых выдающихся исследователей античных древностей. Он прекрасно сознавал уготовленную ему судьбой роль научного лидера. Его идеалом в науке был М.И.Ростовцев. Юра рассказывала мне, как однажды, стоя на балконе здания германской археологической миссии в Риме, он вспомнил, что на этом же балконе стоял когда-то М.И.Ростовцев. И именно здесь, под влиянием воспоминаний о его кумире, Юрий Германович остро ощутил свою ответственность за судьбу российской науки об античности.

Разносторонний талант Ю.Г.Виноградова проявился и в его любви к поэтическому слову. Приведенные ниже стихотворные строки Юрия Германовича отражают его кредоченого, принадлежащего теперь, к сожалению, уже к вечности.

...Спустя лишь век, зрям в ту же бесконечность.
Бессмертный вечен Рим,
хоть мир и стал иным.
Отпущен нам момент себе сподобить
вечность.
Достанет ли ума распорядиться им?

Рим, май, 1991

М.И.Золотарев

ПАЛЕОГРАФИЯ РАННИХ ЛАПИДАРНЫХ НАДПИСЕЙ ОЛЬВИИ (VI - V вв. до н.э.)^{*}

I. Середина - вторая половина VI в.

1. Середина VI века.

НО 103 - около 550 г. Датируется не только по шрифту, но и по типу базы статуи¹.

Формы букв

ΑΗΝ

Особенно характерна *ию* - вторая вертикальная гаsta под углом к первой отклоняется наружу.

2, 4-я четверть VI в.

IOSPE I² 215; НО 63 (Α = IOSPE Ι² 273)

Формы букв

ΔΔ ΔΔ Ε Η Ι
ΜΜ Μ Ν Ο Ο ΡΡ
{ φ +

Особенно характерны: *ию* - очень широкая, все четыре части равновелики; *ю* - правая крайняя гаsta становится параллельной левой; *ро* - усечённое снизу полуокружие, развивалось из формы VI в.; *сигма* - иррегулярная; *фи* - гаsta выступает только сверху круга; *хи* - крестообразное.

Интерпункция

Двухточечная интерпункция также, как будто, древнее, чем трёхточечная.

* В архиве Юрия Германовича Виноградова были обнаружены наброски доклада (без даты) о палеографии ранних лапидарных надписей Ольвии. Эта работа полностью никогда не опубликовалась; отдельные заметки на этот счет содержат следующие работы Ю. Г.: Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 109 сл.

Zur politischen Verfassung von Sinope und Olbia im fünften Jahrhundert v.u.Z. // Pontische Studien. S. 165 Sgg. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ № 2, 1971. С. 76 слл.

Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимости драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э. (вместе с П. О. Карышковским) // ВДИ, 1976 № 4. С. 25 слл. (правда, в этой статье речь идет об ольвийской палеографии IV в.).

О методике обработки греческих эпиграфических памятников (по ольвийским материалам) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 47 слл. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства. // ВДИ, 1981, № 2. С. 71 слл. Сам Ю. Г. писал, в частности, в статье "Синопа и Ольвия..." (Прим. 48): "о развитии ольвийской палеографии дөгөттөй эпохи автором подготавливается специальная работа"; к сожалению, он не успел довести ее до конца.

Авторский текст подвергнут незначительной стилистической правке, добавлены и расширены примечания (в квадратных скобках), сделаны таблицы и прорисовки. Огромная благодарность С.Р.Токтасьеву за неоценимую помощь при подготовке статьи.

В качестве вступления приведем цитату из той же статьи Ю. Г. (С. 72): "Основной методической посылкой при изучении палеографии любого центра должно, на мой взгляд, служить стремление, проанализировав эволюцию отдельных форм букв, но, не упуская из виду всей совокупности шрифта, выстроить палеографическую колонку, включая в неё основные периоды в развитии письма, которые будут дробиться на подпериоды и перемежаться переходными этапами".

Прим. С.Э. Андреевой

II. Конец VI в. - начало VII в. (условно 515 - 485 гг.).
IOSPE I² 212, 213; НО 62, 64
Формы букв

Α Α Β Γ Δ Ε Η
Θ Θ Ι Κ Λ Μ Μ Ν Ν
Ο Ο Π Ρ Σ Τ Λ Ζ Ζ

Особенно характерны: *алифа* - колеблется от более арханческой к более поздней; *эта* - с высокими вертикалями, арханческого облика; *каппа* - имеет зауженные усики; *мю* - колеблется между арханческой (VI в.) и более поздней (V в.) формой; *ро* - имеет правильное неусечённое полукружие; *сигма* - становится регулярной.

Интерпункция

Трёхточечная интерпункция моложе двухточечной.

III. Первая половина VII в.

1. Ближе к началу века.

IOSPE I² 270; НО 1, 167

Джефферин датирует IOSPE I² 270; 500-475 гг., возможно, около 490 г.² по стилю. Время, переходное по шрифту, но не по манере письма, от ионийского алфавита VI в. к классическим формам букв периода стиля стойхедон. IOSPE I² 270 еще очень близка к надписям периода II, если не относится к ним.

Формы букв

Α Α Γ Δ Ε Ε Η Θ
Ι Κ Λ Μ Ν Ν Ο Ξ
Π Ρ Σ Τ Φ Ζ Ζ

Особенно характерны: *каппа* - имеет слегка выгнутые наружу усики³; *кси* - имеет вертикальную густоту; *ро* - всегда с правильным полукружием; *сигма* - всегда регулярная; *фи* - вертикальная гаstra довольно далеко выходит за пределы окружности; *омега* - форма окружности ещё от VI в. до н.э. (иногда суженная), но низкие усники становятся более или менее регулярными, отходящими от окружности примерно под одинаковым углом.

2. Вторая четверть VII в.

IOSPE I² 164, 172; НО 111

Шрифт полностью становится аналогичным палеографии середины - второй половины VII в., с той только разницей, что манера письма ещё не стойхедон.

Формы букв

Ε Η Θ Ι Κ Λ Μ
Ν Ο Ρ Σ Τ Υ

Характерен *иpsilon*, переходящий от арханческой формы V к классической V. Надпись НО 111 выполнена небрежно.

Надпись IOSPE I² 164 - это, очевидно, самый ранний образец ольвийского стойхедона. Только

две *йоты* подписаны под *омикроном*, что имеет аналогии в надписях стиля стойхедон из Греции⁵. Но, в то же время, она лежит в пределах до-стойхедонного периода III, 2 (2-я четверть V в.) по формам *каппы* и *омеги* - плавный переход полукружия в усики, *ню* - слегка наклонено.

IV. Середина - 3-я четверть V в., время стиля стойхедон.

1. Ближе к середине.

IOSPE I⁶ 208, 307; НО 55

Формы букв

Α Δ Ε Θ Ο Φ Ι Ν
Γ Ξ Τ Υ Φ Ρ

Особенно характерны: *тета* - ещё встречается с перекрестием (более архаичная форма, существующая в VI в. с *тетой* с точкой в центре); *ни* - в отличие от формы рубежа VI/V в. и начала V в. (ионийский дукт), вторая вертикальная гаsta слегка укорачивается; *ро* - едва заметны черты скосленности полукружия снизу; *циклический* - усики слегка выгнуты наружу; *фи* - утолщённый кружок⁵; *тета* с крестом встречается в Ионии, по-видимому, только до 1-й половины V в. (в Ольвии она представляет собой арханизм).

2. 3-я четверть V в.

НО 56+57, 58, 59, 104, 105, 106, возможно, 60, 61, декрет Тимесиляе.⁶

Формы букв

Α Δ Ε Ι Η Κ
Λ Ν Ο Π Ξ Τ Φ
Ω

Особенности по сравнению с IV, 1: *ню* - правая гаста менее сильно выдаётся вверх за габариты буквы; *фи* - лишь слегка утолщённый кружок, меньше, чем у *фи* предыдущего периода; *омега* - полностью становится классической, полуокружие соединяется с нижними усиками под прямыми углами. В общем, шрифт тот же, что и в IV, 1, но в нём чувствуется больше классического спокойствия, правильной геометризации букв, удивительного чувства пропорции, всегда отличавшего расцвет классического искусства.

Ольвийский стойхедон - это стойхедон, кончающийся всегда на полные слоги; условно я называю его силлабическим, в отличие от аттического, имеющего фиксированное число знаков в строке. В этой манере в Ольвии буквы вписывались в предварительно расчерченную на камне сетку квадратов; линии, разграничивавшие квадратные поля, как правило, двойные⁷. Возможно, после этого камень слегка полировался, так чтобы эти линии становились менее заметными, почему они и не улавливаются на некоторых мраморах.

V. Конец V в. до н.э.

Переход от стойхедона к обычной манере письма IV в.

НО 2 А и Б.

Формы букв

Α Δ Ε Η Ι Κ Λ
Λ Μ Π Ρ Ξ Τ Υ Χ

Буквы полностью повторяют дукт периода IV, 2 (только *иpsilon* ещё больше выгибает усилия), с тем лишь различием, что манера письма начинает сбиваться со стиля стойхедон на обычный (даже в двусторочной надписи НО 2 А). Его едва ли можно назвать невыдержаным стойхедоном, так как последний, как правило, представлял собой строй стойхедон в начале надписи по всей ширине строки и на несколько строк, который потом начинал сбиваться на обычную манеру. Но 2 Б показывает, что четыре последние строки - вполне выдержаный стойхедон, а стк. 5 снизу, напротив, этой манере не выдержаны. Условия я даю ему название "декадентный стойхедон". Видимо, это был довольно кратковременный период в истории ольвийской палеографии, представленный поэтому таким скучным числом образцов.

Об истоках стойхедона в Ольвии.

Стойхедон появился в Ольвии около середины V в. и исчез где-то в 4-й четверти этого столетия. Важно выяснить его истоки, то есть центр, из которого он был заимствован и причины заимствования.

Стойхедон возник на греческой почве во второй половине VI в. в разных центрах, но наибольшее распространение получил в Аттике. На этом основании большинство исследователей считают, что он был заимствован многими центрами в V в., именно из Афин, причины чего кроются в ведущей политической и культурной роли Афин в V в.

По мнению Т. Н. Книпович¹ и в Ольвии эта манера была принята под влиянием Аттики. Заслуживает обсуждения осторожности, с какой исследовательница подходит к этому вопросу:

"Рассматриваемая здесь проблема относится к ряду других проблем; они могут и должны быть решены только при изучении всех видов источников"².

Действительно, нам известны, как указывает и сама Книпович, тесные экономические (и, прежде всего, торговые) связи Ольвии с Афинами в V - IV вв. Но интересно было бы выяснить два вопроса:

1) Под влиянием ли Афин (или только их) проинк стойхедон в ольвийскую эпиграфику?

2) Причины этого заимствования были политическими или культурными (либо теми и другими)?

Действительно, очень часто стойхедон появлялся в греческих полисах под политическим влиянием Афин (глазным образом, факт входления этих городов в архэ) - например, Фасос в конце V - начале IV вв.¹⁰ Но было и просто культурное влияние этой прогрессивной манеры письма, эстетическое значение которой превосходно выясняено А. Ремом¹¹. Например, спартанцы после победы над афинянами в Пелопоннесской войне между 402 и 399 гг. возвращают Делосу свободу в сакральных вопросах¹²; стелу с этим постановлением они пишут частью лаконским, частью милетским шрифтом на дорийском диалекте в манере стойхедона. Таким образом, политическое заимствование здесь исключено, и можно предполагать лишь общекультурное.

Вопрос о политическом влиянии Афин на Ольвию и о её вхождении в архэ - спорный¹³. Однако, даже если такое влияние и было, то оно могло развернуться лишь после Понтийской экспедиции Перикла, которая должна, скорее всего, датироваться не ранее 440-439 гг.¹⁴ Но мы можем смело сказать, что стойхедон проинк в Ольвию раньше, где-то в 460-450 гг., как показывает IOSPE I²⁰⁸ с архаической руменитарной *metop*. Поэтому, если и считать Афины за центр иррадиации стойхедона, то надо предполагать в ряду причин лишь экономические и культурные связи.

Но мы знаем, что уже довольно рано (в IV в.) стойхедон независимо зарождается и в Милете¹⁵. И, поскольку нам известно о связях Ольвии со своей метрополией в 1-й половине V в. по той же палеографии надписей (период III), то мы смело можем искать в Ионии вообще и в Милете в частности образец для восприятия стойхедона ольвийнолитами. Это подкрепляется ещё и тем, что в Афинах на протяжении всего V века почти неизменно было употребление строгого стойхедона (фиксированное количество букв в строке), а в Ольвии, насколько позволяют судить все сохранившиеся образцы, он сразу же стал стойхедоном, оканчивающимся на полные слоги, что распространяется в Аттике лишь с конца V в.¹⁶.

Очевидно, процесс был сложнее, и в нём насланывались два вектора: милетский культурно-экономический и афинский культурно-экономический (также и политический?). В качестве рабочей гипотезы можно предложить следующую схему:

1) Стойхедон заимствован в Ольвии по милетско-ионийскому образцу и ко времени его появления относится надписи периода IV, I (с более яркими чертами ионийского шрифта).

2) Этот стиль проочно утвердился под влиянием связей с Афинами, и ко времени его упрочения относятся документы периода IV, 2. И здесь возможно опосредованное влияние Афин через Мilet, который заимствует к середине V в. многие афинские политические институты¹⁷.

(Публикация С. Э. Андреевой)

Примечания

1. Cpr. LSAG. P. 101, 103, 403. Pl. 12, 4: Guarducci EG. I. P. 245. Fig. 1 - появление на базе статуи из Дельф, датируемое 550-540 гг.
2. LSAG. P. 368, 372, 60. Pl. 72 f = Dubois L. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève. 1996. P. 230-241. № 44.]
3. Для фрагм. капиты см. *lex sacra aet Milleti*: A. Rehm, *Die Inschriften // Handbuch der Archäologie*. I. München. 1939. P. 384. Taf. 57 - до 494 г. LSAG. P. 335, 343. Fig. 64, 33-525-500 гг. ?
4. Rehm. Op. cit. S. 385.
5. Cpr. LSAG. P. 325, 414, 19, 21. Pl. 64. P. 415, 48. Pl. 69. Такой кружок появляется до середины V в.
6. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. С. 109 сл.
7. См. НО 55, 56+57, IOSPE F. 307.
8. Капитончук Т. Н. Греческое латинянское письмо в памятниках Ольвии // НЭ. 1966. № 6. С. 18.
9. Eudem. *Acta of the 8th Congress of Greek and Latin Epigraphy*. Cambridge. 1971. P. 117.
10. Pouilloux J. *Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos*. Paris. 1954. P. 118.
11. Rehm A. Op. cit. P. **
12. Guarducci EG. P. 284-285. Fig. 133.
13. [См. с лин.: Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. М. 1989. С. 126-134].
14. Брашинский Н. Б. Афины и Северное Протернейзире. М. 1963. С. 57 сл.; [См. также Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблемы политического устройства. // ВДИ, 1981, № 2. С. 71 сл.; = PS. S. 166 ff.].
15. LSAG. P. 333, 335, 343, 32, 34. Pl. 64.
16. Syll.3 117.
17. Herrmann P. Teos und Aladera im 5. Jh. v. Chr. // Chiron. 1981. 11. 5. 7, 18-21.

Рис. 1. Прорисовки: 1 - HO 64; 2 - HO 60; 3 - HO 103; 4 - HO 62; 5 - HO 1-4; 6 - HO 106;
7 - IOSPE² 208a; 8 - IOSPE² 172; 9 - IOSPE² 164.

	Α	Β	Γ	Δ	Ε	Ζ	Η	Θ	Ι	Κ	Λ	Μ	Ν	Ο	Ξ	Π	Ρ	Σ	Τ	Υ	Φ	Χ	Ψ	Ω		
Сер. IV в.	Α						Η						Ν													I.1
4/4 IV в.	Α		Δ	Δ	Ε		Η	Ι				ℳ	ℳ	Ο		Ρ	Ρ	Ξ			Φ	+			I.2	
515- 485 гг.	Α	Β	Γ	Δ	Ε		Η	Θ	Ι	Κ		ℳ	ℳ	Θ		Π	Ρ	Ξ	Τ				Ϟ		II	
1/2 V в.	Α	Α	Γ	Δ	Ε	Ε	Η	Θ	Ι	Κ	Λ	ℳ	ℳ	Ο	Ξ	Π	Ρ	Ξ	Τ	Φ			Ϙ		III.1	
2/4 V в.					Ε		Η	Θ	Ι	Κ	Λ	ℳ	ℳ	Ο		Ρ	Ξ	Τ	Υ				ϙ		III.2	
Сер. V в.	Α		Δ	Ε		Θ	Ι						Ν			Π	Ρ	Ξ	Τ	Υ	Φ				IV.1	
3/4 V в.	Α		Δ	Ε	Ι	Η				Κ	Λ	Ν	Ο		Π		Ξ	Τ	Φ				ϙ		IV.2	
Кон. V в.	Α		Δ	Ε		Η	Ι	Κ	Λ	Μ					Π	Ρ	Ξ	Τ	Υ	Χ			ϙ		V	

Табл. 1. Палеография букв ранних надписей Ольвии.

К ИЗУЧЕНИЮ СТИЛЕЙ В МОНУМЕНТАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э.*

В первые века н.э. военно-политическая и экономическая ситуация в Северо-Причерноморском регионе, как известно, претерпели коренные изменения. С середины I в. до н.э. Херсонес, а немногим позднее, от конца этого столетия, Тира, Ольвии и города Боспора вступили в новую fazu исторического развития, попав в орбиту политических интересов Рима¹. Продвижение Римской империи в северо-восточном направлении, необходимость активного противостояния варварам явились причиной введения римских регулярных военных подразделений в существовавшие здесь греческие города. Это обстоятельство способствовало их экономическому подъему, формированию нового социального и культурного феномена, связанного с проникновением римской культуры в местную греческую и греко-варварскую среду.

Последовавшая за этим стабилизация военно-политической и экономической ситуации во многом отразилась и на значительных градостроительных мероприятиях, в ряде случаев коренным образом изменивших архитектурный облик городов². Это коснулось как общей перепланировки городских кварталов и оборонительных линий (особенно в городах Северо-Западного региона, претерпевших сильные разрушения вследствие гетского разгрома в I в. до н.э.), так и появления новых культовых, общественных и специальных сооружений, предназначенных для функционирования гражданской и военной администраций, а также воинских контингентов. Столь значительный объем строительных работ нашел отражение во многочисленных энграffitiческих памятниках, зафиксировавших активизацию строительной деятельности и появление монументальных построек практически во всех городах Северного Причерноморья от начала I в. н.э.³.

В реализации этой обширной градостроительной программы исключительно большой ролью играли монументальные ордерные постройки. К сожалению, вплоть до настоящего времени только в двух центральных регионах открыты сооружения, ордер которых поддается реконструкции. Это - портик дорического ордера в Ольвии с открытыми *in situ* нижними барабанами колонн, который можно уверенно датировать I в. н.э. (исходя, прежде всего, из данных стратиграфии и конкретного археологического материала). Более того, недавно было высказано мнение о том, что это сооружение является тем самым портиком, который ольвийополит Абас, сын Каллисфена, посвятил императорам Августу и Тиберию, в соответствии с известным лагидарным памятником, обнаруженным в свое время в Ольвии⁴. Второй памятник исследован в окрестностях Херсонеса (Балаклавы) - святилище Юпитера Долихе II в. н.э. с портиком ионического ордера, о чем свидетельствуют открытая *in situ* база колонны и обнаруженная в комплексе ионическая капитель⁵. В остальных же случаях, все известные архитектурные детали первых веков н.э. были раскопаны вне связи с конкретными строительными остатками - это обстоятельство создает определенные сложности не только при проведении реконструкций, но зачастую даже при функциональной атрибуции различных деталей, включая определение их ордерной принадлежности⁶.

Рассмотрение общих тенденций развития архитектурных ордеров в первые века н.э. необходимо начать с позднеэллинистического времени, когда общий период упадка в социально-экономической и политической сферах не мог не отразиться на общем упадке строительной деятельности и ухудшении качества местного строительско-каменного ремесла в целом. Позднеэллинистическим временем датируется серия капителей дорического ордера, происходящих не только из Херсонеса, но также из Ольвии и Тира (рис. 1,1-6,9-11). Датировка эта основана также исключительно на стилевых характеристиках - ни одна из них не связана с конкретным объектом. Общее искашение формы и профилярировки капителей, их подчеркнутая выпуклость (или, наоборот, геометричность), уменьшение количества ремешков до двух-одного (или их полное отсутствие, равно как и

* Статья была подготовлена при поддержке фонда Александра фон Гумбольдта в Евразийском Отделении Германского Археологического Института в Берлине.

Обмеры архитектурных деталей, хранящиеся в экспозиции и фондах Национального заповедника "Херсонес Таврический", выполнены автором. В работе также использованы материалы из новейших раскопок И.А. Антоновой и М.И. Золотарева, которым я выражают искреннюю благодарность.

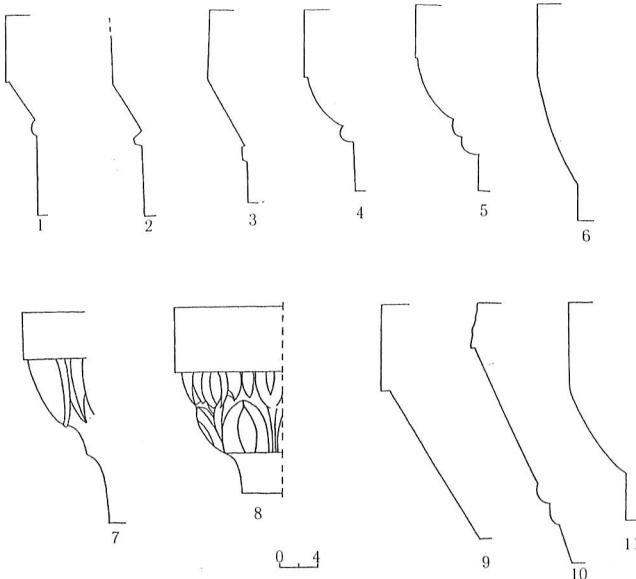

Рис. 1.

Капители дорического ордера II в. до н.э. - I в. н.э. из Херсонеса (1-8), Ольвии (9,10) и Тира (11). Известник.

каннелюр в нижней части) - эти стилевые особенности наиболее точно определяют время появления таких деталей⁷.

Необходимо отметить, что описанные особенности не являются отличительным признаком северо-приморской архитектуры, свидетельствующим о ее "вырождении" или тем более "варваризации", следя давнему выводу А.Н.Карасева об ольвийской архитектуре позднеэллинистического времени⁸. В данном случае, скорее всего, следует говорить об общих тенденциях развития дорического ордера к концу эллинистической эпохи. Эта общая линия хорошо фиксируется по многочисленным известными памятникам Восточного Средиземноморья, включая как центральные области материки Греции, в том числе, и Афины, и острова Эгейского, так и малоазийские центры⁹.

В херсонесской лапидарной коллекции имеются две редкие капители с резным декором по окружности эхина. Их также следует отнести, к самому концу позднеэллинистического времени или, что еще более вероятно, к I в. н.э., о чем свидетельствует как форма деталей, профилировка, так и характер проработки резного декора. Одна из капителей (рис. 1,7) украшена порозкой из ов. Исходный вариант такой детали следует искать в малоазийской архитектуре эллинистического времени¹⁰. Позднее этот декоративный мотив был заимствован римско-дорическим (часто соотносимым и с тосканским) ордером и приобрел значительную популярность в монументальной архитектуре Римской империи. Следует подчеркнуть его необыкновенное широкое распространение именно в северо-восточных провинциях - Фракии, Мезии, Паннонии, Дакии¹¹, откуда, вероятнее всего, и была заимствована капитель с таким декоративным элементом. Другая херсонесская капитель имеет круглый эхин, украшенный двухъярусным рељефным лиственным декором (рис. 1,8). Точную аналогию детали подобрать не удалось, несмотря на то, что сам принцип декориров-

ки тосканской каннелюры листвами аканфа (что и являлось, скорее всего, исходным вариантом для херсонесской детали) был очень популярен в архитектуре Римской империи, особенно Флавиевой эпохи¹².

К сожалению, количество деталей, которые можно уверенно соотнести с самым поздним этапом развития дорического ордера в архитектуре Северного Причерноморья, очень ограничено. Тем не менее, стилистические характеристики херсонесских каннелюр хорошо дополняют детали, датировка которых надежно установлена или на основании эпиграфических данных (дорический архитрав с посвящением царю Аспургу 23 г. н.э.)¹³, или стратиграфических наблюдений, как в случае с упомянутым выше портиком из Ольвии. В результате, можно утверждать о существовании дорического ордера (с отдельными элементами римско-дорического) как целого стилистического направления в развитии северо-причерноморской монументальной архитектуры, скорее всего, только в пределах I в. н.э. В его развитии нашли отражение как позднеэллинистические тенденции (притом, не исключено, что продолжалось и местное стилевое направление, зафиксированное в Северном Причерноморье только в эллинистическое время), так и новые, связанные с проникновением отдельных элементов римской архитектуры. Не менее интересным представляется тот факт, что те, в целом немногочисленные, стилистические влияния, которые можно связать с римской (собственно итальянской) архитектурой, попали в архитектуру Северного Причерноморья опосредованно через балканские провинции Римской империи. Характерно, что все известные в настоящее время архитектурные детали дорического ордера этого времени выполнены из местных известняков. Чистые же формы тосканского ордера, а в данном случае определяющим ордером признаком является только каннелюра, в архитектуре Северного Причерноморья пока не известны.

Коренные изменения в монументальной ордерной архитектуре Херсонеса фиксируются от начала II в. н.э. Активизация строительной деятельности хорошо отражала все изменения, происходившие во внешней политике Херсонеса. Возведение цитадели и необходимого набора сооружений, связанных с функционированием военной администрации, а также культовых построек, было, безусловно, в значительной степени связано с одержимым строительством.

Херсонесский лапидарий обладает обширной и во многих отношениях уникальной для Северного Причерноморья коллекцией архитектурных деталей II-III вв. н.э. В стилистическом отношении она состоит из двух неравных частей. К большей принадлежат детали (порядка 75 % от общего количества), которые можно соотнести с малоазийским стилистическим направлением. Меньшую группу составляют детали, происхождение форм которых связано с нижнедунайским направлением. Отличительной особенностью архитектурных деталей малоазийского стилевого направления является то, что их абсолютное большинство представлено мраморными импортами¹⁴, принадлежавшими двум ордерам - ионическому и коринфскому. Только очень незначительная часть деталей этой группы является продукцией местных камнетесных мастерских. В типологическом отношении детали представлены практически всеми составляющими ордера - от баз до венчающих частей перекрытий. Ранее мною уже были подробно рассмотрены капители коринфского ордера¹⁵, однако в настоящее время мне удалось существенно уточнить их датировку и круг стилистических аналогий, в связи с чем я считаю необходимым вернуться к ним еще раз. Кроме того, большее внимание в этой работе предполагается уделить деталям ионического ордера и немногочисленным элементам перекрытий.

Следует отметить, что определенные сложности возникли уже при первоначальной классификации деталей. Так как почти все они были обнаружены вне строительных комплексов, а для Херсонеса это скорее правило, чем исключение, то точно определить ордерную принадлежность баз (и, в ряде случаев, карнизов) - невозможно. Они могли принадлежать как ионическому, так и коринфскому ордеру.

Базы (13 экземпляров) представлены только мраморными деталями (рис.2,1). Основанием для их датировки первыми веками н.э. служат пропорции, форма профиля, отличающаяся от предыдущего времени, и обязательное наличие вырезанного в монолите плинта. Стандартный профиль состоял из двух полуvalов, причем нижний зачастую имел неправильную форму, двух высоких полочек и глубокой скоски между ними. В целом, эти базы представляют дальнейшее развитие аттического типа эллинистического времени. Повсеместное распространение баз этого типа в архитектуре императорского времени делает поиски конкретных аналогий нерациональным. Од-

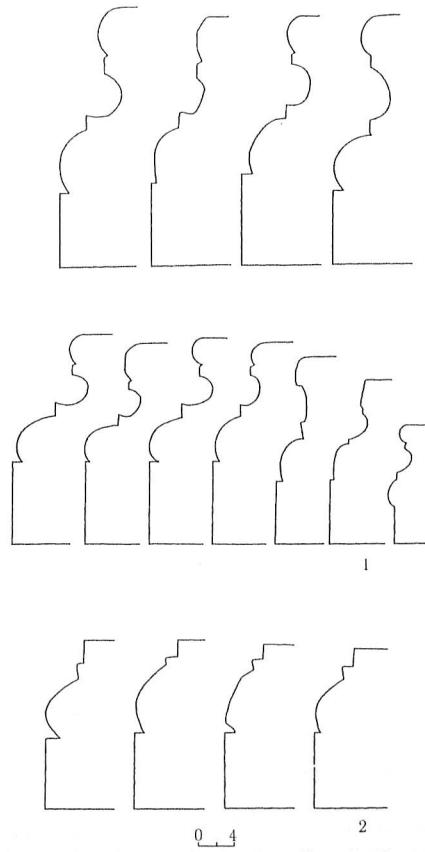

Рис. 2.
Базы ионического ордера из Херсонеса. 1 - мрамор, 2 - известник.

прежде всего - базилик: их многократное повторное использование в раннесредневековое время более чем вероятно.

Капители (15 экземпляров) представлены как привозными мраморными, так и известняковыми деталями местной работы (рис.3; 4; 5). Основанием для их датировки служит, прежде всего, характер прорисовки рельефного декора по главному фасаду и балюстру. Следует отметить, что кол-

нако для данного типа херсонесских деталей хорошим стилистическим и хронологическим индикатором может быть коллекция мраморных баз с аналогичными профилиями из музея Эргали (Гераклеи Понтийской)¹⁶. Необходимо отметить, что коллекция баз указанного типа, известных в настоящее время в Херсонесе, насчитывает намного большее количество экземпляров - часть из них, например, открыта в т.н. Восточной базилике и базилике 1935 г. Скорее всего, этот тип баз продолжал активно использоваться в культовой строительной практике последующей, христианской эпохи.

Фусты представлены 3 цельностволльными (что типично именно для первых веков н.э.) мраморными экземплярами и несколькими фрагментами, надписи на которых свидетельствуют об их принадлежности храму Афродиты. Согласно В.Латышеву, они датируются II в. н.э. Реконструкция четырехколонного портика храма на высоком подиуме (на основании этих деталей и трехфасиевого архитрава с надписью), а также подобраных по размеру ионических капителей из лапидария была предложена в свое время И.Р.Пичиняном¹⁷. Необходимо отметить, что точная датировка и ордерная принадлежность некоторых хранящихся в херсонесском лапидариуме цельноствольных (как мраморных, так и известняковых) фустов также весьма проблематична. То же касается и многочисленных фустов, обнаруженных при раскопках раннесредневековых памятников,

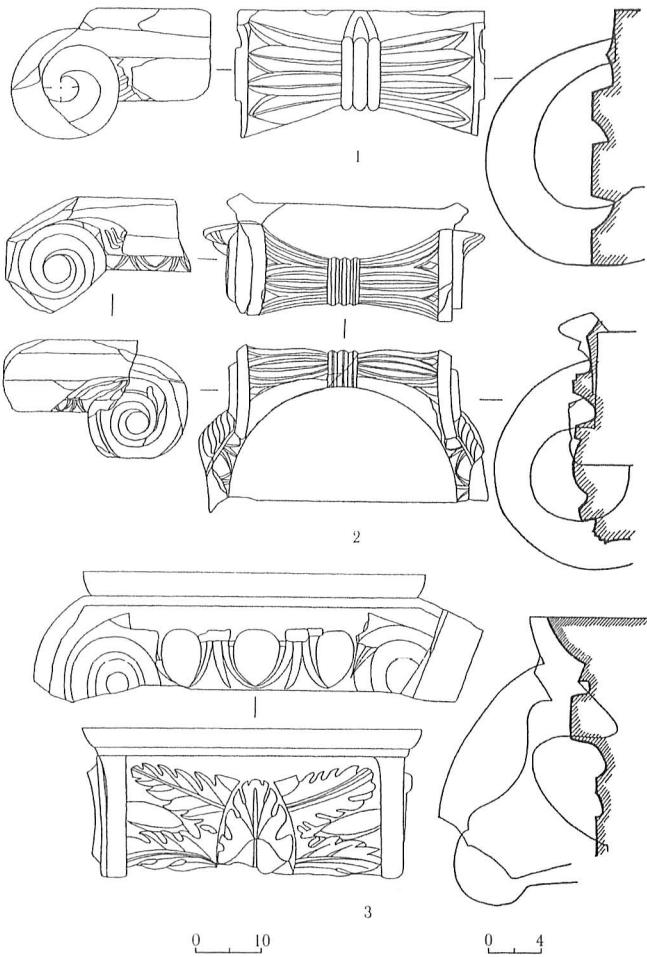

Рис. 3.
Капители ионического ордера из Херсонеса. 1 - известняк, 2, 3 - мрамор.

лекция капителей первых веков н.э. из Херсонеса наиболее выразительна в сравнении со всеми остальными составляющими ионического ордера.

Характер сохранности капителей, однако, таков, что судить о декоре их главных фасадов можно по на основании только двух целых деталей и еще нескольких, расколотых надвое. Тем не менее, очевидно, что все капители имели стандартный декор лицевых фасадов, состоящий из трех ов по эхину. Угловые овы были почти полностью закрыты крупными трехлепестковыми пальметтами с завитками на концах. Общей характерной особенностью мраморных деталей была проработка ов в высоком рельефе. Ленты угловых волют имели в основном уплощенную форму, чаще всего - без дополнительного двойного ремешка, были завернуты в 1,5-3 оборота, имели крупный плоский глазок.

Боковые фасады (балюстры) дают несколько вариантов декоративных решений. Как правило, это был разнообразный декор растительного происхождения, хорошо известный в малоазийской архитектуре ионического ордера еще с эллинистического времени и получивший необыкновенно широкое дальнейшее развитие именно в первые века н.э. Одним из наиболее распространенных был лиственый декор. Самый простой состоял из 3-4 листьев удлиненной первьевидной формы, которые несмогли раскрыться от центрального перехвата. Интересного, что балюстры известикиной капители местной работы (рис.3,1) дают достаточно точную копию мраморной (рис.3,2), несмотря на общие более тяжелые формы и упрощенную прорисовку волют. Этот декоративный мотив был одним из наиболее типичных для малоазийской архитектуры II-III вв. н.э.¹⁸. В Причерноморье он также хорошо известен, прежде всего, в нижнемизийских центрах¹⁹.

Следующий вариант декора представляет расположенные вдоль балюстры листьями аканфа (рис.3,3; 4,1,3,4). В этом случае центральный перехват был решен также в виде аналогичного листа, иногда окаймленного лентой жемчужника. Характерно также то, что в херсонесской архитектуре детали эти известны как в привозном, так и в местном исполнении. Такой декоративный прием был распространен в малоазийской архитектуре во многочисленных вариантах, причем наибольшую популярность он приобрел именно в первой половине II в. н.э.²⁰. Импорт деталей этого типа известен также и для Западного Причерноморья²¹.

Еще несколько крупных фрагментированных капителей из мрамора позволяют судить о разнообразных вариантах декорировок в виде листьев аканфа, расположенных (в различных сочетаниях) параллельно или перпендикулярно балюстре, а также в виде завернутых побегов. Бесконечное разнообразие декоративных приемов, отсутствие единого канона предполагало также и наличие асимметричной проработки балюстр, как в одной из херсонесских капителей (рис.4,2). Декор такого типа был одним из наиболее популярных в малоазийской архитектуре²². Импорт аналогичных мраморных деталей хорошо представлен также материалами Западного Причерноморья²³. Интересная реплика такого декоративного решения известна в ордере храма второй половины I в. н.э. в Гарин (Армения)²⁴.

Помимо листьев аканфа, в декоре балюстр широко использовались и другие элементы декора растительного происхождения. Одна из мраморных херсонесских капителей украшена стилизованным орнаментом в виде побегов растений, завитки которых заканчиваются достаточно схематично прорисованными цветами (рис.4,5). Многочисленные аналогии такому декоративному решению хорошо известны в малоазийской архитектуре II - начала III вв. н.э.²⁵. Своегообразным растительным орнаментом украшена балюстра следующей известняковой капители местного производства - в виде симметрично расположенных стилизованных листьев с крупными завитками на концах (рис.4,6). Интересен и лицевой фасад этой капители с несоразмерно крупными овами по эхину, подчеркнутой "стrelовидной" формой разделительных стрелок и завернутой в три оборота лентой волюты. Капители с аналогичным орнаментом балюстры хорошо известны по материалам Малой Азии, где они датируются в основном II в. н.э.²⁶.

Еще один вариант декора, развивавший эллинистические традиции, представлен орнаментом в виде мелких, расположенных в четыре ряда по балюстру листьев, вырезанных, как правило, в высоком рельефе. Херсонесские капители такого типа известны как в мраморном, привозном варианте, так и вырезаны из местного известняка (рис.5,1,2,3,4). Причем в последнем случае в одной из деталей этот орнамент имеет уже вид стилизованных мелких чешуек (рис.5,2), слабо напоминающих оригинал. Обращает на себя внимание также и волюта одной из известняковых капи-

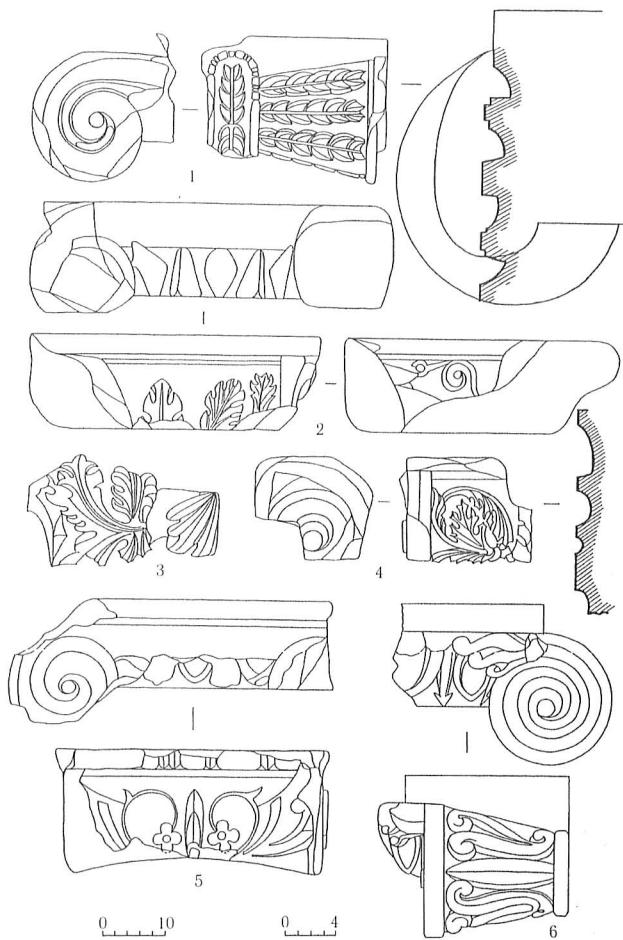

Рис. 4.
Капители ионического ордера из Херсонеса. 1, 6 - известник, 2-5 - мрамор.

телей, завернутая в три оборота (рис.5,1), уже встречавшаяся в другой детали (рис.4,6). В данном случае, наличие мастерской и серийного производства деталей в Херсонесе, по крайней мере, во II в. н.э. сомнений не вызывает. Причем интересно, что копировались именно разнообразные декоративные элементы балястра. Следует подчеркнуть необыкновенную популярность декоративного решения в виде мелких листьев - прежде всего, вероятно, в силу простоты его исполнения. География распространения капителей с таким декором балястр необыкновенно широка - от Греции до Армении, включая Западное Причерноморье - все они, как правило, были связаны с малоазийской архитектурной школой, как в импортном, так и в местном вариантах²⁹.

Помимо капителей, безусловная принадлежность которых малоазийскому стилему направлению (и, прежде всего, пергамской архитектурной школе), сомнений не вызывает, в херсонесской коллекции присутствует одна известняковая деталь, являющаяся, несомненно, местной копией более раннего, эллинистического образца (рис.5,5). Следует отметить, что в качестве таковой была взята капитель аттического типа, о чем свидетельствует гладкая, лишенная декора балястра и двойной, характерный для позднего эллинизма, центральный ремешок. На датировку первыми веками н.э. указывают, однако, три крупные, лишенные разделительных стрелок, овны (причем боковые - полностью закрыты пальметтами) и в целом, общая невыдержанность пропорций главного фасада.

Намного сложнее представляется атрибуция немногочисленных известных к настоящему времени фрагментов перекрытий. Только единичные из них могут быть уверенно соотнесены с ионическим ордером - это фрагменты уже упомянутого трехфасциевого архитрава с надписью, свидетельствующую о его принадлежности храму Афродиты II в. н.э.²⁹, и выносных частей карнизов.

Карнизы с дентикулами вырезаны, как правило, монолитом вместе с венчающей частью из мраморных плит (рис.9,1,2,3). Они имели, в основном, обобщенные, грубо моделированные обломы без рельефного декора, с глубоко врезанными прямоугольной формы сухариками. Такие стилистические признаки характерны только для первых веков н.э. Следует также указать на их типичность для монументальной архитектуры дунайских провинций Империи²⁹. Что же касается других известных фрагментов перекрытий, также вырезанных из мрамора, но обладающих богатой рельефной порезкой, то их, скорее всего, следует относить к коринфскому ордеру (см. ниже).

С нижнедунайским стилистическим направлением в ионическом ордере Херсонеса можно уверенно связать лишь несколько деталей, что, тем не менее, вполне достаточно для его сопоставления с малоазийским. Количественные характеристики здесь играют второстепенную роль - представляется необходимым подчеркнуть, что детали, о которых идет речь, были обнаружены только в последнее десятилетие. Этот факт открывает вполне реальные перспективы и для дальнейшего увеличения количества таких деталей.

Это - базы из известняка, открытые в одном из строительных комплексов цитадели, связанным с функционированием римского гарнизона³⁰. Базы представляют редкий для Херсонеса, но хорошо известный по материалам Мезии и Паннонии упрощенный вариант аттического типа³¹. Он состоял из плиты, получавшей весьма искаженную форму с полочкой и основанием гладкоствольной колонны (рис.2,2). Следует отметить невысокое качество проработки профилей баз. Принадлежность этих деталей ионическому ордеру несколько условна, поскольку такая же неполная форма была характерна и для тосканского ордера, а соответствующие капители обнаружены не были.

Значительный интерес представляют известняковые детали, открытые при исследовании ссыпи тилица Юпитера Долихена в окрестностях Херсонеса (Балаклава). В настоящее время это единственное культовое сооружение в Северном Причерноморье, ордерная принадлежность которого точно определяется по открытой *in situ* базе и обнаруженной в комплексе с ней капителью. К сожалению, натурное знакомство с этими памятниками для меня оказалось недоступным, и поэтому судить о них я могу лишь по авторской публикации³².

Комплекс деталей включал базу аттического типа, два фрагмента фустов и капитель ионического ордера. Если база представляет собой обычный провинциальный вариант, о чем свидетельствует ее профилировка (необычны лишь три выступа на плите), то безусловно интересна капитель. Авторы публикации верно определили зону распространения подобного типа деталей, ограничив его нижнедунайским регионом. Однако вызывает возражение привлечение в качестве основы образования формы тосканского ордера - в данном случае следует говорить не о тосканском влиянии

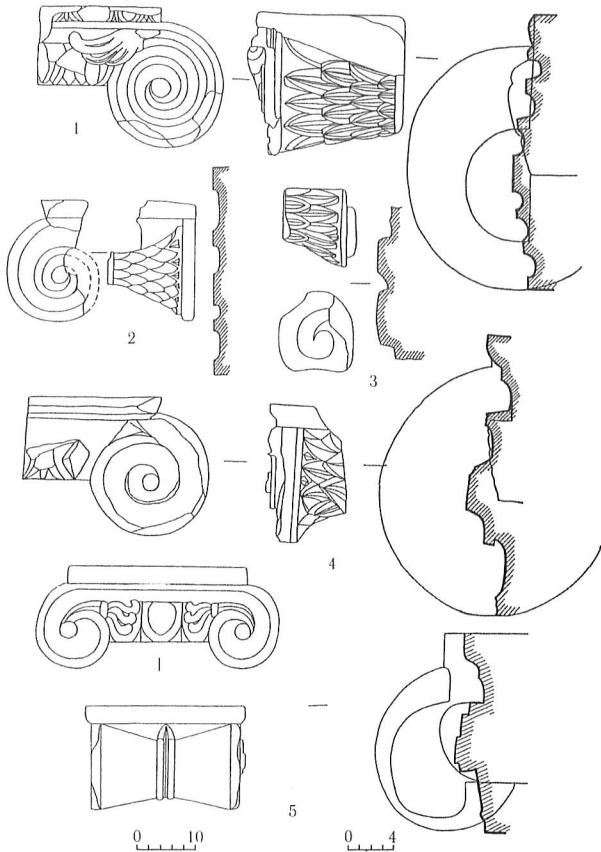
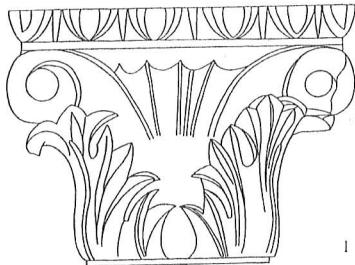
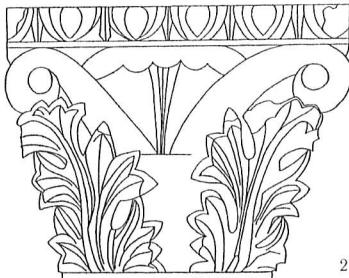

Рис. 5.
Капители ионического ордера из Херсонеса. 1, 3, 4 - мрамор, 2, 5 - известник.

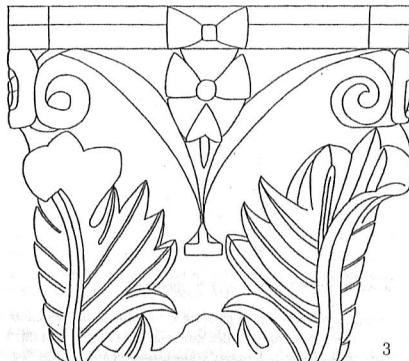
на изначальную трапециевидную форму фасада капители, а, скорее всего, о римско-дорическом. Капители с аналогичным профилем хорошо известны в лапидарных коллекциях городов Нижней Мезин, включая Северо-Западное Причерноморье (Тира и Ольвия). Уникально и своего рода "гибридное" сочетание римско-дорической и ионической капители в одной детали. Ионическая балюстра имеет интересный спиралевидный декор, требующий, однако, поисков не точных аналогий, так как они, скорее всего, отсутствуют, а выяснения происхождения и дальнейшего развития са-

1

2

3

0 4

Рис. 6.

Капители колонн коринфского ордера из Херсонеса. Известняк.

мого декоративного принципа. Спиралевидный орнамент каннелюрней ствительни встречается очень редко - известны всего две капители такого типа, опубликованные О.Бингелем (Сид) и С.Петровой (Никополис на Истре) и датированные серединой - второй половиной II в. н.э.¹³. Они не дают абсолютной аналогии херсонесской капители, но хорошо показывают изначальный вариант происхождения спиралевидного декора балястры как одного из вариантов растительного орнамента. Характерно, что малоазийская деталь мраморная, а западнопонтийская - вырезана из местного известняка.

Необходимо отметить, однако, что невысокое качество опубликованного обмера, отсутствие необходимых разрезов и профилей значительно понижают уровень и информативность опубликованного материала. К сожалению, не соответствует современному уровню знаний о культовой архитектуре первых веков н.э. и предложенный вариант реконструкции фасада в антах арханкоклассической или эзлиннистической схемы (в данном случае, это равнозначно), с трехгранным симметричным декором античных капителей, отсутствием необходимых для античного решения столбов, баз и проч. (при условии, если открытое сооружение следует интерпретировать как храмовую постройку)¹⁴.

Известные к настоящему времени мраморные архитектурные детали коринфского ордера из Херсонеса дают в целом ту же линию стилистического развития, что и рассмотренные выше мраморные детали ионического ордера. Наиболее выразительной в этом отношении является коллекция капителей пилasters. Необходимо отметить, что капители колонн, принадлежащие мраморным импортом, в Херсонесе в настоящее время неизвестны.

Коллекция капителей пилasters (26 экземпляров, включая фрагменты) - самая значительная в Се-

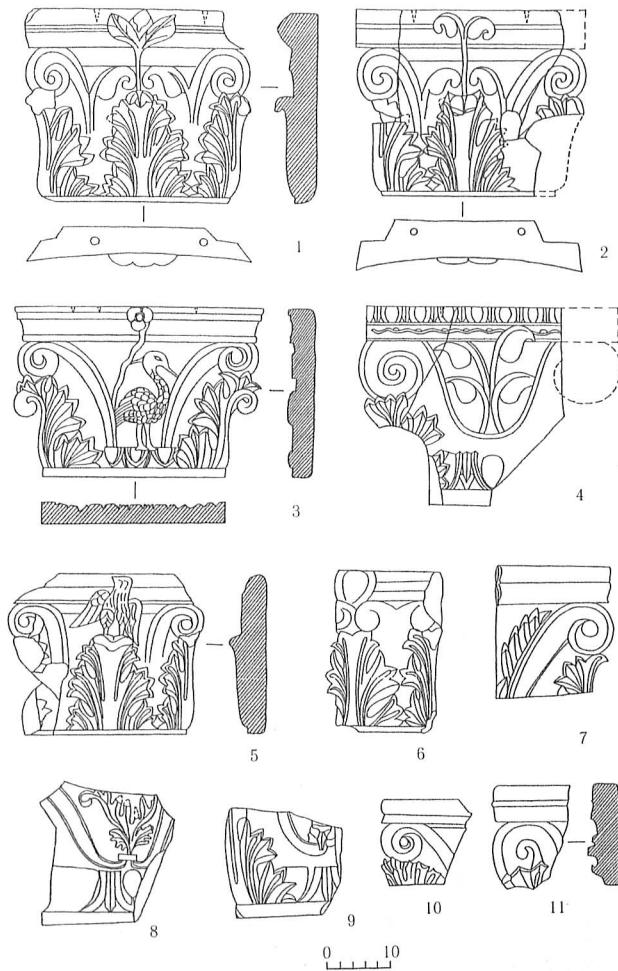

Рис. 7.
Капители пилонов коринфского ордера из Херсонеса. Мрамор.

верном Причерноморье (рис.7). Поскольку подробная классификация этих деталей с привлечением необходимого круга аналогий была предложена мною ранее, то здесь будут представлены кратко лишь основные итоги этой работы, а основное внимание будет уделено именно стилистическим характеристикам деталей. Все они без исключений принадлежат продукции малоазийских мастерских. В данном случае стилистическая принадлежность деталей безошибочно определяется по своим своеобразной манере прорисовки листа аканфа и общему композиционному построению капителей.

Разнообразие декоративных решений и вариантов их взаимосочетаний превратило массовую ремесленную продукцию, процветавшую во II в. н.э. (особенно во времена Траяна - Адриана в Малой Азии), по образному выражению М.Фишера, в art-industry¹⁵. Самое широкое использование растительного декора, зоо- и антропоморфных сюжетов практически исключило вероятность их повторения. Как правило, капители небольших размеров использовались в интерьерах жилых и общественных сооружений. Характерно абсолютно отсутствие их местных реплик из известняков. Такие детали являлись доходной статьей импорта и своеобразным индикатором официальной архитектурной "моды" - археологи ее распространение необыкновенно широк и охватывает практически все Восточное Средиземноморье и Черноморский бассейн¹⁶. Датировка почти всех капителей пилasters практически равномерно укладывается во II (от начала правления Адриана) - начало III в. н.э. (до раних Северов). Однако среди них имеется несколько фрагментированных капителей, которые в настоящее время можно уверенно датировать более поздним временем. Их отличительным признаком являются достаточно схематично проработанные центральные волюты, симметрично расходящиеся от центральных каналов и соединенные с угловыми только непосредственно под абаком. Хорошим хронологическим указателем является манера прорисовки листа аканфа - по-прежнему пятидольного, каждая из боковых долей которого состоит, однако, уже не из четырех, а из трех перьев. Стилистически такой детали наиболее близки, хотя и не являются полными аналогами, позднеизических капители из Малой Азии конца III - начала V вв. н.э.¹⁷.

К продукции тех же малоазийских мастерских принадлежат еще две большие капители столбов прямоугольной формы (рис.8,1,2), венчавшие, вероятнее всего, монументальные парадные входы типа пропилей. Одна из капителей (рис.8,1) была обнаружена на средневековом городище Эски-Кермен, куда она попала, вероятнее всего, из находящегося относительно недалеко Херсонеса¹⁸. Капитель имеет два симметричных лицевых (линзинных) фасада, содержащих рельефный декор, и торцовые, обработанные лишь специальным инструментом типа троянки. Лицевые фасады имеют характерную для капителей колонн коринфского ордера стандартную композицию - развернутые по плоскости два ряда листьев аканфа. Два листа обрамляют нижний ряд, верхний содержит три листа. По обе стороны от центрального листа расходились чашечки, поддерживающие угловые (не сохранившиеся) волюты. Центр фасада акцентирован волнистым стеблем - его окончание на абаке также не сохранилось.

Оригинальная манера обработки торцов фасадов капители дает возможность предположить, что те не были закончены преднамеренно, а капитель была привезена в Херсонес в качестве полуфабриката. Импорт мраморных полуфабрикатов в так называемых "экспортных формах" из малоазийских мастерских (в частности, из Проконнеса) широко известен для II - III вв. н.э. И несмотря на то, что, вплоть до настоящего времени, импорт незаконченных мраморных деталей в пределах Средиземноморского бассейна был широко представлен в основном саркофагами, география распространения незаконченных капителей коринфского ордера не менее значительна¹⁹. Нельзя полностью исключать, что двухсторонняя ее обработка только лицевых фасадов, как и вытнутая прямоугольная форма самой детали, свидетельствует о том, что деталь эта венчала, вероятнее всего, монументальную опору во входном проеме типа пропилей. Характер прорисовки листа аканфа достаточно надежно позволяет датировать капитель в пределах II в. н.э. и стилистически связать ее с малоазийским кругом памятников. Абсолютное аналогию капители из Эски-Кермена подобрать не удалось, несмотря на то, что сам принцип использования прямоугольных капителей коринфского ордера в качестве внутренних опор хорошо известен.

К деталям такого же типа принадлежала и вторая капитель из Херсонеса (рис.8,2). Несмотря на плохую сохранность (невозможно даже наверняка утверждать, венчала эта капитель ант или прямоугольный столб), очевидно, что она принадлежала и к типу так называемых фигурных капителей с асимметричными боковыми фасадами. Ее декоративная композиция включала, помимо

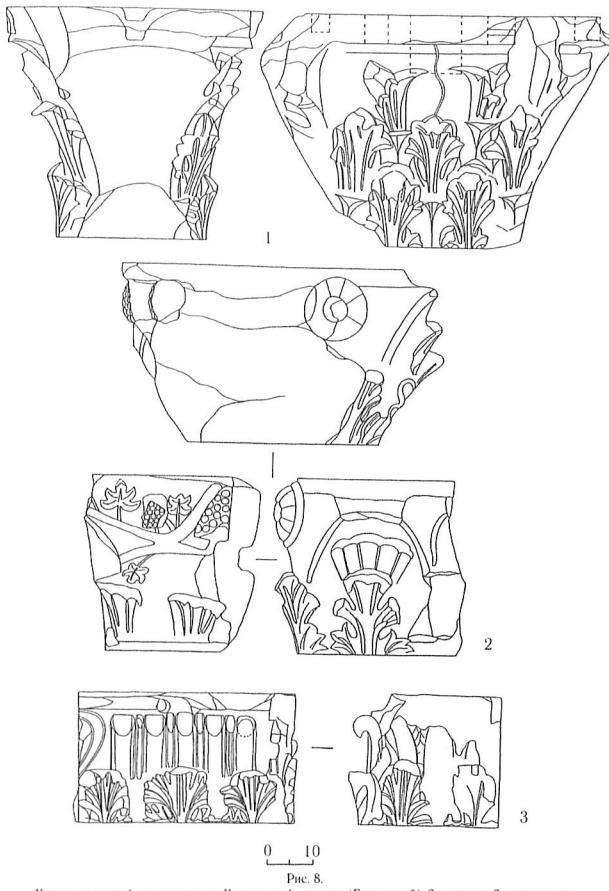

Рис. 8.

Капители коринфского ордера из Хераклеополя. 1 - мрамор (Бахчисарай), 2 - мрамор, 3 - известник.
обязательных листьев аканфа и, вероятнее всего, волют, еще и виноградную лозу с листьями и гроздями, крупную розетту (?) и мотив из пяти листьев-трубок. По длинному фасаду капители располагалася один ряд листьев аканфа, состоявший, очевидно, из одного полного и двух половинных угловых. Аналогии этой капитали мне также остались неизвестны. Характер прорисовки листьев аканфа, даже при наличии значительных повреждений, тем не менее, уверенно указывает на малазийское происхождение детали.

Херсонесская лапидарная коллекция содержит еще одну редкую антикую пальмовидную капитель (рис.8,3), выполненную из местного известняка и представленную в северопричерноморской архитектуре пока в единственном экземпляре. Она имеет прямоугольный план, ее длинный (лицевой) фасад украшен девятью прямыми, загнутыми в верхней части, чередующимися узкими и широкими листьями-трубками. Низ капители декорирован тремя полными листьями аканфа, рельефное изображение по центру абаки не сохранилось. Правый боковой фасад имеет два полных листа аканфа по нижнему ряду, характер же завершения его верхней части - неясен. Стилистические особенности капители, заключающиеся в сочетании аканфа и листьев-трубок, имеющих характерную округлую форму завершения, позволяют ограничить поиски исходной формы детали рамками пергамской школы II в. н.э. Именно для последней характерна форма пальмовидной капители с округлым завершением выпуклых наружу листьев, плоским или слегка выпуклым их основанием¹⁰. Наиболее близкие, хотя и не абсолютные аналогии форме и декору детали известны в пергамском Траинеуме¹¹, что делает датировку херсонесской капители первой половиной II в. н.э. вполне вероятной. Античная известняковая капитель (?) аналогичного плана (правда, без обрамляющего ряда листьев аканфа) мне известна в Пантикапее.

Необходимо отметить, что при всей схожести понтийских пальмовидных капителей с деталями пергамского стилистического направления, они имеют и некоторое отличие, позволяющее говорить о пергамском влиянии с некоторой долей осторожности. Манера прорисовки указанного декоративного мотива распространялась на различные центры Малой Азии. Как правило, она всегда дает единый устойчивый декоративный принцип расположения листьев-трубок, причем это не зависит от формы капители - круглой или прямоугольной. Все они, без исключения, имеют одинаковую ширину и плотно примыкают один к другому. Херсонесская капитель (равно, как и пантакийская) содержит между широкими листьями дополнительный узкий лист-прожилку, что нетипично для деталей собственно пергамского круга. Тем не менее, такой декоративный прием известен в пальмовидных капителях из Лептис-Магната (Триполитания). Дж.Хард-Перкинс нашел им достаточно близкие аналогии в капителях из Западного Причерноморья - Одессоса и Миццианополя¹². Указанный декоративный прием в виде листьев-трубок широко представлен и в официальной архитектуре римских императорских Рима вплоть до эпохи Антонинов. При этом интересно, что там этот декоративный прием получил большее распространение не в капителях, а среди декоративных элементов фризов¹³. В целом, система взаимодействий и взаимопроникновений декоративных элементов малоазийской и римской архитектуры в конце I - первой половине II в. н.э. была достаточно сложной и носила, скорее всего, двусторонний характер. Нельзя исключать, что и этот декоративный мотив, заимствованный императорской архитектурой из Малой Азии, получил в Риме дальнейшее развитие и в новом варианте вернулся затем на Восток. Тогда вполне вероятным представляется предположение о наличии еще какого-то малоазийского центра, производившего пальмовидные капители под несомненным влиянием архитектуры Пергама (и опосредованно через Рим) и обслуживавшего средиземноморский и черноморский рынки сбыта¹⁴. Вполне возможно, что таким центром был Эфес, откуда также происходят капители колонн с аналогичной манерой чередования широких и узких листьев¹⁵. Не исключено, что капитель из Херсонеса представляла собой гибридный вариант стилистических заимствований из пергамской и эфесской архитектуры, выполненный на месте и потому не имеющий прямых аналогов.

Немногочисленные фрагменты перекрытий представлены двумя архитравами, фризом и карнизом (рис.9,4,5,6,7). Все детали вырезаны из мрамора; по своим стилистическим особенностям, прежде всего, манере прорисовки рельефного декора (аканфа, жемчужника, киматия), также принадлежат продукции малоазийских мастерских. Для архитравов их принадлежность конкретному ордеру (коринфскому или ионическому) несколько условна, достаточно широка и их датировка, в соответствии со стилистическими особенностями прорисовки жемчужника, в пределах второй половины II - первой половины III вв. н.э. Более интересен фриз, центральное рельефное поле которого содержит типичный растительный орнамент (т.н. Rankenfries), обрамленный симметрично расположенным ионийским киматием, а в верхней части - еще и линией лесбийского киматия. Характер и изобразительная манера рельефного декора дают возможность отнести его к типу *Rankenfries*. Несмотря на то, что рельефная поверхность фриза имеет значительные искажения в результате длительного воздействия морской воды, его стилистическая принадлежность кругу ма-

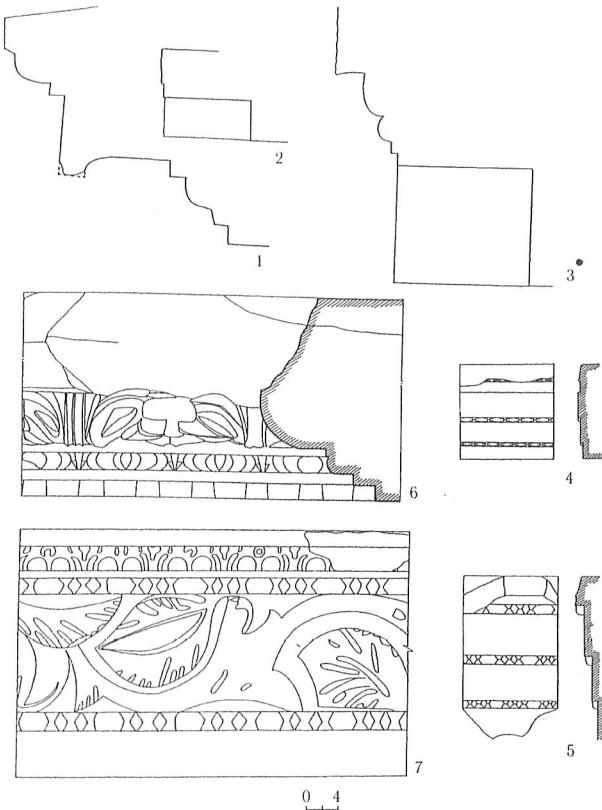

Рис. 9.
Архитравы, фризы и карнизы ионического и коринфского ордеров из Херсонеса. Мрамор.

лоазийских памятников определяется с достаточно высокой степенью надежности. Наиболее близким ему является фриз перекрытия внутреннего ордера мавзолея из западного некрополя Сидла, продатированый второй половиной III в. н.э.⁶. Характерной особенностью последнего является то, что растительный орнамент фриза представлен уже не растительным элементом, состоящим из завернутых внутрь характерных завитков, типичных для более раннего времени, а волноподобно расположенным основным стержнем без дополнительных ответвлений, между изгибами которого размещался, как правило, один лист аканфа. Лист аканфа обработан с помощью сверла (тип "feingezahnte Akanthus")⁷. Вероятнее всего, близким временем следует датировать и херсонесский фриз.

Мраморный карниз из Херсонеса принадлежит типу плоских перекрытий, состоит из мелких зубцов и ленты ионийского киматия в основании. Несмотря на повреждения в венчающей части, очевидно, что она была украшена крупными листьями аканфа. Аналогии этому карнизу, как представляется, можно ограничить достаточно поздним кругом малоазийских памятников, исходя как из общих пропорций детали, так и деградирующей манеры прорисовки ионийского киматия. Подобная манера трактовки киматия со значительно отодвинутыми от обеих листочками в сочетании со стреловидными разделяющими стержнями наблюдается в упоминавшемся выше мавзолее из Сиде и ряде других сооружений второй половины III в. н.э.¹⁸

Мраморный угловой фрагмент фронтона с угловым выступом-ризалитом декорирован лентой ионийского киматия у основания и вдоль ската фронтона. Перекрытие фронтона завершалось симмой с анфемией в виде прямой и обратной пальметт. Отсутствие всех необходимых составляющих элементов перекрытия, например, ленты, горизонтальной симмы, разделяющих ленты киматия, свидетельствует о сугубо декоративном назначении фронтона, покрывающего, вероятно, небольшую эндоцлу (не исключено, что и в интерьере). Согласно стилистическим признакам, встречавшимся в описанных выше деталях (и прежде всего, манере прорисовки киматия со стреловидным завершением разделяющих листочек и анфемии), фрагмент фронтона следует датировать не ранее III в. н.э.

Коллекция перекрытий коринфского ордера будет неполной без комплекса мраморных карнизов (рис. 10). К настоящему времени в Херсонесе их известно более двух десятков - больше, чем в остальных городах Северного Причерноморья вместе взятых. Они - так же, как и капители пилястр - использовались в интерьерах. Вместе с пилястрами, базами и облицовочными плитками стен из белого или цветного мрамора они завершали декор интерьеров. К сожалению, ни базы, ни пилястры, за исключением двух мелких канелированных фрагментов из Тиры, в городах Северного Причерноморья мне пока не известны. Херсонесские карнизы хорошо дополняют информацию о декоре интерьеров. Как правило, они имеют стандартные (очень небольшие) размеры и профилировку. Последняя состоит из венчающей полочки (как варанд - склоненной внутрь, трансформированной в полу- или трехчетвертной вал) и киматия, акцентированного уступом с одной (нижней) или двух сторон. Поскольку такие детали обычно представляют собой одну из самых массивных категорий мраморного архитектурно-строительного декора, они достаточно редко заслуживают публикации. В отношении причерноморских памятников они представляют интерес в связи с общей проблемой импорта мраморных декорировок интерьеров. Их находки сопровождают памятники как гражданского характера, так и сооружения общественного назначения, связанные с функционированием римской администрации¹⁹.

Значительный интерес для исследования северопричерноморского коринфского ордера previous centuries н.э. представляют херсонесские известняковые капители колонн (рис.б) полной или неполной схемы. Капитель полной схемы (Рис. б.1) состоит из колокола, обрамленного двумя рядами листьев аканфа, с выходящими из чащечек угловыми и центральными волютами. Внутренняя сторона каналов волют украшена листьями аканфа. От верхнего листа аканфа к завиткам волют поднимается волнистый стебель, который в нормальных диагональных капителях обычно заканчивается цветочным мотивом. Но в херсонесской капители последний отсутствует - абаек имеет выступы-ризалиты по центру каждого из фасадов, поддержанные снизу центральными волютами. Очевидно, что общий пропорциональный строй не до конца выдержан, что несколько отличает ее от канонической капители полной схемы по Витрувию²⁰. Отсутствие центральных стеблей, которые обычно поддерживают чащечки с расходящимися волютами, привело к тому, что чащечки эти оказались опущенными ниже линии верхнего ряда аканфа. В результате, кольцо из листьев аканфа, окружающее калаф, занимает в высоту не 3/5, соответственно Витрувию, а 2/3 общей высоты капители.

Композиция фасадов, а также стилистические признаки херсонесской детали - манера прорисовки листьев аканфа и завитков волют с листевенным декором, наличие ризалитов по абаек, отсутствие чащечек - находят близкайшие аналогии в группе капителей местного производства из Паннонии - Аквилея и Каринтиума, особенно тех, которые датируются III - началом IV в. н.э.²¹. Некоторые отличия можно видеть в том, что на паннонских капителях этого типа ризалиты на абаек заканчивались цветком или каким-либо другим фигуриным изображением, и том, что раститель-

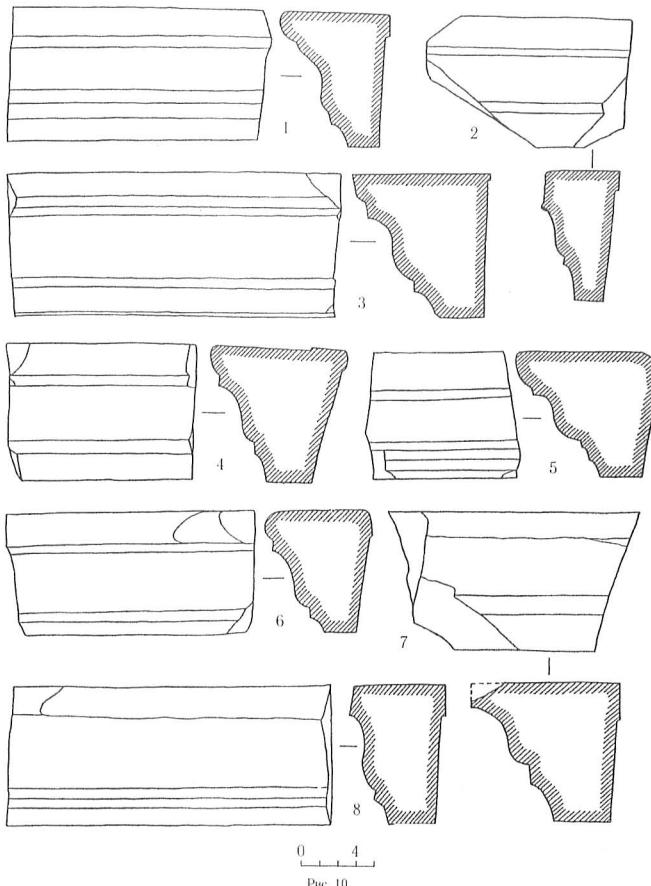

Рис. 10.
Карнизы коринфского ордера из Херсонеса. Мрамор.

тельный декор украшал каналы как угловых, так и центральных волют. Еще К.Рогачевским на большом сравнительном материале было прослежено развитие этого декоративного мотива в коринфских капителях Италии, получившего особенное распространение, начиная от ранней императорской эпохи. Это позволило ему выделить такие детали в особый тип капителей "с растительными волютами" (Kapitelle mit pflanzlichen Voluten).¹²

Представляется, что неполный набор составляющих декоративных элементов херсонесской капители, приведший к нарушению канонических пропорций, может служить, помимо стилистиче-

ских признаков, и определенным хронологическим индикатором. Капители, в которых отсутствуют не только стебли, но и сами чашечки, а волюты начинаются непосредственно от верха аканфового ряда, в принципе характерны для коринфского ордера позднеантичного времени. Такая локальная (провинциально-римская) группа коринфских капителей выделена и по материалам Далматии. Указанные капители, хорошо представленные в архитектурном комплексе дворца Диоклита в Сплалато, датируются вплоть до середины IV в. н.э.⁵³. Исходя из перечисленных признаков, херсонесскую капитель, вероятнее всего, также следует датировать в пределах второй половины конца III - начала-первой половины IV в. н.э., относя ее к местному производству, выполненному под несомненным влиянием архитектуры балкано-дунайских провинций Римской империи.

Следующие два известниковые капители (рис.6, 1-2) принадлежат коринфизированному типу четырехлистных капителей полной схемы, имеют практически идентичные размеры и характер прорисовки отдельных элементов. Калаф (капителей окружен на основании четырьмя листьями аканфа, нижние доли которых соприкасаются). Кроме того, аканф в обеих деталях имеет разный характер прорисовки. Объединяет их то, что каждая из долей в обоих листьях состоит из трех первьев. Листья аканфа поддерживают выходящие из центра фасадов угловые волюты с плоским центральным глазком. Между каналами волют имеется стилизованный растительный декор. Абаки, имеющие слабый прогиб, декорированы ионийским киматием с бордюрами по каждому из фасадов. Характер прорисовки листьев аканфа стилистически сближает капитель с образцами малоазийского происхождения. Основой для датировки херсонесских капителей временем не ранее конца III - IV в. н.э. служат их общие пропорции и композиция фасадов, обладающих значительным выносом угловых волют и минимальным прогибом абаки. Кроме того, на позднее происхождение капителей указывает и манера прорисовки листьев аканфа. Характерная трехчастная структура листа не выдержана для каждой из его долей, средние части листьев уже практически нерасщепленены с верхними и не имеют промежуточных глазков.

В этом плане интересным представляется сравнение херсонесских капителей с деталями, являющимися, своего рода, их ограничителями в хронологическом ряду. С одной стороны, это - четырехлистная капитель из Экусса (Мезия), которая, согласно своим стилистическим особенностям, надежно датируется концом II - самым началом III в. н.э.⁵⁴. Деталь имеет вытянутый 7-дольный лист аканфа из 4-5 первьев в каждой доле, диагональную абаку, изогнутый центральный стебель с растительным мотивом. С другой стороны, это - позднеантичные четырехлистные капители, особенно капитель, датирующаяся началом V в. из Сплалато, имеющая пропорциональный строй, подобный херсонесским капителям. Однако, капитель эта имеет значительно более плоскостной характер прорисовки аканфа, его средняя доля соединена с центральной и не имеет центрального глазка⁵⁵.

Третья четырехлистная капитель (рис.6,3) стилистически близка двум вышеописанным деталям. Она обладает своеобразной манерой прорисовки листьев аканфа, вырезанных в невысоком рельефе, формой угловых волют, начинающихся в центре фасада, а также характером декора абаки и верхней части калафа в виде расположенные один над другим стилизованных четырехлепестковых цветов. Лист аканфа имеет уже достаточно условное членение на отдельные доли, состоящие из четырех первьев, каждая грань листа вырезана отдельно, начинаясь у центральной прожилки. Последняя особенность, как представляется, и определяет время появления капители. Она также датируется достаточно поздним временем - в пределах IV в. н.э., находя близкие (хотя и не абсолютные) аналогии в манере прорисовки аканфового декора капителей из Паннонии и Далматии, относящихся к началу IV - V вв. н.э.⁵⁶.

В целом, коллекция деталей из Херсонеса позволяет уверенно говорить о перенесении провинциально-римских (малоазийских) стандартов как монументальной архитектуры, так и малых форм, в северопричерноморский регион с начала II в. н.э. - эта политика была особенно ощущимой во времена Траяна - Адриана. Малоазийская архитектурная школа не только диктовала определенный эстетический подход к архитектуре общественных (гражданских и культовых), возможно, и жилых сооружений. В новых условиях и быстрых темпах строительства импорт мраморных деталей зачастую был намного более выгодным, чем их местное производство⁵⁷. Не менее интересно и то, что те немногочисленные архитектурные детали, которые принадлежат местному производству, как правило, являются достаточно грамотными копиями малоазийских образцов. Превалирование

этой школы в архитектуре Херсонеса во II, а, возможно, и в первой половине III в. н.э. очевидно.

Вторая половина III в. представлена единичными мраморными деталями - это единственный северопричерноморский центр, в котором в настоящее время известны мраморные импорты. Этот факт также вполне объясняет новой политической и экономической ситуацией, связанной с усилившимся варварским давлением на границы Римской империи. Археологические материалы, литературные и эпиграфические источники свидетельствуют не только о континуитете городской жизни, но также о наличии в нем постоянного религиозного и военного представительства, начиная от времени Константина. Исследование архитектурных деталей, датировка которых укладывается в рамки позднеантичного периода, с моей точки зрения, реально свидетельствует о строительстве культовых сооружений с использованием коринфского ордера - не исключено, что уже имеющих отношение к и новой, христианской религии. Малочисленность этих деталей и местный характер их производства, к тому же, резко отделены от новой волны массового импорта проконесских архитектурных деталей, связанных с эпохой христианского культового строительства, развернувшегося в средневековом Херсонесе после Юстиниана. Необходимо специально отметить, что вопрос о наличии строительной деятельности в IV - V вв., которые в историографии Херсонеса недаром называются "темными веками", является значительной проблемой в археологическом изучении памятника. В настоящее время известны только немногочисленные погребальные комплексы, которые можно уверенно продатировать IV в. и связать с христианской общиной. Строительные остатки этого времени в городе отсутствуют¹⁸. Не меньший интерес представляет также то, что в стилистическом отношении детали позднеантичного времени представлены исключительно балканским направлением в развитии коринфского ордера. Ионический ордер не выходит за пределы первой половины III в. н.э. и представлен только деталями, отражающими малоазийское стилевое направление. Именно такое взимосочетание стилей в монументальной архитектуре Херсонеса первых веков н.э. и определяет, с моей точки зрения, ее своеобразие на фоне остальных городов причерноморского региона.

Примечания

1. Проблеме контактов городов Северного Причерноморья с Римом посвящено обширное количество литературы, поэтому здесь целесообразно упомянуть лишь специальные исследования по отдельным центрам с соответствующей подборкой библиографии: Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. К., 1994; Сон Н.А. Тара римского времени. К., 1992; Крашинова В.В. Омниа. Материальная культура в первые века нашей эры. К., 1993.
2. Подробнее общую характеристику градостроительной ситуации в городах Северного Причерноморья в первые века н. э. см.: Крыжанский С.Д. Римские традиции и местобурганизм в архитектуре античных городов Панонского Причерноморья //Археология. 1989. I. - С.47 сл.; Крыжанский С.Д. Архитектура античных городов Северного Причерноморья. К., 1993.
3. Полная синхронизация известных по эпиграфическим данным сооружений первых веков н.э. (по состоянию на начало 1980-х гг.) приведена: Пачинки И.Р. Малая Азия - Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. - С.223 сл.
4. IOSPE II 181. Интерпретация надписи предложена - Крашинова В.В., Буйских А.В. Предварительные итоги исследования яго-источниковой части Верхнего города Ольвы (1982-1996) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Матер. междунар. конф. Одесса, 1997. - С.123-124.
5. Sarmowski T., Savelja O.Ja. Das Dolichenus von Balaklava und die römischen Streitkräfte auf der Südkrim //Archaeologia. CLIX. 1998. - S.26-30; Sarmowski T., Savelja O.Ja. Balaklava. Römische Militärlösung und Heiligtum des Jupiter Dolichenus. Würzburg, 2000.
6. Более подробно критический обзор известных и отечественной литературы реконструкций ордерных (культурных) сооружений, в том числе и первых веков н.э. см.: Крыжанский С.Д., Буйских А.В. Античные храмы Северного Причерноморья // М.Лизард (ред.). Богочестие на Понти. Варна, 1998.-С.76 сл.
7. Буйских А.В. Некоторые проблемы изучения дорического ордера Херсонеса //ХСБ VII. 1996. - С. 54-55; Крыжанский С.Д. Архитектура..., с.189 сл.
8. Каракас А.Н. Архитектура //Античные города Северного Причерноморья. М., 1953. - С. 194-195. Вывод о "парасигнатических" тенденциях в развитии северопричерноморской архитектуры был сделан преимущественно на примере ордера жилых домов.
9. Vaslaris Ch. Das dorische Kapitell in der hellenistisch-römischer Zeit im östlichen Mittelmeerraum. Wien, 1987. - Kap.II, 4 f. abb.44,55,58,105,B.114; Müller K. Hellenistische Architekturglieder im Heraion von Samos //AthMitt. Bd. 109. 1994. - S.206-210, abb.5, 8; Lawrence A.W. Greek Architecture. Harmondsworth, 1967. - Fig. 17 a.
10. Milet, I, 7. -Abb.182-183.
11. Петровић С. Типологија и особености на римско-доријска капитела и Мизии и в Тракија //Археологија. 1990. Кн.3. - С. 13-14, обр.8; Kiss A. Römisches Architekturelemente und Ornamentik in Ungarn. Budapest, 1987. - Taf.26,6; Alciu D. Ordine architectonice la Ulpia Traiana Sarmizegetusa // Apulum. XIX. 1981. - Pl.III, 1,2;

- Barnedes M. Capiteli romani din Dacia Intracarpatica // *Sarmatia*. XIII, 1977. - Fig.II, 1-4, III, 1-4, IV,1a; Barned Al., Albu L.P. Pieze de sculptura arhitectonica romane din colectia Muzeului Judecătării Hunedoara-Deva // *Sarmatia*. X, 1973. - Fig.1,2, 2,1-2, 3; V.I.Visinescu. Pieze sculpturale si epigrafice in colectia muzeului de istorie si arheologie din Tâlcea // *Pense IX*. 1984.-Fig.27,31,32.
12. Рончеслав К. Художественные мотивы в фризах римского зодчества. Рига, 1905. I. - С. 30-31, фас.42,44.
13. Найдис - КНБ 39. Реконструкция портика см.: Бланшетт В.Д. Справочное дело Пантиканиса по динамике раскопок 1945-1949 и 1952-1953 гг. // МИА. 1957. 56. - Рис. 26, 2.
14. Заключение о принадлежности архитектурных деталей из Херсонеса к малоазийским импортным основанием исключительно на их стилистических характеристиках. К сожалению, анализ херсонесских храмов первых веков н.э. с целью определения их месторождений (так же, как и аналогичных деталей из других городов Северного Причерноморья) никогда не производился.
15. Ердикис А.В. Коринфский ордер и античной архитектуре Пицундского Причерноморья // Архитектура спадици-и України. К,1995. 2. - С. 14 ца.
16. Hoepfner W. Herakleia Pontike- Eregi. Wien,1966. -S.69, Abb.26.
17. Фрагменты колонн с надписями - IOSPE II 441-447. Реконструкция фасада храма и ее обоснование - Пачкин И. Р. Ук.соч., с.249-259, рис.94-95. Критический разбор этой же реконструкции Крикцикский С.Д., Буйских А.В. Ук.соч., с.84; Крикцикский С.Д. Архитектура..., с.191-193.
18. Bingöl O. Das Ionische Normaltempel in hellenistischer und römischer Zeit in Kleinasiens // IstMitt. Heft 20. 1980. - Таб.25, 26.
19. Петрова С. Римско-йонийски капители от Миена и Тракия (I-IV вв.). София, 1996. - Табл. В, 3,10,14,20; Дусек Р. Две копии южнобалканских (1981, 1983) на територии вадецианитум // Науенция. 1991. 2. -S.85, рис.6.
20. Bingöl O. Op.cit., N 52, 88, 164, 220, 296, таб.26, 29, 30.
21. Петрова С. Римско-йонийски капители..., табл.VII, 5, VIII, 11,18.
22. Bingöl O. Op.cit., N 1, 4, 39, 48, 56, 66, табл.32, 32, 39.
23. Петрова С. Римско-йонийски капители..., табл.III, 33.
24. Санин С.А. Архитектура античных сооружений Гирии. Ереван, 1988. - Табл.39, 406.
25. Bingöl O. Op.cit., N 18, таб.39; N 278, 279, 280, таб.40; Koenigs W., Radt W. Ein Kaiserzeitlicher Rundbau (Möpentempel) in Pergamon // IstMitt. Bd.29, 1979. - Таб.116, 3.
26. Bingöl O. Op.cit., N 162, 240, 259, таб.35.
27. Pachstein E. Das ionische Kapitell. Berlin, 1.887. - S.22, 23, abb.1 5, 15a; Dörner E. K., Hoepfner W. Vorläufiger Bericht über eine Reise in Bythynien 1961 // AA. 1962. 2. - S.586, abb. 10; Bingöl O. Op.cit., N 1-39, 199, таб.2; Saucis-Savcencu T. Callatis. I-er гардон preliminare //Duda. 1924. I. P.121, таб.20; Петрова С. Римско-йонийски капители..., табл.IV, 34; VI, 4; Санин С.А. Ук.соч., С. 2-23, табл.34 6, 35 а.
28. IOSPE, II 440. Архитрав был использован И.Р.Пачкиным в реконструкции главного портика храма Афродиты. Однако, согласно мнению С.Д.Крикцикского, этот архитрав, исходя из его прочностных характеристик, пригоден для перекрывания проемов штукатурными, предложенным И.Р.Пачкиным, и выдерживать со временем нагрузку - Крикцикский С.Д. Архитектура..., с. 191-193.
29. Ertel C. Römische Architektur in Syrien-Palast. Wien, 1991.-Таб.20, 21; Alten D. Op.cit., pl.VII, 1,2; Kiss A. Op.cit., таб.15, 16.
30. Антонина И.А. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1991 г.//Научный архив ХГИАЭ, №3105, стр. 17-18; №3106, рис. 19,20,21; Антонина И.А. Отчет о раскопках в 1992 г.//Научный архив ХГИАЭ, №3365, с. 19-20, №3366, рис. 27,28,29,30.
31. Kiss A. Op.cit., таб.1, N 7,8,9, таб.3, N 3, таб.5, N 12, таб.12, N 6,7,10.
32. Sarnowski T., Savelja O.Ja. Das Dodekaneum, s.26-30, abb.12,15; Sarnowski T., Savelja O.Ja. Balaklava, s.44ff.
33. Bingöl O. Op.cit., N 290; Петрова С. Римско-йонийски капители..., табл. IX, 24.
34. В данном случае, считают неизвестными присоединенные к апофеозе обоснованной критике относительно реконструкции балаклавского согрэзения в качестве храма в антах - подобно см.: Крикцикский С.Д., Зубар В.М. До памятника по реконструкции храму Юпитера Долихена на территории сучасної Балаклави //Археологія. 1. 2000. -С.19 ца.
35. Fischer M. Figured Capitals in Roman Palestine: marble imports and local stones: some aspects of "Imperial" and "Provincial" art // AA. 1991. I.-P.142.
36. Rohmann J. Die Kapitellproduktion der römischen Kaiserzeit in Pergamon. Berlin-New York, 1998. - S. 107 ff, таб.50; Fisher E. Das korinthische Kapitell im alten Israel in der hellenistischen und römischen Periode. Mainz-am-Rhein, 1990; Fischer M. Marble, Urbanism and Ideology in Roman Palestine: the Caesarea Maritima Example //Caesarea Maritima. Leiden-New York-Köln, 1996. -P.251-252; Бобчев С.И. Римско-коринтски от югоизточна и северна България и мисти-то им и религиозно на римско-коринтски капител // НАН. XXXII, 1970. - С.91-128; Младенова Я. Античес-ти ателия Атина краи Нийслеллер. София, 1991.
37. Kramer J. Korinthische Pilasterkapitelle in Kleinasien und Konstantinopel (Beih.IstMitt, 39), 1994. - S. 132 ff; Öyüken Y. Forschungen im Nordwestlichen Kleinasien (Beih.IstMitt, 41). 1996. - Таб.35-6.
38. Капитель хранился в археологической экспозиции Бахчисарайского музея.
39. Проблема храмовой торговли в императорское время была в свое время поднята Дж. Уорд-Перкинсом - Ward-Perkins J.B. Nicomedia and the Marble Trade // BSR, 48. 1980. 23 ff; см. также мемориальный сборник его избранных трудов-Dodge H., Ward-Perkins B. (Ed.), *Marble in Antiquity. Collected Papers of J.B. Ward-Perkins*, 1992 - и наша успешное продолжение в приложении ASMOSIA (Ассоциации по изучению мрамора и других камней в античности), 1988; 1992; 1995. Вопрос об этических изысканиях коринфских капителей и торговле их экс-портыными формами см. подробно -Asgari N. The Stages of Workmanship of the Corinthian Capital in Proconnesus

- and its Export Form, in: Herz N., Waalkens M. (Ed.), *Classical Marble: Geochemistry, Technology, Trade. NATO ASI Series, Serie E: Applied Sciences*, Vol. 153, 1988. - Р. 115 ff. Реально ли подтверждение наличия тиарокони полуфабрикатами киннелей императорского ордера в Помпейском регионе служит публикации материалов кораблекрушения подле Заде, кого-востоку от Боспорского пролива - Веблан М. *The Marble Architectural Elements in Export-Form from the Site Shipwreck*, in: Herz N., Waalkens M. (Ed.), *Classical Marble*, 127ff.
40. Coulton J.J. *The Architectural Development of the Greek Stoas*, 1976. -Р.122-123; Karagiò S., Rodt W., Rheindt K. *Ein ionischer Grabbau auf dem Niçaztepe bei Bergama // IsMitt*, 36, 1986. S. 137 ff.; Abb. 15.
41. Heilmeyer W.-D. *Korinthische Normalkapitelle*, 1970. *Taf.27,2*; Röhrmann J., *Taf.18-20*.
42. Ward-Perkins J.B. *Nicomedia...*, р.55-56, pl.XXII.
43. Leon Ch. E. *Die Baugliederung des Trajanoforums und ihre Stellung in der früh- und mittelkaiserzeitlichen Architekturdebatte Rom*, 1971. - S.274-275, *Taf.82* - Форум Августа; 131 - Библиотека Эмилии.
44. Изучение мраморных импортов в Лептис-Магна, включавших не только разнообразные архитектурные детали, но и скulptуры, позволило прийти к выводу о значительном влиянии афродисийской школы - Squarciafiori M. *La Scuola di Afrodisiis*, 1943. - S. 80 ff. Дж. Уорд-Перкинс писал шире - о посточном или малоазийском влиянии, предполагая критически перспективу вывода о только афродисийском направлении - Ward-Perkins J.B. *Nicomedia...*, р. 64-68.
45. Alzinger W. *Augusteische Architektur in Ephesos*, 1974. - *Taf.78 - C Vd 2, C Vd 4*.
46. Mansel A.M., AA 1959, S.400-402.
47. О типе "Лингевальти Аканthus" и его использовании в поэзантинической строительной орнаментике см.: Kramer J. *Op.cit.*, s. 41 ff.
48. Vandepal L. *The Architectural Decoration in Roman Asia Minor Sagalassos: a Case Study (Studies in Eastern Mediterranean Archaeology)*, 1997. - С.146- 147, Pl. 117, 2.3 118.2,4.
49. Для посточного, прежде всего, претериморских принципий Римской империи, в этом плане весьма показательны различия по способу функционализации настенческое строительные комплексы, обладающие, тем не менее, полным набора анатолийского мраморного декора интерьера- палат Атриума (Фракия) - Мадленова Я., Ук. Соч. и термы-II и Исприя (Нижняя Мезия) - Сиссивани А. *Les thermes romains (Histria VI)*, 1982. Оба они демонстрируют наглядно сдвиги, определяющиеся по унифицированному подходу к декорированию интерьера независимо от функционального назначения сооружений.
50. Vitruv. IV, 1, 44.
51. Kiss A. *Römisches Architekturdenkmal und Ornamentik in Ungarn*. Budapest, 1987/ *Taf.14-17*, Kat. N XV 170; Ertel Ch. *Römische Architektur in Carnuntum (Der römische Limes in Österreich, Hft. 38)*. Wien, 1991 -S 55 ff. Abb 1, 4; *Taf. 1; 27-1.1.2,2*.
52. KRonczewski, AA 1931. I/2, 1, ff.
53. Kautzsch R. *Kapitellstudien*, 1936. -S.8,-9.
54. Бойчен С.Н. У.к. соч., с 113-144, 126, *Taf. XI*.
55. Kautzsch R. *Op.cit.*, S. 11-12, *Taf. 2-14*.
56. О капителях из Паннонии - Ertel Ch. *Op.cit.*, S. 41-42, N 1.1.2.1; 1.1.3.2; *Taf I; 27; 28*; о капителях из Далмации, датирующихся от конца IV вплоть до начала V и п. н. э. - Kautzsch R. *Op.cit.*, S. 21-22, *Taf. 4-N 31*.
57. Вряд ли источниковым импортам мраморных деталей в Херсонес I-III вв. н.э. следует считать Мезию и Фракию - Кадеев В.Н., Сорочак С.Б. *Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - Vи. н.э. К.*, 1989. - С 31, 40. Прежде всего, ни одна мраморная архитектурная деталь в Херсонесе не может пока быть проатрипирована I и п. н. э. Полностью исключить явки малоазийских деталей из Месии и Фракии в более поздние времена, конечно, нельзя, хотя при этом было реально. Скорее всего, проконесский импорт в Херсонес поступил непосредственно из Пропонтиды, без посредничества дунайских провинций.
58. Об этом и других проблемах, связанных с херсонесской историей поэзантинского времени, подробнее см.: Яковсон А. Л. *Раннередианский Херсонес//МИА*, 63, 1959. -С18-21, с рецензией историографических сведений и сочинствующей литературы - Зубарь В.М. *Проклонение и утверждение христианства в Херсонесе Гавриловском //Византийская Таврика. К.*, 1991. -С.8 сл.

С.Б. Буйских

ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯТИЛИЩА АХИЛЛА НА БЕЙКУШСКОМ МЫСУ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ)

Культ знаменитого древнегреческого героя-бога Ахилла был, как известно, общегреческим, и общеонтийским явлением в религиозной жизни эллинистических полисов. Однако, хотя он и засвидетельствован некоторыми материалами в разных центрах Северного Причерноморья, в том числе, на Боспоре⁴ и в Херсонесе⁵, но, в отличие от многих других греческих культов богов и героев, имевших для североонтийского региона в целом повсеместный характер, ареал его распространения больше связывается с западной - северо-западной частью побережья Понта Эвксинского.

В первую очередь, имеется виду панэллинское святилище Ахилла на о.Левке (Змеиный)⁶, долгое время находившееся под покровительством Ольвии. Литературными, эпиграфическими и археологическими источниками надежно зафиксированы и другие места поклонения Ахиллу в регионах, расположенных преимущественно в пределах Ольвийского полиса или в непосредственной близости от него. Это - Ольвия, Борисфенода (о. Березань), Роща Гекаты на Кинбурнской косе и Ахиллов Дром (Тендра)⁷.

Менее известен как место почитания Ахилла Бейкушский мыс близ о. Березань и г. Очакова (между Березанским и Бейкушским лиманами) (рис. 1) с расположенным на нем поселением VI-V вв. до н.э.⁸. Это во многом объясняется фактами истории его исследования. Обнаруженный еще в 1904 г. Э.Р. фон Штериом, отметившим, что в Бейкуше им открыты "следы весьма древней греческой культуры"⁹, памятник лишь спустя более шестидесяти лет был подвергнут первым разведочным раскопкам, которые осуществила А. С. Русаяева в 1967-1969 гг.¹⁰ (рис.1,а).

В ходе работ исследовательница обратила внимание на то, что целый ряд открытых ею объектов связан с культовой практикой греческих колонистов и является жертвенными имами¹¹. Так, на дне одной из них (диаметром 3,2 м и глубиной 2,8 м), на песчаной подсыпке была обнаружена *in situ* нижняя часть черепа быка, под которой лежал керамический "кружок" с граффити АХІ. Заполнение ямы представляло собой чередующиеся слои пепла и чистой глины. Рядом находилась другая имя, меньших размеров, заполненная пеплом. В ее заполнении были найдены серолощеная ойнохойя с посвящением Ахиллу и вотивные керамические кружки¹².

Общее количество находок греческих граффити на Бейкуше, учитывая разведочный характер работ и вскрытую площадь, было довольно значительным. Помимо надписей на сосудах и их фрагментах, когда в заполнении различного рода углублений в материке (земляниках, полуземляниках, ямах и т.п.) здесь было найдено тогда 73 керамических кружка, из которых были прочерчены граффити (рис.3,1-5) либо по посвящениям Ахиллу, либо с различными изображениями магического толка, либо в сочетании того и другого¹³. Особую ценность представляло собой трехстрочное граффити (рис.3,1), гласившее: "Пусть Аргот пошилет Ахиллу из дома" либо: "Аргот пошиляет Ахиллу из дома", а также наличие на одном из вотивных керамических кружков ключевого слова ΑΛΛΟΣ ("роща") (рис.3,2), которым греки часто называли священный участок, святилище, почитаемую святыню, даже, если роши там и не было¹⁴. Все это в комплексе позволило А.С.Русаяевой прийти к предположению о нахождении на Бейкуше поселения, основанного ионийскими переселенцами, среди которых был очень популярен культ Ахилла, а, возможно, и специального святилища¹⁵. Интерпретация памятника была весьма актуальна, так как опровергла господствовавший тогда в советской археологической науке тезис о варварском характере поселений Нижнего Побужья¹⁶.

Однако раскопки Бейкушского мыса были снова возобновлены лишь в 1985-1986 гг. (рис. 1,6), когда был накоплен значительный опыт в деле изучения приольвийских поселений VI-V вв. до н.э. и доказана их этно-культурная принадлежность (в подавляющем большинстве - грекам)¹⁷. Эти работы подтвердили гипотезу А.С.Русаяевой и дали новые яркие материалы (в первую очередь, уникальную серию граффити), связанные с интенсивным отправлением здесь в период греческой колонизации Нижнего Побужья культа Ахилла¹⁸. В то же время, необходимость проведения неотложных работ в других частях ольвийской сельской округи вновь прервала исследование этого интересного памятника.

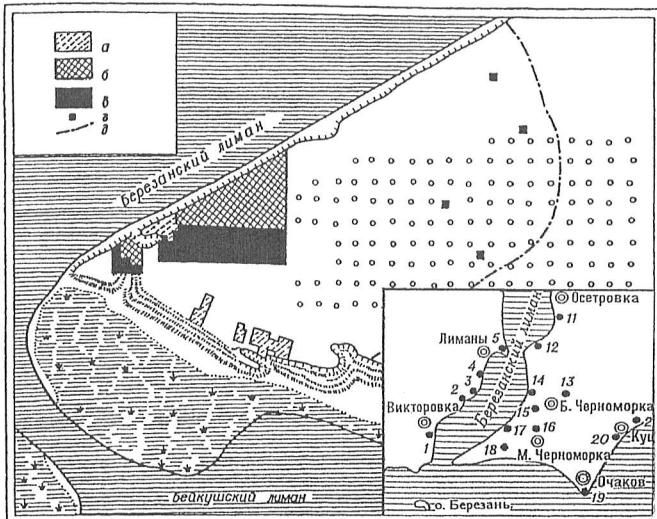

Рис. 1. Бейкунский мыс. План: а - раскопки 1967-1969 гг.; б - раскопки 1985-1986 гг.; в - раскопки 1995-1996 гг.; г - нурифы; д - граница распространения подъемного материала.

На присл. карта-схема античных поселений VI-V вв. до н.э. в районе Очакова (№ 17 - Бейкун).

Результаты последних раскопок Бейкунского мыса, проводившихся в 1995-1996 гг. (рис. 1, в)¹⁶, в комплексе с данными, полученными ранее, позволяют теперь более четко определить его место в кругу других архангельских памятников эпохи греческой колонизации региона и подвести некоторые предварительные итоги исследования, чему посвящена данная заметка. В ходе наших работ (1985-1986, 1995-1996) было раскопано около 2000 м² площади памятника (рис. 1, б, в), на которой открыто более 150 различных строительных комплексов; в том числе, в раскопе А, площадью 1600 м², исследовано 103 объекта (рис. 2). Подавляющая часть исследованных объектов носит выраженный культовый характер. Об этом свидетельствуют их конструктивные особенности, планировка, грунтовой и вещественный состав заполнений.

Остановимся на характеристике некоторых наиболее типичных объектов. Среди них следует выделить иму № 7 с массивным скоплением костей животных, уложенных по кругу вдоль стенок мыса, и развалом серелощещенного сосуда с прочерченной на горле буквой А; иму № 18 с овальовидным чащеобразным углублением на дне, в золистом заполнении которого найдены фрагмент сероглиняного сосуда с граффити (стрела, солнечный знак и часть надписи ...XI) (рис. 3, 9) и обработанная чешуйца быка со следами охры и прочерченной буквой А; иму № 12 с открытой на дне сильно обожженной площадкой, где лежали 4 керамических кружка (два из них - с граффити А); иму № 13, засыпанную чистой золой, перемежавшейся прослойками песка, на дне которой была устроена ниша, содержащая три средиземноморские гальки и обломок стени хиосской амфоры с граффити - изображением стрелы, человеческой фигурки и буквы А (рис. 3, 10); иму № 68, золистое заполнение которой включало костяной стригиль, два астрагала, обломки железного копья, бронзовый наконечник стрелы с остатками древка, родонитовый бруск для заточки, 12 галек разного размера, фрагмент аттической чернофигурной панафинейской амфоры середины VI в. до н.э. с изобра-

жением бегущего атлета, белостенный лекиф, прасные камни и вотивный керамический кружок с граффити А; яму № 97 с устроенной в ее материковом днище нишой № 101, на дне которой *in situ* был обнаружен каменный якорь, а под ним - керамическое рыболовное грузило с граффити АХ1.

Большинство исследованных им имеет столь же своеобразный набор вещественного материала и грунтовый контекст заполнения. По-видимому, они являлись жертвенными имами-фависсами, обычны сопровождавшимися погребальными, так и культовые комплексы Греции и Северного Причерноморья архаического и классического времени¹⁷, в особенности, посвященные хтоническим богам и героям (в данном случае, - Ахиллу). Как известно, важную роль в отправлении этих культов играли всякого рода углубления, расщелины, гроты, пещеры¹⁸. При их отсутствии устраивались подобные им сооружения искусственного характера¹⁹.

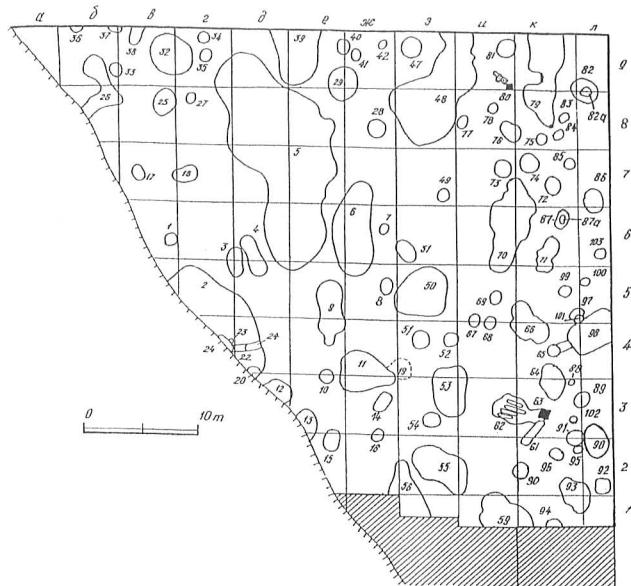
В этом отношении большой интерес представляют два комплекса (№№ 5, 11), открытые в раскопе А. Комплекс № 11 включал в себя углубление в материке, размерами 6,0x3,3 м, глубиной 0,38 м, и подземное помещение № 19, высотой 1,28 м, имевшее куполообразный свод. Вход в него был оформлен в виде проема округлой формы, диаметром 0,36 м, с двумя выбурленными в материковой стенке ступеньками. Подземное помещение было заполнено чистой золой с включениями серы, охры и древесного угля. На его дне, размерами 1,9x1,65 м, располагались: поставленная на горло фрагментированная красноглинная амфора середины - второй половины VI в. до н.э., раздвоенный лепной горшочек, дно аттического килика третьей четверти VI в. до н.э. с граффити ...ЕКА... (возможно, посвящение Гекате)²⁰, вотивный кружок из стекла чернолакового сосуда с граффити АХ1 (рис.3,7), две средиземноморские галики, на одной из которых вырезана буква А.

Вероятно, многие из бейкунских культовых сооружений, вырыты в лессе, первоначально могли иметь подобную сводчатую конструкцию (напоминающую пещеру), которая до настоящего времени не сохранилась. Это подтверждает открытие культовых комплексов с остатками сводчатых конструкций, практически синхронных Бейкунскому святилищу, в самой Ольвии²¹ и в Нижнем Подniestровье²².

Комплекс № 5 (длина 22 м при максимальной ширине 10,8 м и глубине от 0,04 до 1,4 м) представлял собой аморфное углубление в материке с устроенными с нем многочисленными нишами-подбоями (всего - 33), расположеными в 2-3 яруса друг над другом. Их золистые заполнения, содержащие единичные находки (керамические кружки с А и АХ1, глиняные "хлебцы", гальку, кусочки серы, охры, кости животных, обломки расписной керамики, миниатюрные лепные сосудики, ольвийские бронзовые дельфинчики, наконечники стрел и др.), четко отделялись одно от другого и от залегавшей сверху грунтовой засыпки. Структура засыпи над нишами имела слонистый характер - слон золы, насыщенные керамикой и костями животных, перемежались тонкими прослойками чистой глины, что фиксирует многократность подсыпок. Ниши, судя по заполнявшему их материнству, использовались в пределах середины - третьей четверти VI в. до н.э., залегавшая сверху насыпь пополнялась новыми зольными сбросами вплоть до начала V в. до н.э. Вещественный материал имел следы воздействия огня.

Общие характерные особенности комплекса № 5, сближающие его с описанием зольных жертвеников у Плавсия (Paus.V,13,8-11), позволяют отнести его к специальному типу археологических памятников - зольникам. Зольники-эскары отражали обычай древних народов, в том числе и греков, сооружать специальные зольные алтари²³ из сожженных культовых приношений богам (кости жертвенных животных, зола, обломки керамики, терракоты и т.п.), а также собирать золу из очагов в одном месте²⁴, считавшемся священным и связанным с земледельческой магией и семейно-родовыми ритуалами поклонения огню, очагу, солнцу и т.д. Это подтверждает мнение А.С.Русевской о магическом характере культа Ахилла в архаическом Нижнем Побужье²⁵ и полностью вписывается в традицию почитания геровских героев в Греции, где отправление их кultов имело определенную магическую окраску²⁶.

Следует отметить, что, как в этом зольнике, так и во многих других объектах на Бейкунском мысу, почти не найдено целых сосудов, что, как правило, характерно для заполнений жилищ и хозяйственных ям других археологических поселений региона. Напротив, масса фрагментов принадлежащих большому количеству разных сосудов, в особенности это касается привозной столовой керамики. Это полевое наблюдение, по-видимому, отражает существовавший у греков обычай, по которому часть сосуда, намеренно разбитого или расколотого под воздействием ритуального ог-

изображения в боевом доспехе гоплита, идущего влево, - в панцире, шлеме аттического типа, с круглым, так называемым, "аргивским" щитом в левой руке и кифосом в правой.

Чтение надписи ввиду ее фрагментарности крайне затруднено, за исключением первой строки: ΑΧΙΛΑΕΙ - "Ахиллу". Считаю своим моральным долгом помянуть здесь добрым словом и искренне поблагодарить за бескорыстную дружескую помощь святой памяти Ю.Г.Виноградова. Знакомясь с последними эпиграфическими находками из Бейкушского святилища осенью 1996 г. в Кирове, он высказал два оригинальных рабочих варианта прочтения данного граффити: 1) "Ахиллу та-ко-то (имя) посвятил", причем посвятитель, по всей вероятности, мог быть участником состязания в честь обожествленного героя на Ахилловом Проме и, таким образом, этим посвящением по обету то ли заручился поддержкой Ахилла перед поездкой на Тендрю, то ли благодарили его за содействие в успешном ристалище по воззванию оттуда. 2) Речь идет об обращении к Ахиллу с просьбой о помощи, предотвращении беды или опасности, угрозы (возможно, военной). Об этом, очевидно, свидетельствует и сам характер изображения Ахилла. Ю.Г.Виноградов не исключал также того, что здесь, вероятно, мы имеем дело с паноплей ритуалом для культа Ахилла в Северном Причерноморье вариантом эпиклесы "Понтарх", поскольку 4-я буква во 2-й строке прорезана слабее и небрежнее других и может условно читаться и как К, и как Х³⁰.

Комплекс № 48 (10x4-7 м), глубиной от 0,3 до 1,52м, представлял собой весьма сложное, выкопанное в материке, сооружение, с устроенным в нем амфитеатром ступенками, полочками, площадками, углублениями, нишами, смазами, подборами. Последние были обособлены от залегавших сверху золисто-глинистых прослоек и содержали единичные находки - керамические кружки, обломки терракот, гальки, кусочки охры, "хлебцы", кости жертвенных животных, мелкие фрагменты столовой посуды. На одной из площадок комплекса выявлено вырезанное в материке пластичное изображение дельфина, размерами 1x0,22-0,35 м, глубиной 0,12-0,4 м. В золистом защите этого углубления находилось 7 бронзовых дельфинчиков, керамический кружок с графити А и кость дельфина.

Помимо различных углубленных в землю сооружений (фавинес, ботросов и т.д.), в ходе последних раскопок Бейкуша выявлены и наземные - остатки каменных и сырцово-каменных алтарей и жертвеников (№№ 63,80), открытые очаги (№ 62), ритуальные (глинообитные или вымощенные обломками амфор) площадки (№№ 6,53,55), при исследовании которых также зафиксирован характерный набор находок.

В результате сопоставления открытых на Бейкуше сооружений с оригинальными памятниками типа святилищ с присущими им фавинесами, ботросами, зольниками, алтарями и т.д., известными на архангельском теменосе³¹ и в предместье³² Ольвии, а также в Нимфес³³, Мирмекии³⁴ и собственно Греции³⁵, их культовый характер представляется вполне очевидным.

К специфическим предметам ритуальных приношений, сакральных действий и культовых трапез, обнаруженным в бейкушских комплексах, относятся, в первую очередь, многочисленные вотивные дары в виде керамических, костиных и каменных предметов сграффити в той или иной форме (Α, ΑΧΙ, ΑΧΙΛΑ, ΑΧΙΛΑΕΙ, ΑΧΙΛΑΕΥΣ), относящимся к посвящению Ахиллу, магическими знаками и схематическими рисунками - солнце, стрела, меч, змея, человеческие фигурки, решетка, ветка хвойного дерева, парусник, зигзаг и т.д. (рис.3,1-11). Далее следуют глиняные культивные хлебцы и лепешки, разнообразные амулеты из кости, глины, металла, египетского фаянса, астрагалы, галька, бронзовые ольвийские дельфинчики, наконечники стрел, многочисленные обломки расписной керамики (рис.3,15-21), светильников, лутеринев, терракот (рис.3,12-14), железных ножей, оселки, кусочки серы, охры, мела. Среди находок следует назвать также фрагменты амфор позднеархангельских типов (как транспортиных, так и расписных), простой столовой сероглиняной и красноглиняной посуды и лепной керамики.

В целом, вещественный набор бейкушских жертвований Ахиллу находится в полном соответствии с традиционным составом приношений адресатам героических и хтонических культов в архангельской Греции³⁶. Палеозоологический же материал из жертвенных ям в подавляющем большинстве состоял из костей молодых особей овцы, козы, крупного рогатого скота и свиньи³⁷, что в принципе также характерно для видового состава жертвенных животных при проведении обряда жертвоприношения в греческих святилищах³⁸, а, кроме того, собаки³⁹ и единичных находок костей диких животных.

Подводя краткие итоги раскопок на Бейкушском мысу, необходимо коснуться вопроса о хро-

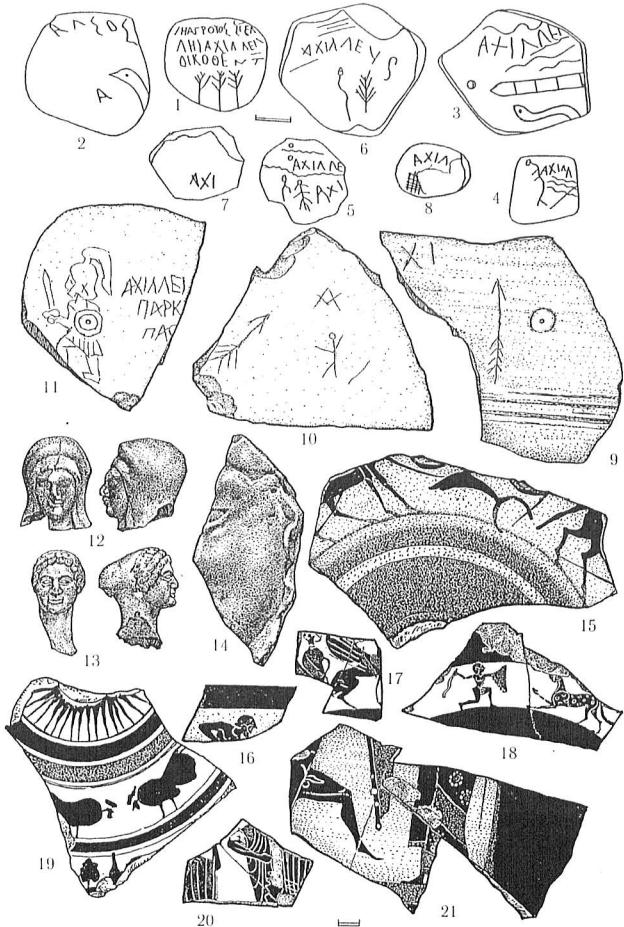

Рис. 3. Некоторые находки из Белавинского святилища:
потинные кружки и фрагменты керамики с граффити (1-11); фрагменты терракот (12-14);
фрагменты чернофигурной керамики (15-21). 1-5 - по А.С. Русевой, 6-21 - по С.Б. Буйских.

нологических рамках существования памятника. За все годы исследования памятника в культурном слое были встречены лишь единичные фрагменты керамики начала VI в. до н.э. Строительные остатки этого времени не обнаружены. Небольшое количество занимает столовая керамика и амфорная тара второй четверти - середины VI в. до н.э. К этому времени можно отнести и заполнение некоторых наиболее ранних объектов. Массовый же материал датируется от середины до конца VI в. до н.э., с преобладанием третьей четверти столетия. К этому времени относится и наибольшее количество открытых сооружений.

Меньшая часть материала и раскопанных объектов датируется первой третью V в. до н.э. В связи с общим процессом концентрации населения в районе Ольвии и временными сокращением ее сельской окружности к исходу первой трети V в. до н.э.¹⁰, Бейкунский мыс был оставлен греками-колонистами. Судя по материалам наших работ 1986 и 1995 гг., жизни начали возрождаться здесь в конце V - начале IV в. до н.э. Пока, однако, не установлено, использовался ли в это время Бейкунский мыс в культурных целях¹¹. Однако в последегейский период, когда кульп Ахилла снова приобретает особое значение в Ольвии, на Бейкунском мысу (а также в других местах у западной границы полиса) от имени ольвийских архонтов, стратегов и жрецов ставятся посвятительные надписи Ахиллу Понтарху¹², в которых идет речь о защите и целостности государства¹³. Как полагает А.С.Русанова, среди населения Ольвийского полиса на протяжении всей его истории из поколения в поколение передавалось представление о том, что эти места с древнейших времен были связаны с Ахиллом¹⁴. Не случайно, оперируя только известными к тому времени отсюда эпиграфическими находками первых веков н.э., связанными с Ахиллом, Э.Р. фон Штерн прозорливо предполагал, что в Бейкуше "должно быть что-то вроде святилища Ахилла"¹⁵, потому что именно здесь "для ольвийских подитов открывается впервые вид на море, вблизи элемента, над которым господствовал Ахилл"¹⁶.

Месторасположение Бейкунского мыса полностью отвечает греческой сакральной традиции, в соответствии с которой святилища героев располагались, как правило, на границах полиса, на перекрестках дорог, близ морского побережья, т.е., в тех местах, где предполагалось присутствие сверхъестественных сил¹⁷.

Таким образом, суммируя накопленные к настоящему времени данные, можно констатировать, что по всем основным показателям - местоположению, характеру открытых строительных остатков, культовой обрядности, номенклатурному набору и контексту вещественных находок, многочисленности и адресности греческих граффити, в большинстве своем посвященных обожествленному герою Троинской войны - Ахиллу, Бейкунский мыс с достаточным основанием можно отнести к кругу типично античных святилищ элита греческого времени Грецкой колонизации¹⁸.

В то же время, ряд найденных на Бейкуше материалов (в первую очередь, вогнутые подношения с посвящениями и в сочетании с математическими знаками) и открытых объектов (лессовая имитация пещер и гrotов), связанных с культом Ахилла, выделяется своим своеобразием. Однако, во-первых, существенно отметить, что такой характер почитания божества известен в пределах Ольвийского полиса только для VI - начала V в. до н.э., т.е. для периода колонизации, и со временем он исчезает¹⁹. А во-вторых, искать в своеобразии этого культа какие-то местные "подосновы", до-греческие или синкретические греческиеварварские культуры, либо даже синкретизм местных культов - беспочивно. Все подобные попытки как в отечественной, так и в зарубежной историографии²⁰ подвластны под греческий культ греческого героя-бога в пределах территории греческого полиса какой-либо "варварский" базис имеет, как справедливо отмечает А.С.Русанова, одну и ту же (несмотря на появление все новых и новых материалов) методическую ошибку, а именно: исследователи рассматривают кульп Ахилла в полном отрыве "от истории и религии Ольвийского государства, где непосредственно этот кульп развивался"²¹.

Проблема, очевидно, заключается в другом - почему именно этот *heros-theos* был вообщестоли почитаем в среде греческих колонистов Нижнего Побужья, что требовал обустройства специальных приуроченных ему святилищ, к тому же (как показывает наш пример), относительно далеко отстоящих от центра полиса. С одной стороны, вполне логично предполагать, что среди греческих колонистов в Нижнем Побужье была значительная группа переселенцев из той местности в Ионии, где особо почитался Ахилл²². Так, согласно Павсанию, известно, что кульп Ахилла, Фетиды и персид был в Ионии широко распространен²³. В Мильте - материнском полисе Ольвии - существовал специальный Героон Ахилла с посвященным ему источником²⁴. На Сигейском мысу в

Троаде, где, по преданию, был похоронен Ахилл, находились гробница Ахилла и поселение Ахиллеон с храмом и кульговой статуей Ахилла. Здесь Ахилл почтится и как бог, и как герой не только жителями страны, но и представителями посольств других областей⁵⁵.

С другой стороны, благодаря большой популярности homerовской "Илиады" в среде милетских колонистов, кульп Ахилла мог быть урежден ими здесь, в Северо-Западном Причерноморье, в силу политических, идеологических и социальных причин для упрочения их прав на занимаемые земли и ввиду необходимости иметь постоянного покровителя полисных земель⁵⁶. Недаром греки относили пребывание Ахилла в этих краях к тем отдаленным временам, когда они, по их представлениям, были еще пустыни и никем не заселены. Так, в послегомеровских преданиях рассказывается о переселении практа Ахилла его матерью Фетидой на о. Левку по велению Зевса, где он вскоре воскрес и женился на Елене⁵⁷. Важно отметить в этой связи, что древнейший источник этого сакрального перенесения героя на Понте Эвксинского принадлежит именно милетскому поэту VII в. до н.э. - Арктину⁵⁸. С именем Ахилла связано и другое место в Понте Эвксинском - Ахиллов Бег, происхождение которого, по одной версии, связано с погоней Ахилла за Ифигенеей, похищенной Артемидой из костра в Альиде, по другой - с воинскими доблестями и упражнениями Ахилла⁵⁹.

По верованиям греков, герой приносил пользу в тех местностях, где обитали их души. Они спасали людей от многочисленных бедствий, влияли на судьбы людей и государства (в том числе, на плодородие земли), обладали целительными, охранительными и другими функциями⁶⁰. Очевидно, греческие переселенцы, направлявшиеся из Ионии в Северо-Западное Причерноморье, достаточно хорошо знали, что новые земли, где им предстояло жить, находятся под опекой Ахилла, что придавало им определенную религиозно-психологическую уверенность перед лицом неизвестности. Перенеся в Нижнее Побужье традиционную и знакомую им духовную культуру метрополии - язык, письменность, обычай, обряды, культурные, этнические и этические навычки, греки привезли с собой и свои различные верования, кульпы богов и героев⁶¹, среди которых особое место занимал Ахилл в силу своей многофункциональности - и как бог, и как герой. Главным сакральным патроном Ольвийского полиса в архаическое время был Аполлон Врач⁶², однако сoterических функций Ахилла, способствующие защите не только полисных земель, но и всей гражданской общины от различного рода несчастий и бедствий⁶³, привели к тому, что и он считался покровителем и сакральным защитником полиса, его границ, его земель и всех его граждан, будучи, очевидно, особо почитаем среди сельского населения⁶⁴.

Вероятно, соединение популярности культа Ахилла в метрополии с мифоэпической подосновой пребывания его души в конкретных местах осуществления колонизации, а также стремление обезопасить территорию своего расселения (затем границы активно развивавшегося полиса и его хоры), и привело нижегородских элинников к установлению религиозно-политической опеки над островом Левке и к идею создания обширных, интенсивно использовавшихся сакральных зон культа Ахилла в образценных к морю пограничных частях Ольвийского полиса⁶⁵. Среди них, помимо Кинбурна и Тендры, существенной роль отводилась и Бейкунскому мысу.

Накопленный за годы рископок Бейкуша многочисленный и разнообразный материал требует полной систематизации и тщательного определения особенностей, характера и хронологии этого уникального памятника. Однако уже сейчас приведенные выше материалы дают основание предполагать, что Бейкунский мыс в середине VI - первой трети V в. до н.э. был одним из ранних и важных мест почитания Ахилла в Северном Причерноморье, которое, очевидно, служило в качестве одного из признанных святилищ греческих колонистов в регионе.

Примечания

1. Strab. VII, 4, 5; XI,26; Лейпунская Н.О. Про кульп Ахилла в Панноничном Причерноморье¹ // Археология. XXIII. 1970. - С.68-69; Захарова Е.А., Молчан И.В. Ахилл в Греции и Северном Причерноморье. Особенности героической сущности // Из истории античного общества. Междисциплинарный сборник научных трудов. Вып. 6. Новгород, 1999. - С.50.
2. Руслева А.С. Земледельческие кульпы в Ольвии досветского времени. К, 1979. - С. 140; Руслева А.С. Економічні та куманічно-політичні відносини Ольвії з Херсонесом //Археологія 44, 1983. - С.11.
3. Толстой И.И. Остров Белый и Таировка в Понте Эвксинском. Петроград, 1918; Охотников С.Б., Остроноверхов А.С. Синоптический Ахилл на острове Левка (Змеином). К.,1993.
4. Кубланова М.М. Легенда о ристалище Ахилла и олимпийские агонистические праздники // ЕМИРА. I. 1957. - С.222-231; Лейпунская Н.О. Про кульп Ахилла..., с.60-73; Руслева А.С. Вопросы развития культа Ахилла в Се-

- аристон Причерноморье // Скафийский мар. К., 1975. - С. 174-185; Руслана А.С. Земледельческие культуры..., с.126-140; Курбатов А.А. Ольвийские формы языка Ахилла (из истории языковой идеологии) // Проблемы истории античной грекоязычной общности. М., 1982. - С.81-96; Курбатов А.А. Культ Ахилла в Северном Причерноморье. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983; Шелонь Константина Ф.В. Березанский глиняный острог и Ахилл // ВДН. 1990. 3. - С.49-62; Захарова Е.А., Молева Н.В. Ахилл в Греции и Северном Причерноморье..., с.44-54.
- Бейкира (Малая Черноморка-2) находилась в 35 км к юго-западу от Ольвии, на западной границе селской окрестности Ольвии. См.: Кречетник С.Д. Бирякис С.Б. Отрекко В.М. Аничинские поселения Нижнего Побужья (археологическая картина). К., 1990. - С. 11, рис.4, N 17; С. 16-18.
 - Штерн Е.Р. Вновь найденные поселения Ахилла Понтийской //ЗООНД. - Т.ХХVII. 1907. Протокол 365 заседаний, с. 10.
 - Руслана А.С. Разведка в районе Березанского лимана //АНУ 1965-1966 сс. К., 1967. -Вып.1. С.141-145; Руслана А.С. Раскопки Бейкинского поселения близ Ольвии //АНУ 1967 сс. К., 1968. - Вып.2. - С.146-150; Руслана А.С. Разведка и раскопки поселений близ Ольвии //АНУ 1968 сс. К., 1971. - Вып.3. - С. 180-184; Руслана А.С. Розкопки бейкинского поселения //АНУ 1969. К., 1972. - С.1 74-177; Руслана А.С. Бейкишське поселення VI-V ст. до н.е. //Матеріали XIII конф. Ін-ту археології АН УРСР. К., 1968. - С.220-222.
 - Руслана А.С. Земледельческие культуры..., с.136.
 - Руслана А.С. Раскопки Бейкинского поселения, с. 146-148.
 - Руслана А.С. Культовые предметы из поселения Бейкира, поселку о-ва Березань //Археологія. 1971. Вип.2. - С.22-29; Руслана А.С. Эпиграфические памятники //КНОУП. К., 1987. - С.142, 147-148; Руслана А.С. Религия и культура античной Ольвии. К., 1992. - С. 72-73; Хомчак Х. Ахилл - Бог // ВДН. 1981. 1. - С.54.
 - Ляпинцева В.Очерк греческих фронтонов, чл. СБи., 1899. -С.20.
 - Руслана А.С. Вопросы разации языка Ахилла..., с. 180-181; Руслана А.С. Земледельческие культуры..., с.137; см. также: Отрекко В.М. Каллинича, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА. 1981. 1. - С.37, 39.
 - В последнее время этот термин активно реинтерпретируется С.Д.Соловьевым - см.: Соловьев С.Д. Археологический Березань (историко-археологическая очерк) //Археологические весны. 7. СИБ., 2000. - С.291-308; Sоловьев С.Д. Achaea Belegum: Historical-Archaeological Essay // in: G.Tsetskhladze (Ed.), *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology* (Historia: Einzelschriften; II.21). Stuttgart, 1998. - P.205-225.
 - Кречетник С.Д., Бирякис С.Б., Бирюков А.В., Отрекко В.М. Селевийская окраина Ольвии. К., 1989. - С.220-221; Кречетник С.Д., Бирякис С.Б., Отрекко В.М. Аничинские поселения..., с.41, 120.
 - Бирякис С.Б. Исследование Бейкинского поселения //АО 1985 с. М., 1987. - С.312-313; Кречетник С.Д. и др. Сельская окраина Ольвии... - с. 86; 88-89; Бирякис С.Б. Новые эпиграфические находки с Бейкинского поселения //Древес Причерноморье. Тез. докл. VIII членчен памяти проф. Ю.Н.Карпенюкского. Одесса, 1991. - с. 11-12.
 - Бирякис С.Б. Синтаксис Ахилла на ольвийской хоре археологического времени // Междисциплинарные оттенки азиятического Черного моря в древности и средневек. Тез. докл. VIII Междунар. конф. Ростов-на-Дону, 1996. - С.55-57; Бирякис С.Б. Некоторые итоги исследований Бейкинского мыса //Новые страницы древней истории Южной Украины. Тез. докл. междунар. конф. Николаев, 1997. - С. 19-20; Бирякис С.Б. Островоречий Ахилл: скрапарь из Бейкинского селищника // Чубурский археологический комплекс. Тарасполь, 1998; Бирякис С.Б. Бейкира - пам'ять языку Ахилла в Північно-Західному Причорномор'ї // Ukraine - Greece: Historical Heritage and Cooperation Prospects (May 27-29 1999). Proceedings of the International Scientific Conference, Vol. I (Part 1). Mariupol, 1999. - P.81-83.
 - Kürg U.C., Bourdian J. Greek Burial Customs. London, 1971. - P. 75, 76, 200-218; Леси Е.Н. Матерциал ольвийского тименоса (общий характеристика) // Ольвия. Текущий и агора. М., -Л., 1964. - С. 131-166. Колуб Ю.Н. Древнегреческое синтаксис Ольвии К., 1975. - С. 158-160; Георгиева Р. Обряды ими в Тракии (края на 11-м хол. пр. н.э.) //Археология. 1991. XXXI, 1. - С.1-10.
 - Аврамопул Н. Greek Hero-Shrines. Beckley, 1978. - P.183-89; Mazzalaiis Ailian. Reflections on Hero Cults in Early Iron Age Greece // R.Hägg (Ed.). Ancient Greek Hero Cult. Proceedings of the Fifth International Seminar on Ancient Greek Cult Organized by the Department of Classical Archaeology and Ancient History Göteborg University 21-23 April 1995. Stockholm, 1999. - P. 11-12.
 - Колуб Ю.Н. Древнейшее синтаксис Ольвии. К., 1975. - С.160-161; Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье и VII-VIII вв. до н.э. К., 1990. - С.61.
 - Геката, как известно, входила в женский пантеон Ахилла-бога, наряду с Еленой, Ифигенией, Медеей, Поликсеною - см.: Толстой И.И. Остров Белый и Таирская..., с.59-66; Лейпунская Н.О. Про культуру Ахилла..., с. 6 3-64.
 - Колуб Ю.Н. Древнейшее синтаксис..., с. 139-163.
 - Охотников С.Б. Археологический комплекс из поселения Надлиманское III в Нижнем Поднестровье //АИСЗЮ. К., 1982. - С.123-131.
 - Yavas C.G. Greek Altars. Origins and Typology. St.Louis (Missouri), 1949. - P.210; Aktseli D. Altäre in der archaischen und klassischen Kunst. Untersuchungen zu Typologie und Ikonographie (Internationale Archäologie, Bd.28). Espelkamp, 1996. - S.68-69.
 - Nilson M.P. Geschichte der griechischen Religion. München, I 941. -S.70.
 - Руслана А.С. Земледельческие культуры..., с. 127.
 - Graf E Excluding the Charming: The Development of Greek Concept of Magic //Ancient Magic and Ritual Power (Religions in the Graeco-Roman World, Vol.129). Leiden-New York-Köln, 1995. - P.36-37.
 - Элли Аристид. Вторая синоптическая речь. Пер. Ю.Щупицы // Оrationes Греции. М., 1985. - С.342.
 - Соколовская Н.Н. Культ Афионидии в Кепах конца VI-V вв. до н.э. // ВДН. 1973. 4. - С.88-92.
 - Erbhardt G. Panunias and Sacrificial Rituals of Greek Hero-Cults // R. Hägg (Ed.), Ancient Greek Hero Kult. Stockholm, 1999. - P.156.

30. Со временем Ю.Г.Виноградов планировал специально заниматься корицом граффити, полученным за все годы раскопок Бейкица, однако неизвестная судьба распорядилась иначе... И этот, к прискорбию, не единственний случай теперь будет стоять в длинном печатном ряду тех чрезвычайно интересных и важных замыслов, которое неизвестный исследователь, так мало смирившийся в науке, не успел осуществить и продолжение своей арктийской поэмы оказалось оканчивающейся сплошной короткой жизнью.
31. Руслана А.С. Исследование Западного письмена Олимпи (предварительные итоги) // ВДН. 1991. 4.-С. 123-138.
32. Козуб Ю.И. Древнейшее письмо..., с. 139-163.
33. Хартик М.М. Из истории Нижней Л... 1962. - С.36-60.
34. Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирский. М.,1987. - С.65-98.
35. Риус. V. 13,8-II; 14,8,10; Sakin C.M. Die Entwicklung der archaischen Monumentaläste. Bonn, 1972. -S.16-35; Rupp D.W. Greek Altars of the Northern Peloponnes c.750/725 B.C. to c.300/275 B.C. (Byrn Mawr Phil. Diss., 1974). Vol. I. - P. 279-286.
36. Hägg R. Gifts to the Heroes in Geometric and Archaic Greece // Linder T., Nordquist G. (Ed.), Gifts to the Gods. Proceedings of the Uppsala Symposium 1985. Uppsala 1987. - P. 99.
37. Журавлев О.Н.,Маркович Е.П.,Сочетка Л.В. К историю эпиграфического письма ольвийской сельской округи //Крымский С.Д.,Буркин С.Д.,Опреско В.М. Античные поселения Нижнего Побужья. Археологическая карта. К., 1990. - С.98-99,110, мат.3.
38. Hägg R. Osteology and Greek Sacrificial Practice // R. Hägg (Ed.), Ancient Greek Cult Practice from the Archaeological Evidence. Proceedings of the Fourth International Seminar on Ancient Greek Cult, organized by the Swedish Institute at Athens, 22-24 October 1993. Stockholm, 1998. -P.49-55.
39. Ежегодно встречаются собак из разных родов ритуально зафиксированы в других местах Северного Причерноморья, в частности, на боспоре - см.: Фролова Н.А., Савченко Е.А. Находки под стеками боспорской усадьбы: кало и спиритуальная жертва? //РА. 1. 1998. - С.149-151.
40. Крачаний С.Д. и др. Селиськая оправа Ольвии..., с.95; Крачаний С.Д., Буйских С.Б., Опреско В.М. Античные поселения Нижнего Побужья..., с.42.
41. Возможно, для этого времени можно предположить существование соглашения Ахилла на о.Березаны (Руслана А.С. Религия и культура..., с.71-72), о чем свидетельствует серия березанских граффити, посвященных Ахиллу, которая датируется преимущественно V-IV вв. до н.э. (Яблонко В.П. Граффити Лески, Березаны и Ольвии //ВДН. 1980. 2. - С. 72-79; 3. - С.75-116; Яблонко В.П. Несколько греческих граффити и "гармасская" надпись из Березаны //Античная блазонистика. М.,1987.-С.147-154).
42. К настоящему времени известно более 40 таких надписей.
43. Руслана А.С. Земледельческие культуры..., с.137; Опреско В.М. Появление Ахилла Понтиарху как один из критериев определения границ Олимпийского государства //Наименники древних культур Северного Причерноморья. К., 1979. - С.80-87.
44. Руслана А.С. Иконологические представления древних греков Нижнего Побужья и период колонизации // Образ и первоначало древнегреческого населения Украины. К., 1990. - С.57.
45. Штерн Э.Р. Вновь найденные посвящения Ахиллу..., с. 10.
46. Штерн Э.Р. По поводу посвящительных надписей Ахиллу Понтиарху // ЗООНД. Т.XXVII. 1907. Протокол 368 заседания. - С. 63-66.
47. Abramson H. Orig.sci., p. 200.
48. Malkin I. Religion and Colonisation in Ancient Greece. Leiden - New York - Köln, E.J.Brill, 1987. - P. 160, 183.
49. Руслана А.С. Земледельческие культуры..., с.137.
50. Дискуссия по этому вопросу имеет двойную и общирную историографию, обзоры которой достаточно полно приведены в следующих работах: Лейпцигская И.О. Про культуру Ахилла..., с. 60-61; Руслана А.С. Вопросы развития культуры Ахилла..., с.176-177; Мальян И. Ор.сц., p. 162-163 (там же и со ссылкой на литературу). За неимением места, подобному критическому пересмотру этой концепции в свете новых исследований я планирую посвятить отдельную работу.
51. Руслана А.С. Вопросы развития культуры Ахилла..., с.176-177.
52. Там же, с. 180-181.
53. Раун.М. 20,21; VI,23.
54. Руслана А.С. Земледельческие культуры..., с. 125-126.
55. Захарова Е.А., Молева Н.В. Ахилл в Греции и Северном Причерноморье..., с.47.
56. Руслана А.С. Вопросы развития культуры Ахилла..., с. 175; Руслана А.С. Религия и культура античной Ольвии..., с.70.
57. Руслана А.С. Вопросы развития культуры Ахилла..., с. 175.
58. Руслана А.С. Религия и культура античной Ольвии..., с.70; Захарова Е.А., Молева Н.В. Ахилл в Греции и Северном Причерноморье..., с.48.
59. Толстой И.И. Остров Белый и Таврика..., с.55-67.
60. Руслана А.С. Земледельческие культуры..., с.122.
61. Руслана А.С. Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации // ВДН. 4. 1994. - С.102.
62. Руслана А.С. Милет - Дионис - Борисфен - Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья// ВДН. 2. 1986. - С.47-49; Руслана А.С. Основные черты особенности..., с.101.
63. Руслана А.С. Религия и культуры..., с. 74-75.
64. Там же, с. 73.
65. Руслана А.С. Основные черты и особенности..., с.105-106.

Zur hellenistischen Periode der Stadt Tanais (3.-1. Jh. v. Chr.)

Die folgenden Ausführungen sind meinem langjährigen Freund Jurij Germanovič Vinogradov gewidmet, dem es nicht mehr vergönnt war, seine Studien zu den ersten Funden hellenistischer Inschriften in Tanais zu Ende zu führen.

Der Ablauf der inneren und äußeren Geschichte von Tanais in der vom 3. bis zum ausgehenden 1. Jh. v. Chr. reichenden hellenistischen Periode kann vorerst nur aus den Bruchstücken rekonstruiert werden, die uns zum einen die literarischen Nachrichten antiker Schriftsteller - vor allem Geographen -, zum anderen die durch die Ausgrabungen gewonnenen archäologischen Fakten und die z.T. auch noch beschränkte Kenntnis der allgemeinen historischen Entwicklung im unteren Don- und nordöstlichen Asowgebiet in dieser Zeit zur Verfügung stellen. Das weitgehende Fehlen von ausreichenden Quellengrundlagen, die für die Schaffung eines einigermaßen übersichtlichen Bildes erforderlich sind, hat seine Gründe: Sie liegen zum einen in den knappen, in ihrer Aussage vorwiegend auf andere, vor allem geo- und ethnographische Zielsetzungen ausgerichteten Notizen der antiken Schriftsteller, die zudem offenbar auch nur unzureichende Kenntnisse über dieses für sie sehr entlegene, am äußersten Nordostrand der Oikumene liegende Gebiet besaßen. Nach dem lebhaften wirtschaftlichen Interesse für das Bosporanische Reich, das im 4. Jh. v. Chr. Griechenland und vor allem Athen wegen seiner Getreideversorgung gezeigt hatte, war diese Gegend erst wieder im Zusammenhang mit den Kriegen gegen Mithridates VI. Eupator von Pontos und - nach dessen Niederwerfung - mit den Restaurationsversuchen seiner Nachfolger auf dem bosporanischen Thron bis in augusteische Zeit ins nähere Blickfeld der römischen Ostpolitik getreten. Das Schweigen der römischen Geschichtsschreiber der Kaiserzeit über Ereignisse und historische Abläufe in dieser extremen Randzone des Imperiums hatte wohl vor allen den Grund, daß sich die Regenten des Bosporanischen Reiches, zu dem Tanais damals gehörte, romtreu verhielten und keinen Anlaß zu kritischer Erwähnung im Zusammenhang mit den römischen Unternehmungen im Osten boten. Für die griechischen Historiker des Hellenismus kann dagegen nicht so sehr die Entlegenheit der Gegend, die ja seit dem 6. Jh. v. Chr. im Zuge der großen griechischen Kolonisation bis ins Asowsche Meer (Maiotis) erschlossen war, Anlaß zur Ignorierung gewesen sein als vielmehr die Tatsache, daß die Interessen der griechischen Stadtstaaten wohl kaum so weit gereicht und sich zur Zeit der hellenistischen Territorialstaaten auf ganz andere Weltgegenden konzentriert hatten. Eine zumindest zeitweise Blockade des Informationsflusses mag auch die emotionell negative Einstellung der griechischen demokratischen Staaten zu den als Tyrannen empfundenen und auch so bezeichneten Herrschern des Bosporanischen Reiches bewirkt haben. So ist es eigentlich nicht verwunderlich, daß wir erst im Geographen Strabon die erste literarische Quelle besitzen, die uns kurze und historisch interpretationsbedürftige Nachrichten über Tanais bietet.

Ein weiterer Grund für die schwache Faktenbasis, auf der unser Geschichtsbild des hellenistischen Tanais beruht, ist der bei weitem noch nicht befriedigende Forschungsstand, den die archäologischen Ausgrabungen in den betreffenden hellenistischen Schichten in Tanais bisher erreicht haben. Nach der großflächigeren Freilegung der westlichen Vorstadt mit Teilen ihrer Nord- und Westmauer in den Jahren 1957-1960¹ und dem Auffinden einzelner Bau- und Schichtenreste in verschiedenen Teilen des Stadtgebiets 1955-1961² sowie der Untersuchung der Südwestecke der hellenistischen Stadtbefestigung 1956-1957³ wird seit 1993 mit der Ausgrabung des Eingangsbereich der im südlichen Teil der Stadt gelegenen hellenistischen Agora erstmals ein für eine griechische Polis charakteristischer öffentlicher Bereich erforscht⁴. Trotz der bisher in nur sehr beschränktem Umfang bekannten Architektur haben die vorgefundene Schichtenreste ein ausreichendes archäologisches Sachmaterial geliefert, um zu einem ersten Einblick in den Entwicklungsstand von Handel, Wirtschaft und materieller Kultur des hellenistischen Tanais zu gelangen.

Die dritte Informationsgruppe betrifft unsere Kenntnisse von der historischen Eigenentwicklung im unteren Don- und nordöstlichen Asowgebiet, das ein von seßhaften

Mäotern und nomadisierenden Sarmaten bewohntes Grenzland war⁵. Für die weitere Entwicklung richtungsweisend sollte sich die Süd- und Südwestbewegung sarmatischer Stämme aus ihrem Kernland im südlichen Uralgebiet erweisen. Diese Verlagerung wurde durch die Instabilität der militärpolitischen Lage beginnst, die als Folge der Alexanderzüge nach Mittelasien, der Diadochenkämpfe, der Gründung des Partherreiches und der im Bosporanischen Reich einsetzenden Krise eingetreten war und zur Unterbrechung der sarmatischen Kontakte nach Mittel- und Kleinasiens geführt hatte. Um die Wende vom 4. zum 3. Jh. v. Chr. stießen die Sarmaten im Wolga-Don-Gebiet auf die dort lebende skythische Bevölkerung, die sie vertrieben oder unterwarfen⁶. Die bis zum Beginn des 2. Jhs. v. Chr. ausbleibenden Importe aus dem Süden in dieses nun nur schwach besiedelte Gebiet verursachte in der Forschung große Schwierigkeiten bei der Datierung der Grabkomplexe, was die Meinung entstehen ließ, daß die Präsenz der Sarmaten erst im 2. Jh. v. Chr. im unteren Dongebiet und weiter westlich davon nachweisbar sei. Nachdem um 300 v. Chr. starke Sarmatenverbände von Osten her über den Don gekommen waren und die Skythen aus den Steppen bis zum Dnepr und weiter nach Westen hin vertrieben hatten, waren die nun hier lebenden Stämme um eine neue Balance des Kräfteverhältnisses bemüht. Für das am unteren Don siedelnde Volk der Tanaiten, dessen Zugehörigkeit zu einem bestimmten - mäotischen oder sarmatischen - ethnischen Massiv zwar unklar ist, dessen seßhafte Lebensweise jedoch außer Frage steht⁷, waren die sich in Tanais niederlassenden Griechen natürliche Verbündete gegen die räuberischen Nomadensarmaten. Auf dem Selbstbehauptungswillen der ersten Kolonisten und der teilweisen Interessengleichheit mit den einheimischen Tanaiten beruht offenbar auch der Kompromiß, der in der für den Nordpontos einmaligen bikephalen Administration der Stadt zu sehen ist und der ein über mehrere Jahrhunderte hin gewahrtes positives Verhältnis zwischen den griechischen Kolonisten und späteren Polisbürgern und den umwohnenden Stämmen begründet hat. Da das mittler unter Barbarenstämmen neugegründete Tanais nicht zum Bosporanischen Reich gehörte (s. unten) und nicht auf dessen militärpolitische Potenzen zurückgreifen konnte, ohne seine Selbständigkeit zu gefährden, mußte es aus eigener Kraft und mit diplomatischer Intelligenz seinen Bestand und seine Unabhängigkeit sichern. Deshalb war die Gewährung der Bürgerrechte auch an Einheimische, vor allem wohl an Vertreter der Führungsschicht der Stämme, selbst wenn das eine Abweichung von der in den griechischen Poleis im nordpontischen Gebiet zu beobachtenden Norm darstellt, in Anbetracht der geographischen Lage und der ethnischen Besonderheiten im unteren Dongebiet eigentlich ganz gesetzmäßig⁸.

Unseren Versuch, die hellenistische Periode der tanaitischen Geschichte darzustellen, beginnt mit der Frage, wer Tanais gegründet hat. Der Geograph Strabon (11, 2, 3) nennt Tanais κτίσα τῶν τὸν Βόσπορον ἐχύντων "Ελλήνων" - "eine Gründung der Hellenen, die den [Kimmerischen] Bosporus innehaben", d.h. bosporanische Griechen. Das aber bedeutet noch nicht, daß es sich um die offizielle Entsendung einer Kolonie der bosporanischen Regenten gehandelt hat, denn im Sprachgebrauch der griechischen Literaturquellen werden die Vertreter der den Bosporus beherrschenden Spartokiden-Dynastie nie als "Hellenen" bezeichnet - galt sie doch als "barbarisch" -, und ohne Zweifel ist Strabon ihnen darin gefolgt. So ist eher an eine private Unternehmung bosporanischer Kaufleute auf eigenes Risiko zu denken⁹, die dem Beispiel der anfangs so florierenden Handelsgeschäfte der bosporanischen Kolonie in Elizavetovka folgen wollten. Über das Verhältnis der Neugründung zum Bosporanischen Reich - Zugehörigkeit, Abhängigkeit oder Unabhängigkeit vom Machtzentrum auf dem Bosporus - ist damit noch nichts gesagt.

Direkte Aussagen hierüber finden sich in keiner Quelle, doch lassen sich aus Informationen, die in anderen Zusammenhängen gegeben werden, Hinweise finden. So schreibt Plinius (NH 6, 20), daß die Pantikapiäer das Mündungsgebiet des Tanai beherrschen. Das würde auch die Stadt Tanais betreffen. Zu beachten ist hier jedoch, daß die Nennung der Pantikapiäer in einer Aufzählung aller derer, die auf dieses Gebiet im Laufe der Zeit Einfluß ausgeübt und Anspruch erhoben haben, an zeitlich letzter Stelle steht. Sie betrifft also die Zeit des Plinius selbst, was für die Zugehörigkeit von Tanais zum Bosporanischen Reich im 1. Jh.

n. Chr. sicher der Realität entsprach, aber nichts über das Verhältnis beider zur Gründungszeit im 3. Jh. v. Chr. aussagt. Auch könnten die "Pantikapäer" hier für die von der Hauptstadt Pantikapaion geführten Bosporaner insgesamt stehen, was das Verhältnis der Hauptstadt zum Emporion Tanais relativierte und in ein ganz anderes Licht setzte, zumal von den im hellenistischen Tanais bisher getätigten Funden nur für einen kleineren Teil die Herkunft aus Pantikapaion selbst nachweisbar ist¹¹. Während in der Delta-Siedlung von Elizavetovka der Anteil speziell pantikapiischer Keramikerzeugnisse recht bedeutend ist¹² und die engen Verbindungen beider Orte signifikant zum Ausdruck bringt, unterhielt Tanais von Anfang an sehr intensive Kontakte zum asiatischen Teil des Bosporanischen Reiches (s. unten), die sogar daran denken lassen könnten, in Phanagoria den Entsiedelort der tanaitischen Kolonisten zu sehen.

Im Zusammenhang mit der Beschreibung der ethnischen Situation am Ostufer der Maiotis vermerkt Strabon (11, 2, 11): τῶν τε σωπάτων Μαιοτῶν τὸν Ἀσιανόν οἱ μὲν ἀπόκου τῶν τὸ ἐμπόρου ἔχοντων τὸ ἐν τῷ Τανάδι, οἱ δὲ τῶν Βοσπορανῶν, τοτὲ δ' ἀφίσταντο ἄλλοι ἄλλου, πολλάκις δ' οἱ τῶν Βοσπορανῶν ἡγεμόεσσι καὶ τὰ μέχρι τοι Τανάδος κατεῖχον, καὶ μάλιστα οἱ ὑπατοι, Φαράκης καὶ Ἀσανδρος καὶ Πολέμων - "Von all den asiatischen Maiotern waren die einen denen untertan, die das Emporion in Tanais innehaben, die anderen den Bosporanern. Bald aber fielen die einen, bald die anderen ab. Oft beherrschten die Führer der Bosporaner das bis zum Tanais Liegende, und vor allem die letzten - Pharmakes, Asandros und Polemon". Deutlich ausgesprochen wird hier die Trennung von zwei Herrschaftsgebieten - das von Tanais und das des Bosporus -, was die Zugehörigkeit des einen zum anderen natürlich ausschließt. Verstärkt wird diese Aussage noch durch die Feststellung, daß die anhängigen Stämme zuweilen jeweils von ihren Beherrschern abgefallen sind. Und selbst wenn der dritte Satz die Ausdehnung der bosporanischen Herrschaft über die asiatischen Mäoterstämme (und nur von solchen ist hier die Rede) bis zum Fluß Tanais enthält, so betrifft das nicht die Stadt Tanais, da diese ja in Europa - auf dem europäischen Nordufer des Flusses - liegt.

Eine ähnlich deutliche Sonderung nimmt Strabon an anderer Stelle vor (11, 2, 4), wo er von den Mäotern am Asowschen Meer spricht: τὰ μὲν πλησίον τοῦ Τανάδος ἀμφότερα, τὰ δὲ σωπάτωντα τῷ Βοσπόρῳ χειρόβῃ μάλλον - Wilder sind die, die näher zum Tanais leben, gesitteter die, die an den Bosporus grenzen". Auch hier sind zumindest zwei ethnogeographisch differenzierende Zonen markiert, die sich nach ihrem Hellenisierungsgrad unterscheiden und nicht zusammenfallen können.

Am eindeutigsten aber schließt wohl die Strabon-Textstelle 11, 2, 3 Tanais vom Bosporus aus, in der er die Kaufleute erwähnt, die nach Tanais über den See (= Maiotis) vom Bosporus - ἐκ τοῦ Βοσπόρου - kommen.

Aus den uns vorliegenden literarischen Quellen geht also keineswegs eine Zugehörigkeit des jungen Tanais zum Bosporanischen Reich hervor, was die natürliche Schlußfolgerung zuläßt, daß das Emporion eine administrativ und staatsrechtlich unabhängige Position eingenommen hat. Selbst bei einer offiziellen Entsendung durch den Bosporus wäre eine Unterordnung unter die "Metropolis" nicht obligatorisch gewesen, wie die Mehrzahl der Fälle nicht nur nordponitische griechischer Kolonien und ihrer Entwicklung zu unabhängigen, eigenständigen Polis beweist.

Sehr aufschlußreich ist endlich auch die Tatsache, daß in den bosporanischen Inschriften hellenistischer Zeit Tanais und das untere Donezgebiet kein einziges Mal erwähnt werden. Das spricht für sich, denn bekanntlich wurden alle neu unterworfenen Gebiete im 4. - 1. Hälfte des 3. Jhs. v. Chr. in die Titulatur der Spartokiden aufgenommen¹³, und es gibt keinen Grund dafür, daß Tanais und sein Umfeld eine Ausnahme aus dieser der dynastischen Repräsentationssucht der bosporanischen Regenten so überaus entsprechenden Regel gemacht haben sollten. Im Herrschaftstitel des Parisades II. (284/283-250 v. Chr.), unter dessen Regentschaft auf dem Bosporus die Gründung von Tanais erfolgt sein müßte, fehlen jedenfalls die am Unterdon sitzenden Tanaiten, während die auf der Taman-Halbinsel ansäßigen Sinder und "alle Mäoter" genannt sind¹⁴. Der Stamm der Tanaiten tritt erstmals in der Titulatur des Aspurgos (10/11-37/38 n. Chr.) auf¹⁵, also zu einer viel späteren Zeit, als Tanais und das

Donnmündungsgebiet wohl tatsächlich zum Bosporanischen Reich gehört haben.

Wir dürfen also davon ausgehen, daß Tanais von seiner Gründung an bis zum Anfang oder sogar bis zum Ende des 1. Jhs. v. Chr. eine vom Bosporus politisch unabhängige Siedlung war, die sich im Verlaufe ihrer Existenz von einem Emporion zu einer Polis entwickelt hat. Deren Einverleibung in ein größeres Machtgebilde könnte frühestens in der 1. Hälfte des 1. Jhs. v. Chr. erfolgt sein, als im Zusammenhang mit dem Einschluß des Bosporanischen Reiches in das Reich des Königs von Pontos Mithridates VI. Eupators auch Tanais angeschlossen worden war oder gar selbst Anschluß gesucht hatte¹⁵. Doch darüber liegen uns freilich ebensowenig Nachrichten vor wie über die Möglichkeit, daß erst Polemon am Ende des 1. Jhs. v. Chr. die Stadt unter die Herrschaft des Bosporus gezwungen hat.

Daß Tanais noch in der Mitte des 2. Jhs. v. Chr. eine freie Polis war, bezeugen endgültig zwei 1993 im Eingangsbereich der tanaitischen hellenistischen Agora gefundene Inschriftenfragmente eines Volksbeschlusses - ἐδοξε τῷ δῆμῳ, - wie er für demokratisch regierte griechische Poleis charakteristisch ist¹⁶. Durch diesen Fund findet die schon 1970 von D. B. Šelov geäußerte, aber wegen der dahin noch fehlenden direkten Zeugnisse zurückhaltend formulierte Vermutung, Tanais sei eine vom Bosporus unabhängige, freie Polis gewesen¹⁷, ihre nachträgliche, glänzende Bestätigung. Die Nichtzugehörigkeit zum Bosporanischen Reich kann auch den in Tanais im 3.-1. Jh. v. Chr. fehlenden Umlauf bosporanischer Münzen erklären: In allen Städten und Siedlungen des Bosporanischen Reiches weit verbreitet, sind sie kaum über dessen Grenzen hinausgelangt¹⁸.

Es wäre aber sicher historisch nicht zutreffend, aus der Strabon-Nachricht (11, 2, 11) über die zum Teil Tanais, zum Teil dem Bosporus untertanen asiatischen Mäoterstämme im östlichen Asowgebiet eine Rivalität zwischen den beiden Hegemonien und sogar einen Kampf um Erweiterung ihrer Einflussphären mit endlichem Sieg der bosporanischen Seite zu konstruieren. Dazu waren die wirtschaftlichen und politischen Potentiale viel zu ungleich verteilt. Die staatsrechtlich und administrativ autarke Position der Polis Tanais darf nämlich nicht so einfach auf deren ökonomische Sphäre übertragen werden. Hierzu bemerkt D. B. Šelov sehr zutreffend: "In Bezug auf den Handel muß sich Tanais in direkter Abhängigkeit vom Bosporus befunden haben, weil der Hauptweg, der Tanais mit der antiken Welt verband, durch die Meerenge von Kertsch und ihre Häfen verlief und die wohlwollende Position der bosporanischen Herrscher für den ungestörten Ablauf des tanaitischen Handels in höchstem Maße notwendig war"¹⁹. Andererseits ist natürlich auch davon auszugehen, daß von Seiten der bosporanischen Regenten reges Interesse am Handel mit dem unteren Donegebiet bestand (s. unten), wenn auch in geringerem Maße wegen des Absatzes der eigenen Produkte Wein und Keramiken, für deren Erzeugung die Basis erst allmählich im 3.-2. Jh. v. Chr. aufgebaut wurde, als vielmehr wegen der hohen Gewinne, die die in den bosporanischen Hafenstädten ansässigen Kaufleute durch den Zwischenhandel mit aus der Ägäis und dem West- und Südportos bezogenen Waren erzielten, und wegen der bedeutenden Einkünfte, die der bosporanische Fiskus aus den Steuern und Hafenzöllen bezog²⁰. Die Ausgewogenheit der wechselseitigen Interessen wird wesentlich zu einem peripheriefreien, auf die beiderseitigen Nutzen orientierten Verhältnis zwischen dem kleinen Tanais und dem militärisch und politisch viel stärkeren Bosporus beigetragen haben. Als entscheidender Faktor für die Wohlfahrt der Polis Tanais ist aber in jedem Fall anzusehen, daß es schon die ersten Kolonisten verstanden haben, sich erfolgreich und friedlich mit den umwohnenden Stämmen zu arrangieren, denn angesichts des im unteren Don- und nordöstlichen Asowgebiet herrschenden Kräfteverhältnisses wurde die Lage hier weniger von Tanais und dem Bosporus dominiert als von eben diesen noch recht wilden, d.h. wenig hellenisierten einheimischen Mäoter- und Tanaitenstämmen.

Das Fazit der Beantwortung der Frage, wer Tanais gegründet hat, lautet also: Bosporanische Griechen, die aber nicht unbedingt und sogar mit geringer Wahrscheinlichkeit aus Pantikapaion kamen, haben das Emporion angelegt, das sich in staatlicher Unabhängigkeit vom Bosporus bis zum 1. Jh. v. Chr. als autarke Polis entwickelt hat.

Die Frage, wann Tanais gegründet wurde, befindet sich auch nach 150 Jahren wissenschaftlicher Bemühungen von Historikern und Archäologen immer noch im Stadium

heftiger Diskussion, zumal die neuen Forschungsergebnisse in der Siedlung von Elizavetovka - der Untergang der dortigen bosporanischen Kolonie scheint in einem gewissen zeitlichen, nicht aber kausalen Zusammenhang mit der Gründung von Tanais zu stehen - eine solide Grundlage für eine Neusichtung der Fragestellung bieten. Soweit aber stimmen die Meinungen der Forscher überein, daß die Gründung des Emporion zu einer Zeit erfolgt ist, als nach dem sich um 300 v. Chr. vollziehenden Vordringen der Sarmaten und nach dem erzwungenen Abzug der Skythen nach Westen die am unteren Don lebenden Völker und Stämme um ein neues Verhältnis für das Zusammenleben seßhafter und nomadisierender Elemente rangen. Für die ersten - speziell die Tanaiten an der Dommündung - muß die Ansiedlung von Griechen in dieser aufgewühlten, aufgeregten Zeit eine willkommene Verstärkung ihrer Positionen gewesen sein. Daraus erklärt sich auch das offensichtlich von Anfang an gute Verhältnis zwischen Griechen und Tanaiten. Natürlich stand für die Griechen die Wahrung ihrer Eigeninteressen im Vordergrund. Dabei aber mußten sie die besonderen ethno-kulturellen Bedingungen ihres näheren Siedlungsumfeldes berücksichtigen, wollten sie nicht den materiellen Bestand ihrer Gründung bis hin zur physischen Vernichtung der Kolonisten riskieren (wie das Beispiel der bosporanischen Kolonie in Elizavetovka zeigt). Zum erweiterten Kreis der lokalen Rahmenbedingungen für das junge Emporion gehört noch die historische Situation im Bosporanischen Reich am Anfang des 3. Jhs. v. Chr., über die im Zusammenhang mit der Zielsetzung der Gründung von Tanais weiter unten gesprochen werden soll.

Alle Bemühungen, den exakten Zeitpunkt der Anlage des Emporion Tanais zu bestimmen, mußten sich bisher mit einer Annäherung an dieses Datum zufriedengeben²¹. Der Geograph Strabon, dem wir die meisten Nachrichten über das hellenistische Tanais verdanken, macht hierüber keine Zeittage. Auch alle anderen literarischen Quellen schweigen zu diesem Punkt. So bleiben uns nur die archäologischen Zeugnisse. Zu ihnen gehören als am besten für einer Datierung geeignet einige wenige bosporanische (panikapaïsche) Kupfermünzen aus der Zeit zwischen dem letzten Viertel des 4. und dem 1. Viertel des 3. Jhs. v. Chr., die aber leider zumeist aus späteren Schichten oder aus unklarer Fundlage zutagegekommen sind²². Wenn man berücksichtigt, daß aus allen hellenistischen Schichtteilen, die bisher untersucht wurden, nur zwei weitere Münzen des 2.-1. Jhs. v. Chr. geborgen werden konnten, ist der Ansicht zuzustimmen, daß das hellenistische Tanais nicht an den Münzumlauf des Bosporanischen Reiches angeschlossen war und alle Handelstransaktionen auf der Basis des Warentauschs ausgeführt hat²³. Umso bemerkenswerter, weil dieser Feststellung zum Teil scheinbar widersprechend, ist die Tatsache, daß sechs von den acht bisher aus Tanais bekannten hellenistischen Prägungen aus der Zeit vom Ende des 4. Jhs. v. Chr. bis zum Ende des 1. Viertels des 3. Jhs. v. Chr. stammen. In Anbetracht der im 3. Jh. v. Chr. im Bosporanischen Reich einsetzenden Finanzkrise werden sie nicht lange im Umlauf gewesen sein²⁴ und könnten noch dem persönlichen Besitz der ersten Kolonisten zugerechnet werden²⁵. Aus der jüngsten der fünf frühen Prägungen²⁶ ergäbe sich ein Zeittansatz um 275 v. Chr. für die Gründung von Tanais.

Eine weitere frühe Fundgruppe bilden die an verschiedenen Stellen im Stadtgebiet und in der westlichen Vorstadt zutagegekommenen hellenistischen Amphorenstempel, vor allem die auf den gebogenen Henkeln der rhodischen Amphoren, deren Form vom Ende des 4. bis zur Mitte des 3. Jhs. v. Chr. für die Transportgefäße dieser Insel charakteristisch ist²⁷. Da aber eine genauere zeitliche Fixierung dieser zu den beiden ersten chronologischen Gruppen von V. Grace²⁸ gehörenden Stempel bislang nicht möglich ist, ergeben sie keine Datierung, die die durch die Münzfunde gegebene einengen könnte.

Einen ähnlich weitgefäßten Zeittansatz bieten die zahlenmäßig geringen Funde von Fragmenten schwarcfirnißter Tischkeramik aus den hellenistischen Getreidesilogruben 9 und 10 im Abschnitt XII²⁹ und aus der hellenistischen Schicht an der westlichen Stadtmauer in Abschnitt IV. Bei den bestimmbarer Gefäßresten handelt es sich um Kantharoi und Schalen der von der Athener Agora, Zisterne A und B³⁰, bekannten Typen und um Becher im Gnathia-Stil, die offensichtlich attische Erzeugnisse der Gruppe "West Slope" sind³¹. Die Datierung aller dieser Fragmente umfaßt das Ende des 4. und das 1. Drittel des 3. Jhs. v. Chr.

Da wir bisher über keinen auch nur ansatzweise geschlossenen Fundspiegel der

Gründungsschicht verfügen, neigen wir zu der Annahme, daß Tanais am Ende des 1. Viertels des 3. Jhs. v. Chr. (spätestens gegen 275 v. Chr.) als Emporion angelegt worden ist. Das würde auch mit dem festgestellten kurzzeitigen Überlappen der Fundspiegel in Tanais und in der bosporanischen Kolonie auf der "Akropolis" von Elizavetovka übereinstimmen. Diese in der alten, von den Skythen um die Wende vom 4. zum 3. Jh. v. Chr. verlassenen Großsiedlung mit Stadtharakter erst nach 300 v. Chr. angelegte Kolonie war wohl im Laufe der 70er Jahre des 3. Jhs. v. Chr. durch Brand zerstört und aufgegeben worden. Da die zeitlich letzten Segmente des Fundmaterials aus Elizavetovka ihre Entsprechungen in Tanais finden, ist mit einer sehr kurzzeitigen Parallelexistenz der beiden Handelsplätze im Don-Delta und an der Donnmündung zu rechnen. Dazu müßte das Emporion Tanais kurz vor dem Untergang der Kolonie in Elizavetovka angelegt worden sein.

Es sei aber noch eine weitere Interpretationsmöglichkeit der frühen Funde in Tanais angeführt. Bei der Annahme, diese zahlenmäßig geringen Erzeugnisse des 1. Viertels des 3. Jhs. v. Chr. seien samt dem persönlichen Münzbesitz von den ersten Kolonisten mitgebracht worden³², verwundert, daß diese in Richtung Attika, Thasos, Herakleia Pontika und europäischen Teil des Bosporanischen Reiches weisenden Beziehungen der Gründer in der Folgezeit keinen Niederschlag in den Funden und damit offenbar auch keine Fortsetzung in den Kontakten gefunden haben. Statt dieser Lieferzentren tritt in Tanais nämlich bei den Amphoren Rhodos dominierend vor Sinope in Erscheinung, während die Rolle Attikas beim Tischgeschirr von kleinasiatischen Keramikzentren (unter anderem auch von Pergamon), Delos und vom Bosporus übernommen wurde³³. Dieser spätestens seit der Mitte des 3. Jhs. v. Chr. deutlich wahrzunehmende Bruch könnte seine Ursache darin gehabt haben, daß die in Rede stehenden Fundgruppen (mit Ausnahme der frühen rhodischen Amphoren, deren konkretere Datierung aber nicht möglich ist und die deshalb auch ins 2. Viertel bis zur Mitte des 3. Jhs. v. Chr. gesetzt werden könnten) gar nicht zum Besitzstand der Tanaisgründer gehört haben, sondern von den bald nach der Anlage des Emporion in Tanais aus der zerstörten Kolonie auf der "Akropolis" von Elizavetovka hier Zuflucht und neuen Wohnsitz suchenden Kolonisten aus dem Don-Delta als letzte Habe einschließlich der für die Kolonie üblichen pantikapaïschen Münzen mitgebracht worden sind. Da die Kolonie im Delta ganz andere Haupthandelspartner - Sinope, Herakleia Pontika, Thasos, Chersonesos - gehabt hatte, deren Lieferungen über die Hauptstadt des Bosporanischen Reiches Pantikapaion geliefert waren, während Tanais wohl von Anfang an über den asiatischen Teil des Bosporus (Phanagoria) mit Waren versorgt wurde, brachen die traditionellen Handelsbeziehungen mit dem Untergang der Kolonie und der Übersiedlung ihrer letzten Bewohner aus dem Delta nach Tanais ab und fanden auch im noch jungen Emporion keine Fortsetzung, da hier anders orientierte Kontakte bestanden. Das würde den Abbruch der Fundreihe der attischen Keramiken und der für Elizavetovka charakteristischen Amphorenlieferzentren in Tanais erklären, aber auch den geringen frühen Fundbestand nicht den Gründern des Emporion, sondern den Übersiedlern zuweisen. Zudem könnte eine solche Interpretation auch das oben in Aussicht genommene Gründungsdatum für Tanais kurz vor der Zerstörung der Kolonie in Elizavetovka noch wahrscheinlicher machen.

Bei Akzeptanz der oben dargelegten Interpretation der frühen Funde in Tanais erscheint es wie Ironie des Schicksals einer wissenschaftlichen Mutmaßung des ersten Ausgräbers von Tanais - P. M. Leont'ev: Nach seinen 1853 in recht großem Umfang durchgeföhrten Arbeiten war er auf Grund der falschen Datierung der Funde ausschließlich in die ersten Jahrhunderte n. Chr. zu der Überzeugung gekommen, in dem bei Nedvigovka gelegenen Tanais nur die spätere, nach-polemonische Stadt vor sich zu haben, und daß das ursprüngliche Tanais möglicherweise anderenorts, höchstwahrscheinlich in der Siedlung von Elizavetovka zu suchen sei³⁴. Diese sehr vorsichtige Mutmaßung, deren Entscheidung er selbst nach seinen Grabungen im Delta noch offengelassen hatte, wurde bei späteren Forschern zur fest nachgewiesenen Größe in ihrem historischen Bild von der Verlegung der Stadt aus dem Delta. Das hatte die irrite Vorstellung von der zeitlich aufeinander folgenden Existenz zweier Tanais an verschiedenen Stellen zur Konsequenz³⁵. Diese Übersiedlungstheorie hielt sich bis zur Mitte unseres Jahrhunderts hartnäckig in der Konzeption vieler Archäologen und Historiker³⁶ - mit

Ausnahme M. I. Rostovcevs³⁷. Erst durch die neuen Ergebnisse der Ausgrabungen in Elizavetovka wurde sie grundsätzlich widerlegt. Wenn auch die Siedlung von Elizavetovka und die Stadt Tanais erwiesenermaßen in jeder Beziehung - abgesehen vom Zweck ihrer Gründung für die Realisierung des Warenaustauschs zwischen den Griechen und den einheimischen Stämmen - voneinander unabhängige und zeitlich bis auf eine sehr kurze Spanne differierende Siedlungspunkte waren, so kann doch nach der Zerstörung der dortigen bosporanischen Kolonie eine Übersiedlung aus dem Delta nach Tanais stattgefunden haben - wenn auch nicht nach einer Vernichtung durch Polemons Heer, sondern vermutlich durch Sarmaten, und auch nicht erst nach der ins Jahr 8 v. Chr. fallenden Strafaktion des bosporanischen Regenten, sondern schon rund 260 Jahre früher. Kurz: Es gab keine zwei Tanais, doch eine Übersiedlung könnte es gegeben haben.

Neben der Verbindung von Tanais und der griechischen Kolonie in Elizavetovka durch die kurzzeitige Überlappung der Fundspiegel beider Siedlungspunkte könnte auch eine solche Übersiedlung der sich aus ihrem untergegangenen Wohnsitz im Delta nach Tanais rettenden letzten Einwohner von Elizavetovka ein verstärkender Hinweis darauf sein, daß das Emporion um 275 v. Chr. entstanden ist.

Für die Beantwortung der Frage, wo sich das Emporion und die spätere Polis Tanais befand, stehen uns Angaben einiger antiker Autoren zur Verfügung. So gibt Ptolemaios die Lage der Stadt als "zwischen den Mündungen" des Flusses gelegen unter 67° Länge und 54° 30' Breite an³⁸. Unter diesen Koordinaten befindet sich bei ihm aber die östliche Deltamündung des Tanais in die Maiotis, die nach der Feststellung Leont'evs³⁹ eigentlich die südliche Mündung ist. Da Tanais aber an der nördlichen Mündung gelegen ist, scheint hier bei Ptolemaios eine in ihren Ursachen nicht mehr zu klärende Verwechslung der Himmelsrichtungen vorzuliegen⁴⁰. Ganz eindeutig sagt dagegen Strabon, daß die Stadt am Fluß und am See (= Maiotis) lag⁴¹. Als Mündungsarm kommt nur der nördliche in Frage, der in der Antike den Hauptarm dargestellt hat. Die Lage direkt am Meer an der Flußmündung geht auch aus der bei Strabon folgenden Bemerkung hervor, daß die Kaufleute über die Maiotis - nicht aber über den Fluß - nach Tanais kommen⁴². Auch von Plinius, der aus früheren Quellen schöpft, befindet sich Tanais an der Flußmündung⁴³, und letztlich schreibt Alexander Polyhistor (bei Steph. Byz., s. v. Τάναις): κατὰ δὲ τὰς εἰς τὴν λίμνην τὴν Μαιώτικήν τούν Τανάδος πόλες ἔλληπτη ἐκτισται Τάναις ἡπτική καὶ Ἐμπόριον διωμάζεται - "An der Mündung des Tanais in den Maiotis-See wurde die griechische Stadt Tanais gegründet, die auch Emporion genannt wird".

Unter Berücksichtigung dessen, daß für die antiken Autoren von den vielen größeren und kleineren Mündungsarmen des Don-Deltas vor allem nur der schiffbare nördliche Hauptarm in Betracht kam, kann die Position der Stadt an der Einmündung eben dieses Armes ins Meer als gesichert betrachtet werden. Damit darf Tanais als Fluß- und Seehafenstadt bezeichnet werden, die auch größere seegängige Schiffe anlaufen konnten und die die Waren stromauf über den Tanais ins Landesinnere weiterleitete.

Die eigentliche Siedlung lag über dem Hafen auf der zweiten Terrasse des Don-Urstromtals in verteidigungsfähiger Position. Das Stadtgebiet hat mit 225 x 240 m fast quadratische Form. An der Ost- und Westseite bildeten heute bis zu 19 m tiefe und bis zu 30 m breite Steppenschluchten die Begrenzung, im Süden bricht die Uferterrasse 15 m steil ab. Nur nach Norden ist das leicht ansteigende Gelände offen. Die Ausgrabungen in verschiedenen Bereichen des "Rechtecks" haben überall Spuren hellenistischer Besiedlung erbracht, so daß davon auszugehen ist, daß die hellenistische Stadt die gesamte Fläche eingenommen hatte⁴⁴. So kamen im Abschnitt I im Zentrum des Nordteils des Stadtgebiets Reste von Trockenmauern in regulärer Steinschichtung von Gebäuden zutage, deren Existenzzeit durch die Funde von rhodischen, sinopischen und koischen Amphoren und schwarzfirnißter Tischkeramik auf die Zeit von der Mitte des 3. bis zum 1. Jh. v. Chr. angesetzt werden kann⁴⁵. Der Abschnitt II in der Nordostecke des "Rechtecks" erbrachte neben frühen rhodischen Stempeln aus der 1. Hälfte des 3. Jhs. v. Chr. ebenfalls Schwarzfirnißkeramik und "megarische" Becher des 3.-2. Jhs. v. Chr.⁴⁶. Im Abschnitt XII nahe der Südostecke wurden zwei große birnenförmige, in den

Fels eingelassene, bis zu 3,20 m tiefe Getreidesilogruben gefunden, die durch die in ihnen enthaltene Keramik auf das Ende des 3. und ins 2. Jh. v. Chr. zu datieren sind¹⁷. Eine größere Strecke der hellenistischen Verteidigungsmauer mit einem vorspringenden Turm konnte im Südwestteil freigelegt werden¹⁸. An sie stoßen von innen mit der Stadtmauer verfügte Wände von vier Räumen an, von denen drei unterkellert waren¹⁹. Nach den in der Bauschicht gefundenen rhodischen und sinopischen Amphorenstempeln vom Ende des 3. und Anfang des 2. Jhs. v. Chr. fällt der Aufbau dieses Mauerbereichs ins beginnende 2. Jh. v. Chr. Ein Stück der Westmauer mit zwei Türen wurde auch weiter nördlich in Abschnitt VI ausgegraben²⁰.

Daß wir im Stadtgebiet über keine Reste hellenistischer ebenerdiger Wohn- und Wirtschaftsbauten verfügen, ist eine Folge des radikalen Neuaufbaus der Stadt am Ende des 1. - Anfang des 2. Jhs. n. Chr., dem alle hinderlichen älteren Baureste zum Opfer fielen; nach Möglichkeit weiterbenutzt wurden lediglich einige Keller, deren Anlage im Fels viel Mühe gekostet hatte. So ist uns bis heute die reale Ausdehnung der hellenistischen Stadt und ihre innere Planung noch weitgehend unbekannt.

Erst in den letzten Jahren konnte mit der Freilegung des Propylons des Südeingangs zur Agora erstmals ein öffentlicher Bereich des Stadtgebiets untersucht werden²¹. Hier gehen von einem Vorplatz, der sich über ca. 30 m vom südlichen Hafentor nach Norden bis zum Propylon erstreckt, zwei breite, mit Amphorenserben gepflasterte Straßen nach Nord-Nord-Ost und Nord-Nord-West aus. Einen großen Teil der südlichen, kurzen Seite des sich so ergebenden Trapezes der von diesen Straßen eingefaßten eigentlichen Agora nimmt das mit seiner Front nach Süden zum Hafen weisende Propylon ein, das aus einer dreistufigen, 8 m breiten Vortreppe, Torraum und nördlichem Ausgang zur Agorfläche durch eine Pfeilerstellung besteht. Nach den datierenden Funden aus der mehrfach erneuerten Straßenpflasterung, dem Torbau und der sich westlich an diesen anschließenden Terrasse mit Stützmauern entstanden diese Teile des öffentlichen, architektonisch ausgestalteten Stadtbereichs sukzessive seit etwa 220 v. Chr. bis gegen Ende des 2. Jhs. v. Chr.

Ergeben die Ausgrabungsergebnisse im Stadtgebiet bisher nur eine höchst unvollständige Vorstellung vom Aussehen des hellenistischen Tanais, so ermöglichte die Freilegung eines geschlossenen Teils der westlichen Vorstadt einen Einblick in Aufbau und Entwicklung dieses nach Aussage der Architektur von hellenisierten Einheimischen bewohnten Stadtteils. Die Untersuchungsbedingungen waren hier wesentlich günstiger als im Stadtgebiet selbst, wo durch die spätere Bautätigkeit kaum Reste der hellenistischen Anlagen erhalten geblieben sind: Die Vorstadt hatte nach ihrer totalen Zerstörung, die zeitgleich mit der der Stadt im Jahre 8 v. Chr. erfolgt ist, seit dem 1. Jh. n. Chr. nur als städtische Mülldeponie gedient²².

Die in ihrer bisher festgestellten Ausdehnung von 125 (Nord-Süd) x 120-150 m (Ost-West) auch annähernd quadratische Form aufweisende Vorstadt war im Norden und Westen durch eine 2,75-3,20 m breite Verteidigungsmauer geschützt, die ohne größere Fundamentierung aus großen Bruchsteinen in Lehmbindung mit geschwungenen Fluchten errichtet worden war²³. Der Anschluß im Osten an die Westmauer der Stadt ist zwar nicht sicher nachgewiesen, aber wahrscheinlich, da die Innenbauten die beiden Hänge der damals noch nicht künstlich vertieften westlichen Steppenschlucht überziehen²⁴. Im Süden bildete der Steilhang der Doniterrasse die Begrenzung des Siedlungsteils, in dem in irregularer Planung und Orientierung und in sehr enger Bebauung mehrräumige Kleinghöfe mit gepflasterten Innenhöfen liegen. Die ebenerdigen Häuser haben gebogene Wände ohne rechtwinklige Ecken, leichte Stroh- oder Schildfächer und als Inneneinrichtung einfache Herdstellen mit Aschegrube und mehrere Vorratsgruben²⁵. Die Verbindung zwischen den Anwesen bilden gewundene, enge Gassen ohne Pflasterung. Eine Folge der geringen Stabilität der Bauten war, daß sie von der Mitte des 3. bis zum Ende des 1. Jhs. v. Chr. oftmals erneuert werden mußten. So können in der 1,30 m dicken hellenistischen Kulturschicht sieben Bauperioden unterschieden werden²⁶, deren detaillierte Datierung durch die hier gefundenen Materialien - vor allem durch die Amphorenstempel - ermöglicht wird.

Wenn auch von den frühesten Bauten nur Fundamentreste und eine Anzahl später zugeschütteter Gruben erhalten geblieben sind, lassen sich doch aus dem Befund zwei wichtige

Schlüsse ziehen: Zum einen weist die Steinbauweise, die der Steppe fremd ist, auf griechischen Einfluß und einen gewissen Hellenisierungsgrad der autochthonen Bewohner hin. Dieser gibt sich auch in der Benutzung griechischer Tischkeramik und in dem an der Amphorenzahl gemessenen starken Verbrauch von Wein zu erkennen. Zum anderen kann als das Vorbild für die Grundplanung der Vorstadt, für ihre Mauer und die Form der Gehöfte nur das Architekturensystem der direkt benachbarten, wohl ausschließlich von Griechen bewohnten eigentlichen Stadt gedient haben. Das wiederum läßt gewisse Schlüsse auf Planung und Anlage der letzteren zu. Die geringen bisher im Stadtgebiet gefundenen Baureste zeigen einheitlich orientierte, sauber fundamentierte, rechteckige Mauerstrukturen aus zwar nur grob bearbeitetem, aber großformatigem Stein in sorgfältiger Verlegung in Lehm. Die wenigen Dachziegelfunde sprechen für Verbreitung von Schilf- und Strohdächern. Hartbedeckung war offenbar besonderen - wohl öffentlichen - Bauten vorbehalten. Darin ist eher ein Hinweis auf lokale Traditionen und kluge Nutzung der im Delta reichlich vorhandenen Naturressourcen zu sehen als ein Zeichen von Armut, zumal die reiche Ausstattung der hellenistischen Gräber in der tanaitischen Nekropole dazu in scharfem Gegensatz stehen würde⁶⁷. Außerdem war die Gewinnspanne der ortsansässigen Kaufleute und Händler offensichtlich beträchtlich, denn schon nach zwei Generationen ermöglichten es die öffentlichen und privaten Einkünfte den Bewohnern des Emporion, ihrer Polis durch die Anlage breiter Straßen und Plätze und die Errichtung von Stadtmauern mit Türmen und Toren auch äußerlich das entsprechende Aussehen zu verleihen. Ohne Zweifel hätten sich die reichen Händler dann auch repräsentative Wohnsitze mit Ziegeldächern leisten können - und haben es vielleicht auch getan, ohne daß wir bisher davon Kenntnis bekommen haben.

Trotz aller auf dem noch geringen Forschungsstand beruhenden Unklarheiten kann man mit einiger Sicherheit davon ausgehen, daß Stadt und Vorstadt zwei durch die Westmauer getrennte Gemeindeteile dargestellt haben⁶⁸. Die dualistische, bikapiale Organisation der Verwaltung von Tanais ist für die hellenistische Periode inschriftlich noch nicht belegt, doch weist die in der Folgezeit häufige Nennung von zwei Gemeindeoberhäuptern - Hellenarch und Archon der Tanaiten - in Inschriften der bosporanischen Periode auf eine alte Tradition hin, die von irgendwoher neu einzuführen die bosporanischen Herrscher keinen Anlaß, sie zu wahren dagegen viele Gründe gehabt hätten.⁶⁹ Ελλῆρες καὶ Ταναῖται als Bewohner selbstständiger, ethnisch differenzierter Gemeindeteile sowie ihre höchsten Amtspersonen ἑλληράπτης ἢ δέ δάρκως Ταναῖτῶν finden sich mehrfach in Inschriften des 2. und 3. Jhs. n. Chr.⁷⁰. Daß die Vertreter der beiden Gemeindeteile auch selbstständig agieren konnten, darauf könnte die mehrfach auftretende alleinige Nennung des Hellenarchen hinweisen⁷¹. Es wäre sicher overspitzt, in der Tatsache, daß uns nur für den Vertreter des griechischen Gemeindeteils solche Beweise partikularer Machtfestigung vorliegen, eine Dominanz des entsprechenden ethnischen Bestandteils der Einwohnerschaft zu sehen, ist doch immer die Rolle des Zufalls bei der Auffindung zu berücksichtigen. Aber auch von Seiten der Tanaiten wurde offenbar auf eine gewisse Abgrenzung geachtet, denn in einer Inschrift bezeichnet sich Demetrios, Sohn des Apollonios, als Tanait: Δημητρίος οἱ Απολλώνιου Ταναιεῖτης⁷².

Die schon längere Zeit auf der Grundlage der inschriftlichen Zeugnisse bestehende Vorstellung von einer eher ethnisch als kulturell bedingten Teilung der Gemeinde⁷³ ist durch den in der Westvorstadt freigelegten Befund in dem Sinne bestätigt worden, daß die eigentliche Stadt offenbar von "Hellenen" besiedelt war, die sich aus den bosporanischen Gründerkolonisten und den Übersiedlern aus der zerstörten Kolonie in Elizavetovka sowie bei der Nachkommen zusammensetzten. Diese hielten sich selbstverständlich für Griechen, obwohl sie nach über 200-jährigem Zusammenleben mit Skythen, Mäotern und jüngst auch Sarmaten im Bosporanischen Reich längst keine reinen Griechen mehr waren⁷⁴. Die seit der Mitte des 3. Jhs. v. Chr. entstandene Vorstadt bevölkerten dagegen Barbaren, die sich als nicht-griechische Bürger der Stadt "Tanaiten" nannten, aber deshalb durchaus nicht nur aus dem unteren Donau lebenden Stamm oder Volk der Tanaiten gekommen sein mußten⁷⁵. Das sich schnell zur Polis entwickelnde Emporion wird als einziges Siedlungszentrum der Gegend eine große Anziehungskraft auf die hier siedelnden Stämme ausgeübt haben. Teile von ihnen - ver-

mutlich vor allem Vertreter der Schichten, die mit dem Weitertransport und der Vermittlung von Austauschgütern befaßt waren (der Begriff "barbarische Händler" wäre eine zutreffende Neuschöpfung) - zogen nach Tanais, wurden aber nicht in, sondern neben der Stadt angesiedelt. Auf diesem wohl von Anfang an gefundenen Kompromiß basiert die für Tanais eigenständliche Bikephalie der Selbstverwaltung der beiden Gemeindeteile, deren gewählte (oder ausgeloste) Amtspersonen natürlich nach dem Vorbild der griechischen Polisinstitutionen als *afrawn, locagov*"⁶⁵, *prostavh*"⁶⁶ und *prosodikov*"⁶⁷ bezeichnet wurden. Wenn uns auch noch keine realen Angaben über Aufbau und Administration des hellenistischen Tanais vorliegen, so läßt sich doch einiges aus den Inschriften der bosporanischen Periode der tanaitischen Stadtgeschichte erschließen, in denen diese Ämter - wenn auch sicher nur noch als Relikt aus der Autarkieperiode von Tanais - genannt werden⁶⁸. Die anfangs beiderseits gewährte Unterscheidung der beiden Gemeindeteile verliert sich zwar nach der Zerstörung der Vorstadt durch Polemon und der späteren Einsiedlung der "Tanaiten" in die Stadt der "Hellenen" seit dem 1.-2. Jh. n. Chr., doch blieben die alten Bezeichnungen bis zur Mitte des 3. Jhs. bemerkenswerterweise erhalten.

Eigentlich wäre zu erwarten, daß sich die Gemeindeteilung auch in den ethnisch bestimmten Bestattungssitten in der tanaitischen Nekropole niedergeschlagen hat. In den rund 50 bisher untersuchten Gräbern aus der hellenistischen Periode, von denen die Hälfte aus dem 3.-2. Jh. v. Chr. stammt⁶⁹, zeigen sich jedoch höchst selten Züge, die eine solche Differenzierung zuließen. Im Gegenteil, charakteristisch für die tanaitische Nekropole ist die Vermischung der Grabanlagetypen, der Orientierung der Bestatteten und der Normen des Grabinventars. Jeweils für Griechen oder Barbaren typische Merkmale⁷⁰ treten so oft gemeinsam auf, daß diese Vermischung verschiedener ethno-kultureller Traditionen in einem Grab den deutlichsten Beweis gegenseitiger tiefgreifender Beeinflussung und bis in die familiären Verbindungen reichender Verflechtung erbringt⁷¹.

Die Frage, zu welchem Zwecke und mit welchem Ziele Tanais gegründet wurde, erfordert einen kurzen Exkurs in die Geschichte des Bosporanischen Reiches seit dem Ende des 4. Jhs. v. Chr. Dieser Staat, der noch im 4. Jh. v. Chr. der führende Getreideexporteur in die Ägäis und vor allem nach Athen gewesen war, geriet gegen Ende dieses Jahrhunderts in eine im Innern wie im Äußeren zunehmend krisenhafte Situation: Das Kornaufkommen für den Export nahm ab durch den steigenden Bedarf der eigenen bosporanischen Bevölkerung, die zu dieser Zeit von der landwirtschaftlichen Produktion zur Entwicklung der handwerklichen überging. So entstehen nun große Töpfereibetriebe, die unter anderem für den Bedarf der jetzt ebenfalls ausgeweiteten eigenen Weinerzeugung Amphoren herstellen, und die im königlichen Besitz befindlichen Großziegelnen, deren Produktionsausstoß im Zusammenhang mit dem gerade am Anfang des 3. Jhs. v. Chr. in Pantikapaiion zu beobachtenden Bauboom stark ansteigt. Die nun eintretende Vergrößerung des hauptstädtischen Stadtgebiets war die Folge eines wachsenden Bevölkerungszuzugs aus dem bosporanischen und gesamt-pontischen Bereich. Die Abwanderung vom Land in die städtischen Zentren des Bosphorus verursachte eine sprunghaft steigende Nachfrage nach Brotgetreide auf Seiten der Stadtbevölkerung und gleichzeitig durch die Reduzierung der Zahl der in der Landwirtschaft Tätigen ein sinkendes Aufkommen dieses Grundnahrungsmittels. Eine extensive Ausweitung der Anbauflächen war nicht mehr möglich, da alles nutzbare Kornland im europäischen und asiatischen Teil des Bosporanischen Reiches schon seit der 2. Hälfte des 4. Jhs. v. Chr. in Kultur war. Diese Fläche konnte nur durch neue Eroberungen erweitert werden; zu solchen aber war der Bosphorus angesichts der seit 300 v. Chr. durch die Sarmateninvadion in der Steppe entstandenen neuen Machtverhältnisse offenbar nicht mehr stark genug. Zudem entstanden nun im 3. Jh. v. Chr. auf ehemaligem Kornland große Weingüter, was eine weitere Einschränkung des Getreideaufkommens bedeutete. Die früher schon genutzte Möglichkeit des Zukaus über die skythische Steppe war seit dem Vordringen der Sarmaten und dem damit verbundenen Abzug der Skythen ebenfalls nicht mehr gegeben: Das altbewährte Austauschsystem war völlig zusammengebrochen und mußte mit den Sarmaten erst neu aufgebaut werden.

So kam es zu der Konfrontation steigenden Eigenbedarfs an Brotgetreide bei gleichzeitig

sinkendem Aufkommen. Dieses Dilemma versuchte man durch Reduzierung des Exportvolumens zu lösen, um dem Umbau der bosporanischen Wirtschaft auf Handwerks- und Weinproduktion die notwendigen Ressourcen zur Verfügung stellen zu können⁶⁹. Die Folge war aber nicht nur die Entwicklung der eigenen Produktionsbasis, sondern auch eine das ganze 3. Jh. v. Chr. andauernde Finanzkrise im Bosporanischen Reich, die mit dem Übergang von der Edelmetall- auf die Kupferprägung ursächlich verbunden war. Einen ernstzunehmenden Faktor bildete hierbei offenbar auch der durch den sinkenden Handel mit Athen allmählich ausbleibende Zustrom an Münzsilber⁷⁰.

Die Reduzierung der Exportgetreidemenge zwang im Interesse des Handels zur Suche nach anderen Warenäquivalenten, zumal nun in den alten, schon seit langem bestehenden Kreis der bosporanischen Handelspartner mit Sinope, Herakleia Pontika, Amisos und Rhodos zusätzlich neue lieferfähige Öl- und Weinproduktionszentren Aufnahme suchten und fanden. Zum Ausgleich der ins Schwanken geratenen bosporanischen Zahlungs- und Handelsbilanz wurde zum einen die Ziegelproduktion von den Spartokiden-Regenten monopolisiert⁷¹, was dem Fiskus entsprechende Beträge zuführte, und zum anderen das Warenangebot für die Außenhandelspartner erweitert, was durch Belebung des Transithandels reiche Hafeneinnahmen einbrachte. Nach Polybios (4, 38, 4) lieferten die pontischen Länder - darunter natürlich auch der Bosphorus - "für den erforderlichen Lebensbedarf ... Vieh und eine Menge Sklaven und als Luxusartikel Honig, Wachs und gesalzenen Fisch im Überflut". Vieh konnte von den skythischen, mäotischen und sarmatischen Stämmen eingehandelt werden⁷², und für den Sklavenhandel, der sicher einen beträchtlichen Teil der aus dem zurückgehenden Getreidehandel resultierenden Einbußen für die Staatskasse ausgeglichen hat, boten sich bei den neuen sarmatischen Herren der Donstufen, die anfangs noch auf das Reservoir der von ihnen unterworfenen Skythen zurückgreifen konnten, gute Voraussetzungen für ein regelmäßiges Aufkommen der Ware Mensch⁷³. Der von Polybios zum Luxus gezählte Salzfisch aber wird auch wegen der großen Mengen, in denen er über den Bosphorus exportiert wurde, und wegen des für ein Luxusgut zu erzielenden hohen Preises einen wichtigen Posten in der bosporanischen Handelsbilanz eingenommen haben. Noch Strabon (7, 4, 6) erwähnt ihn gleich neben dem Getreide als wichtigsten Exportartikel⁷⁴, und am Ende des 4. und im 3. Jh. v. Chr. tritt neben der Ähre der Fisch (Stör) als Münzzeichen des Bosphorus auf⁷⁵.

Die Notwendigkeit, die für den Griechenlandhandel notwendigen Warenäquivalente zu beschaffen, rückte das untere Dongebiet als reiche Quelle für Vieh, Sklaven und Fisch in den Vordergrund der handelspolitischen Bemühungen des Bosporanischen Reiches. Im Gegenzug stieg natürlich auch die Bedeutung dieses Gebiets für den Absatz bosporanischer Waren - vor allem des jetzt mit den griechischen Importen in Konkurrenz tretenden eigenen Weins und der Erzeugnisse der sich entfaltenden bosporanischen keramischen Gefäßproduktion.

In Rahmen dieser kurz umrissenen wirtschaftlichen Situation des Bosphorus im beginnenden 3. Jh. v. Chr. erfolgte neben der Entsendung der bosporanischen Kolonie ins Don-Delta nach Elizavetovka nun auch die Gründung des Emporion Tanais, freilich nicht wie vielleicht jene als staatliche Maßnahme, sondern als Privatinitiative bosporanischer Kaufleute, und sicherlich nicht ausschließlich (wenn überhaupt) von Pantikapaios aus, sondern - wie die Kontakte des hellenistischen Tanais zeigen - viel eher unter starker Beteiligung des asiatischen Teils des Bosphorus (Phanagoria).

Daß Tanais zu Handelszwecken als Emporion für das untere Dongebiet angelegt wurde, geht aus den Notizen Strabons (7, 4, 5; 11, 2, 3; 11, 2, 11) eindeutig hervor. Vieh und Sklaven werden hier als Hauptwarengruppen genannt, die von den Nomaden gegen die griechischen Importe eingetauscht wurden. Tanais als Emporion kennt vor Strabon schon Alexander Polyhistor (bei Steph. Byz., s. v. Tavni⁷⁶), der im nördlichen Pontosgebiet nur Tanais durch diesen Terminus als ausgesprochenes Handelszentrum markiert. Daß diese Hauptfunktion der Siedlung über Jahrhunderte hin auch den Bewohnern der Polis Tanais und nicht nur den Betreibern des Emporion im Bewußtsein (und also in der praktischen Realität) blieb, zeigt, daß bis ins 3. Jh. n. Chr. in tanaitischen Inschriften der Begriff ejmpovrion als Lokalbezeichnung auftritt⁷⁷.

Trotz des in Tanais noch höchst unvollständig vorliegenden Fundspiegels der hellenistischen Schichten tritt von Anfang seiner Existenz an eine eindeutige Dominanz der rhodischen Amphoren in Erscheinung, die bis zum Ende des 2. Jhs. v. Chr. anhält. Die Dynamik der Warenzuführung nach Tanais läßt sich an dieser Fundgruppe besonders klar ablesen⁷⁷: Der bis zur Mitte des 3. Jhs. v. Chr. offenbar zahlenmäßig noch geringe Import steigt in der 2. Hälfte des Jahrhunderts sprunghaft an, verdreifacht sich ab 220 v. Chr. bis zum beginnenden 2. Jh. v. Chr., erfährt im 2. Viertel des 2. Jhs. v. Chr. noch einmal eine weitere Steigerung, um dann in der 2. Hälfte des Jahrhunderts stark abzunehmen und um die Jahrhundertwende fast völlig abzubrechen⁷⁸. Zu dieser Zeit setzt der Massenimport aus Kos ein, der die rhodischen Einfuhren vom tanaitischen Markt verdrängt und sich bis ins 1. Viertel des 1. Jhs. n. Chr. erstreckt⁷⁹. Unter den nach Tanais liefernden ägyptischen und pontischen Zentren steht Sinope - mit großem Abstand zu Rhodos - seit 220 v. Chr. an zweiter Stelle⁸⁰, gefolgt von den mit nur wenigen Amphoren vertretenen Zentren Knidos und Chersonesos. Auffällig ist das fast völlige Fehlen von Amphoren aus Thasos und Herakleia Pontika, die in der bosporanischen Kolonie in Elizavetovka einen hohen Fundanteil besitzen, während dort Rhodos praktisch nicht vertreten ist. Diese auffällige Diskrepanz zwischen den Handelspartnerkreisen der beiden Nachbarsiedlungen zeigt, daß beide Handelpunkte auf unterschiedliche bosporanische Transithäfen orientiert waren. Dem eindeutigen Übereinstimmen der Materialien in Elizavetovka und Pantikapaion steht ein ebenso klares Verhältnis zwischen Tanais und Phanagoria gegenüber, wo eine ähnliche prozentuale Verteilung der Lieferzentren mit hoher rhodischer Dominanz festzustellen ist⁸¹.

Beide Hafenstädte - Pantikapaion in der Ostkrim im europäischen Teil, Phanagoria auf der Taman-Halbinsel im asiatischen Teil des Bosporanischen Reiches - waren die Hauptstädte ihres jeweiligen Reichsteils und betrieben offensichtlich eine eigenständige Handelspolitik. Die enge Bindung der tanaitischen Kontakte an Phanagoria läßt vermuten, daß auch die Gründer des Emporion von dort oder zumindest aus dem asiatischen Landesteil gekommen waren. Zusätzliche Argumente für diese Annahme liefert, daß auch in der frühen Nekropole von Tanais in den Bestattungssitten mit dem asiatischen Teil des Bosporus gemeinsame Besonderheiten zu beobachten sind⁸² und daß 1993 im Bereich des Agora-Propylons ein Fragment einer Marmortafel mit Relieffkomposition im Giebelteil und Sphingen als Eckakroteria gefunden wurde, deren Weihinschrift die Göttin Aphrodite, Herrin von Apaturos, nennt⁸³. Dieser Kult hatte in Apaturos bei Phanagoria sein Zentrum und war lokal sehr begrenzt. Wenn nun in Tanais ein epigraphischer Kultheleg zutage gekommen ist, so läßt das darauf schließen, daß dieser Kult von den Kolonisten aus ihrer Heimat eingeführt worden ist und die Erstsieller also aus dem asiatischen Landesteil gekommen sein müßten.

Der Fakt der zeitlich sehr nahen Anlage von zwei bosporanischen Handelpunkten in direkter Nachbarschaft im bzw. am Don-Delta könnte den Gedanken an eine Rivalitäts- und Konkurrenzsituation der beiden Landesteile und ihrer Hauptstädte aufkommen lassen. Selbst wenn die schon geäußerte Vermutung, Tanais sei von politischen Flüchtlingen oder zumindest von Oppositionellen gegen die Zentralgewalt des Bosporus gegründet worden⁸⁴, eben nur vermutbar, aber nicht beweisbar ist, könnte für eine solche Annahme auch die in beiden Landesteilen sehr unterschiedliche ethnische Situation sprechen. Da Sinder und Mäoter nicht nur die Hauptbevölkerung des asiatischen Teils des Bosporanischen Reiches bildeten, sondern mäotische Stämme auch weiter nördlich am Ostufer der Maiottis bis hinauf zum Tanais lebten, wird sich auch die ethnische Klammer für die enge Verbindung von Tanais zu Phanagoria als besonders tragfähig und für den Absatz von Waren aus diesem Gebiet günstig erwiesen haben (die Abnahme von Waren, die über "ihre" Hauptstadt geliefert wurden, könnte in gewisser Weise favorisiert worden sein). Dieser aus den Lieferverbindungen der beiden bosporanischen Zentren für den Handel erschließbare Unterschied und vielleicht sogar Rivalitätsstatus (der auch arbeitsteilige Gründe gehabt haben könnte) sollte aber ohne entsprechende Beweise nicht voreilig auf die politische Ebene übertragen werden, auch wenn sich ex eventu der Ereignisse um die Auseinandersetzung zwischen Polemon und Dynamis am Ende des 1. Jhs. v. Chr. eine solche politisch-ethnisch-wirtschaftliche Divergenz der beiden Landesteile scheinbar bis ins 3.

Jh. v. Chr. rückprojizieren ließe. Einer solchen Überinterpretation steht schon der Fakt entgegen, daß Tanais auch über Pantikapaion Waren bezogen hat: Kam über Phanagoria vor allem rhodischer Wein in großen Mengen, so liefen die sinopischen Öllieferungen, die in Tanais verständlicherweise keine großen Dimensionen erreichen konnten⁸⁵, der Import von Gebrauchsgeschirr und Feinkeramik sowie Erzeugnissen des Schmuckhandwerks über Pantikapaion⁸⁶. Über welchen Haupthafen das kleinasiatische und südpontische Geschirr, die Schwarzfirnis- und Reliefkeramik aus Pergamon und vor allem Delos sowie die Rotfirnisware des 1. Jhs. v. Chr. hierher kamen, ist im Einzelfall noch unklar⁸⁷.

Bei aller Zufälligkeit des bisherigen Fundbestands ist aber vor allem zu berücksichtigen, daß Tanais ein Transit gehandelspunkt war, in dem naturgemäß nur ein Teil der Waren endgültig verblieb, während die Masse weiter in die Steppe geleitet wurde. Hier ist nun eine Bemerkung Strabons (11, 2, 2) sehr aufschlußreich, in der festgestellt wird, daß der Tanais stromauf für Fremde wegen der Feindseligkeit der dort lebenden Stämme unzugänglich ist. Das Emporion Tanais war also für die griechischen Kaufleute Endstation, was dem Ort eine noch größer Bedeutung verlieh. Der Weg der Waren durch die Steppen nach Osten bis zur Wolga und nach Norden bis zum Südäral ist im einzelnen nur sehr schwer zu verfolgen, da aus dem 3.-1. Jh. v. Chr. hier keine Siedlungen bekannt sind und sich alle Informationen nur aus Gräbern der nomadisierenden Sarmaten gewinnen lassen. Der auf diesem Gebiet erreichte Forschungsstand zeigt aber schon an, daß griechische Waren im 3.-2. Jh. v. Chr. nur selten, im folgenden Jahrhundert dann schon häufiger zu den Grabbeigaben gehörten⁸⁸.

Ebenso selten nachweisbar sind die Warengruppen, die Tanais als Gegenleistung für die griechischen Lieferungen bereitstellt, denn die von Strabon (11, 2, 3) genannten, auf dem Tauschwege eingehandelten Sklaven und Viehprodukte verblieben ja nicht in Tanais, sondern wurden als Rückladung zum Bosphorus gebracht. Belegbar durch Getreiderest ist eine landwirtschaftliche Produktion, deren Ausmaße jedoch nicht zu bestimmen sind und die möglicherweise nur dem Eigenbedarf diente wie die durch Tierknochenfunde nachgewiesene Haltung von Schafen und Rindern für die Milch- und Fleischversorgung der Einwohner selbst. Die handwerklichen Gewerbe der Stadt scheinen sich erst allmählich entwickelt zu haben, da der größte Teil der erforderlichen Geräte und vor allem die von den Einheimischen sehr begehrten Erzeugnisse der Schmuckindustrie von den bosporanischen Werkstätten geliefert wurden. Auf Ansätze eigener Metallproduktion können aber die gefundenen Gußformen, Tiegel und Schlacken hinweisen, wie denn auch das Töpferhandwerk aus der freihandgeformten Gefäßkeramik zu erschließen ist, die keinen Handelsgegenstand über größere Strecken dargestellt hat⁹⁸. Die Hausgewerke Spinnen und Weben, die durch häufige Funde von Wirteln und Webgewichten für den Vertikalwebstuhl nachgewiesen sind⁹⁹, werden wohl ebenfalls in erster Linie für den Eigenbedarf betrieben worden sein.

Anders muß es sich dagegen mit dem Fischfang verhalten haben, für den das Don-Delta mit seinem Reichtum an Edelfisch (Stör, Hausen, Karpfen, Wels) hervorragende Bedingungen bot. Die große Zahl der im Stadtgebiet und vor allem in der westlichen Vorstadt gefundenen Steingewichte für verschiedene Netzzöpfe und Fangmethoden und die Fischknochen und -schuppen, deren Maße auf durchweg für den heutigen Fischer erstaunlich kapitale Exemplare schließen lassen, weisen einen hohen Stand des Fischereiwesens und eine reiche Ausbeute aus, die den Donfisch als erstklassiges Handelsgut prädestinierten. Umso erstaunlicher ist, daß Strabon den Fisch nicht unter den Exportgütern von Tanais aufzählt. Eine einleuchtende Erklärung dafür könnte immerhin sein, daß er an dieser Stelle eine Liste der Waren aufführte, die bei den Nomaden eingehandelt wurden; dazu aber gehörte ja der Fisch nicht, dessen Fang und Export von Tanais aus betrieben wurden¹¹.

In topographisch und handelstechnisch sehr günstiger Position angelegt, war das Emporion auf dem Seeweg vom Bosporus über die Maiotis gut erreichbar. Durch seine Lage inmitten einheimischer Stämme, zu denen von Anfang an ein auf gemeinsamen Interessen beruhendes positives Verhältnis bestanden zu haben scheint, bildete es gleichzeitig einen gut geeigneten Ausgangspunkt für die Weiterleitung der Waren auf dem Wasserwege des unteren Don in die Steppe. So konnte Tanais die ihm zugedachte Funktion als

Tauschhandelsknotenpunkt an der Peripherie des Bosporanischen Reiches über fast 300 Jahre hin zum Vorteil aller Seiten erfüllen und sich zudem rasch selbst zu einer eigenständigen Polis entwickeln. Grundlage dafür - so darf man wohl nicht ohne Grund annehmen - waren die enormen Handelsspannen, die sich nur im direkten Tauschhandel am Ort erzielen ließen und die manchen bosporanischen Kaufmann bewegen haben mögen, länger als beabsichtigt in dieser für Griechen durch Klima und barbarische Umwelt unwirtlichen Gegend zu verweilen, oftmals wohl sogar für immer.

Das äußere Antlitz der Polis Tanais war bestimmt von der aus der ebenen Fläche von Steppe und Don-Delta beeindruckend hoch aufragenden Verteidigungsanlage aus steinernen Mauern mit Türmen und Toren, die jeden Steppenkrieger von fern her schon in seinen etwaigen feindseligen Absichten entmutigen mußte. Sie beherrschte vom nördlichen Hochufer des Don aus die Bucht von Taganrog mit dem nordöstlichen Teil der Maiotis und den nach Osten führenden Unterlauf des Stroms und wird so von allen Seiten her weithin sichtbar gewesen sein. Selbst nach ihrer Zerstörung bildete sie später die Grundlage für den Neuaufbau der Stadtbefestigung der bosporanischen Periode. In der Mitte des südlichen Stadtgebiets lag die Agora, auf der sich über 200 Jahre lang das vielsprachige, turbulenten und so höchst eindrückliche Tauschhandelsgeschäft vollzog, für das das Emporion einst angelegt worden war.

Die Entwicklung der Polis Tanais mit ihrem Emporion fand im Jahre 8 v. Chr. ein gewaltiges Ende. Nicht räuberische sarmatische Nomadenhorden, die gegen das steinerne Bollwerk auch nichts hätten ausrichten können, erschienen vor der Stadt, sondern das reguläre Heer des bosporanischen Regenten Polemon mit Ballisten, Onagern und Belagerungsmaschinen⁹⁰. Nach dem Beschuß der Vorstadt durch Katapult- und Steinschleudergeschütze, deren Geschosse sich im Mauerbereich in Mengen fanden⁹¹, wurden deren Bewohner wohl noch rechtzeitig vor der Erstürmung eilig in die Stadt evakuiert: Bei den Ausgrabungen fanden sich keine Nahkampfspuren oder gar Tote, aber auch keine Reste in Verstecken zurückgelassener wertvollerer Habe. Der verlassene Stadtteil ging in Flammen auf und wurde ebenso total zerstört wie seine Nord- und Westmauer, von deren Seite her der Angriff erfolgt sein muß.

Wie lange sich die Stadt mit ihren viel widerstandsfähigeren Verteidigungsanlagen behaupten konnte und wohin ihre Bewohner dann vor der Erstürmung geflüchtet sind (vermutlich, da der Wasserweg durch die bosporanische Kriegsflotte blockiert war, nach Norden in die Steppe zu befriedeten Nomadenstämmen), ist bisher nicht festgestellt. Die Ausmaße der nach der Eroberung von den Truppen Polemons angerichteten Zerstörungen waren lange Zeit strittig: Die Meinungen - ausgehend von der Interpretation des von Strabon (11, 2, 3) gebrauchten Verbs ejkpørqew - reichten von Plünderung bis zu teilweiser Zerstörung⁹². Der tatsächliche Umfang der Schäden ist auch heute noch nicht einzuschätzen, nachdem die seit 1955 systematisch betriebenen Ausgrabungen nur an wenigen Stellen bis in die betreffenden Schichten vorgedrungen sind. Außer Zweifel steht bisher neben der totalen Vernichtung der Vorstadt nur die Schleifung der Stadtmauern bis auf eine Höhe von 2,70 m über der Fundamentunterkante⁹³ und die völlige Zerstörung der öffentlichen Bauten im südlichen Eingangsbereich der Agora⁹⁴. Wie weit die Stadtviertel mit privaten Wohnanlagen betroffen waren, konnte aus den wenigen vorgefundenen Architekturresten noch nicht verallgemeinerungsfähig festgestellt werden. Die Vermutung scheint aber nicht unbegründet zu sein, daß die allgemeinen Rahmenumstände der bosporanischen Militäraktion gegen Tanais eine bloße Plünderung der Stadt nach Eroberung schnell in eine Verheerungs- und Zerstörungsorgie übergehen ließen: War die Schleifung der Mauern von Seiten Polemons eine notwendige und logische Maßnahme, um der Stadt jede Möglichkeit ferneren Widerstands zu nehmen⁹⁵, so muß die Freigabe zur Plünderung als Zugeständnis an die Soldaten nach den Mühslagen der Belagerung, Erstürmung und endlichen Zerstörung der Mauern angesehen werden.

Wie war es zu dieser für Tanais so verhängnisvollen Entwicklung gekommen, deren Ausgang gleichzeitig das Ende der hellenistischen Periode der Stadtgeschichte markiert? Cassius Dio (54, 24) verdanken wir die Beschreibung der Situation, die nach dem römischen Sieg über Mithridates VI. Eupator, den König von Pontos, auf dem Bosphorus entstanden war: Dem großen Widerpart der Römer im Osten war dessen Sohn Pharnakes und später die Enkelin

Dynamis auf dem Thron des pontischen Königs im Bosporus gefolgt. Es bestand die Gefahr, daß die politischen Traditionen der Mithridates-Zeit, gestützt auf den Rückhalt bei den iranostämmigen Sarmaten und einheimischen mäotischen Stämmen, ihre Renaissance erleben und zu einer Bedrohung der römischen Interessen im nördlichen Kleinasien werden könnten. Deshalb schickte Marcus Vipsanius Agrippa im Jahre 14 v. Chr. den kleinasiatischen Griechen Polemon, Sohn des Zenon⁹⁸, der schon die Regentschaft über Kilikien, Pontos und Kleinarmenien innehatte, nach Pantikapaion, um die Lage in eine für Rom günstige Richtung zu beeinflussen. Die Bosporaner leisteten Widerstand, selbst noch nach einer ersten Niederlage, und mußten durch die Drohung einer direkten römischen Invasion mit Flotte und Heer von Sinope aus zu Waffenstreckung und Anerkennung Polemons als König gezwungen werden. Auf Geheiß des Augustus schloß Polemon mit der sich schon in reifem Alter befindlichen Dynamis eine politische Ehe, um so seiner Herrschaft vor den Bosporanern den Anschein der Legalität zu geben. Die nun einsetzende Orientierung der bosporanischen Politik auf die römischen Interessen zeigt die Umbenennung der beiden Hauptstädte des Bosporanischen Reiches – Pantikapaion in Caesarea, Phanagoria in Agrippias⁹⁹.

Als die Ehe mit Dynamis nach einem Jahr scheiterte und Polemon im Jahre 13/12 v. Chr. Pythodoris, eine Enkelin des Marcus Antonius und Verwandte des Augustus, heiratete (Strabon 12, 3, 29)¹⁰⁰, kam es unvermeidlich zum Bruch: Dynamis setzte sich im asiatischen Teil des Bosporus an die Spitze der antirömisch-antipoleemonischen Opposition¹⁰¹. Für Polemon bedeutete das eine Umkehrung aller Prinzipien der dynastischen Legitimation, die ja für die Bosporaner mit dem Geschlecht des Mithridates verbunden war und derentwegen Polemon zuerst die politische Ehe mit Dynamis geschlossen hatte. Seine zweite Ehe mit Pythodoris ist auch ein Hinweis darauf, daß die Römer den Versuch, den Bosporus mit heiratsdiplomatischen Mitteln in die Hand zu bekommen, als fehlgeschlagen ansahen und jetzt mit militärischer Gewalt gegen die dortige antipoleemonische und damit antirömische Haltung vorzugehen beabsichtigten.

Diese Opposition gegen eine romfreundliche Politik konzentrierte sich im asiatischen Teil des Bosporus, den mäotischen und sarmatischen Stämme besiedelten, bei denen die achämenisch-mithridatischen Traditionen noch sehr lebendig waren. Die bosporanischen Städte nahmen dagegen eine eher romfreundliche Position ein¹⁰² oder gingen nach kurzem Schwanken schnell aus wirtschaftspolitischen Erwägungen auf die Seite Roms über¹⁰³.

Die Entscheidung, sich auf eine der beiden Seiten stellen zu müssen, kann Tanais nicht leicht gefallen sein: Auf der einen Seite verbanden die wirtschaftlichen Interessen die Stadt mit den städtischen Zentren des Bosporanischen Reiches und dadurch mit der romanophilen Richtung, auf der anderen Seite legte die exponierte Lage inmitten gut mithridatisch gesinnter sarmatischer und mäotischer Stämme einen Anschluß an die antirömische Opposition nahe. Dieser letzte, sehr reale und für den Bestand der Polis als lebenswichtig erscheinende Gesichtspunkt wird obsieglt haben, denn wir hätte bei einer anderen Entscheidung der Bosporus allein mit militärischer Kraft Tanais auf Dauer schützen können, ohne das gute Einvernehmen mit den unwohnenden, politisch ganz anders orientierten Barbarenstämmen zu gefährden, auf dem doch gerade die physische Existenz und der Handels Erfolg des Emporion beruhte? Die für die Dynamis-Seite getroffene Entscheidung hatte dann aber im Jahre 8 v. Chr.¹⁰⁴ die Strafexpedition des polemonischen Heeres gegen die Stadt, ihre Belagerung, Einnahme, Plünderung und teilweise Zerstörung zur Folge.

Da Polemon noch im selben Jahr 8 v. Chr. ums Leben kam¹⁰⁵, ist damit auch der durch diese harte Zäsur markierte Zeitpunkt für das Ende der hellenistischen Periode der tanaitischen Stadtgeschichte gegeben, in deren Verlauf sich das Emporion Tanais zu einer unabhängigen Polis und zum größten Handels- und Kommunikationszentrum im unteren Don- und nordöstlichen Asowgebiet entwickelt hatte.

Anmerkungen

1. Болтуноva/Каменецкий//Десник 1969, 6-97; Болтуноva 1969c, 104-135.
2. Арсенова//Шелон 1965, 7-17; Шелон 1965a, 56-129; Наливкина 1965, 130-168.
3. Коропана//Шелон 1965, 18-55.

4. Böttger 1995, 99-118; Arsen'eva/Böttger/Vinogradov 1995, 213-263; Arsen'eva/ Böttger 1996, 405-453; Arsen'eva/Böttger 1997, 437-487.
5. Каменецкий 1965.
6. Менккова 2000, 337-341. Vorstellbar sind auch jährliche Beutezüge über den Don nach Westen und Süden und eine daraus erweckende Bedeutung der Sarmaten für das Pontische Reich und Kleinasiens, wie aus dem Kontext des riedenschlusses zwischen dem pontischen König Pharnabes und kleinasiatischen Fürsten hervorgeht (Polyb. 25, 2, 12). Um die Wende des 3. zum 2. Jh. n. Chr. erfolgte dann der von Dioudor (2, 4, 5, 7) erwähnte große Sarmatenangriff, der auch bei Plinius (NH 6, 22) sein Echo gefunden hat. Zu den damals einbrechenden Stämmen könnten auch die Saturthen gehörig haben, die Pompej. Melo (2, 3, 4) auf der Krim lokalisierte. Von andauerndem Druck nach Westen zeugt ebenfalls der von Polyien Strateg. 8, 56) beschriebene Angriff der Sarmaten unter ihrer Königin Amaga auf die Krimskthen im 2. Jh. n. Chr.
7. Strab. 11, 2, 4; ... οι Μαιοταί, γερρούν μέρη, ούχ ἦπον δέ τὸν περιόδον πολεμήσαται“ „Obgleich die (im nordöstlichen Assoziierten lebenden) Männer sich mit Ackerbau befassten, stehen sie den Nomaden in kriegerischer Hinsicht nicht nach“. Шелов 1970, 218.
8. Шелов 1970, 219 f.
9. Die Annahme I. S. Каменецкого (Каменецкий 1965, 191) die Gründung des Emporion Tanais sei durch politische Flüchtlinge vom Bosporus oder zumindest durch Oppositionelle gegen die Regenten des Bosporanischen Reiches erfolgt, ist so attraktiv wie dokumentarisch-literarisch nicht belegbar.
10. Кипионов 1949, 67 f.; Доссерт 1962, 204 f.; Шелов 1969а, 235-238.
11. Кипионов 1955, 144 f.; Зесек 1951, 123 f.
12. Жебелев 1935, 16-19; Шелов 1950, 105-108.
13. КГИ 25; vgl. КГИ 1015. Das „κοι Μαιοτούς πάγοις“ - „und aller Maioter“ - im Titel dürfte übertrieben sein, denn zu den schon unter Leukos und Patiriaides L genannten Taurern, Dandariern und Iassen treten später nur noch die Döscher - alles Stämme vom unteren Hypanis (Kuban), nicht aber im Norden an der Maiotis lebende (Жебелев 1935, 18 f.; Шелов 1950, 108).
14. Die Tüntatur des Aspurgos findet sich in der Inschrift des Menestruos KBN 40.
15. Шелов 1970, 201 f.
16. Arsen'eva/Böttger/Vinogradov 1995, 216.
17. Шелов 1970, 198-201.
18. Шелов 1956а, 199 f.
19. Шелов 1970, 220.
20. Шелов 1970, 220 f.
21. Шелов 1970, 15 f.
22. Шелов 1970, 17; Arsen'eva/Böttger/Vinogradov 1995, 229; Безуглов 1998, 425 f., Nr. 29.
23. Шелов 1960, 134 f.; Шелов 1970, 17.
24. Шелов 1956а, 107 f.; Шелов 1970, 17.
25. Шелов 1970, 17.
26. Шелов 1960, 134.
27. Шелов 1965а, 118; Шелов 1970, 18-21.
28. Grace 1952, 525 f.; Grace 1956, 140.
29. Налимкина 1965, 137; Абз. 8.
30. Thompson 1934, Abb. 5, 18.
31. Шелов 1970, 21 f.
32. Шелов 1970, 17.
33. Шелов 1970, 21; 167.
34. Леонтиев 1854, 434; 505 f.
35. Веселовский 1909, 246 f.; Миллер 1910, 124; Иллин 1914.
36. Миллер 1925, 23; Жебелев 1935, 39; Кипионов 1935, 193-195; Гайдукевич 1949, 232; Калиштова 1952, 74 f.
37. Ростовцев 1918а, 154; Ростовцев 19186, 23 f.; Rostovtzev 1931, 469.
38. Рiol. 3, 5, 12 μετάβ. τὸν στράτων.
39. Леонтиев 1854, 509.
40. Шелов 1970, 83.
41. Strab. 11, 2, 3: οὐδέ τὸν ποταμὸν καὶ τὴν λίμνην.
42. Strab. 11, 2, 3: ... καὶ ταῦς ἐκ τῶν βοτύπορων τὴν λίμνην πλεύσατο...
43. Plin., NH 6, 20: oppidum in Tanais quoque ostio.
44. Шелов 1970, 86; 93 f.
45. Шелов 1970, 111.
46. Шелов 1970, 108-110.
47. Налимкина 1965, 130-168.
48. Коронина/Шелов 1965, 18-55; Шелов 1967, 89 f.; Шелов 1970, 114.
49. Коронина/Шелов 1965, 37 f.; Шелов 1967, 90-92; Шелов 1970, 118 f.
50. Шелов 1966, 93 f.; Шелов 1967, 88 f.
51. Böttger 1995, 108-112; Arsen'eva/Böttger/Vinogradov 1995, 224-227; Arsen'eva/ Böttger 1996, 405-409; Arsen'eva/Böttger 1997, 438-444.
52. Шелов 1970, 131.
53. Шелов 1966, 93; Болтуниова 19696, 104-121; Болтуниова/Каменецкий/Деоник 1969, 6-97; Шелов 1970, 92; 130

- f.; 210 f.
54. Болтунина/Каменецкий/Деоник 1969, 93.
55. Шелов 1970, 124-129.
56. Болтунина/Каменецкий/Деоник 1969, 74-89; Шелов 1970, 120.
57. Шелов 1970, 210 f.
58. Vgl. Болтунина 1962, 93.
59. Z.B. in den Bauinschriften von 188 (КБН 1242), 192 (КБН 1243) und 220 (КБН 1245) sowie in der Weihinschrift von 193 (КБН 1237).
60. КБН 1246 (unter Rheskuporis II.), 1247 (unter Kotys III.), 1248 (unter Rheskuporis II.), 1250 (unter Ininthimaios).
61. In der Bauinschrift von 236 (КБН 1240).
62. Колобова 1933, 71; Кипионов 1949, 101 f.
63. Шелов 1970, 215 f.
64. Болтунина 1962, 93 f.; Болтунина 1964, 197 f.
65. Шелов 1970, 218-220.
66. Шелов 1961, 11 f.; Шелов 1970, 133-139.
67. Zum griechischen Bestattungsritus in der tanaitischen Nekropole gehören Brundgräber (s. hierzu: M. Rostovtzev 1931, 192 f.; Иасенецкая 1951, 75; Карапетян 1959, 274). Nonorientierung und das Fehlen von Totenwegzehrung auf eine Reduzierung der zum Ritus gehörigen Bräuche weist hin, daß höchst selten Totleutemarke, für die Palastra typische Gegenstände, Lampen, Ternukas und Münzen im Inventar zu finden sind; auch Grabstelen mit Inschrift fehlen völlig. Barbarische Bräuche gehen sich zu erkennen in der strengen Orientierung und in der Rückenstrecklage der Toten, in der Versenkung von Hörzungen, Einfassung der Gräber mit Steinen oder Orthostatenstellungen, in der Überdeckung der Grabstätten mit Steinplatten oder Holzbrettern, in der Beigabe von Ocker oder Kreide, im Inventar in den „barbarische Buntheit“ wiederholenden aufeinanderfolgenden vielen verschiedenförmigen und -farbigen Perlen von Hals-, Hand- und Fußketten und in den auf die Kleidung aufgewandten Metallplättchen sowie in der nach der Tradition der nordpontischen Stämme dekoriertes freihand geformten Keramik (s.: Кипионов 1935, 173-194; Карапетян 1949, 44; 77 f.; Арсениев 1965, 169-201; Арсениев 1969, 173-219; Шелов 1970, 141; 203-207; 210). Sehr charakteristisch sind auch die rechteckigen oder trapezförmigen Grabsteine, denen man durch einen eheren diskusförmigen Abschluß anthropomorphe Form zu geben sich bemüht hat (Шелов 1970, 140).
68. Шелов 1970, 207 f.
69. Шелов 1970, 34-37.
70. Бертич-Десалар 1911a, 7; 17; Зодраф 1951, 177 f.; Шелов 1954a, 58 f.; Шелов 1956a, 107 f.; Шелов 1965б, 35 f.
71. Гайдукевич 1935, 266 f.; Шелов 1954б, 130.
72. Бланштейн 1959, 25 f.; Гилькин 1960, 7 f.; Либеров 1960, 110 f.
73. Траков 1939, 233 f.; Траков 1947, 45 f.; Гольденберг 1953, 200 f.; Бланштейн 1954б, 45.
74. Eine Sammlung der literarischen Zeugnisse bei Семёнов-Зуссер 1947, 239.
75. Шелов 1970, 40.
76. КБН 1242, 1243, 1244.
77. Da der Fundbestand der hellenistischen Schichten infolge noch ausstehender systematischer Untersuchungen und der daraus resultierende geringe Zufälligkeit der Befunde keine konkrete Analyse zuläßt, sind die auf dem Massenmaterial beruhenden Schlüssefolgerungen natürlich vorerst noch sehr relativ, können aber gerade wegen der generellen Zufälligkeit des vorliegenden Fundspiegels als statistische Tendenzmerkmale dienen.
78. Шелов 1970, 155-157.
79. Gut zu verfolgen ist diese Entwicklung in der Pflasterung der beiden großen Hauptstraßen, die vom Vorplatz der Agora ausgehen und diese seitlich flankieren: Die fast ausschließlich aus rhodischen Amphorensherben bestehenden unteren Schichten, die nach den in ihnen gefundenen Amphorenstempeln ca. 220 v. Chr. bis gegen Mitte des 2. Jhs. v. Chr. zu datieren sind, werden von weiteren Pflasterungen aus kioschen Amphorensherben überdeckt (Арсен'ева/Бöttger/Vinogradov 1995, 227; Арсен'ева/Бöttger 1996, 408 f.).
80. Бранишевский 1963, 133, 143-145; Шелов 1970, 157 f.
81. Шелов 1956б, 129.
82. Шелов 1961а, 86; 88.
83. Арсен'ева/Бöttger/Vinogradov 1995, 219.
84. Карапетян 1965, 19.
85. Der Bedarf an Öl war in dieser inmitten barbarischer Stämme gelegenen Siedlung im Prinzip auf den griechischen Bewohneranteil beschränkt. Da es offenbar keine Palastra gab, wie sich aus dem Fehlen spezifischer Gegenstände wie Arybalos und Strigiles im Grabinventar schließen läßt, Speisen auch mit reichlich vorhandenem tierischem Fett zubereitet werden konnten und bei fast volligem Fehlen griechischer Lampen die schalenförmigen, freihand geformten Beleuchtungsgefäße mit festem Brennstoff (Talg) betrieben wurden, bleibt als intensivster Ölverbraucher eigentlich nur der medizinische Bereich, dem man in Tunics vermutlich keine allzu hohe Kapazität unterstellen darf.
86. Шелов 1970, 162-170.
87. Кипионов 1949, 67 f.; Шелов 1969а, 224; 227.
88. Шелов 1970, 173-180.
89. Арсениев 1965; Арсениев 1969.
90. Болтунина/Каменецкий/Деоник 1969, 38; 41.
91. Шелов 1970, 185 f.
92. Бланштейн 1947, 90 f.; Бланштейн 1954а, 108 f.; Соколовский 1962, 241 f.

93. Болтунова 1969б, 125; Шелов 1970, 227 f.
94. Die genannte Variante vertrat Stempkovskij (дат письма Степанковского к Бларамбергу о местоположении древнего города Танаис. Протокол IV, 1854, 387, Ann. 1), Ростовцев (Ростовцев 1931, 469) und ebenso Юбельев 1935, 37-45), eine Teilsierung nahmen Калистров (Калистров 1940, 70, Ann. 2), Кипарис (Кипарис 1949, 101), Лопин (Лопин 1949, 76), Годурович (Годурович 1951, 108 f.) und Гайдукевич (Гайдукевич 1949, 316; 372; Гайдукевич 1963, 303) an.
95. Коронина/Шелов 1965, 18-24.
96. Böttger 1995, 108-112; Arsen'eva/Böttger/Vinogradov 1995, 214-219.
97. Ein Beispiel aus der bosporischen Geschichte liefert dafür die Bestrafung der aufgehenden Stadt Phanagoria durch Pharnakes, der ebenfalls die Stadtmauern einreißen ließ (s.: Неструева 1965, 235).
98. Hoffmann 1952, Sp. 1284 f.
99. Friedländer 1870, 280-284; Орелианов 1914, 37-43; Орелианов 1922, 130 f.
100. Моммсен 1872, 271 f.; Орелианов 1892, 1 f.; Бернх-Делагард 1911б, 190 f.
101. Ростовцев 1916, 18; Ростовцев 1919, 100-102; 104.
102. Калистров 1940, 65 f.
103. Калистров 1938а, 276 f.; Калистров 1938б, 174 f.
104. Zur Erschließung dieses Datums s.: Honigmann 1931, Sp. 90; Жебелев 1935, 41; Салаг 1955, 218; Шелов 1969б, 75; Шелов 1970, 234 f.
105. Strab. 11, 2, 11. Den terminus antequem für das Enddatum der Regentschaft Polemons gibt die Emission von Goldstücken mit dem Monogramm der Dynamis noch im Jahre 8 v. Chr. (Моммсен 1860, 702, Ann. 127; Ростовцев 1916, 15; Зоргад 1951, 191).

Literaturverzeichnis

- Arsen'eva/Böttger 1996
 Т.М.Арсен'ева/ B.Бöttгер, Греки на Дон. Die Grabungen in Tanais 1995. EurAnt 2, 1996
- Arsen'eva/Böttger 1997
 Т.М.Арсен'ева/ B.Бöttger, Греки на Дон. Die Grabungen in Tanais 1996. EurAnt 3, 1997
- Arsen'eva/Böttger/Vinogradov 1995
 Т.М.Арсен'ева/ B.Бöttger/ Ju.G.Vinogradov, Греки на Дон. Die Grabungen in Tanais 1994. EurAnt 1, 1995
- Bezuglo 1998
 S. I. Bezuglo, Die Münzfunde aus den Ausgrabungen der deutsch-russischen Expedition in Tanais 1993-1996. EurAnt 4, 1998
- Böttger 1995
 B.Бöttger, Греки на Дон. Die Grabungen in Tanais. AA 1995
- Friedländer 1870
 J. Friedländer, Münzen von Phanagoria unter den Namen Agrippius und Caesarea mit dem Kopfe der Livia. Numismatische Zeitschrift 2, 1870
- Grace 1952
 V. Grace, Timbres amphorique trouvés à Délos. RCH LXXVI, 1952
- Grace 1956
 V. Grace, Puyx. Stamped vine jar fragments. Hesperia, Suppl. X, 1956
- Hoffmann 1952
 W. Hoffmann, Polemon I. RE XLII 1952
- Honigmann 1931
 E. Honigmann, Strabon, RE , 2. Reihe, VII, Halbband, 1931
- Mommsen 1860
 Th. Mommsen, Geschichte des römischen Münzwesens. Berlin 1860
- Mommsen 1872
 Th. Mommsen, De titulo reginae Pythodoridæ. Ephem. epigraph. V 1, 1872
- Rostovtzeff 1919
 M. Rostovtzeff, Queen Dynamis of Bosporus. JHS XXXIX, 1919
- Rostovtzeff 1931
 M. Rostovtzeff, Skythien und der Bosporus. Berlin 1931
- Thompson 1934
 H.A. Thompson, Two Centuries of Hellenistic Pottery. Hesperia III, 1934
- Арсениева 1965
 Т.М.Арсениева, Лепная керамика Танаиса I.ДИЛ. Москва 1965
- Арсениева 1969
 Т.М.Арсениева, Лепная керамика Танаиса II. АИИ, Москва 1969
- Арсениева/Шелов 1965
 Т.М.Арсениева/ Д.Б.Шелов, Раскопки центральной части Танаиса (1955- 1957 гг.). ДИЛ, Москва 1965
- Бернх-Делагард 1911а
 А.Л.Бернх-Делагард, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половинах IV до Р.Х. Нумизматический сборник Г, 1911
- Бернх-Делагард 1911б
 А.Л.Бернх-Делагард, Омонетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами. ЗООНД

- 29, 1911
Бланштейн 1947
В.Д.Бланштейн, Осада и оборона в античном Причерноморье. КСИИМК 16, 1947
- Бланштейн 1954а
В.Д.Бланштейн, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. Москва 1954
- Бланштейн 1954б
В.Д.Бланштейн, Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. СА 20, 1954
- Бланштейн 1959
В.Д.Бланштейн, Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. ПИСП, Москва 1959
- Болтищина 1962
А.И.Болтищина, Ранний Танаис (III-II вв. до н.э.). АРД, Ростов-на-Дону 1962
- Болтищина 1964
А.И. Болтищина, Кисторий Танаиса (по данным эпиграфики). Кlio 42, 1964
- Болтищина 1969а
А.И.Болтищина, Был ли Танаис разрушен Полемоном? ВДИ 1969, 2
- Болтищина 1969б
А.И.Болтищина, Раскопки оборонительной стены западного района Танаиса (1958-1963 гг.). АЛНП, Москва 1969
- Болтищина/Каменецкий/Деотик 1969
А.И.Болтищина/ И.С.Каменецкий/ Д.В.Деотик, Раскопки западного района Танаиса (1957-1960 гг.). АЛНП, Москва 1969
- Брашинский 1963
И.Б.Брашинский, Экономические связи Синопы в IV-II вв. до н.э. Античный город, Москва 1963
- Веселовский 1909
Н.И.Веселовский, Танаис Младший. Гермс 1909, 6
- Гайдукевич 1935
В.Ф.Гайдукевич, Строительные керамические материалы Боспора. ИГАНМК 104, 1935
- Гайдукевич 1949
В.Ф.Гайдукевич, Боспорское царство. Москва-Ленинград 1949
- Гайдукевич 1963
В.Ф.Гайдукевич, Боспор и Танаис в дорийский период. ПСИДМ, Москва-Ленинград 1963
- Гольденберг 1953
В.А.Гольденберг, Северное Причерноморье как рынок рабов для средиземноморского мира. ВИИ 1953, 1
- Голубкова 1951
Е.С.Голубкова, Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. Москва 1951
- Граков 1939
Б.Н.Граков, Материалы по истории Скифии и греческих народов Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ 1939, 3
- Граков 1947
Б.Н.Граков, Скифи. Кий 1947
- Жебелко 1935
С.А.Жебелко, Боспорские этюды III. Был ли Танаис разрушен Полемоном? ИГАНМК 104, 1935
- Зеест 1951
И.Б.Зеест, Керамическая тара Елизаветопольского городища и его курганный некрополий. МИУ 19, 1951
- Зеест 1951
А.И.Зеест, Античные монеты. Москва 1951
- Ильин 1914
А.М.Ильин, Передовая фактория Танаиса. ЗРОДП 2, 1914
- Калиниченко 1938а
Д.П.Калиниченко, Этюды из истории Боспора в римский период. ВДИ 1938, 2
- Калиниченко 1938б
Д.П.Калиниченко, Этюды из истории Боспора римского времени. ВДИ 1938, 4
- Калиниченко 1940
Д.П.Калиниченко, Политика Августа в Северном Причерноморье. ВДИ 1940, 2
- Калиниченко 1952
Д.П.Калиниченко, Северное Причерноморье в античную эпоху. Москва 1952
- Каменецкий 1965
И.С.Каменецкий, Население Нижнего Дона в I-III вв. н.э. Автореферат докторской диссертации. Москва 1965
- Касинская 1959
Е.Г.Касинская, Грунтовые некрополи боспорских городов и местные их особенности. МИА 69, 1959
- Кипионич 1935
Т.Н.Кипионич, Отчет характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции ГАНМК в 1928 г. ИГАНМК 104, 1935
- Кипионич 1949
Т.Н.Кипионич, Танаис. Москва-Ленинград 1949

- Колобова 1933**
 К.М.Колобова, *К вопросу о судовладении в древней Греции*. ИГАНМК 61, 1933
- Коронина/Шелон 1965**
 А.В.Коронина/Д.Б.Шелон, *Раскопки юго-западного участка Танисса (1956–1957 гг.)*. ДИЦ, Москва 1965
- Леонтиев 1854**
 П.Леонтиев, *Археологические разыскания на месте древнего Танисса и его окрестностях. Против IV, 1854*
- Либеров 1960**
 Д.Л.Либеров, *К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа (IV в. до н.э.–V в. н.э.)*. МИА 53, 1960
- Лосева 1962**
 Н.М.Лосева, *Об импорте и местном производстве „железных“ чаш на Боспоре*. МИА 103, 1962
- Лунин 1949**
 Б.В.Лунин, *Очерки истории Подонья-Приазовья I. Ростов-на-Дону* 1949
- Миллер 1910**
 А.А.Миллер, *Раскопки в районе франского Танисса*. ИАК 35, 1910
- Миллер 1925**
 А.А.Миллер, *Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г.* ИГАНМК 4, 1925
- Мовакон 2000**
 М.Г.Мовакон, *Что такое III в. до н.э. в истории сарматов?* ИНФИ. Азот 2000, 337–341
- Налимкина 1965**
 М.А.Налимкина, *Раскопки юго-восточного участка Танисса (1960–1961 гг.)*. ДИЦ, Москва 1965
- Орешников 1892**
 А.В.Орешников, *Находки из род в Помпейской царстве*. ИТУЛК ЗА, 1892
- Орешников 1914**
 А.В.Орешников, *Экскурсы в область древней пумпиматики черноморского побережья. Пумпиматический сборник 3*, 1914
- Орешников 1922**
 А.В.Орешников, *Этюды по пумпиматике черноморского побережья. ИРАИМК 2*, 1922
- Ростовцев 1916**
 М.И.Ростовцев, *Бронзовый блюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. Древности 25*, 1916
- Ростовцев 1918а**
 М.И.Ростовцев, *Эллинистическое правительство на юге России. Петроград* 1918
- Ростовцев 1918б**
 М.И.Ростовцев, *Бронзовые фабулы с надписями из Донской области*. ИАК 65, 1918
- Салан 1955**
 А.Салан, *Приятие Тихого Дона. Praha universita moskovske universite. Sbornik k vynoci 1755–1955. Praha* 1955
- Семенов-Зверев 1947**
 С.А.Семенов-Зверев, *Рыбный рынок в Херсонесе*. ВДИ 1947, 2
- Соколовский 1962**
 Н.И.Соколовский, *Каменные ложа и пантикапея*. МИА 103, 1962
- Цалкин 1960**
 В.И.Цалкин, *Ломание и дикие эпиграфы Серасирского Причерноморья в эпоху раннего железа*. МИА 53, 1960
- Цветаева 1951**
 Г.А.Цветаева, *Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав*. МИА 69, 1951
- Цветаева 1963**
 Г.А.Цветаева, *Поход Фарнака на Фанагорию и смета последних археологических открытий. Ноное в советской археологии*. Москва 1963
- Шелон 1954а**
 Д.Б.Шелон, *Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре III в. до н.э.* МИА 33, 1954
- Шелон 1954б**
 Д.Б.Шелон, *К истории керамического производства на Боспоре*. СА 21, 1954
- Шелон 1956а**
 Д.Б.Шелон, *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* Москва 1956
- Шелон 1956б**
 Д.Б.Шелон, *Керамические клейма из раскопок Фанагории*. МИА 57, 1956
- Шелон 1960**
 Д.Б.Шелон, *Денежный рынок Танисса*. ЗОЮ 1 (34), 1960
- Шелон 1961**
 Д.Б.Шелон, *Некрополь Танисса*. МИА 98, 1961
- Шелон 1965а**
 Д.Б.Шелон, *Раскопки северо-восточного участка Танисса (1955–1957 гг.)*. ДИЦ, Москва 1965
- Шелон 1965б**
 Д.Б.Шелон, *Материалы по истории денежного обращения в городах Боспора в VI–I вв. до н.э.* ИЭ 5, 1965
- Шелон 1966**
 Д.Б.Шелон, *Нижне-донская экспедиция в 1962–1963 гг.* КСИА 107, 1966

Шелов 1967

Д.Б.Шелов. Раскопки Танаиса в 1964-1965 гг. КСИА 109, 1967.

Шелов 1969а

Д.Б.Шелов. Найдены в Танаисе „мегарских“ чаши. АДИИ. Москва 1969

Шелов 1969б

Д.Б.Шелов. Полемон и Танаис. КСИА 116, 1969

Шелов 1970

Д.Б.Шелов. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. Москва 1970

Шилов 1950

В.П.Шилов. О расселении меотских племен. СА 14, 1950

О ДВУХ ПОБЕДАХ НЕОПТОЛЕМА НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ

Обстоятельства перехода власти над Боспорским государством к понтийскому царю Митридату VI Евпатору находятся в сфере постоянного научного интереса, всесторонне изучаются любые возможные свидетельства о походах Диофанта, его дипломатической деятельности, восстании Савмака и т.д. Не обойдены вниманием учёных и сообщения Страбона о победах полководца Неоптолема на Боспоре Киммерийском. Несмотря на их общеизвестность, будет уместным привести цитаты:

“Лед в этих местностях столь крепок у устья Меотийского озера (т.е. в Керченском проливе), что в том месте, где зимою военачальник Митридата победил варваров в конной битве на льду, он же разбил в морском сражении тех же варваров летом, когда лед растаял” (Ил. 1,16).

“Рассказывают, что полководец Митридата Неоптолем в одном и том же проливе летом разбил варваров в морском бою, а зимой в конном” (VII, 3,18; перевод В.В. Латышева).

Эти краткие упоминания чрезвычайно интересны в нескольких аспектах. Е.А. Молев вполне прав, когда отмечает, что победа Неоптолема “привели к утверждению прав Митридата на весь Боспор и установлению дружественных отношений с варварскими племенами Понтии - Приазовья”, то есть имели очень большое историческое значение.

В высшей степени любопытен, конечно, сам факт сражения на льду. В “ледовых сражениях”, как представляется, всегда имеется какая-то загадка - одна из сторон стремилась перехватить противника, поставить его в занедоме невыгодную позицию, но об этом речь пойдёт ниже. Наибольший интерес учёных, разумеется, привлечёт вопрос о том, каких именно варваров и когда разбил Неоптолем на Боспоре Киммерийском. Не удивительно, что высказанные точки зрения очень сильно разнятся. Б.Н.Греков видел здесь скифов², по послому о скифском флоте говорить весьма затруднительно, то позднее он уточнил, что флот принадлежал скифам и таврам³. Тавры, как известно, наряду с прочим занимались и морским разбоем⁴.

По мнению Е.А.Молева, Неоптолем разбил скифов, принимавших участие в восстании Савмака, которых во время морского сражения поддержали уже не тавры, а северокавказские морские разбойники ахейцы и пр⁵. С.Ю.Сантириан видит здесь сарматов⁶, “обходя при этом непростой вопрос о сарматском мореплавании. Более логичным можно признать мнение А.А.Масленникова, который полагает, что против понтийцев выступили сатархи⁷, которые, возможно, относились к сарматскому этническому пласту”, но в надписи Посидея сына Посидея называются “пиратствавшими” (IOSPE, I², 672).

Удивительно, что немалое количество сторонников имеет и точка зрения, что Неоптолем сражался против восставших боспорян⁸. На мой взгляд, она весьма сомнительна хотя бы по той причине, что Страбон не мог называть боспорян варварами. Для него, как и для других античных историков, они, конечно, были эллинами, пусть и заброшенными судьбой к самым северным рубежам обиумены - и по этой причине в культурном отношении весьма своеобразными, но все-таки эллинами. Сласти их от варварской угрозы как раз и должен был Митридат VI Евпатор. Более распространенной и логичной является точка зрения, что это были какие-то меотские или территориально-но близкие им контингенты, которые стремились нанести удар по Боспору с востока⁹. В.Ф.Гайдукевич с полным основанием отмечал, что нападающие, по-видимому, действовали из азиатской части государства, пытаясь при этом захватить переправы и прорваться на европейскую сторону¹⁰. Во всяком случае, локализация противников понтийского царя вблизи от границ азиатского Боспора представляется почти бесспорной.

В отношении времени прошедших боевых действий можно предполагать, что они развернулись на Керченском проливе либо в конце II в. до н.э., вскоре после подавления восстания Савмака, либо же после неудач Первой Митридатовой войны с Римом, когда Боспор попытался выйти из подчинения (App. Mithr. 64). Понтийский царь, как известно, провел карательную акцию уже по завершении Второй войны (App. Mithr. 67). Первая точка зрения представляется предпочтительней, поскольку позднее Первой войны полководец Неоптолем вообще не упоминается в источниках¹². Есть веские основания полагать, что после предательства другого видного митридатов-

ского полководца Архелая (85 г. до н.э.), который являлся геополитему сратом, тот вообще был отстранен от командования войсками¹³.

Но с кем же из местных варваров пришлось сражаться Неоптолему? Для ответа на этот вопрос зададимся другим - какому из местных племен было невыгоднее подчинение Боспора понтийскому царю? Становится все более очевидным, что восстание Савмака было вызвано стремлением скифов отстоять свое влияние в этом районе, которое было утеряно после отречения от власти последнего Перисиада¹⁴. К этой точке зрения при всей несхожести конкретных трактовок сходятся многие ученые¹⁵. Даже А.К.Гаврилов, рассматривающий события на Боспоре не как восстание или мятеж, а как вторжение крымских скифов под руководством Савмака, все-таки признает, что они произошли по причине разгоревшейся борьбы из-за почитавшегося боспорского наследства¹⁶.

По кто же еще был заинтересован в сохранении старого порядка, мог нанести удар с постока и к тому же располагал флотом? Как ни мало мы знаем о варварских племенах Северного Причерноморья этого времени, ответ напрашивается сам собой. По свидетельству Страбона (XI, 2,12) известно, что пиратствующие племена ахейцев, зигов и гениохов господствовали на море, порой им содействовали и правители Боспора, предотвращавшие пиратам стоянки, покупку провинций и продажу награбленного. Таким образом, позиции этих варваров в районе пролива были достаточно прочны. Можно только удивляться, до какой степени в предмитридотовское время было ослаблено Боспорское государство, насколько легализровала власть некогда мощных его правителей. В.П.Яйленко, в общем, вполне обоснованно считает, что Боспору тогда грозила полная дезинтеграция¹⁷. Нет сомнения, что великий царь не стал мириться с этими безобразиями и сделал все возможное, чтобы железнной рукой навести порядок на море. Пираты же, естественно, стремились к обратному, в результате чего и произошли два упомянутых сражений.

Другие местные племена, как представляется, не располагали флотом для проведения морского сражения, за исключением, разумеется, сатархов и тавров, но их участие в событиях на Боспоре пока не поддается сколь-либо логичному объяснению. Любопытную трансформацию по рассматриваемому вопросу претерпели взгляды Е.А.Молева. Поначалу он считал, что это был флот Савмака, который привлек на свою сторону синдов и меотов¹⁸, но позднее стал допускать, что скифов своим флотом поддерживали ахейцы, зиги и гениохи, но в конном сражении на льду с понтийцами были одни скифы¹⁹. Последнее допущение, необходимо подчеркнуть, совсем не соответствует буквальному пониманию текста Страбона. В интересующем нас фрагменте говорится о двух победах Неоптолема над одними и теми же варварами, и логичнее было бы предполагать, что тогда и в конном сражении вместе со скифами принимали участие ахейны, зиги и гениохи. По мнению Е.А.Молева, это было невозможным по той причине, что, как ему представляется, описание быта ахейцев у Страбона не позволяет считать, что те имели конницу²⁰. В связи с этим следует особо отметить, что был ахейец древний географ не описывал вообще, его занимали лишь их морские разборы. Вывод же об отсутствии у ахейцев конницы представляется просто наивным, поскольку трудно себе представить варварский народ, особенно в непосредственной близости от степей, у которого бы, по крайней мере, аристократия не имела привычки владеть конями и в случае необходимости выступать в поход в конном строю. О силе сухопутной армии ахейцев можно заключать из того, что карательная акция, предпринятая против них Митридатом после Второй войны с Римом оказалась неудачной, более того - в результате сражений и от тяжелого климата было потеряно две трети понтийского войска (App. Mithr. 67).

Приведенное выше мнение Е.А.Молева об отсутствии у северокавказских морских разбойников конницы, несмотря на всю его спорность, при определенном смещении акцентов, как представляется, все-таки может способствовать лучшему пониманию сути происшедших событий. В этой связи можно обратиться к лекциям других морских разбойников, значительно более знаний, чем ахейцы, зиги и гениохи, а именно - норманнов. Вряд ли уместны сомнения в том, что в плане ведения боевых действий они представляли собой типичную "морскую пехоту". В связи с этим писавшие о них восточные авторы неоднократно отмечали, что если бы норманны (русы) были всадниками, то они бы стали "великим бичом для людей" и "приобрели бы господство над многими народами"²¹. Но этого не произошло.

Любопытно, но лошади у норманнов были. Данные археологии убедительно свидетельствуют, что население Скандинавии разводило в том числе и лошадей, погребения с конями имеются в ме-

стных некрополях²². Этих животных даже приносили в жертву богам²³. Во время походов во Францию норманны делали набеги не только на ладьях, но и в пешем порядке, и на лошадях²⁴, местному населению под страхом казнения было строжайше запрещено продавать пришельцам лошадей, так же как и вооружение²⁵. Все эти детали, безусловно, очень показательны, но тем не менее конными воинами норманны так и не стали, - как свидетельствует один персидский автор, на коне они не обнаруживали присущей им смелости²⁶.

Возможно, сходная ситуация имела место в античное время в приморской полосе Северного Кавказа, где обитали ахеины, зиги и гениохи. Понадеяли они, конечно, имели, но сражаться в конном строю не умели или, всего скорей, умели плохо. Может быть, именно по этой причине Неоптолем и решил дать сражение на ладу. Вряд ли можно сомневаться, что инициатива выбора места для сражений принадлежала именно ему. Логика понтийского полководца проста и абсолютно оправдана, - в таких условиях, т.е. на ладу, даже небольшой отряд профессиональной конницы может легко победить массу всадников, которые вообще не привыкли сражаться в конном строю.

Отвлекаясь от других возможных деталей этого "ледового сражения", к примеру, от вероятности того, что понтийская конница была специально подкована (идея была высказана В.П.Толстиковым при обсуждении моего доклада в Гос. Эрмитаже²⁷), хочется подчеркнуть, что активными противниками Митридата на этом этапе, всего скорей, выступили именно ахеины. Более того, имеющиеся источники позволяют предполагать, что ахеины были, так сказать, почти непримиримыми противниками царя Понта. Они не только были разбиты в двух сражениях полководцем Неоптолемом, но, как уже отмечалось, после Второй войны Митридат был вынужден совершил против них карательную экспедицию, которая оказалась очень неудачной (App. Mithr. 67). И надо полагать, однако, что кроме этой были предприняты и другие акции, ахеины все-таки были покорены и во время Третьей войны с Римом входили в состав понтийских войск (App. Mithr. 69). Тем не менее, после новых поражений, когда Митридат совершил свой переход на Боспор Киммерийский, ему принилось вновь побеждать это племя (App. Mithr. 101).

В свете изложенного очень вероятным представляется, что попытка боспорян выйти из состава Понтийской державы после поражений Митридата в Первой войне была связана с позицией местных племен, а не греческих городов. Д.Б.Шелов, на мой взгляд, был абсолютно прав, когда указывал, что тяготы войны для боспорских греков тогда еще не стали слишком обременительными, и в конечном итоге здесь все зависело от позиции какой-то части варваров²⁸. Некоторые варварские племена, воспользовавшись ситуацией, попытались восстановить на Боспоре свою утерянные позиции. Всего скорей, и на сей раз инициатива исходила как от ахеев (результатом чего стала упоминавшаяся карательная экспедиция), так и от скитов. К сожалению, письменная традиция не содержит информации на этот счет. Однако среди эпиграфических памятников, найденных в последние годы, имеется один любопытный документ. Это база бронзовой статуи Митридата, обнаруженная на некрополе Нимфея, на которой была начертана надпись с благодарностью за победу²⁹. Победа, разумеется, была одержана над варварами и, если судить по некоторым деталям надписи, послы Первой Митридатовой войны.

Е.А.Молев связывает установление статуи в Нимфеи с победой над Савмаком и датирует ее 106-102 гг. до н.э.³⁰. В тексте надписи имеются важные детали, позволяющие усомниться в этом, - Митридат в ней имеет эпитет "Дионис" и титул "царь царей". Исследователи справедливо указывали на то, что в деловых посвящениях Митридат стал именоваться Дионисом после 102 г. до н.э.³¹, а титул "царь царей" мог носить в промежутке 89-88 - 85 гг. до н.э.³². Есть веские основания полагать, что какая-то важная победа над варварами была одержана на Боспоре после восстания Савмака и даже после завершения Первой Митридатовой войны.

С.Ю.Саурикки считает, что тогда победили сарматов или бастарнов³³, а В.П.Яйленко полагает, что это были скиты³⁴. Логичнее представляется вторая точка зрения, поскольку введение памятника победе Митридата над какими-то другими варварами (сарматами или бастарнами) на евреопейском Боспоре кажется не вполне логичным, а вот в контексте победы над крымскими скитами он вполне уместен.

Главными противниками Митридата VI Евпатора в борьбе за власть над Боспором, как можно предполагать, всегда были, с одной стороны, крымские скиты, а с другой - ахеины, зиги и гениохи. Имеющиеся источники позволяют считать, что и с теми, и с другими ему пришлось столкнуть-

ся неоднократно. Распространенная точка зрения о тесном союзе Митридата со скифами¹⁵, даже об опоре понтийского царя в его политике по отношению к местным племенам Северного Причерноморья прежде всего на союз со скифами представляется сильно преувеличенной¹⁶. Основания для таких исторических реконструкций в имеющихся письменных источниках представляются очень искаженными, поскольку связаны с восхвалением митридатовскими историками легий царя, его побед над ранее непобедимыми скифами и т.д.¹⁷. Важной составляющей идеологической подготовки войны стало подчеркивание того факта, что из непобедимой Скифии у Митридата была избрана "большая часть войска" (Just. 38, 7, 3); очень показательна в этом отношении откровенно пропагандистская речь Пелопона, посланного к римлянам перед началом Первой войны (App. Mithr. 15). Победы в Крыму подавались так, что они возглавляли понтийского царя над ахеменидскими и македонскими предшественниками, служили главной пропагандистской идеей - утверждению представления о непобедимости его армии, невозможности для римлян ее одолеть¹⁸.

Странно, что под влиянием митридатовской пропаганды до сих пор находятся некоторые историки, в особенности историки отечественные, хотя кому, как не им должно быть прекрасно известно, что между пропагандой и реальной жизнью может лежать непреодолимая пропасть. Отнюдь не случайно, на мой взгляд, письменная традиция не сохранила свидетельств о военных подвигах скифов в составе понтийских войск. Отлично проявили себя другие варвары - сарматы (App. Mithr. 19) и бастарны (Менн. 39. 1-2; App. Mithr. 71.). Скифские же цари, как представляется, направляли в Рим жалобы на действия Митридата (Менн. 30, 2), все понтийские пособства к скифам оказались неудачными (App. Mithr. 78, 108; Менн. 43. 2), можно говорить об изменениях скифской аристократии власты Понта (см. App. Mithr. 79). Всего скорее, скифы оказались союзниками весьма ненадежными¹⁹, не забывшими своих поражений от понтийских войск и всегда готовыми, если использовать лексику декрета в честь Диофанта, обнаружить "враждебное им вероломство" (IOSPE. I. 352. 15-17).

Примечания

1. Молен Е.А. Властиль Понтия. Ниж. Новгород: Изд. Нижегородского университета, 1995. С.45.
2. Граков Б.Н. Камское городище на Днепре // МИА. 1954. №. С.29; Брашинский И.Б. Понтийское царство // ВДН. 1973. С. 131; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольянского полиса в VII-IV вв. до н.э. М.: Наука, 1989. С.244.
3. Граков Б.Н. Скифы. Изд. МГУ, 1971. С.39.
4. См. Брашинский И.Б. Ук. Соч. С.129.
5. Молен Е.А. Митридат Евпатор. Изд. Саратовского университета, 1976. С.46; он же. Властиль Понтия. С.45
6. Сапринкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров и Причерноморье. М.: Наука, 1996. С.148 сл.
7. См. Молен Е.А. Властиль Понтия. С.52-53, прим.34
8. См. Десницкий Ю.М. Сатрапы // ВДН. 1973. I
9. Кукковский Ю.А. Процесс Тиберия. Киев, 1914. С.26; Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // АГСП. С. 124; Шелойчук В.Б. Северное Причерноморье: 2000 лет назад. М.: Наука, 1975. С.88; Ложкин И.Ю. К истории Понтийского царства. Библия, 1979. С. 104.
10. Жебелев С.А. Северное Причерноморье. Л.: Наука, 1952. С. 103; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С.305; Молен Е.А. Митридат Евпатор. С.46; Виноградов Ю.А. О долгой победе Центополиса на Боспоре Кimmerийском // Боспорский город Ниофей. Тез. докл. междунар. науч. конф. СПб., 1999. С.17 сл.; Reitach Th. Mithridates Eupator, rex de Pont. Paris, 1890. P. 75; McGing B.C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus. Leiden, 1986. P. 54.
11. Gaidukov V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971. S.318.
12. Geiger F. Neoptolemos // RE. 1935. 16.2. S.2465.
13. Молен Е.А. Митридат Евпатор. С.46; Сапринкин С.Ю. Понтийское царство. С.149.
14. Ростовцев М.И. Эллинистico и праславянство на юге России. Петербург: Озъ, 1918. С. 106.
15. См. Виноградов Ю.Г. Вопинская нащадь дочери царя Скалиги из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора до II в. до н.э. // ВДН. 1987. I. С.73 сл.; Молен Е.А. Боспор и период эллинизма. Ниж. Новгород: Изд. Нижегородского университета, 1994. С.124-131; он же. Властиль Понтия. С.41-42; Сапринкин С.Ю. Понтийское царство. С.146-147; Robinson Z.W. Sarmatians: Ancient History, Modern Politics // Historia. 1980. XXIX. Р.68.
16. Гиршзон А.К. Скифы Сиазака - восстание или вторжение? // РЕ. 12. 352 - Syphilis 709) / (Заметки по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб: Глазго, 1992. С. 72.
17. Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Комиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. 1990. С. 129.
18. Молен Е.А. Митридат Евпатор. С.46.
19. Молен Е.А. Властиль Понтия. С.45.

20. Молес Е.А. Митридат Евпатор. С.46.
21. Захардер Б.Н. Каспийский сюз споделений о Восточной Европе. Т.II. М.: Наука, 1967. С.98.
22. Лебедев Г.С. Эпоха античной и Средней Европы. Л.: Изд. МГУ, 1985. С. 78, 83, рис.22.
23. Захардер Б.Н. Соч. С.96.
24. Справником А.М. Пояснения к археологическим, государственным устройством, природе и обычаям древних скандинавов. Ч.II. М., 1861. С. 21.
25. Там же. С.46.
26. Захардер Б.Н. Ук. Соч. С.97.
27. Сия. Виноградов Ю.А. О дивной победе Несоизвестного...
28. Шелов Д.Б. Михаил, правитель Боспора //ВДН. 1978. т. 1. С.56; он же. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДН. 1983. 2. С.53.
29. Виноградов Ю.Г., Молес Е.А., Толстиков В.П. Новые эпиграфические источники по истории митридатской эпохи //Причерноморье и эпохи эллинизма. Тбилиси, 1985. С.595 с.; Яленко В.Н. Новые эпиграфические памятники о Митридате Евпаторе и Фарнаке //Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С.618 с.; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.149 с.; Молес Е.А. О времени установки статуи Митридата Евпатора в Нимфею //Античный мир. Белгород, 1999. С.85 с.
30. Молес Е.А. О времени установки статуи... С.87-91.
31. Виноградов Ю.Г., Молес Е.А., Толстиков В.П. Ук. Соч. С.596; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 150; ср. Молес Е.А. О времени установки статуи... С.88.
32. Виноградов Ю.Г., Молес Е.А., Толстиков В.П. Ук. Соч. С.598; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 149-150.
33. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.150.
34. Яленко В.Н. Новые эпиграфические памятники... С.618.
35. Греков Б.Н. Каменское городище на Днепре. С.29; Ольхонская В.С., Храпунова И.И. Крымская Скифия. Симферополь. Таврия, 1990. С.82.
36. С. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 148.
37. Ростовцев М.И. Скифия и боспор. (Л.), 1925. С.118-118; ср. Мелюкова А.И. Античная письменная традиция о скифской историчности //КСИИМК. 1949. 30. С.107-109; Греков Б.Н. Термин *Skythai* и его происхождение в надписях Северного Причерноморья //КСИИМК. 1947. 16. С.84; Хайнен Х. Митридат VI Евпатор и народы Северного Причерноморья //Археология. 1993. 4. С.27; McGing B.C. The Foreign Policy... Р. 163.
38. Ср. Яленко В.Н. Династическая история Боспора... С. 130.

К ДАТИРОВКЕ НАДПИСИ ЮСТИНИАНА С МАНГУПА

Две вещи всегда требовал Ю.Г. Виноградов от любого эпиграфиста: во-первых, работать с памятником *in situ* Felde, учитывать все иноаны реального материала, и во-вторых, рассматривать его в контексте: эпиграфическом, историческом, политическом и т.п. Он справедливо полагал, что именно такой подход может совершенно по-новому раскрыть даже давно известные и, казалось бы, хорошо изученные надписи. В полной мере продемонстрировал Юрий Германович это и в отношении позднеантичных грековизантийских надписей¹.

Наша заметка посвящена памятнику, который был открыт еще в начале века и неоднократно затем упоминался в работах по истории Горного Крыма. Между тем, издание надписи В.В. Латышевым², не имевшим в 1918 г., конечно, никакой возможности ознакомиться вживую с найденным Р.Х. Лепером за пять лет до этого камнем, до сих пор никем не обсуждалось и не корректировалось. Хотя даже с первого взгляда становится очевидно, что правилью восстановить третью и, как выясняется, самую важную строку этой, несомненно, строительной надписи великому русскому эпиграфисту так и не удалось (см. ниже).

Итак, что же представляет из себя этот загадочный камень? Это обломок известняковой плиты, оббитый со всех сторон кроме верхней, высотой 47 см, шириной 23 см и толщиной 7 см (зади также оббит). Камень использован вторично и найден в группе могил с левой стороны центрального нефа большой базилики. Между линеек выражены крупные буквы с признаками типичного для монументальных надписей VI в. шрифта, напр., алфа с ломаной поперечной гастью. Важно отметить, что линии гаста проведены между высоверленными на концах букв круглыми отверстиями. Сохранившиеся две с половиной строки надписи выглядят следующим образом:

ΟΤΣΤΙΝΙΑΝ
ΑΓΓΟΚΡΑΤΟ
ΑΙ[στο]ν

Слова в первых двух строках восстанавливаются совершенно ясно! Πιοστιταιφού и αγγοκράτος, в отличие от третьей, где по сохранившимся верхним половинкам букв Латышев восстанавливал слово σεβαστού. Однако между "альфой" и "сигмой" ясно читается "йота" - возможные эпитеты на -α (или λ) έτον, типа καλλέτον, явно не подходят к императорской титулатуре. Разгадку нам дало внимательное изучение de visu нижнего обломка надписи. Остатки буквы с крышечкой, действительно, принадлежат алфе, о чем свидетельствуют еле заметные фрагменты поперечной гасти. То же, что Латышев принял на снимке за верх лунарной сигмы, на самом деле является эпilonом, у которого хорошо видно круглое отверстие, прошверленное на конце поперечной гасти, которая сама не сохранилась. Таким образом, нижняя строка надписи должна читаться иначе:

ΑΙΕΤΟΥ

Кроме того, в начале строки видна лигатура из дельты и диагональной черты - конец типично-го сокращения для слова λιβ (ικτυός). К сожалению, ни одна из строк надписи не позволяет уверенно реконструировать длину строк. Однако принимая в расчет то, что надпись, вероятно, состояла всего из 3 строк, причем две из них занимает титулatura императора, мы можем предположить, что вряд ли она была слишком длинной. Вполне вероятно, что мы имеем здесь дело практически с одной лишь датировкой, без указания на характер постройки. Такое возможно, например, в том случае, если существовала одна подобная строительная надпись, а наш камень находился на одном из построенных или восстановленных объектов, скажем, башне. И эта краткость формулы, и общий облик нашего памятника сближают его, скорее, с надписями Юстиниана о постройке стен, чем с более пространными надписями о возведении храмов или общественных сооружений. С определенной осторожностью мы реконструируем мангупский текст в следующем виде.

Ἐπὶ Πιοστιταιφού
τοῦ] αγγοκράτορος
ινβικτιώνος αἱ ἔτον[...]

Однинадцатый индикт на царствование Юстиниана I падал три раза: в 532-533, 547-548 и 562-563 гг. О строительной деятельности Юстиниана в Крыму и на Боспоре в рамках его общеперской программы возведения и восстановления укреплений мы знаем только из Прокопия, так

что сказать, было ли это в начале, середине или конце его царствования, достаточно сложно. Важно, однако, отметить, что одиннадцатым индиктом датирована и другая юстиниановская надпись из Северного Причерноморья, найденная на Тамани¹.

Как известно, этот памятник послужил предметом оживленной дискуссии между В.В. Латышевым и Ю.А. Кулаковским². Первый предполагал, что постройка Юстиниана должна относиться к 532–533 гг., когда после подавления гуннского восстания византийцы заняли Босфор. Киевский же профессор настаивал на том, что это строительство связано с готами-тетракситами, которые в 547 г. отправили в Константинополь посольство, чтобы получить себе епископа, а затем, по его мысли, построили себе храм. Не вдаваясь в детали спора, нам кажется необходимым в свете нашей надписи внести некоторые корректировки в аргументацию оппонентов. Если обе этих надписи, и мангупской, и таманской представляют собой части одновременной строительной программы Юстиниана в Крыму и на Боспоре (и одиннадцатый индикт в них один и тот же), то это некоторым образом ослабляет доводы обоих, так как и тот, и другой связывают строительство с каким-то конкретным событием: с возвращением византийцев на Боспор или с поставлением епископа готам-тетракситам. Кроме того, позиция Кулаковского (так довольно штатная в том отношении, что строительство храма за год после поставления епископа в Константинополе маловероятно) ослабляется еще и явно военным характером мангупской постройки.

Конечно, определенное различие между двумя национальными памятниками существует. Разница эта, однако, может объясняться не только их характером (см. выше), но и степенью необходимой презентативности надписи: таманская надпись, стоявшая, по-видимому, в Фанагории, должна была вдохновить жителей-греков о благодеяниях императора, в отличие от установленной в пограничной крепости мангупской. Такое играло роль и то, кто был исполнителем императорского заказа: на Тамани это были местные византийские чиновники, естественно, включившие свои имена в надпись³.

Подводя краткий итог анализу мангупской надписи Юстиниана, необходимо отметить, что дальнейшее изучение юстиниановского строительства в Северном Причерноморье должно вестись как в общем контексте имперской строительной политики в Средиземноморье⁴, так и путем изучения конкретных эпиграфических памятников и их внимательной ревизии⁵.

Примечания

1. Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Босфор и ранняя Византия // ВДН. 1998. № 1. С. 233–247.
2. Латышев В.В. Эпиграфические находки из Южной России // ИМ. 65. 1918. С. 18–19. № 1. Рис. 1.
3. Латышев В.В. Этюды по аланской эпиграфике. I. Надпись времен императора Юстиниана, найденная на Таманском полуострове // ВВ. 1, 1894. С. 657–662; Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России // МАР. 17, 1895. С. 56–61. № 64.
4. Кулаковский Ю.А. К обяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове // ВВ. 2, 1895. С. 189–198; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СИБ. 1898. С. 98–105. № 98.
5. Напр., о трабибре Анаклас см.: Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The prosopography of the later Roman Empire. Vol. 3. Cambridge, 1992. P. 82.
6. Обзорную работу по строительным надписям Юстиниана I готовит в настоящее время Д. Фессель (Париж).
7. Недавно, напр., были предприняты интересные работы таманской надписи, см.: Feissel D. Nouvelles données sur l'institution du patr^op^ole // Diagon G., Feissel D. Inscriptions de Cilicie.D., 1983. App. I. P. 219–220.

В.А. Горончаровский

БОСПОРСКАЯ КАВАЛЕРИЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э.

На рубеже н.э., в условиях постоянных военных столкновений с кочевниками, в составе боспорской армии происходят существенные изменения, связанные с влиянием на ее вооружение и тактику соседних сарматских племен. В частности, возрастает значение конницы, ударной силой которой становится панцирная кавалерия - катафрактарии⁶. Отдельные элементы вооружения таких конных воинов (панцирь, тяжелое копье, длинный рубящий меч, лук "гуннского" типа) сформировались в поволжско-среднеазиатском регионе⁷. Начало распространения их в Прикубанье и на Боспоре можно связать с аспургианами, расселившимися на землях между Фанагорией и Гериппиией (Strabo. XI 2,11; XII 3,29), скорее всего, в правление Аесандра⁸. Очевидно, именно включение этих выходцев из сарматской кочевой среды в состав военных сил Боспора способствовало изменению структуры и вооружения местной кавалерии.

В данном отношении представляет интерес найденная в районе Темрюка стела Матиана, сына Зандара (рис. 1), поставленная от имени царицы Динамины "памяти ради"⁹. Скорее всего, она принадлежала одному из вождей аспургиан, т.к. для Боспора это уникальный случай постановки надгробия от имени царствующего лица, что предполагает особые заслуги погребенного и особый характер отношений с правящим домом. В верхней части стелы находится тщательно проработанный рельеф с изображением всадника. Это работа явно не рядового мастера, сумевшего передать ряд деталей этнографического характера: высокие кожаные сапоги на ногах воина, подстиженную "городками" гриву и нахвостник у лопаты. Последние особенности определенно связаны с восточной кочевой средой и не привнесли на Боспоре. Так стрижка гривы "городками" кроме рассматриваемого рельефа отмечена линь на одном из надгробий¹⁰ и в росписях более поздних пантикапейских склепов II в. н.э. (Стасовский склеп 1872 г. и склеп 1873 г.)¹¹. Указанием на ближайший к границам царства регион, где была распространена такая мода, служит гравированный рисунок на серебряном сосуде из погребения середины I в. у с. Косика Астраханской области, где эта деталь имеется¹². Круг более ранних аналогов подобного рода гораздо шире - от Пазырька до Китая¹³. Для данного ареала характерны и кожаные нахвостники¹⁴. Помимо стелы Матиана, они представлены на нескольких боспорских надгробиях с изображениями всадников¹⁵.

Значительный интерес представляет вооружение всадника на стеле Матиана. В частности, в настоящее время это самое раннее изображение катафрактария в боспорском искусстве. Облаченный в короткий панцирь с разрезом, он держит в левой руке конский повод, а правой придерживает длинное копье, которое не поместилось в поле рельефа и частично вышло за его пределы. Любопытно, что копье в данном случае опирается на четко показанный горизонтальный выступ седла, очевидно, имевшего деревянную основу¹⁶.

С правой стороны у всадника приторчен лук "гуннского" типа со спущенной тетивой и колчан для стрел. Таким образом, теперь можно говорить, что подобные луки появляются на Боспоре уже к началу н.э., как и в зоне азиатских степей¹⁷, а не позднее¹⁸. Составные луки "гуннского" типа с костиными накладками имели большие размеры, нетущуюся рукоять и эластичные плечи, что увеличивало их дальность. Их изображения на боспорских фресках и рельефах¹⁹ показывают, что здесь они носились таким же образом, как и в среднеазиатском регионе - у поздних парфин и персов сасанидского периода²⁰, т.е. на правом бедре, со спущенной тетивой, в колчане с отделением для стрел или длинным узком чехле, перевязанном ремнями. Видимо, это было вызвано соображенными удобства и необходимостью сохранения упругости длинного составного лука.

Интересно отметить, что все этнографические детали, присутствующие на стеле Матиана, мы находим и в изображении конного воина с оружием осцем на фреске пантикапейского склепа Аиフェстрия, сына Гегесиппа (рис. 2), который принято датировать последними десятилетиями I в. до н.э. или началом следующего столетия²¹. Таким образом, вполне допустимо говорить о том, что тут был захоронен выходец из аспургианской знати, и, видимо, это был далеко не единственный ее представитель, удастившийся погребения в пантикапейском некрополе. Обращает на себя внимание открытие в ближайшем соседстве со склепом Аиフェстрия еще двух погребальных памятников (склеп Алкима, сын Гегесиппа, и склеп 1891 г.), демонстрирующих "поразительное сходство" с ним по архитектуре, особенностям стиля и живописи²². Если наши наблюдения верны, то аспур-

гигие достаточно быстро адаптировались к местному варианту позднеантичной цивилизации. Данное обстоятельство неизбежно должно было иметь определенные последствия для развития военного дела Боспора, особенно после прихода к власти представителя новой, сарматской династии - Аспурга (14-38 гг. н.э.), очевидно, предоставившего режим наибольшего благоприятствования для своих союзников.

Формирование отрядов катафрактариев из состава боспорских горожан, видимо, началось несколько позже, когда события, связанные с войной Митридата VIII против римлян и своего брата Котиса в 45-49 гг. н.э., наглядно показали всю сложность ведения военных действий без помощи союзной конницы в условиях пограничных областей Боспора. Это нашло свое отражение в стоящих многочисленных надгробных рельефах из некрополей Пантikanея и других городов. Впрочем, не отмечено ни одного случая, когда бы умерший был представлен в тяжелом защитном вооружении. В данном случае можно согласиться с мнением В.Ф. Гайдукевича о том, что "надгробные рельефы изображают воинов не в походно-битовой обстановке, а в парадном виде воина-героя, победителя, выступающего перед зрителем без полного набора ратных доспехов"¹⁹. Отдельные компоненты их в виде щита и (гораздо реже) панциря встречаются только в изображениях конных оруженосцев или слуг, как правило, сопровождавших тяжелоооруженных всадников и, очевидно, перевозивших части их снаряжения. По-видимому, это делалось, чтобы не утомлять коня катафрактария излишней тяжестью до боя. В этой связи заслуживает внимания сообщение Аммиана Марцеллина о том, что сарматы обычно ведут "в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы пересаживаясь с одной на другую, сохранять силы коней..." (Амп. Marc. XVII 12, 3). Именно такую картину мы видим на рельфе надгробной стелы Юлия Патия²⁰, где всадник в остроконечном шлеме, с большим горитом за спиной, держит поводья другой лошади; рядом еще одна, сяди - жеребенок.

Для создания катафрактарийской конницы на Боспоре были необходимы разведение и объездка рослых коней²¹. По-видимому, они попали на Боспор из Средней Азии при передвижении сарматских племен. В пользу этого свидетельствует очевидная близость пород лошадей на боспорских рельефах и фресках, с одной стороны, и - синхронных памятниках среднеазиатского изобразительного искусства, с другой²². Отмеченные наблюдения вполне согласуются с мнением гипнологов, допускающими влияние среднеазиатских лошадей на развитие коневодства в Северном Причерноморье.

Рис. 1. Надгробие Матиана, стела Занвара, из собрания Темрюкского музея.

Рис. 2. Фрагмент росписи склада Антистереи с изображением всадника.

рье²². В данном отношении интересно иранское имя Аспург, которое носила основатель династии Тибериев-Юлиев на Боспоре. Оно означало "имеющий мощных коней"²³.

Люди лучших пород, очевидно, поставлялись царской конюшней. Судя по надписи 234 г., управляющий ею занимал достаточно высокое положение при дворе (КБИ. 942). Можно предположить, что на Боспоре, как и в царстве Селевкидов, существовали конные заводы, где содержались племенные животные, жили облезлочки лошадей и люди, обучавшие обращению с тяжелым всадническим вооружением (Ср.: Strabo. XVI 2, 10).

Действительно, на многих надгробных рельефах мы видим крепких породистых скакунов, способных выдержать вес тяжеловооруженного воина и конской катафракты. Такими конями могли обладать только состоятельные люди, т.к. высокая стоимость хороших лошадей и тяжелых доспехов лишала малоимущие слои возможности служить в катафрактарийской коннице. Ганнит, описывая сарматских катафрактариев, отмечает, что тяжелые панцири "носят все вожди и знать" (Гас., Hist., I, 79).

Возрастание роли тяжелой кавалерии в боспорской армии привело к ряду изменений и в конской снаряжении. Конская узда этого времени включала затычочный, налобный, наносный, подбородочный и нащечные ремни. Для ее характеристики удали, то есть конструкции близким более ранним сарматским, но несколько усовершенствованным. Такие удали включали грызула, заканчивающиеся прямоугольными рамками, и двуколятные пеалии²⁴. Очевидно, они использовались, прежде всего, тяжеловооруженными всадниками, т.к. позволяли усилить воздействие на лошадь. Это могло достигаться за счет крепления нащечного ремня к верхнему концу пеалия, а повода - к нижнему. Таким образом, при натягивании повода грызула давили не только на углы рта, но и на всю нижнюю челюсть лошади, вынуждая ее быстрее подчиниться всаднику, что очень важно в условиях быстротекущего конного боя²⁵. Такой же способ крепления повода мы видим на известном граффито с изображением катафрактария из Дура-Европос²⁶.

Помимо быстрого управления конем для тяжеловооруженного всадника важнее было удержаться на коне при столкновении с противником. Видимо, выходом в данной ситуации стало усовершенствование конструкции седла, которое должно было обеспечить устойчивую "глубокую" посадку. Памятники боспорского изобразительного искусства демонстрируют различные типы седел римского времени. Так, на нижнем рельефе мраморной стелы сыновей Пантилеонта из Горгиппии (рис. 3), относящейся к рубежу н.э., показаны кони с седлами, имеющими вертикальные переднюю и заднюю луку и слегка выпуклую поверхность. При этом у первого коня из-под седла свешивается попона со схематично переданными складками. На верхнем рельефе той же стелы, вероятно, показано такое же седло, поскольку здесь перед всадником изображен почти вертикальный, слегка загнутый внутрь передний выступ с выделенным рельефным валиком краем. Для изготовления таких седел, можно предполагать использование деревянной основы²⁷. Ближайшей аналогией для них являются массивные парфянские седла, известные по терракотам (рис. 4, 4) и рельефу рубежа н.э. в храме Балынамина в Сне (рис. 4, 5)²⁸. Отмеченные восточные параллели можно объяснить уже упоминавшимся соседством с Горгиппийской аструргианой - недавних выходцев из сарматского кочевого мира.

Судя по наблюдениям автора, большинство боспорских рельефов с изображениями всадников демонстрируют другой своеобразный тип седла - с довольно массивной передней частью, завершающейся ярко выраженнымами округлыми выступами, загнутыми внутрь по форме бедра, и вертикальной задней лукой²⁹. Наиболее детально оно показано на фрагменте надгробия I - II в.в. н.э. из собрания Темрюкского музея (рис. 2, I-2). Судя по всему, здесь представлено кожаное набивное седло с элементами деревянного каркаса, созданное на стыке различных культурных влияний. Во всяком случае, оно не похоже на римские седла того же времени (рис. 4, 3), возможно, восходящие к кельтским прототипам³⁰ и известные по находкам их кожаной обивки с роговицамиыми выступами в Фалькенбурге (Голландия) и Роттвайле (Германия)³¹. Имеются явные отличия и от седел в виде вогнутой подушки с приподнятыми округлыми краями на граффито из Старой Нины и гравированном рисунке серебряного сосуда I в. н.э. из Косики³², засвидетельствованных, все же, для Боспора на некоторых фресках и надгробных стелах³³.

Довольно часто заднюю часть седла украшали с обеих сторон три ленты, причем эта традиция, представленная и в изображениях из Косики, как и многое другое, также пришла с востока, из ко-

чевой среды. Крепились седло с помощью нагрудного и подхвостного ремней, иногда декорированых фаларами³, и одной подруги. Для снаряжения более многочисленной легкой конницы характерны простые седла-нонтоны⁴, с уже рассмотренной системой крепления.

Отмечаемое увеличение роли конницы в боспорской армии первых веков н.э. обусловлено широкое распространение длинных всаднических мечей без металлического навершия. В I в. до н.э. такие мечи появляются в непосредственной близости от границ Боспора, в погребальных комплексах Прикубаны, связываемых с сираками⁵. Начало распространения их на Боспоре можно связать с участием сираков и аорсов в военно-политических событиях периода правления Фарнака (Strab., XI, 5, 8). Из существующих в этот период в сарматской среде типов мечей первоначально боспорянами, видимо, был заимствован тот, который имел прямое железное перекрестье, как это показано на единственном в данном отношении неопубликованном фрагменте известниковой стелы из Керченского музея (КЛ-1276). Скорее всего, именно такое перекрестье изобразил художник, конкретизировав фреску рубежа н.э. из склепа Аиностерии.

Показательно, что самая ранняя находка длинного меча на Боспоре происходит из его азиатской части. Она связана с могильницей I в. до н.э. из некрополя Фанагории⁶, за которой начиналась область расселения аспургидов. Длина меча около 0,75 м. Штыри, рукоти заканчиваются цаплями, под которой сохранились остатки деревянного навершия. Определенный интерес представляет и находка резного kostяного навершия меча⁷ в резиденции Хрисалиска, видимо, одного из аспургидских воевод, близких к царю Аспидру. Она расположена всего в 18 км к северо-востоку от Фанагории и погребена около 11/13 г. до н.э., в период борьбы понтийского царя Полемона за утверждение своей власти на Боспоре⁸.

В I – II в. н.э. на Боспоре и в Прикубанье господствует тип меча без металлического перекрестья, с рукоятью, изящно переходящей в клинок. Длина таких мечей - от 70 до 112 см. Они употреблялись и пехотинцами, и всадниками, но в последнем случае, видимо, обычными были мечи длиной около 1 м и более. Это обусловлено тем, что подобное оружие предназначалось для нанесения прямого рунцающего удара с коня и функционально должно было быть достаточно длинным. Так, Тацит, описывая события 69 г. в Мезии, упоминает *длиннейшие мечи* сарматских всадников (Tac. Hist., I, 79). В данной связи уместно упомянуть и более ранний пример необходимости использования длинных мечей. Имеется в виду сообщение Тита Ливия о наличии в армии Селевкидов арабских воинов, сражавшихся на первозданах и вооруженных узкими мечами 4 локтей в длину (около 1,8м), чтобы поражать врагов даже с большой высоты (Liv. XXXVII, 40, 12).

Длина и большая вес меча обеспечивали эффективность его удара в столкновении с вражеской пехотой. Той же цели служила большая рукоять. Если такой меч держали одной рукой, то центр тяжести приближался к ней⁹. В случае необходимости всадник мог взять меч и в обе руки (Tac., Hist., I, 79). В тех случаях, когда удивлялся полностью зафиксировать длину рукояти боспорских всаднических мечей, она составляла 0,19-0,23 м, тогда как в Поволжье этот показатель, как правило, не превышает 0,15м. Это позволяет говорить о новых элементах в конструкции и оформлении мечей, связанных именно с Боспором. В частности, отмечается особенно большое разнообразие в отношении формы и материала т.н. пуговицевидных наверший мечей. В то же время, находки соответствующих деталей сарматских мечей достаточно редки, что, очевидно, объясняется изготовлением большей части их из такого дешевого материала, как дерево. В одном случае, вероятно, считавшись ценным халцидоновое навершие меча, помещенного в могилу, было даже склеено смолой¹⁰. Способ крепления наверший к рукоятям прослеживается по находкам из т.н. "Золотого кладбища" в Прикубанье I-III в.в. н.э. В одном случае через отверстие в навершии пронущена пластиничатая скобовидная заклепка, в другом - бронзовый штифт, крепившийся к обкладке штыря рукояти¹¹.

Штыри рукоятей боспорских длинных мечей представляет собой единое целое с клинком. Он имеет прямоугольную или округлую форму¹² и слегка суживается к концу. Иногда встречаются отверстия для крепления обкладки рукояти¹³, которая, судя по остаткам древесного тлена, обычно изготавливалась из дерева и в месте перехода к клинку образовывала короткое прямое или округлое расширение, заменившее перекрестье. Существование его не вызывает сомнений, поскольку эта деталь оформления рукояти мечей представлена в изображении воина на расписном саркофаге 1900 г.¹⁴ и на многих пантикапейских надгробных рельефах¹⁵. По форме основания клинка, если

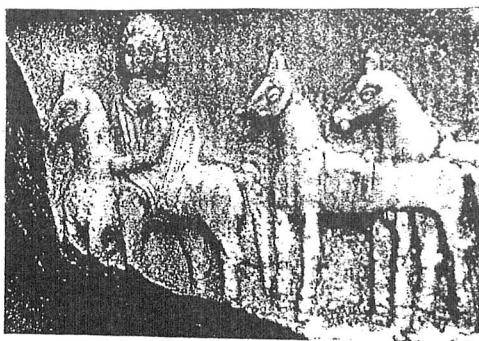

Рис. 3. Мраморная стела сановей Панталеонта из Горгиппии.

следовать классификации А.М.Хазанова, боспорские мечи рассматриваемого периода относятся к двум типам: наиболее распространенному типу 2 (с треугольным основанием клинка) и существо-
вующему с ним, начиная со II в., типу 3 с прямым основанием⁴⁶, использовавшемуся вплоть до се-
редины III в.⁴⁷. В сечении клинка типа 2 - линзовидные или слегка уплощенные, с плавно сужаю-
щимися к острию концом. Ширина их колеблется в пределах 3,5-5 см. Для типа 3 характерно сече-
ние клинка, близкое к ромбовидному. Он более массивный, шириной 4,5-5,5 см.

Ножны мечей обычно изготавливались из дерева. Их следы часто встречаются на клинках в ви-
де тонкого слоя отпечатков древесных волокон. На уже упоминавшемся мече из Фанагории они
были окрашены в белый цвет, для сарматских известна красная окраска⁴⁸, которая могла употреб-
ляться и на Боспоре. Можно допустить, что ножны обтягивались кожей или целиком делались из
этого материала.

Самый распространенный способ ношения боспорских длинных мечей - размещение их с ле-
вой стороны на портупейном ремне, прикрепленном к поясу. Для крепления могли использовать-
ся специальные скобы из полудрагоценных камней. Не исключено, что, по крайней мере, для час-
ти боспорских портупейных скоб использовалось и дерево. Так или иначе, но их изображения при-
сутствуют на ряде боспорских надгробий⁴⁹. Наряду с находками из корейских гробниц и кочевниче-
ских погребений Поволжья⁵⁰, они демонстрируют, что скобы, через отверстие в их центре при-
креплялись в верхней части ножен, на расстоянии около 1/3 их длины от устья. В данном случае
портупейный ремень пропускался через промежутки между концами скобы и самими ножнами. В
результате меч мог свободно скользить по нему, а в случае надобности - легко снимался, т.к. пор-
тупея, видимо, крепился к нему при помощи пряжки. Отмечены случаи, когда пояс и портупея для
меча украшались бронзовыми и золотыми бляшками, образуя металлический набор⁵¹. Иногда меч
подшивался на ремне, перекинутом через правое плечо, как это можно видеть на одном из над-
гробных рельефов середины I в. н.э.⁵². Впрочем, отмечен и другой, чисто боспорский способ, ког-
да длинный меч пристегивался к гориту, рукотякой на уровне его верхнего края, как например, на
стеле Феагена конца I в. н.э.⁵³, фрагментированном надгробии того же времени, обнаруженному в
1994 г. при рытье траншеи в центре Керчи и еще одной случайной находке - обломке рельефа с
изображением всадника,⁵⁴ где показано крепление ножен меча к гориту поперечным ремнем. Во
всех отмеченных случаях ножны заканчиваются выпуклой бутербюль трапециевидной формы.

Помимо длинных мечей, обычным элементом вооружения боспорских всадников были книжа-
лы, большей частью имевшие перекрестье и арханную для I-III в.в. форму кольцевого навер-
шия⁵⁵. Длина книжалов колеблется в пределах 0,33-0,45 м. Клинок в сечении - линзовидный без
продольного ребра. Штыри рукотяй - круглый (иногда овальный) в сечении. Сама она обкладывалась
деревом или обматывалась ремнем.

Ножны книжалов изготавливались, в основном, из дерева. Они имеют различную форму: часто
они повторяют очертания суживающегося клинка, иногда имеют прямоугольный контур или за-
вершаются округлым выступом. Последняя деталь, как правило, сочетается с парными пря-
моугольными или полукруглыми выступами, имевшими функциональное значение. В боспорских
надгробных рельефах ножны передко показаны пристегнутыми к правому бедру кожаными ремен-
ками⁵⁶. Этот способ не давал книжалу быть всаднику на ноге во время езды. В этом отношении, как
и во многих других, боспоряне следовали практике, уже сложившейся в кочевом мире евразийских
степей. В свою очередь, учитывая, что большая часть находок длинных мечей и книжалов I-III в.в.
в Северном Причерноморье связана с территорией Боспора, можно говорить о значительной роли
его оружейных мастерских в производстве и совершенствовании данных видов наступательного
вооружения, и, соответственно, их влиянии на кочевую среду.

Одним из основных элементов в комплекте вооружения боспорской панцирной кавалерии бы-
ло длинное копье. Этот вид наступательного оружия появился на Боспоре (как показывают стела
Матиана и фреска из склепа Анфестерия) достаточно рано. В последнем случае представлена сце-
на конного выезда умершего, где оруженоен везет за своим хозяином копье длиной не менее 4,5
м (если пропорции изображения хотя бы приблизительно выдержаны)⁵⁷. Такие размеры копья не
должны вызывать больших сомнений, поскольку его держали двумя руками. Интересно отметить,
что спустя более чем тысячу лет пики знаменитой польской кавалерии, "крылатых гусар" XVI-XVII
в.в., имели именно такую длину - около 4,5-5 м⁵⁸. Специальные эксперименты показали: чтобы ус-

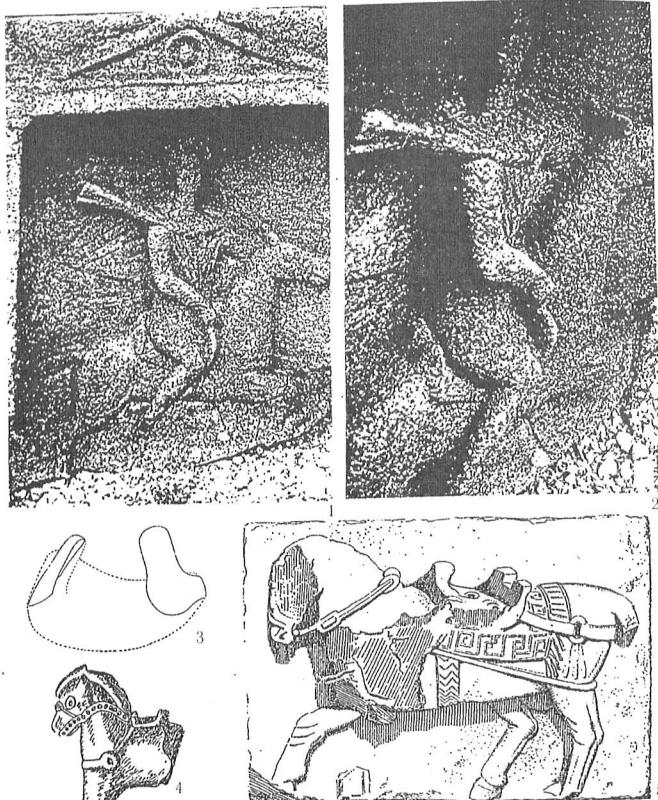

Рис. 4. 1, 2 - фрагмент надгробия I-II вв. н.э. из собрания Темрюкского музея; 3 - реконструкция римского седла из Роттвейля (по А. Хайлиц); 4 - терракотовая фигура оседланной лошади из Масжед-и-Сулейман; 5 - рельеф из храма Бахрамгана в Син.

пешно действовать длинным копьем, даже при отсутствии стремян, нужно держать и направлять его правой рукой, тогда как в левой, поддерживающей древко для нанесения более точного удара, находятся поводья⁵⁹. По-видимому, применялось и дополнительное крепление копья. Вот как его описывает Геленодор: "...копье ремнем прикреплено к шее коня; нижний его конец при помощи петли держится на крупе..." (Heliod., Eth., IX, 15). Для своего времени такое тяжелое всадническое копье было чрезвычайно эффективным оружием. Недаром Тацит, говоря о сарматских катакратариях, замечает: "...вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд" (Tac., Hist., I, 79).

В состав наступательного вооружения легкой боспорской кавалерии, помимо длинных мечей, входили дротики, луки и стрелы. Так, например, изображение дротика мы видим на стеле I - II в.в. из нимфейского некрополя, где мланыйц вправо воин собирается поразить им поверженного врача⁶⁰. Роль лука в вооружении боспорских воинов первых веков н.э. продолжает оставаться значительной, причем в данном отношении Боспор не остался в стороне от тех инноваций, которые появляются в военном деле его восточных соседей. К этому времени в зоне сиразийских степей входит в употребление более совершенный по сравнению с предшествующим периодом т.н. лук "гуннского" типа. Он имел достаточно большие размеры - около 1,2 м., что при наличии неподвижной рукоятки и эластичных плечей с kostными накладками значительно увеличивало его дальность. Повсеместное распространение с начала I в. н.э. таких луков, в сочетании с применением массивных трехлопастных наконечников стрел⁶¹ затронуло и Боспор, тесно связанный с кочевым миром. Видимо, это было обусловлено появлением более совершенного защитного доспеха, против которого прежнее оружие подобного рода было бесполезно. Помимо уже упоминавшейся стелы Маттиана, такой лук изображен в руках всадника на одной из фресок склепа 1841 г.⁶², а также на ряде известных надгробных рельефов - таких, как стелы Афени, Стратоника, Фарнака, Агата и Дафна⁶³. На всех этих рельефах лук представлен не как обычно (слева от всадника, в пятнистом состоянии, вложенным в горит), а на правом бедре, со спущенной тетивой, в длинном узком чехле с отделением для стрел. Отмеченные особенности, в сочетании с пряммыми концами луков, убеждают в том, что они относятся к оружию именно "гуннского" типа, характерного для поздних парфян и первов сасанидского периода и носящегося таким же образом⁶⁴. Чем это было вызвано? Видимо, соображеннями удобства и необходимости сохранения упрогости длинного составного лука.

Впрочем, в то же время на Боспоре продолжает использоваться (правда, в усовершенствованном виде) и лук т.н. "скифского" типа. Он тоже достаточно большой, но с выступающей прямой рукояткой и сильно загнутыми вперед концами. Длина таких луков, судя по памятникам боспорско-го изобразительного искусства, составляла не менее половины роста стрелка, т.е. около 0,9 м и более.

Стрелы I-III в.в., как правило, имели железные черешковые наконечники с треугольным или ромбическим пером. Большей частью они крупных размеров, до 7 см в длину, но встречаются и более мелкие. Редким типом наконечников стрел являются плоские, с округло ромбическим пером и уступом у основания черешка. Они входят в употребление где-то с рубежа II-III в.в. и пока представлены только несколькими образцами из некрополя Илурата⁶⁵.

Древки стрел изготавливались из пород деревьев, произраставших на Боспоре: вяза, березы, клена, тополя⁶⁶. Вряд ли они чем-то отличались от распространенных в сарматской кочевой среде. О последних мы знаем, что они имели в длину не менее 0,8 м и вырез для тетивы в основании был грушевидной формы. Если лук был достаточно мощным, такие стрелы при стрельбе наиболее совершенным "монгольским" способом могли попасть большой пальц правой руки. Последним в согнутом виде натягивали тетиву, лишь помогая при этом указательным пальцем. Для защиты от травмирования применялись специальные приспособления, к которым можно отнести два массивных граненых кольца из воинского погребения второй половины II-начала III в.в. в некрополе Илурата⁶⁷.

Обращает на себя внимание незначительное количество наконечников стрел в погребениях первых веков н.э. Скорее всего, их помещение туда носило чисто символический характер. Столь же редкими являются находки остатков деревянных горитов, обтянутых кожей. Тем не менее, форма их хорошо известна по многочисленным изображениям в росписях пантикапейских склепов и на надгробных рельефах. Детали достаточно точно передает деревянный игрушечный горит из детской гробыни середины I в. н.э.⁶⁸. На его внешней поверхности имеется боковой карман со слегка намеченными древками стрел. Суя по декору, наружная сторона оригинала горита была дополнительно украшена металлическими накладками. Устье его расширено в соответствии с формой плеча лука, а ближе к уплощенному дну внешний контур плавно сужается.

Загитный всаднический доспех первых веков н.э. представлен на Боспоре несколькими разновидностями: чешуйчатые, пластинчатые, кожаные панцири, колчуги и боевые пояса. Все они крайне редко встречаются в погребениях, зато большей частью хорошо представлены в памятниках изобразительного искусства.

Панцири с короткими рукавами, без ворота, присутствуют на стеле Матиана и фреске из панцирепейского склепа второй половины I в. н.э., открытого А. Б. Ашником в 1841 г.⁶⁹. Среди противников боспорцев здесь представлены два тяжеловооруженных катафрактария в длинных, сильно расширяющихся от пояса книзу до щиколотки панцирях без разрезов. Высокое социальное положение этих персонажей подчеркнуто тем, что, в отличие от прочих всадников, их шлемы дополнительно украшены трехчастными эмблемами. Следует отметить, что в данном случае уже присутствует получившее позднее большее развитие стремление боспорских живописцев к максимальной фронтальности изображения социально значимых персонажей. До сих пор никто не задавался вопросом, почему на этой и других боспорских фресках во всех случаях левостороннего движения⁷⁰ всадники с копьями наперевес оказываются левыми, т.е. фигуры воинов как бы зеркально вывернуты. Только так можно было избежать их показа со спины, что конечно, нарушило бы торжественно-парадный характер росписей боспорских склепов.

Самым ранним изображением длинного пластинчатого доспеха с короткими рукавами и воротом, плотно прикрывающим лицо, считается рельеф на стеле Афинии, сына Мены, которую Ю.М. Десятчиков относит к первой половине I в. н.э.⁷¹. Образцы подобных панцирей фигурируют на мозаиках сакских правителей ирано-иранского пограничья I в. до н.э.-I в.н.э.⁷², а панцирный ворот присутствует в изображении катафрактария на халкизинском фризе, который Г.А. Пугаченкова датирует временем около рубежа н.э.⁷³. Очевидно, основой такого доспеха был кожаный кафтан с разрезами, на который нашивались горизонтальные ряды прямоугольных металлических пластин. Аналогичный доспех, судя по панцирному вороту, имеют конные воины на надгробии Юлия Патия второй половины I - начала II в.в.⁷⁴.

С рассмотренным вариантом доспеха можно соотнести находку в одном из богатых сарматских погребений Поволжья сусловского времени крупных железных пластин прямоугольной формы (8x12 см) с пятью небольшими отверстиями в правом верхнем углу⁷⁵. Если сопоставить их размеры с доспехом катафрактария из склепа 1841 г., где показаны 23 ряда горизонтальных пластин, можно приблизительно реконструировать длину последнего. С учетом взимного наложения пластин она составляет около 1,3 м и это выглядит достаточно реально.

Конечно, такое средство личной защиты, как длинный пластиничатый доспех, представляется сложным архитектурным виду своей тяжести и излишней жесткости. С другой стороны, это доспех универсального типа, защищавший всадника в целом, включая бедра и ноги. Не получивший широкого распространения в практике позднеантичного военного дела, он, тем не менее, существовал на Боспоре в течение нескольких столетий. Об этом свидетельствует обломок штукатурки красного цвета с графитом, изображающим катафрактария, из дома конца II-третьей четверти III в.в в Илурате, городе-крепости на западных подступах к Пантакапею⁷⁶. Панцирь в данном случае не имеет рукавов и от пояса сильно расширяется книзу. Металлические пластины, нашитые на кожаную основу, показаны обобщенно горизонтальными линиями, образующими 30 рядов, причем вертикальные грани их не прорисованы.

Наибольшее же применение получил другой тип панцири - чешуйчатый, который известен как у сарматов, так и в составе боспорского оборонительного вооружения первых веков н.э. По-видимому, он появляется на Боспоре практически одновременно с длинным пластиничатым панцирем, поскольку мы видим чешуйчатый доспех в треугольных вырезах кафтанов конных боспорских воинов на фреске из склепа 1841 г.⁷⁷. Близкой аналогией для подобного облакения является изображение сарматского всадника на сосуде из Коски.

Широкое распространение на Боспоре получили лишь два варианта чешуйчатых панцирей. Первый, зафиксированный в росписи склепа 1872 г. II в. н.э. и на монетах периода правления Савромата II (174-210 г.г.) и Рескупорида III (211- 228 г.г.) имел вид кафтана с короткими рукавами и разрезом внизу длинной постели до колен⁷⁸; под него могла надеваться кожаная рубаха. Второй вариант представлен панцирем без разреза, как правило, доходящим до середины бедра. Он присутствует на посвятительном рельефе Трифона, сына Андромена, из Танаиса (около середины II в.), где панцирь подписан широким поясом⁷⁹.

Железные кольчуги также входили в состав комплекса защитного вооружения боспорских воинов первых веков н.э. К этому времени относятся остатки кольчуги, видимо, местного производства, найденные при раскопках Пантакапея⁸⁰. Кроме того, с большой долей вероятности можно

предположить, что защитный доспех с короткими рукавами без разрезов и длиной до бедер, в который облачен катафрактарий на фреске из склепа 1873 г.⁸¹, является колчугой. В пользу этого говорит контур доспеха, переданный ярко выраженной волнистой линией и особая манера передачи его фактуры короткими скошенными и параллельными штрихами. Интересно отметить, что похожая, с рукавами до локти, колчуга присутствует на рельефе с колонны Траяна⁸².

Среди легковооруженных всадников, несомненно, был широко распространен в силу своей доступности защитный доспех из такого сравнительно дешевого материала как кожа, известный у сарматов. Так, Ташт упоминает сарматские панцири из самой твердой кожи (Тас., Hist., I, 79). Такие панцири давали достаточно эффективную защиту от стрел и камней, могли ослабить удар мечи или копьи. Простейший тип их, видимо, представлял собой короткую куртку, которая могла дополняться поясом с наитыми железными пластинами в передней части⁸³. Другой тип - это кожаный кафтан до колен с длинными рукавами, ампиррованный круглыми металлическими бляхами, как на фреске Аифестерия. Остатки подобного панциря, снабженного двумя нагрудными железными бляхами-флайрами со следами позолоты были найдены в погребении Юлия Калигена второй половины I в. н.э.⁸⁴.

Боспорские шлемы позднеантичного периода имели каркасную конструкцию и представлены, главным образом, двумя типами: конической и яйцевидной формы⁸⁵ в отдельных случаях с нащечниками и выделенной тулей. Детали конструкции каркасных шлемов, близких к использовавшимся на Боспоре, достаточно детально изображены на рельефах колонны Траяна, изображающих сарматских воинов в чешуйчатых панцирях и трофеиное оружие⁸⁶. Вертикальные ребра шлемов в нижней части скреплены ободом, а в верхней - сходятся и заканчиваются небольшим шариком или пуговицей. Дополнительную прочность им придавали горизонтальные ребра, от одного до трех. На эту основу накладывались с помощью заклепок металлические пластины. Некоторые шлемы имеют нащечники, сходящиеся под подбородком, и чешуйчатую или колчужную бармицу. Интересно отметить, что точно такой же шлем защищает голову пешего воина с копьем, сопровождающего всадника на стеле «Менофил»⁸⁷. Его передняя часть, набранная из семи вертикальных полос, имеет выделенную в рельефе тулю, короткий наносник, дугообразные вырезы для глаз и округлые нащечники, соединенные подбородочным ремнем.

Что касается щитов, то они были принадлежностью только легко вооруженных всадников. Ташт, говоря о сарматских катафрактариях (то же можно сказать и о боспорских), замечает, что у них не в обычаях пользоваться щитом (Тас., Hist., I, 79). Действительно, держать длинное копье двумя руками и одновременно использовать щит весьма затруднительно. В римский период на Боспоре легкой конницей использовался круглый кавалерийский щит, что в определенной степени могло компенсировать недостаток прочного защитного снаряжения. Вряд ли он получил широкое распространение, поскольку его изображение отсутствует в росписях склепов и на надгробных рельефах. Единственная находка, которую можно соотнести с кавалерийским щитом, - это умбон паранджного щита конного (судя по наличию конской уздечки) воина из погребения в склепе Юлия Калигена⁸⁸. Он имеет тонкую бронзовую накладку с отчеканенным в невысоком рельефе орнаментом в виде звезды, цветов, птиц и растительных лепестков. Верхняя часть умбона - конусовидной формы, выделенная узким выпуклым валиком с насечками. Ниже тулы умбона образует с полями тупой угол. По краю умбона имеются отверстия для его крепления, в трех из которых сохранились и гвозди. Таким образом, кавалерийский щит (парма), с круглым умбоном и без него, были, несомненно, знаком боспорцам. Об этом можно судить по монетам I-II в.в., где он присутствует среди прочих предметов вооружения⁸⁹, и терракотам-гротескам⁹⁰.

О действиях боспорской кавалерии в ходе событий военного характера, несмотря на то, что история позднеантичного Боспора была насыщена ими, свидетельствуют лишь отрывочные данные. Достаточно связный рассказ мы находим только у Ташта в его «Анналах», где повествуется о междуусобной борьбе за трон двух братьев, Митридата VIII и Котиса (Тас. Анн. XII 15-21), поддержанную ими кавалерией. Судя по всему, в боспорской армии, вооруженной по римскому образцу, еще не было отрядов кавалерии, способных противостоять сиракским всадникам, выступившим на стороне Митридата. Успешные действия в степях Приазовья смог обеспечить только союз, заключенный с враждебной сиракакской группировкой горосов, несомненно, располагавшей панцирной конницей. На марше союзная армия выступала в следующем порядке: в цент-

ре - римские и боспорские части, а авангард и арьергард составляли аорсы, всегда готовые принять на себя первый удар. Интересно отметить, что утата с иракской конницей привела Митридата VIII к капитуляции, что лишний раз подчеркивает значение контингентов союзной варварской ка-валерии в случае ведения масштабной войны на границе Боспора.

Боспорская война 45-49 гг. имела большие последствия не только для этнической ситуации в Северном Причерноморье, поскольку вызвала перемещение ряда сарматских племен, но и для военного дела Боспора. Вероятно, в ходе войны или сразу же после нее среди зажигточной части боспорского общества получает распространение тяжелый пластинчатый или чешуйчатый доспех. Занимование и развитие ряда элементов наступательного и защитного вооружения были вызваны необходимостью противостоять тяжелой коннице соседних кочевых племен, что ненизбежно должно было привести к использованию характерных для нее тактических приемов: 1) прорыв линии построения противника (при необходимости перестроение и вторичный удар); 2) разгром противника по частям; 3) взаимодействие тяжелой и численно преобладающей легкой конницей (в отдельных случаях координировалось с действиями пехоты). Но если для сарматской кавалерии взаимодействие с нехотинцами это лишь эпизод, то на Боспоре этот тактический прием, очевидно, был хорошо отработан, особенно на случай столкновений с вражеской панцирной конницей. Это изображение иллюстрирует фреска из склепа 1872 г., где боспорского катафрактария поддерживает выступающая за них тяжелооруженная пехота. Такой знаток военного дела, как Аммиан Марцеллин, специально отмечает целесообразность размещения пехоты среди всадников в случае битвы с "закованными в железо воинами", поскольку "нехотинец в опасную минуту боя, когда все внимание сражающегося сосредоточено на противнике, незаметно подкрадываясь по земле, ударом в бок коня может свалить всадника, если тот не побережется, и без затруднений убить его" (Амп., Marc., XVI, 21-22).

Вероятно, именно такого рода хорошо обученная и организованная боспорская кавалерия, вооруженная по сарматскому образцу, находилась среди вспомогательных римских войск в провинции Мёсния на Дунае. Она входила в состав I Боспорянской алы, размещенной здесь в период между 45 г. и 157/158 г.г.⁹⁴. Поскольку последняя относилась к разряду квинтенарных ал, ее численность определяется наличием в ней 16 турм по 30 человек и 34 лошади в каждой⁹⁵. Очевидно, в случае необходимости они могли сражаться и пешими в роли лучников, как это можно видеть на рельефах колонны Траяна, имеющих отношение к военным действиям против даков в 101-102 гг.

Позднее, при императоре Адриане, в условиях участившихся столкновений с сарматами на границах Империи, в римской армии появляется собственное подразделение катафрактарии⁹⁶. В той тактике, которой с этого времени стали придерживаться римские полководцы, несомненно, был учтен и военный опыт,накопленный боспорской армией. В этом отношении интересно проанализировать написанную Аррианом "Диспозицию против аллан"⁹⁷, отразившую события 135/136 г.г., когда это сарматское племя предприняло набег на территорию малоазийской провинции Каппадокия. На марше армии рекомендуется передвигаться одной колонной, в авангарде и арьергарде которой находится кавалерия. В составе самой колонны сначала следуют чередующиеся вспомогательные нехотинцы и конные подразделения, причем пехота с флангов охраняется кавалерией. Отборная конница находится и в центре построения, а замыкают его тяжелооруженная союзная пехота, конница и обоз.

Далее Арриан подробно описывает расположение армии в случае столкновения с противником, имеющим тяжелое вооружение и защитный конечный доспех. Предложенная диспозиция явно рассчитана на сдерживание натиска такого рода конницы и последующего достижения перелома битвы в свою пользу. На месте сражения вся кавалерия должна была отделяться от общей линии войск и расположиться впереди и на флангах: пехота, построенная в форме полумесяца, - в центре. Воины из первых четырех рядов в случае вражеской атаки метали дротики, чтобы свалить на землю коней и сбросить всадников. Последние, если они были в тяжелом вооружении, лишились возможности снова сесть в седло. Кроме того, отражению атаки должны были способствовать боспорские и другие лучники, поставленные в девятом ряду. В задачу конницы входило обеспечение охраны и поддержки пехоты. Конных лучников предлагалось поместить сразу за основным построением, чтобы они могли стрелять в противника через него, а тяжелооруженных всадников - на флангах в ожидании сигнала к бою. Различные виды метательного оружия, включая баллисты и

катаapultы, предназначались для того, чтобы остановить вражескую конницу. Если она поворачивала назад, надлежало выделить для ее преследования половину конницы, придав ей легкую пехоту. В случае удара по флангам вся тяжесть сражения приходилась на кавалерию, поскольку вражеские всадники могли рассеять и уничтожить пехотинцев. Все имеющиеся конные отряды перемещались на фланги и строились полумесяцем, обращенным в сторону противника.

Скорее всего, боспорская армия придерживалась тех же тактических правил. Правда, в условиях Северного Причерноморья, при преобладании открытых ровных пространств, можно предполагать, большую роль военного обоза. Стави повозки кругом по обычаям алан (Апп., Marc., XXX 2,18-19), его могли использовать в целях эффективной обороны.

Таким образом, организация и вооружение кавалерии позднеантичного Боспора стояли на высоком для своего времени уровне, позволявшем успешно отражать нападения воинственных сарматских племен на востоке и крымских скифов на западе, а также оказывать военную помощь пограничным районам Римской империи.

Примечания

1. Схождением соотношения пехоты и конницы в составе боспорской армии этого времени можно считать тот факт, что с учетом лыжников, сделанный по данным КБН, среди пантикапейских мужских надгробий I-II вв. лишь около 12 % имеют сюжеты с изображениями пехотинцев, в то время как 33% - украшены рельефами с вооруженным всадником или всадниками. Кстати, изображения всадников с конными оружиеносцами, которые с наибольшей долей вероятности можно соотносить с катакратариями, составляют только 6% от общего числа интересующих нас надгробий.
2. Халанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 76.
3. См.: Горючаренко В.В. Аспурганс и военно-политическая история Боспора на рубеже н.э. // Таманская старина. Вып. 3. СПб. 2000. С. 54 сл. В том, что аспургане появились на Боспоре именно при Асандре, а не ранее, на рубеже II-III вв. до н.э. (Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. канд. дисс. М., 1974. С. 6; Сокольский Н.И. Таманский толос и реликвия Хрисалиска. М., 1976. С. 89; Сапрыкин С.Ю. Аспурганс // СА. 1985. № 2. С. 65 сл.; Щукин М.Б. На рубеже гр. СПб., 1994. С. 176), убеждает найденная на Таманском полуострове, в реликвии Хрисалиска, плита с надписью, упоминающей самого владельца, его покровительницу - богиню Тихе и царя Асандра. Когда-то они были алюминированы в стену на видном месте, над входом в дом. Ошибки, допущенные при изготовлении надписи, говорят о том, что обитатели крепости не до конца еще овладели греческим языком и находились на начальной стадии превращения их в боспорцев. По вполне обоснованному мнению Н.И.Сокольского, этот Хрисалиск, хотя и носил греческое имя, проходил из среды аспурган (Сокольский Н.И. Крепость аспурган на Боспоре. // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 28).
4. Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 220-224.
5. Матюкова Т.А. Мастерский надгробного рельефа Европейского Боспора I вв. до н.э.-II вв. н.э. // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1993. Вып. 10. С. 404; Табл. V: 7.
6. АДЖ. Табл. LXIV, LXIX.
7. Дворichenko B.V., Fedorov-Danilov G.A. Сарматское погребение скелетуха I в. н.э. у с. Кокки Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. С. 54; Трейстер М.Ю.. Сарматская школа художественной тюремщиков (к открытию серии из Кокки) // ВДИ. 1994. № 1. С. 180, рис. 7.
8. Maetzen-Helfer O. 1957. Crenelated pane and scabbard slide // CAJ. Vol. 3. N. 2. № 95-137.
9. Маршак Б.И. Искусство Согда // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 235, 236; Маслов В.Е. О датировке изображений на поясных пластинах из Ордатского могильника // Евразийские древности. М., 1999. С. 227.
10. См., напр.: ОАК за 1891 г., с. 64; АДЖ. Табл. LXXXIV: I-2; Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. Киев., 1961. Рис. 55; Десятчиков Ю.М. Катакратарии на надгробии Афения // СА. 1972. № 4. Рис. 1-3; Савостина Е.А. Мноогранные стелы Боспора: семантика и структура // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 382, № 31, 385, № 39; 386, № 40, 41; Матюкова Т.А. Ук. соч. Табл. II; 4; V: 7.
11. Это наблюдение сделано автором при осмотре надгробия в экспозиции Темрюкского музея в 1999 г.
12. Халанов А.М. Ук. соч. С. 31.
13. Десятчиков Ю.М. Ук. соч. С. 72.
14. К-W № 574, 626, 650; АДЖ: Табл. LXXXIX: 2; Иванова А.П. Ук. соч. Рис. 82, 89, 90; Боспорские надгробные рельефы. Л., 1990. С. 58, № 48.
15. Никоноров В.П., Хубаков Ю.С. Изображения воинов из Ордатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск. 1999. Вып. 2. Рис. 3, 4, 6; Nicolle D. 1996. Sassanian armies. Dewsbury. 1996. Р. 7 ff. Fig. 1,2,4,5. Pl. A-C.
16. АДЖ. С. 182. Табл. LI: 6.
17. АДЖ. С. 196.
18. Гайдукаев В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 385.
19. К-W № 575.
20. Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 115.
21. Ср.: Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна. М. 1971. С. 71; В.Н.Пилипко. Старая Ниша: Здание с квадратным

- затом. М., 1996. С. 69. Табл. 45.
22. Палкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 1960. № 55. С. 46 сл.; он же. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М. 1966. С. 89.
23. Абасов В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л. 1949. С. 185.
24. Зубарев М. Симоненко А.В. О снаряжении боевых коней в первые века н.э. на территории Северного Причерноморья // Вооружение скакунов и сарматов. К. 1984. С. 151.
25. Там же. С. 152.
26. Mielczarek M. *Cataphracti et clibanarii. Studies on the heavy armoured cavalry of the Ancient World*. Lodz. 1993. Р. 119. Fig. 6.
27. Это отмечает Н.И.Сокольский для определенных подгрупп 1-11 арм., где "можно видеть, что у седла были широкие основы, лук и щитник" (Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло и античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 227; с.к.: К-В № 626, КЛ-105, 341, 347). Для Боспора это не было нововведением, поскольку известны деревянные основы седел из погребения IV в. до н.э., хранящиеся в Эрмитаже (ГЭ. № 18591). В этой связи можно упомянуть и более позднюю находку из погребения 5 катакомбы № 165 панцирепейского некрополя, которая, с учетом присутствия в составе сопровождающего инвентаря золотой индивидуальной монеты царя Сардариона (ПУ?) и набора стеклянной посуды, можно датировать временем не позже конца III в. (Сокольский Н.И. Боспорские яички // МИА. 1954. № 33. С. 190). Здесь, в поисках погребенного, "лежали подбородок и большие селты из дерева и кожи, украшенное по краям гвоздиками с полированными шапочками и серебряными украшениями" (Шкорниц В.В. Отчет о раскопках в с. Керчи в 1904 г. // НАК. 1907. Вып. 25. С. 49).
28. Ghirshman R. *La selle en Iran // Iranica Antiqua*. 1973. Vol. X. Р. 103. Fig. 6; *Secunda N. The Seleucid Army*. Stockport. 1994. Р. 78. Fig. 61.
29. См., напр.: К-В № 640: Гайдукевич В.Ф. Ук. соч. С. 385. Рис. 64; неопубликованные КЛ-266, 370. 1986.
30. Connolly P. *Greece and Rome at war*. L.-1981. P. 235.
31. Connolly P. *The Roman Saddle // BAR International Series*. 1987. № 336. Р. 7 ff.; Hyland A.. *Training the Roman cavalry. From Artuan's Ars Tactica*. L.-1993. Р. 45-49.
32. Шипачко В.Н. Старая Ниса: здания с квадратным планом. М., 1996. С. 69. Табл. 45; Третьяков М.Ю. Ук. соч. Рис. 1, 5, 7-11; von Gall H. *Die Reiteraufmarsche auf der Silberware von Koska. Ursprünge und Rezeption eines iranischen Motivs in Südrheinland // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Thiran*. 1997. № 29. Abb. 2, 1-3 = ВДИ. 1997. № 23. 175. Рис. 2.
33. АДЖ. Табл. 14, LXXXIV: 4.
34. АДЖ. Табл. LXXXV: 4.
35. К-В № 584, 593.
36. Марченко Н. И. Сараки Кубани. Краснодар. 1997. С. 231. Рис. 12.
37. Сокольский Н.И. Боспорские мечи. С. 155. Табл. V:1; Марченко И.Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950-1951 гг. // МИА. 1956. № 57. С. 121.
38. Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 95. Рис. 47; 1.
39. Там же. С. 108.
40. Хазанов А.М. Ук. соч. С. 16 сл.
41. Там же. Табл. XIV: 5.
42. Іущина И.Н. Засеккая Н.Л. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. С. 53. Табл. 20: 186. С. 57. Табл. 26: 247.
43. Горючаровский В.А. Погребения с оружием в некрополе Наурата // Военная археология. СПб. 1998. С. 88. Рис. 1: 10.
44. АДЖ. Табл. ХСIII: 1.
45. К-В № 631, 633, 634, 640, 642, 647, 669, 670, 683, 705, 725; КЛ-1986.
46. Хазанов А.М.Ук. соч. С. 17.
47. Марченко Н.И. Ук. соч. Рис. 12.
48. Хазанов А.М. Ук. соч. С. 24.
49. К-В № 647, 663; КЛ-1986.
50. Хазанов. Ук. соч. Табл. ХIV: 9; Табл. ХV.
51. Шкорниц В.В. Ук. соч. С. 58; ОАК за 1874. С. XI.
52. К-В № 232.
53. БНР. С. 62, № 53.
54. КЛ-1986. КЛ-728.
55. См., например: БНР № 46-48.
56. К-В № 599, 606, 619, 627 etc.
57. Бланшатский В.Д. Ук. соч. С. 117.
58. Mielczarek, Op. cit. P. 92.
59. Markle M.M. *The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armour // AJA*. 1977. Vol. 81. Nr. 3. P. 334-337.
60. БНР. С. 63, № 54.
61. Хазанов. 1971. С. 31, 154. Табл. XIX.
62. АДЖ. Табл. LXXXIX: 2.
63. К-В № 650; Наинова А.П. Ук. соч. Рис. 82, 89, 90; БНР: 58, № 48.
64. Nicolle D. Op. cit. P. 7 ff. Fig. 1, 2, 4, 5. Pl. A-C.
65. Горючаровский В.А. Ук. соч. С. 88. Рис. 1: 7, 8.

66. Сокольский И.И. Древнеобратившее ремесло... С. 24 сл.
67. Борончаровский Ук. соч. С. 87 сл.
68. ОМК за 1873. С. 54. Табл. III: 8.
69. АДЖ. С. 375. Табл. LXXXVIII: 2.
70. АДЖ. Табл. LXIV: 1; LXXXVII: 1; LXXIX; LXXXVIII: 2; LXXXIX: 2.
71. Десницников Ю.М. Ук. соч. С. 71.
72. Борончаровский В.А., Никоноров В.П. Илларийский катафрактарий (к истории античной тяжелой кавалерии) // ВДН. 1987. № 1. С. 206 сл. Рис. 4.
73. Тулаченко Г.А. Ук. соч. С. 16. Илл. 61,62,77.
74. Десницников Ук. соч. С. 74.
75. Шилов В.П. Калининский курганный могильник // МИА. 1959. № 50. С. 406, 462. Рис. 50: 8, 18; Халанов А.М. Ук. соч. С. 61. Табл. XXX: 12.
76. Борончаровский В.А., Никоноров В.П. Ук. соч. С. 201 сл.
77. АДЖ. Табл. LXXXVIII: 2.
78. Борончаровский В.А. Катафрактарии в истории военного дела Боспора // ПАВ. 1993. № 6. С. 81.
79. АДЖ. Табл. LXXXIV: 3.
80. Бланшаков В.Д. Раскопки Наптикаса в 1954–1958 гг. // СА. 1960. № 2. С. 179.
81. АДЖ. Табл. LXIV: 1.
82. Малинов В.Ю. Сарматы на колонне Траяна // Материальная культура Востока. М. 1988. С. 73.
83. Борончаровский В.А. Погребения с оружием... Ук. соч. С. 86.
84. Мицкевич Л.А. Кто был Каллифор, начинший и надписи, открытой в Керчи в 1894г. // СА. 1941. VII. С. 75. К-В. № 575, 593, 594,606,618,619 etc.
85. Малинов В.Ю. Ук. соч. С. 77 сл.
87. К-В № 593.
88. Сокольский И. И. О боспорских щитах // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 19. Рис. 4,1.
89. Анодин В.А. Монетное дело Боспора. Касп. 1986. Табл. 14: 375-378.
90. Сокольский И. И. Ук. соч. С. 18. Рис. 2: 4.
91. Beneš J. Axillia Romana in Moesia atque in Daenia // Studie archeologického institutu českostocenské Akademie ved v Brně. 1978. Ročník VI, 2. S. 90 ff.
92. Beneš. Op. cit. S. 66.
93. Mielczarek M. Op. cit. S. 73.
94. Последний персонаж "Пасторицио против алланов" и комментарии к нему см.: Нефедкин А.К. Кампания Арриана по отражению алланского набега на Каппадокию в 135 г. // Stratum plus. 1999. № 3. С. 173 сл.

И.М. Гуревич

О ПЛАНАХ Ю.Г. ВИНОГРАДОВА ПО ИНФОРМАТИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Последние годы мне посчастливилось многократно обсуждать с Ю.Г. Виноградовым вопросы информатизации археологических и исторических исследований. Несмотря на очевидную самодостаточность - могучий интеллект, безупречную память, разносторонние дарования, сверхрабочеспособность - которые позволяли ему с легкостью решать любые научные задачи, Ю.Г. Виноградов остро ощущал основную тенденцию развития Земной цивилизации в конце ХХ и начале ХХI веков - проникновение средств и методов информатики во все сферы человеческой деятельности. Он отчетливо понимал те преимущества, которые может дать активное использование компьютеров, программного обеспечения, средств связи в археологических и исторических исследованиях научному сообществу в целом, Центру сравнительных исследований древних цивилизаций (ЦСИДЦ) РАН, каждому ученому и ему лично. Ю.Г. Виноградов одним из первых среди археологов и историков освоил персональный компьютер (Макинтош) и все его работы последнего периода были сделаны на компьютере. Интересно, что работу на компьютере он выполнил так же тщательно и продумано, как и любую другую. Так, например, во избежание потерь информации, копии файлов своих работ он обязательно хранил на дискетках.

Нами был разработан проект Программы работ по информатизации памятников археологии и эпиграфики античного Северного Причерноморья. Программа включала следующие разделы

1. Общесистемные разработки

1.1. Разработка принципов построения и типовых проектных решений

1.2. Разработка системы стандартов

1.4. Разработка решений по интеграции в европейские и мировые системы

1.5. Проведение организационных мероприятий

2. Формирование сетевой и информационной инфраструктуры

2.1. Реализация WEB сервера в ЦСИДЦ РАН

2.2. Реализация сетевых узлов в археологических, исторических и музейных организациях и учреждениях

2.3. Реализация выхода в европейские и мировые центры

2.4. Формирование локальных вычислительных сетей учреждений и организаций

3. Разработка и внедрение прикладных систем

3.1. Разработка информационной системы ЦСИДЦ РАН

3.2. Разработка типовой информационной системы для:

- обработки результатов проведения раскопок;

- обработки фондов музеев, заповедников, хранилищ;

- процесса обучения в вузах;

- индивидуальных исследований.

3.3. Разработка эпиграфической базы данных

3.4. Представление имеющихся результатов археологических и эпиграфических исследований в электронном виде

3.5. Проведение исследований с использованием средств информатизации

4. Проведение перспективных исследований и разработок.

4.1. Разработка экспертной системы археологических памятников Танаиса, Фанагории, Кеп, Гермонассы, Бат, Херсонеса и т.д.

а) черепица и архитектурная терракота;

б) амфоры;

в) чернолаковая, красно- и сероглиняная керамика;

г) терракоты;

д) объекты из металла, кости, дерева и др. материалов.

4.2. Разработка экспертной системы эпиграфических памятников тех же центров:

а) клейма;

б) граффити;

с) дипинги;
г) лапидарные тексты.

4.3. Моделирование закономерностей развития древних цивилизаций

5. Презентация

5.1. Периодические издания сборников по информатизации в археологических исследованиях

5.2. Проведение международных семинаров, симпозиумов

5.3. Организация постоянного действующего конкурса по информатизации

К работам планировалось привлечь ученых Российской академии наук и Национальной академии наук Украины, музеев России, Украины и стран СНГ и дальнего зарубежья. Один из информационных центров должен был быть создан на базе Национального заповедника "Херсонес Таврический".

Ю.Г.Виноградов работал над организацией семинара по информатизации. Он предполагал на базе Германского Археологического Института собрать ведущих специалистов археологов, историков и компьютерщиков из разных стран для выработки общей стратегии информатизации и координации усилий.

Была запланирована работа по информатизации памятников археологии и эпиграфики Северного Причерноморья: античный Танайс и Нижнее Подонье. В ходе выполнения проекта предполагалось затронуть широкий круг проблем археологического моделирования и реконструкции хозяйственно-культурного облика античных поселений городского и сельского типов, взаимоотношений греческого и визуального этносов в регионе, осуществить воссоздание событийной военно-политической истории Танайса и его окружы на протяжении семи веков его существования (III в. до н.э. - V век н.э.). Планировалось создать базы данных и знаний, а также экспертной системы на основе археологических и эпиграфических источников региона, обеспечить локальный и удаленный доступ к ним пользователям, включение информационных ресурсов в совокупное мировое пространство.

Кроме того, планировалась работа по введению в Интернет древнегреческих и латинских надписей из музейных собраний России. Предусматривалось создание сайта, содержащего лапидарные надписи, клейма на амфорах и черепицах, гравюры, дипинги, надписи на мелких объектах из металла, дерева, кости. Особенно это касалось греческих/латинских надписей античного Северного Причерноморья, многие сотни и тысячи единиц хранения которых насчитывают богатейшие собрания Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея в Москве, музеев Ростова-на-Дону, Таганрога, Азова, Краснодара, Танайса и др.

Постоянный интерес Ю.Г.Виноградов проявлял к развитию компьютерных технологий, используемых в Музее-заповеднике "Херсонес Таврический".

Из "фантастических" идей могу упомянуть идею создания экспертной системы (системы искусственного интеллекта) эпиграфических исследований на основе интеллекта, знаний, опыта Ю.Г.Виноградова, которая позволяла бы выполнять черновую, подготовительную работу по переводу и идентификации греческих и латинских надписей.

Все проекты Ю.Г.Виноградова в области информатики были рассчитаны, прежде всего, на специалистов в области античной истории и археологии, а также на широкий круг студентов и интересующейся эрудированной публики в России, Украине, странах СНГ, дальнем зарубежье.

В обсуждении многих вопросов использования методов и средств информатики для исторических и археологических исследований принимал участие М.И.Золотарев.

В библиотеке Ю.Г.Виноградова имеется немало книг по использованию в археологических и исторических исследованиях средств информатики.

Мне необычайно повезло - я имел постоянную возможность обсуждать предложения Юрия Германовича, привносить свои идеи, обсуждать, спорить, доказывать, по инициативе Юрия Германовича, общаться с его коллегами историками и археологами из Российской академии наук.

К сожалению, при жизни Юрия Германовича не удалось реализовать задуманного. Надеюсь, что нам, его последователям и друзьям, хотя бы частично удастся реализовать его грандиозные планы.

*Л.И. Давыдова, С.Р. Тохтасьев**

ПОСВЯТИТЕЛЬНЫЙ РЕЛЬЕФ ГЕРАКЛУ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЭРМИТАЖА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

Нашерное, многие из знакомых Юрия Германовича, согласяются со мной, что талант его филолога-эпиграфиста, историка и археолога как бы сам "гинул" на себя материал, чему свидетелями были я и В.П. Толстиков в 1970 году на Березани, когда он на наших глазах (мы возвращались все вместе с пляжи) поднял с земли небольшую глыбу, оказавшуюся потом знаменитым березанским письмом, блестящее опубликованным им в ВДИ № 4 за 1971 г. Когда я думала, какой работой почтить мне его память в этом сборнике, меня словно сам остановил неопубликованный рельеф с надписью, мимо которого проходила я многие годы. И пусть надпись кратка и в ней нет какой-то тайны, да и рельеф не самый лучший в нашей коллекции, но я все же решила, что для Юры-филолога такая публикация будет больше "по теме", чем что-либо другое, что я могу сейчас предложить.

* * *

В 1920 г. из музея Академии Художеств в Эрмитаж был передан в числе прочих экспонатов небольшой мраморный рельеф, скучные сведения о котором сохранились только в инвентарной книге и описной карточке, хранившихся в Отделе античного мира. До сих пор этот памятник не привлекал внимание ни хранителей (а в их числе были и Оскар Фердинандович Вальгагаур, изданий трехтомный каталог античной скульптуры Эрмитажа), ни специалистов-филологов, хотя на камне сохранилась двухстрочная надпись. Оговоримся сразу, описываемый рельеф не является чем-то из ряда воин выходящих, но сам факт нахождения в эрмитажной коллекции неопубликованного памятника представляется заслуживающим внимания. Вот почему мы решили внести его в научный оборот.

Плита с посвящением Гераклу из коллекции Эрмитажа, о которой идет речь (инв. № А 818), выполнена из куска белого крупнокристаллического мрамора. Она вытянута по вертикали и имеет неправильную трапециевидную форму с четкими боковыми границами. Высота ее 28,5 - 29,5 см, ширина по нижнему краю 20,5 см, по верхнему - 13,5 см, толщина плиты 5,5-6 см, высота рельефного изображения 0,3 - 0,5 см. Поле рельефа обрамлено нешироким выступающим бордюром, отливающимся более темным цветом от грубо обработанной задней поверхности камня, из чего можно сделать вывод, что плита была вмонтирована либо в стену, либо в какой-то постамент¹. На передней поверхности видны следы красной краски, которой был закрашен рельеф (вероятно, уже в новое время).

На плите во всю высоту поля изображена (в настоящее время сильно сбитая) одиночная фигура стоящего Геракла, опирающегося левой рукой на палицу. В правой руке, через которую переброшена львиная шкура, он держит три яблока, добывшие им из сада Гесперид.

Иконография мотива восходит к статуарному образу, а именно бронзовой статуе Геракла, созданной в 460-450-е гг. до н.э. Мироном. Представление об этом творении знаменитого скульптора дает сохранившаяся мраморная копия римского времени (высота 0,57 м) в коллекции Музея изящных искусств Бостона². В ней тот же поворот и наклон головы влево, опора на палицу правой рукой; через левую руку (кисть которой, к сожалению, сбита) переброшена шкура льва. По тому, как развивался далее этот мотив, можно предположить, что в данном варианте у Геракла в левой руке тоже были яблоки Гесперид.

Начиная с V в. до н.э., мироновский статуарный тип закрепился не только в круглой скульптуре, но и в вогтиных рельефах, и использовался резчиками вплоть до римского времени³. Качество исполнения рельефа позволяет отнести его к провинциальному мастерству, работавшему, вероятно, в восточно-средиземноморском регионе. Об этом свидетельствует работа резчика, несколько грубо (хотя и профессионально) трактовавшего фигуру Геракла - правильных, но несколько грузных пропорций.

* * *

Под рельефом, как было сказано выше, в две строки идет надпись; линейные буквы апикарированы, омега курсивная, усик каппы отделены от вертикали, поперечини А и Н были прочерчены очень слабо и сейчас не различимы даже с помощью оптики. В целом по палеографическим

* С.Р. Тохтасьеву принадлежит эпиграфическая часть публикации.

признакам надпись латируется в пределах I-II вв. н. э. Высота буквы 0.7 - 0.9 см. Из-за того, что полированная поверхность мрамора по всей лицевой площади камня подверглась коррозии, чтение надписи во 2-ой строке вызывает затруднения. В начале ее первые четыре буквы можно читать ТОНН, т.е. тότ (вместо орфографически правильного тότ) и "Н-", но также и ТОНН, где последние две буквы соединены в лигатуру¹. Под конец строки, по-видимому, равновероятны чтения ИРАКА-НН и ИРАКАНН (НН тоже в лигатуре); дело в том, что после буквы *ни* имеется вертикаль, которая может быть *ютой*, хотя не исключено случайное повреждение, за что могло бы говорить отсутствие апекса на верхушке этой черты и тянущаяся к ней снизу небольшая трещина.

Хотя, таким образом, оба чтения 2-ой стк. неизвестны, они не имеют никакого существенного значения для понимания надписи: перед нами посвятительная надпись Гераклу, помещенная под его, Геракла, изображением.

Первый вариант чтения:

Μύρον² Ἰρακλεῖδου
τότην³ Ἰρακλῆν.

За аккузативом не может стоять ничего иного, кроме *ἀνέστητον*, "поставил"; это обычая форма many почетных надписей с подразумеваемым *τότι* *ἀνέβαται*, "статую", или *τῷ* *εἰκόνᾳ*, "изображение", и т.д. Аналогичной такой конструкции в прозаических посвятительных надписях римского времени мне неизвестны, но дальнейшие поиски, вполне возможно, дадут положительный результат. Ираклēn вместо Ираклēs не является камнем преткновения; смещение склонения имен на -κλēs (вместе с основами на *-εσ-) и -α-основ, в частности, и для имени Геракла, засвидетельствовано в греческом (ион., атт., и др.), начиная с Vв. до н. э.⁴

Другой вариант чтения второй строки:

τότην⁵ Ἰρακλῆν.

Он предполагает, что имя божественного героя, также перешедшее в парадигму -α-основ, получило расщепление формантами -υ-. Такое склонение известно в римское время только в Пеонии, Македонии, Эгейской Фракии к западу от Стрымона (особенно часто в надписях II-III вв. из Фессалоники), Фракии к северу от Родон (территория совр. Болгарии) и - загадочным образом - на Босфоре; свидетельства специальны для типа -ης, -ηρος имелось только на Балканах (например, Додир, ден. Даодирос, Серып⁶ Ерпир⁷, дат. Ерпир⁸, антропоним, Фессалоника, IG X II/1, 694, 2 и 897, 3). В таком случае, публикуемый памятник происходит из Македонии или Эгейской Фракии, или из Болгарии (что менее вероятно, т.к. здесь свидетельств мало и всё говорит об относительно поздней иррадиации явления с юго-запада)⁹. Боспор же (имея ввиду полное отсутствие иконографических параллелей) во всяком случае, исключен.

Надпись занята еще и тем, что посвятитель оказался тезкой знаменитого скульптора, создавшего образ Геракла, отдаленной реинкарнацией которого является наш рельеф.

Примечания

1. Несколько раз попытка транскрипционной формы позволяет исполнить о плитах трехгранных тысячелетий камней алабастром: Caskey L.D. Catalogue of Greek and Roman Sculpture. - Boston, 1925.-P. 179-180.
2. Fuchs W. Die Skulptur der Griechen. - München, 1969.-Abb.67, S. 75.
3. Ср.: антический цитопланочный рельеф 390-380 гг. до н. э. из Афинского Национального музея - Sässer M. H.K. Griechische Plastik des 4. Jahrhunderts vor Christus. Frankfurt am Main, 1938. Taf. 16,4; рельеф из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина III вв. до н. э. - Атическая скульптура из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Под ред. Л.Н. Акимовой. - М., 1987. - № 17. С. 52; рельефы II-II вв. из Херсонеса - Атическая скульптура Херсонеса. Под ред. С.Н. Бабыкова. - Киев, 1976. - № 60, С. 31; из Болгарии -IGBulg IV 2136, Tab. 88. И все же, среди просмотренных материалов, в частности, из Паннонии, Месии, Фракии, Испании, Македонии, блоках аналогов к нашему памятнику найти не удалось. Следует обратить внимание на том факт, что в Эрмитаже из Академии Художеств несколько ранее, в 1919 г., был передан ряд подобных и по типу аналогов эллинистического времени, подаренных Академии в 1774 г. адмиралом Г.Б. Спиридоном, который собрал их на греческих островах во время турецкой походы. - См. Григорий Указатель скульптурного музея Императорской Академии Художеств. - СПб., 1891. - С. IV. Возможно, и данный рельеф был приобретен еще Г.Б. Спиридоном.
4. См. с лит.: Виноградов Ю.Б., Токмасова С.Р. Новые посвятительные граффити из Мирмекия // Нумизматика. - 1998. - Vol. 4. Fase. I. - С. 35. Прим. 37.
5. См. раздел 10 в статье С. Р. Токмасовой в данной сборнике.
6. Samarris D. C. Les thraces dans l'Empire Romain d'Orient (le territoire de la Grèce actuelle). - Jannina, 1993.-P. 179.

К ВОПРОСУ О КЛЕЙМАХ PLANTA PEDIS НА РИМСКОЙ КЕРАМИКЕ

Несколько лет назад, стоя в "курильке" Института всеобщей истории РАН с Ю.Г.Винноградовым, мы обсуждали клейма на краснолаковой керамике, их значение, перевод легенд и т.п. Юрий Германович согласился с моими некоторыми прочтениями, другие тут же оспорил¹. Именно после этого разговора у меня и возникла мысль написать о клеймах в виде отпечатка ступни - *planta pedis*. Несмотря на то, что тема еще очень далека от завершения, мне бы хотелось опубликовать некоторые предварительные суждения о *planta pedis* именно в этом сборнике, посвященном памяти замечательного исследователя Северного Причерноморья Ю.Г.Винноградова, который всегда так искренно делился своими знаниями, и так радовался, когда у тебя из-под пера впоследствии выходило что-то интересное...

Среди разнообразных клейм на краснолаковой керамике римского времени выделяется изображение отпечатка человеческой ступни - правой или левой, в сандалии или без, одиночные или парные...

Изображение ступни (в сандалии или босой) или ее отпечатка присутствует и на других предметах античного времени. Известны, например, аналогичные клейма на светильниках², светильники в форме двух ног в сандалиях или в виде ступни³, римские фигурные сосуды в форме ноги, обутой в сандалию⁴, залавказские и иранские сосуды - "сапожки", "саложки" "чиряховской культуры"⁵. Кроме того, известны бронзовые и золотые печати, перстни в виде ступни в сандалии⁶, фибулы в виде ступни⁷, глиняные амулеты⁸, а также кляймы на кирпичах с отпечатком босой ступни и номером легиона⁹ и витиевые рельефы¹⁰. На поселении Мунчак-тепе в Ферганской долине был найден фрагмент фианитовой подвески - ступни ноги¹¹. В Пещерском обнаружена подвеска из корала в форме ноги¹². Известны такие подвески и в Северном Причерноморье¹³.

Изображение отпечатка человеческой ступни хорошо известно еще на стелах эпохи раннего металла¹⁴ и их находки уже давно собраны, описаны и картографированы¹⁵. Более того, поклонение отпечатку ступни божества фиксируется у многих древних народов¹⁶ в различных районах планеты за пределами Старого Света - в Индии, Австралии, на Цейлоне, у американских индейцев. Одна из стел с изображениями ступней с территории Греции, связываемая с некрополем микенского времени, хранится в музее г.Лариссы¹⁷. Широко распространены стелы с изображением ступней были и в древнем Египте.

Известны упоминания об отпечатках стопы и в древних источниках. В первую очередь, будет уместно вспомнить "Ригведу", созданную еще во II тысячелетии до н.э. Одно из верховых божеств - Вишну, в сборнике гимнов фиксируется понятие его следов. "Трижды запечатлен он свой след. В его пыльном следе (все) сосредоточено"¹⁸. Геродот сообщает об отпечатке следа при описании скифского похода Дария: "... я должен упомянуть об одной диковине. В скале у реки Тира местные жители показывают отпечаток ступни Герасла, похожий на след человеческой ноги длиной в два локтя. Таков этот след" (Герод., IV, 84; Перевод Г.А.Стратановского)¹⁹.

Появление клейм *planta pedis* на *terra sigillata* можно отнести к 20-м годам I в. н. э., когда рамка с этим клеймом, часто содержащая внутри имя владельца мастерской или мастера (свободного или раба), появляется на арретинских краснолаковых изделиях²⁰ и стремительно распространяется по всей территории античного мира. Чуть позднее (конец правления Тиберия, т.е. 30-е годы столетия) *planta pedis* появляется и на светильниках²¹, а затем и на других группах керамики²².

Помимо оттисков на арретинской керамике, *planta pedis* часто встречается на Понтийской сигиллате, широко распространенной в Причерноморье²³. Существование этого клейма фиксируется с середины I в. н.э. по первую четверть II в. н.э., когда *planta pedis* доминирует среди остальных клейм на краснолаковой керамике. Основное отличие от итальянских оригиналов - почти полная анэпиграфность клейм. Место производства понтийской сигиллаты до сих пор не установлено, но несомненно, что это был центр (или центры), расположенные в одном из причерноморских городов²⁴. Близкие по форме клейма более позднего времени найдены на керамике из мастерских в районе Никополиса на Истре²⁵. В этом же регионе обнаружены и штемпели с изображением *planta*-

*ta pedis*⁵⁷. Клейма в рамке *planta pedis* на сосудах понтийской цивилизации известны также на территории современной Румынии⁵⁸, причем иногда рядом ставились два и более отпечатков⁵⁹. Подобное клеймо, на котором оттиснуты три ступни рядом, найдено, например, в могильнике Бельбек IV в Юго-Западном Крыму (рис. 1.4).

Как я уже отмечал, все клейма *planta pedis* имеют некоторые различия между собой - на одних из них имитированы ремни сандалии, на других - босые ступни. Пока я не готов к ответу, чем было вызвано такое различие, рано как и чем отличаются левая и правая ступня и почему на некоторых сосудах они были оттиснуты рядом.

Нельзя сказать, что в научной литературе не возникал вопрос о происхождении *planta pedis*⁶⁰. Исследователи отчлены стопы эпохи раннего металла предполагают, что изображения "ступни божества" символизировали само божество, имели магический характер, представляли изображения "солнечного божества, шагающего по мирозданию"⁶¹. С.Н. Кореневский на основе анализа этих стел предполагает, что культ стопы изначально был связан с магией следа как заменителя субстанции человека, нацил "гиконографическое совмещение ... с магией фаллического содержания, характеризующийся общим акцентом на мужское (натриархальное) жизненное начало"⁶². В этой небольшой заметке я не буду глубоко вдаваться в изображения раннего времени, поскольку это отдельная тема, требующая очень серьезного исследования. Более того, я весьма далек от просто го соностояния античных и первобытных изображений ступни. В связи с темой нашего исследования интересны выводы Е.И. Оятской о следе "ритуального банимака", известного у многих древних народов⁶³. Известные в Египте со временем V-VI династии подиески в виде ноги, имеющие наименование " ног", рассматривались как талисман, поддерживающий мощь ноги⁶⁴, или "power of walking"⁶⁵.

Существует несколько различных точек зрения о возникновении клейм *planta pedis* на *terra sigillata*. По мнению Фабриона⁶⁶, книга которого осталась мне неизвестна, но на которой ссылается Г.Драгендорф и Н.М.Лосева, это изображение появилось потому, что гончары "mit den Füßen den Lehn kneten und beständig den Abdruck ihrer Sohle im Lehmsahnen"⁶⁷. При этом нельзя не согласиться с Н.М.Лосевой в том, что процесс замешивания глины "плохо выражается с изображением ноги, обутой в сандалии"⁶⁸.

С.В.Дьячков указывает на то, что сандалии всегда были атрибутом Гермеса, "опекавшего торговлю и путешественников. Поэтому "след" Гермеса - бога удачи и покровителя торговли был вполне уместен на продукции гончаров"⁶⁹. Эта точка зрения также также предстаетывается мне маловероятной, равно как и предположение Н.М.Лосевой, отрицающей какое бы то ни было значение отпечатка ступни, и считающей его лишь декоративным элементом⁷⁰.

Наиболее справедливым, на мой взгляд, является предположение З.Лешке, поддержанного и Х.Драгендорфом, о том, что *planta pedis*, равно как и клейма в виде полумесица (*stărăț*) имеют (во всяком случае, имели в момент своего появления) антропонестическое значение⁷¹.

Множество исследований посвящены изображению отпечатка ступни на мраморных рельефах⁷². Интересно, что значительное их число связано с культом Исиды⁷³, Сераписа или других египетских божеств. Согласно Л.Видману, это изображение ноги молящегося в храме, приносящего жертвоприношения божеству⁷⁴. С точки зрения Л.Кастинглоне, которую я разделяю, это след божества, лицу присутствующего при жертвоприношении. В подтверждение этого он, помимо приведенного ниже отрывка из Геродота, приводит иероглифические надписи, в которых упоминается божество, стоящее в храме на временному алтаре: "Ce dieu se pose sur le *htjw*"⁷⁵.

Л.Кастинглоне, анализирующий изображения ступней на античных рельефах, справедливо полагает, что в ранних религиях изображение ноги наделялось тем же магическим значением, что и головы и ног⁷⁶. Это прекрасно подтверждается описанием у Павсания статуи Аполлона в Амиклах: "Это типение ...очень древнее и сделанное без всякого искусства. Если не считать того, что эта статуя имеет лицо, ступни ног и кисти рук, то все остальное подобно медной (бронзовой) колонне" (Раш., III-XIX, 2, перевод С.П.Кондратцева). Кстати, отдельные изображения руки божества (Юпитера Долихена, Сабазия) также получили широкое распространение в античное время⁷⁷. Так, например, изображение руки несли участники процессии в честь Исиды и Сераписа - "символ справедливости в виде левой руки с протянутой ладонью" (April. Met., XI, 10; перевод М.А.Кузьмина). Изображения кисти руки в качестве клейм на керамике не использовались.

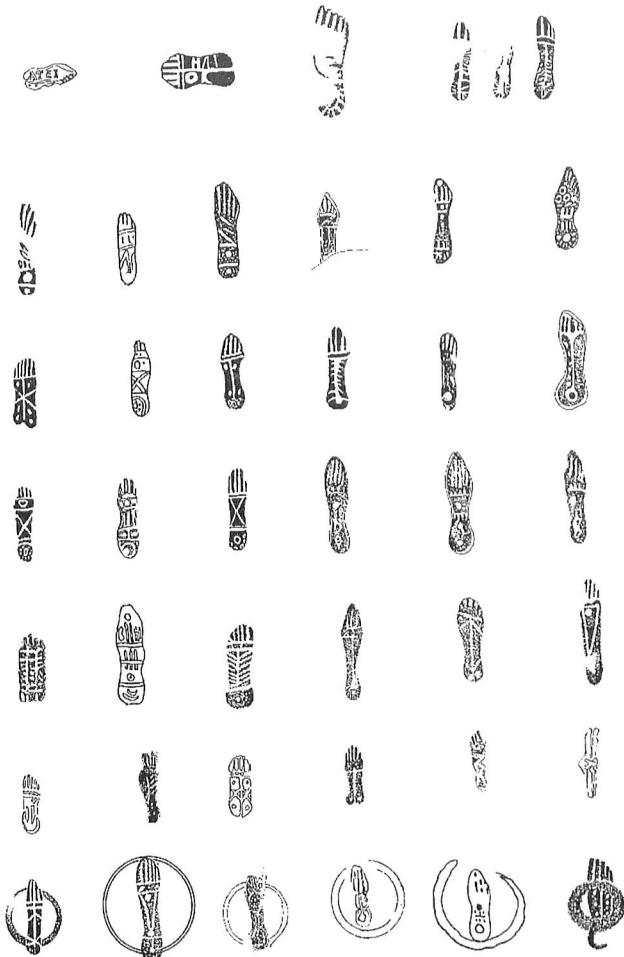

Рис. 1. Клейма *planta pedis* на краснолаковой керамике. Итальянская и почитайская сигиллаты.
Юго-Западный Крым, могильник Бельбек IV. Раскопки И.И. Гущиной.

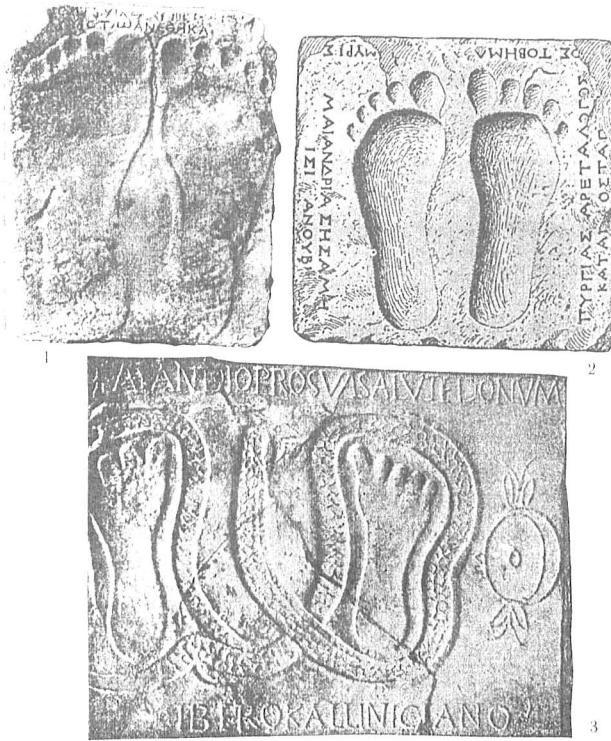
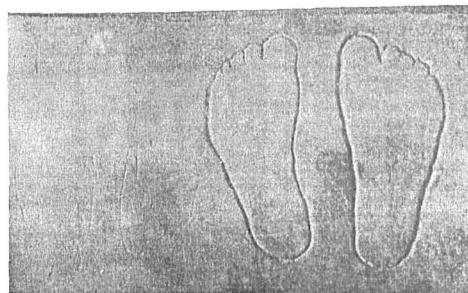
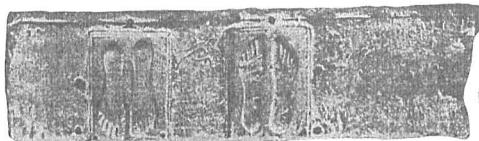

Рис. 2. Изображения рельефов с отпечатками ступней: 1 - по Guarini M. 1 - fig. 17 (вотивная плитка из Афин); 2 - fig. 4 (посвящение в Делос); 3 - fig. 6 (посвящение надписи, музей Ватикана).

Таким образом, можно осторожно предположить, что в античное время широкое распространение *planta pedis* было связано с египетской религией. В свое время В.Леонина уже высказывалось подобное предположение о связи изображений *planta pedis* на светильниках с культом Сераписа¹⁸.

Сама принадлежность рельефных изображений ступни (рис. 4) имению Серапису сомнений не вызывает, т.к. они сопровождаются посвящениями и другими атрибутами этого божества. Согласно Л.Кастиглионе, различные изображения ноги Сераписа становятся наиболее популярными во II в.н.э., причем чаще всего представляется правая нога божества. Правда, на некоторых рельефах (рис. 2; 3) мы видим парные отпечатки ступней.

Широко известен пассаж Геродота о традициях египтян. "Эллинские обычан египтяне избегают занимствования. Вообще говоря, они не желают перенимат никаких обычаяв ни от какого народа. Исключение составляет в этом отношении большой город Хеммис в Финикской области близ

2

3

Рис. 3. Изображения посвящений *ius ei redditus* с отпечатками ступней: по Guarducci M.
1 - fig. 9; 2 - fig. 8; 3 - fig 10 (музей Ватикана).

Исаопия. В этом городе есть четырехугольный священный участок Персея, сына Даная. Вокруг участка растет пальмовая роща. Огромное предверье участка построено из камня с двумя большими каменными же статуями при входе. В этом священном участке есть храм, а в нем стоит статуя Персея. Эти жители Хеммиса рассказывают, что Персей нередко появляется в их стране, то тут, то там и часто - в своем святилище. Находили также его сандалии величиной в два локтя. Всий раз при появлении сандалии повсюду в Египте наступает благоденствие. Так они рассказывают и по эзинскому образцу устраивают в честь Персея гимнастические состязания «якого рода...» (Негод, II, 91; Перецов Г.А. Стратоновского)⁵³

Согласно исследованием Л.Кастилиони, в данном отрывке Персей отождествляется с богом Мином⁵⁴. Сантина в Египте издавна служила символом плодородия. Так, в посвящении Рамсесу II из храма в Абидос сандалии напрямую связываются с обильной жатвой: "La moisson est riche partout où se trouvent ses sandales"⁵⁵. В виде храмов Мина найдены алтари с отпечатком ступин⁵⁶. В эзинистическом времени отдельные черты этого божества, в том числе и связь его сандалии с плодородием, могли быть частично перенесены и на Сераписа, наделенного многими иностранными, кстати, также как и Мин был мужем Исиды.

Культ Сераписа (Σέραπις) или Сараписа (Σάραπις) был основан в Египте при Птолемее I Сотере в качестве династического. Прообразом нового божества послужил египетский Осирис. Кульп Сераписа служил целим идеологического обоснования божественности происхождения царствующей династии. В этом качестве он был принят и римскими императорами. Если при Птолемеях Серапис выступил в роли хтонического божества (бог плодородия, подземного мира и т.п., отождествляясь с Дионисом, Аидом), то в римское время он становится космическим, солнечным божеством, отождествляясь с Зевсом, Аммоном, Гелиосом и почтится как бог-спаситель⁵⁷.

Этот кульп получил широкое распространение за пределами Египта, чему не в последней степени способствовали широкие торговые связи Александрии Египетской⁵⁸, тогда как в самом Египте Серапис так и не приобрел большой популярности. На территории Малой Азии еще при Селевкидах появляется ряд храмов, посвященных этому божеству, а в римское время его кульп распространяется по всей территории Империи⁵⁹. Широкое распространение кульп Сераписа получает и в Северном Причерноморье⁶⁰.

Таким образом, видно, что считать изображение ступни в сандалии "чисто греческой традицией", как это делает И.М.Лосева⁶¹, оснований нет. Можно предположить, что в Италию *planta pedis* проникает после захвата Египта как отзвук культа Сераписа и начинает использоваться в качестве рамки для клеймения краснолаковой посуды⁶². В пользу этого предположения может свидетельствовать еще один аргумент. Хорошо известно, что *terra sigillata* возникает на Востоке во II в. до н.э. Иде-то на рубеже третий - четвертой четвертей I в. до н.э. с распространением римского влияния на восток краснолаковая керамика проникает на территорию Италии и за короткий срок становится господствующим типом столовой посуды. К.Майер-Шихтманн пишет о складывании арретинского комплекса посуды под влиянием пергамских традиций⁶³. Существует точка зрения А.Оксе, которая, по образному выражению К.Уелса, приобрела значение ортодоксальной теории, о том, что краснолаковая керамика попала в Италию с М.Перренном Тираном и его восточными рабами - специалистами в области керамического производства, купленными после падения Александрии в 30 г. до н.э.⁶⁴. Подтвердить или опровергнуть эту теорию не представляется возможным из-за отсутствия новых источников. Впрочем, справедливо ради, отмечу, что в современной литературе более распространена точка зрения о начале собственного производства краснолаковой керамики в Италии под влиянием сирийской (но огнить-таки восточной!) *Eastern sigillata A*, импортировавшейся в Кампанию в позднереспубликанское время.

Мастера, изготавливавшие в Аррепто *terra sigillata*, вполне могли выбрать для клеймения хорошо знакомое им изображение отпечатка ступни⁶⁵, магическое значение которого было им хорошо известно. Кстати, значение клейма на краснолаковой керамике не ограничивалось лишь констатацией принадлежности к определенной мастерской. Так, лосевский перевод легенды клейма ΔΩΡΟΝ обозначает "дар", КЕРДОС- "корысть, прибыль, польза", или производная от слова κέρβο - чернорабочий существует большое количество клейм на итальянской *terra sigillata* с когномером CERDO - CERDO C.ANNI, CERDO M.PEPENNII, CERDO L.TITI и др.)⁶⁶. Легенда ХАРИС может

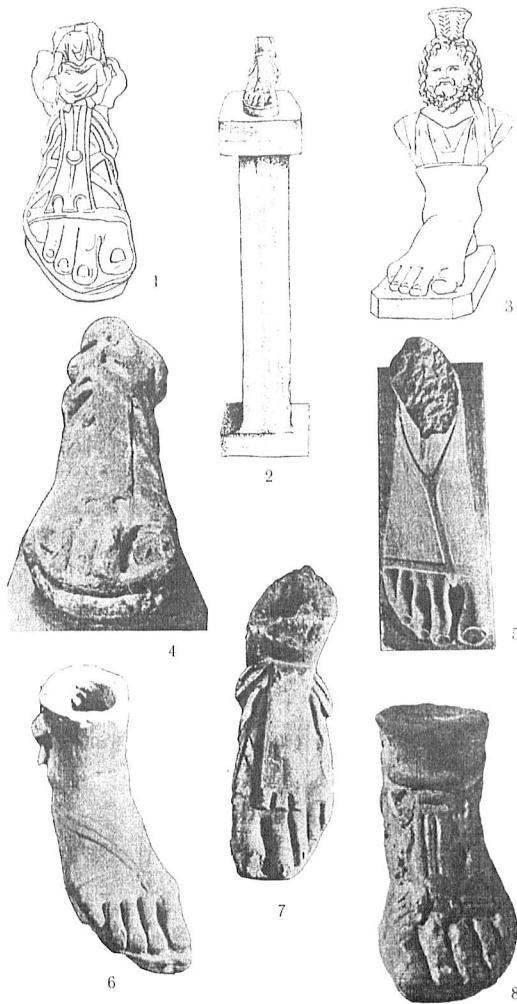

Рис. 4. Изображения "ноги Серапея"; по Castiglione L. 1-4 - Abb. 1-5; 5 - Abb. 15; 6 - Abb. 9; 7 - Abb. 11; 8 - Abb. 13.

переводиться как "красота, радость, милость, дар"; КОИРАНОУ, очевидно, происходит от коирасос - правитель, царь; и др.⁶³.

Широкое распространение этого типа клейма могло быть связано с имитациями арретинской продукции, наиболее качественной и популярной в I в.н.э. (Plin. H.N. XXXV, 160). С августовского времени идет обратный процесс – итальянская *terra sigillata* начинает свое "триумфальное шествие" по всему римскому миру. Теперь уже восточные мастерские начинают ориентироваться на итальянскую керамику, имитируя формы, типы декора, клейма. У истоков производства некоторых групп восточной сигиллаты могли стоять мастера из Ареццо⁶⁴. Несколько позднее, со II в.н.э., *planta pedis* появляется в качестве декора на стенах сосудов, причем не только в Причерноморье или Средиземноморье, но даже на территории кушанской Бактрии⁶⁵. В Национальном музее в Копенгагене также хранится сосуд I - II вв. н.э., стеки которого орнаментированы штампами в виде *planta pedis*⁶⁶. Постепенно антропометрическое значение *planta pedis* могло быть забыто, и она превратилась в обычный элемент декора.

Разумеется, выдвинувшее предположение является не более чем гипотезой. Поэтому я с интересением жду откликов коллег с их возможной критикой и суждениями о происхождении отпечатков ступни (*planta pedis*) на керамике римского времени.

Примечания

1. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика группы *Eastern sigillata* В из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Европы. М., 1997, С. 247, риска 21.
2. См. например: Bayley D.M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. 2. Roman Lamps made in Italy. L., 1980. P. 104 - 108. Арсеньева Т.М. Сигиллаты Тавриды. М., 1988, табл. XXV, 2; Кафеда В.Н., Горюнов С.Б. 1989. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I-III вв. н.э. - V а.н.э. (на материалах Херсонеса). Ларъяк, Рис., 17, 5; Chirazovskii L., Zhuravlev D. 1998. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum - Moscow. Studia archaeologica. 94. Roma, № 19, 22, 38 и др.
3. Вильандиэр О. Императорский Эрмитаж. Античные глиненные статуэтки. СПб., 1914. С. 17; № 503-504; Левина Э.А. Античные статуэтки Одесского археологического музея (I-IV вв. н.э.). Одесса, 1992, табл. 6, 49, № 107. Riflessi di Roma. Impero Romano e Barberi del Ballico. Milano, Altri Musei a Porta Romana. I marzo - I giugno 1997. Roma, 1997, р. 176, № 487 и др.
4. Эти сосуды представлены во многих собраниях античных фресок: Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. Таба. CLXII, 7; Рашнер Й.Л. Донбаск с археологией Украины. Херсонеская область. Кий, 1984. Рис. 4, 4; Крымский С.Д., Бурбаков А.Б., Отряшко В.М. Сельская округа Одессы. К., 1989. Рис. 72, 5; Mauer F.G. Karageorghis V., Paphos, History and Archaeology. Nicosia, 1984. Pl. 227; и др.
5. Ноне Г.И. Сасунские санскриты Миниатюра // Материальная культура Азербайджана. I. Баку, 1949; Мартиросян А.Л. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. С. 149; Подгорбова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977. С. 100-102, Таба. XXL.
6. Славин и ее соседи в конце I тысячелетия до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР. М., 1993. С. 142, Таба. IX, 2.
7. Максимов М.И. Архитектурный курган. Л., 1979. Рис. 19, № 12; Античные государства..., таба. CLXI, 9. Goeddelein E.R. Jewish Symbols in the Greco-Roman Period. N.Y. 1953. Vol.3, № 1025.
8. Амброз А.К. Фидии из южной части СССР. Ил. до вкл. IV в. н.э. // САН. Вып.Ди-30. М., 1966. Таба. 15, 26. Ettinger E. Die römischen Fibuli in der Schweiz. Bern, 1973. Таб. 14, 24, 25; Lenzi L. Les fibules d'Alesia. Bibliothèque PRO ALESIA. VII Dijon, 1979, Pl. XXXIV.
9. Rao V. Roman Impots in the Lower Don Basin. BAR International Series. 278, 1986. Pl. 64, 4.
10. Tęgral J. Znaczenie sztuki bursztynowego w okresie grupyksim i w okresie wędrownych ludów // Sztukabursztynowy. Łódź, 1992. S. 179, ris. 125.
11. Michałowski K. Sztuka starożytna. Warszawa, 1955, р. 125. Tacheva-Hitova M. Eastern Cults in Moesia Inferior and Thracia (5th century BC- 4th century AD). Leiden, 1983. PLIX и др.
12. Лапшинская Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы. Могильники Западной Ферганы. III. М., 1973. С. 140.
13. Беленицкий А.М. Археологические работы в Пенджикенте // КСИИМК, вып. 55. М., 1954, С. 38, Рис. 5, 9.
14. Алексеева Е.М. Классификация античных буд // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 61.
15. Формозон А.А. Камень "Шелест" близ Новгорода и камни-следовики // СЭ, 1963, № 5; Титова Е.Н. Об интерпретации и хронологии композиций со ступнями из Каменки Мозыри // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. К., 1982. С. 5-15; Рычков М.А. Про ображение "ступни під" на антропоморфах стелах доби ранніого металу // Археология. 1982. Вип. 38. С. 64-70; Кореневский С.Н. Культ стопы у племен юга Восточной Европы и Предкавказья в эпоху энеолита и бронзы (археологические источники и некоторые вопросы развития древних народов) // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 54-77.
16. Формозон А.А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969. Кореневский С.Н. Указ. соч. Рис. 1.

17. Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966. С. 158.
18. Bieczant H. Die Ausgrabung bei der Siedlung-Magdal/AA, 1959.
19. Рынчела. I, 22. (Гим ахес бисум). М., 1972. С. 196.
20. Говоря об античной мифологии, заметим, что "ахиллесова пята" также вряд ли понималась случайно.
21. Окé А., Conforti H., 1968. *Catalogus Vasorum Atticorum. A Catalogue of the Signatures, Shapes and Chronology of Italian Sigillata. Antiquities Reihe 3*, Bd. 4, Bonn. Pl. X, 162-164.
22. Badley D. Op. Cit. P. 103.
23. См. например: Cudeo N. Über die glasierte Keramik aus dem 2.-3. Jahrhundert n.Z. in den Dakischen Provinzen//RCRFE Acta XXVII/XVIII, 1990. S. 155-169. Taf. 4, 1.
24. Жаринцев Д.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения (краткий обзор отечественной литературы) // Эллинистическая и римская керамика Северного Причерноморья. I. Тр.ГИМ, вып. 102. М. 1998. С. 35, Табл. 4.
25. Hayes J. W. *Sigillate orientali // Ceramic fine Romana nel basso Mediteraneo (tardo-ellenismo e primo impero). Atlante delle forme ceramiche. II. Encyclopedie dell'arte antica. Classica e orientale*. Roma, 1985; Zhuravlev D. *Terra sigillata und red slip pottery from Late Skythian necropoleis of the South-Western Crimea (I st-3rd centuries AD)* //RCRFE Acta 36. Abingdon, 2000. P. 151-160.
26. Saltov B. *Ceramic Production on the Territory of Necropolis ad Istrum (Illy-IVth century)* // Terra antiqua Balkanica. I, Sofia, 1982. Tabil. XVI, 2.
27. Диамитрова А. За производство на terra sigillata в нашите земи //Археология (София), кн. 4, 1961. С. 27, 33. Рис. 9: Saltov B. Ceramic Production... Tabil. XIII, 3.
28. Oprati A. *Considerari preliminare asupra ceramicii romane timpanuri de la Troesmis //Rezise. Raportare asupra cercetarilor de arheologie, numismatice si istorie 1977 - 1978*. VIII, 1978, р. 352, № 9429, 9430.
29. Calicu V. *Ceramică Româna imprimită cu plantă pedis și folia pedis si Solea, din Sud-Vestul Dobrogei* //SCIVA, томул 26, nr. 1. Bacău, 1975, 115 - 119. Fig. 2-3.
30. Жаринцев Д.В. Краснолаковая керамика группы Eastern sigillata B.. С. 247, сноска 23.
31. Формозов А.А. Камено "Шелзен" близ Новгорода; Титкова Е.Н., Указ. Соч. С. 5-15; Рычкоа М.А., Указ. Соч., С. 64-70.
32. Корененский С.Н., Указ. Соч. С. 75.
33. Оштейн Е.Н. О семантике ритуального баниака // АСГЭ. 1978. Вып. 19. Л., С. 86-92.
34. Литинский Б.Л. Указ. Соч. С. 145.
35. Pettig W.M.F. Amulets. Warminster, 1972. (Первое издание-Л., 1914), Р. 11, Pl. I, 15.
36. Fabroni, Storia degli antichi vasi fintili etnei. Arezzo, 1841.
37. Dragendorff H. *Terra sigillata. Ein Beitrag zur Geschichte der griechischen und römischen Keramik// BJ* 96/97 Bonn. 1895. S. 31.
38. Лосева Н.М. Краснолаковая керамика Боспора I в. до н.э. -IV в.н.э. Рукопись дисс. канд. ист. наук. М., 1950. Архив НА РАН, Р. 2, 1038, С. 40.
39. Дьяконов С.В. Клейма на краснолаковой керамике из раскопок Херсонесской "казармы" // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., Тр.ГИМ, вып. 102, М. 1998. С. 89.
40. См. подробнее об этом: Лосева Н.М. Указ. Соч. С. 40, сл. Я специально концентрировалась на теме семантики *planta pedis* с известным исследователем римской столовой посуды С.Забелинским-Шеффенессер (Вена, Австрия). Она подтверждла мне, что специальная литература на эту тему отсутствует.
41. Dragendorff H. Op. Cit. S. 31.
42. Guarnucci M. *Le impronte del quo vadis e monumenti affini, figurati ed epigrafici // Rendiconti della Pontificia Accademia Romana di archeologia. 1942/1943. Vol. XIX, Diss. S., Uspone F. The foot of Sarapis //Ispeseria, 1944. Vol. XIII, Р. 58 - 77. Castiglione L. Zur Frage der Sarapis-Füße //Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1971. Band 97. S. 30 - 43.*
43. Видимо, не случайно и поездки мозаичных именно ступней серебряной статуи богини во время священной процессии (Apul, Met., XI, 17).
44. Vidman L. *Iris und Sarapis bei den Griechen und Römern. Epigraphische Studien zur Verbreitung und zu den Trägern ägyptischen Kultes*. Berlin, 1970. S. 121.
45. Шатировконо: Castiglione L. *Hérode II 91 //Mélanges offerts à Kazimierz Michałowski*. Warszawa, 1966, p. 46.
46. Castiglione L. *Zur Frage der Sarapis-Füße*.
47. Фармаконский Б.В. Бронзовая икона рука из Екатеринославской губернии // ИАК, 1902, вып. 3, С. 118-121, Табл. XVI; Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (Ил. до н.э. - V-n.в.) //САН, вып. 27-28, 1970. Кат. № 1211, Рис. 80, 5; См. например: Кобыльши М.М. Изображения посточных божества в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978. Кат. № 36; 42. С. 47-48; Kudar L. *Die Kleinasiatische Syrischen Kultur*. Leiden, 1962, Taf. VI, Fig. 1; Picard Ch. *Sabazios, dieu thrace phrygien*// RA, 1961, II, Н. 14; Majewski K. *Importy gryzunów na ziemiach słowiańskich*. Wrocław, 1949, Р. 69, Pl. I; Kolendo J., Trynkowski J. *La main votive dolichénienne trouvée à Myzakos et les butins de guerre des Barbares // Novissia*, 10. *Novae and the Romans on Rhine*, Danubio, Black Sea and beyond the frontiers of the Empire. Warsaw, 1998. P. 251-264 и др.
48. Лещина Э.А., Указ. Соч., С. 13, со ссылкой на: Deonna W. *L'ornamentation des lampes romaines // RA* XVI, 1927, Р. 2 40. См. также: Deonna W. 1959. Un divertissement de table "A doche-pied". Collection Latomus. Vol. XL. Brussels-Berchem.
49. Подробный разбор этого фрагмента см. Castiglione L. *Hérode II 91... Р. 41 - 49.*
50. Мин - в египетской мифологии бог плодородия, штатификаторское божество. Одновременно сын и супруг Исида. В эпоху Среднего царства культ Миня сливался с культом Амона; отныне его называли "царь богов".

- См. Рубинштейн И. И. Мин//Мифы народов мира. Т. 2. М. 1992. С. 151. О связи Осириса и Мина см. Коростюченко М.Б. Религия древнего Египта. М., 1976. С. 129. См. подробнее на эту тему: Castiglione L. Hérodote II 91, р. 44-46.
51. Цитировано по: Castiglione L. Hérodote II 91, р. 46.
52. Flinders Petrie W.M. Koptos. London. 1896. P. 24, Pl. XI, 19. См. список подобных находок: Castiglione L. Hérodote II 91, р. 47, списка 45.
53. См. подробнее: Рубинштейн И.И. Сарапис//Мифы народов мира. Т. 2. М. 1992. С. 427; Hornbestel W. Sarapis. Studien zur überlieferungsgeschichte, den Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt eines Gottes. Leiden, 1973; Коростюченко М.Б. Религия древнего Египта. М., 1976. С. 250-251; Vidman L. Isis und Sarapis...; Различные изображения Сараписа: LIIMK-, Vol VII, I; VII, 2. Zürich, München, 1994.
54. Шеркона Т.А. Судьбы египетских асепт в куриакской культуре//Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991, С. 124.
55. Takao S.A. Isis and Sarapis in the Roman World. Religion in the Graeco-Roman World, vol. 124. Leiden -New York-Köln, 1995.
56. Кобыльшина Н.М. Указ. Соч. С. 111-114.
57. Лосева Н. М. Указ. Соч. С. 40.
58. Косвенным подтверждением этой точки зрения может служить и факт присутствия имен египетских божеств - Исида (ИС) - Шелон Д.В. Некрополь Танахиа (раскопки 1955-1958 гг.). МИА, ана. 98. М. 1961 С. 67) и Сараписа на клаиах Eastern sigillata B, правда, лишь в приморской форме, т.к. *plantae pedis* на продукции сократии из Тралы встречаются крайне редко. См.: Журналом Д.В. Краснодакова керамика группы Eastern sigillata B... С. 229. Справедливо ради отмечу, что находки в этих клаиах были очень разнообразны и охватывали широкий спектр - от имен производителей или божеств до десюзов и пожеланий.
59. Meyer-Schlüchtmann Die Pergamensche Sigillata aus der Stadtgrabung von Bergama. Mitte 2 Jh n.Chr./Pf. Band 6. Berlin, New York. 1988. S. 194.
60. Wells C.M., 1990. "Initiation" and the Spread of Sigillata Manufacture // E.Ettlinger, A.Hedinger, B.Hoffmann, P.M.Kenrick, G.Pucci, K.Roth-Rubi, G.Schneider, S.Schnubbein, C.Wells, S.Zabehlicky-Scheffenegger. Compendia formularum terrae sigillatae Italo modo conformati //Materialien zur römischgermanischen Keramik, 10. Bonn, 1990, p.24.
61. Отпечаток ступни скрипача использовался как рамка для клеймения и дававшееся премия - Охё. Comfort, Op.Cit., р. 575.
62. Охё. Comfort, Op.Cit., № 83h, 414, 1260-1264, 1372, 2079 и др.
63. См. например, Штернер Е.М. Керамические клаиа из Тира (В связи с вопросом о клаиах неизвестных центров) // КСИИМК, №вв. XXXVI, 1951. С. 45; Лосева Н.М., Указ. Соч. С. 38.
64. В этой связи большой интерес вызывает латинский клаимо G.SENTIVS на некоторых сосудах ESB (Zahn R., Tongeschirr // Wiegand T., Schröder H., Priebe, Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in der Jahren 1895-1898, B., 1904, S. 437, № 15; Mitsopoulos-Leon V., Kenotik hellenistischer und römischer Zeit. Die Basilika am Stadtmurk Ephesus. Kleinfunde, Teil 1, Förschungen in Ephesos, Bd. IX/2/2, Wien, 1991, II/198 и др.). Это имя известного артистического мастера, жившего во времена Августа. Ди.Хейс предполагает, что этот мастер мог стоять у истоков керамического производства ESB в Малой Азии (Надея J.W., Op. cit, P. 51). Точно так же итальянские мастера, по-видимому, были и в числе организаторов мощного керамического производства в Галилее после ее завоевания римскими войсками.
65. Цепнова О. Бактрианская декорированная керамика с Камир-Тепе // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преисторичность в расширении древней культуры и цивилизаций. СПб., 1999. С. 99, Рис. 12. О.Цепнова (Париж) любезно ознакомила меня с неизданными фотографиями отпечатков ступни на бактрийской керамике, за что я выражая ей глубокую благодарность. Надо отметить, что отпечатки ступни никогда не использовались для клеймения дна бактрийских сосудов, но всегда располагались в качестве декоративного элемента в верхней части сосуда. Широкое распространение этого мотива (за исключением, если не считать отпечатков на фотографиях О.Цепновой) пока еще не рассматривалось в литературе. В связи с выдвинутой мною гипотезой о возможной связи *plantae pedis* с культом Сараписа, не делая далее идущих выводов, остоожно замечу, что распространение египетских культов, в том числе и Сараписа, фиксируется и на территории куриакского государства. См. подробнее: Шеркона Т.А. Судьбы египетских асепт в куриакской культуре..., С. 125-129; Шеркона Т.А. Сарапис на монетах Луциана //Восточный Түркестан и его соседи в древности и средневековье. М., 1986.
66. Riflessi di Roma..., р. 154, № 405.

М.И. Золотарев

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦАХ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В IV ВЕКЕ ДО Н.Э.

Античные города и поселения понтийского побережья от времени их основания и до момента становления сформировали в этом регионе несколько географически близких районов, экономическая жизнь которых развивалась очень схоже, а иногда и просто совершенно одинаково. Территориальная и экономическая близость развития отдельных районов позволила осуществить экономико-географическое районирование античного Причерноморья¹. Образование экономико-географических районов на понтийских берегах (и прежде всего в Крыму) происходит лишь после завершения формирования территориальных границ Херсонесского государства, Боспорского царства и, отчасти, Ольвийского государства². Окончательному оформлению этих границ предшествовали военные конфликты и вооруженные столкновения, которыми в избытке насыщена вся крымская история конца V – IV в. до н.э. Рассмотрим динамику становления территориально-государственных границ античных государств Крыма, начав с восточной части полуострова.

Первые десятилетия IV века до н.э., связанны с затяжным противостоянием Феодосии и Боспора, экспансонистская политика правителей которого была направлена на полное подчинение Феодосии. Вольнолюбивые настроения феодосийцев активно поддержала Гераклея Понтийская и прививший сторону своей метрополии молодой дорийский Херсонес³. Гераклея оказывает весьма активное содействие Феодосии в ее стремлении отложитьсь от Боспорского царства. Ход связанных с этим событий достаточно подробно изложен в первую очередь в письменных источниках и достаточно хорошо разработан⁴. В последнее время появились новые археологические данные, весьма обоснованно характеризующие Феодосию как город, имеющий обширную и успешно эксплуатируемую сельскохозяйственную территорию.

Разведками и раскопками последних лет установлено, что наряду с примыкающей к городским оборонительным стенам ближней хорой в 300-400 га, в структуру сельской территории входила и равнинная часть северо-восточного Крыма⁵. Здесь открыто 14 неукрепленных поселений V века до н.э., которые вместе с ближней хорой составили сельскохозяйственную базу независимой Феодосии⁶.

Пока еще не совсем ясен статус населения феодосийской хоры. Скорее всего в основной своей массе это были оседавшие на землю скиты. Во всяком случае археологические комплексы этих поселений в основном скифского облика с очень сильными следами эллинизации⁷. Можно лишь предположить, что система взаимосвязей эллинов Феодосии и переходящих к оседлой жизни скитами феодосийской хоры строились по тем же принципам, что и аналогичные отношения между ольвийополитами и населением ее хоры⁸. Хотя нельзя и исключать возможность построения этих отношений по примеру их организации между гераклеотами и маркиандцами или херсонеситами и таврами, когда зависимое или полузависимое аборигенное население используется в качестве демешевой рабочей силы на сельскохозяйственной территории⁹. Но пока это только гипотеза. Ясно лишь одно, что Феодосия обладала мощной сырьевым базой по производству товарного зерна. За возможность обладания этой аграрной территорией могла бороться Гераклея Понтийская (а вместе с ней и ее колония Херсонес) оказывая помощь Феодосии и поддерживая ее сепаратистские настроения. Одним из элементов этой поддержки явился чекан на херсонесском монетном дворе специальных монетных выпусков Феодосии с заимствованными из гераклейско-херсонесской нумизматики монетными типами (Табл. I; № 2-4).

Многие детали военных событий, разворачивающихся вокруг Феодосии в начале IV века до н.э., до сих пор плохо известны. Но есть все основания полагать, что участниками конфликта были не только Херсонесское и Боспорское государства, но и еще один крупнейший греческий полис северо-причерноморского региона - Ольвия. Недавно опубликован новый эпиграфический документ из ольвийских раскопок последних лет, содержащий дополнительные новые сведения о некоторых существенных деталях конфликта и роли Ольвии в этой всеобщей (как теперь проясняется) северо-причерноморской войне.

Речь идет о найденной в 1991 году в Ольвии надписи, текст которой содержит два важнейших связанных между собой государственных документа, высеченных одной рукой, - почетный декрет

и государственный договор (Табл. I, №1). Важность этого документа для изучения интересующей нас проблемы дает нам право еще раз воспроизвести его текст в переводе Ю.Г.Виноградова¹⁰:

“Ольвиополиты Сатира (сына Спартока) делают своим гражданином, и (его самого и) потомков, и благодетелем и дарунок ему самому и потомкам беспощадности на все (товары) и право (входа) и выхода из гавани и в военное и в мирное время без права захвата и без необходимости заключения особого договора”.

“С добрым счастием! Соглашение ольвиополитов и Левконом (сына Сатира). Быти им друзьями по отношению друг к другу. (Если кто-то) будь то элин, (будь то) варвар, пойдет войной на землю ольвиополитов, да поможет Левкон всеми силами ...”.

Издатели памятника совершенно справедливо считают, что лицом, чествуемым декретом, начертанным в верхней части камня, был Сатир, а партнером ольвиополитов в договоре, занимающим никою часть плиты, выступает его сын Левкон - два знаменитых представителя известной боспорской династии Спартокидов. Оба документа датируются в достаточно узких хронологических рамках, от 392 до примерно 380 г до н.э. При этом декрет в честь Сатира точно датируется четырьмя последними годами его единичного правления, т.е. 392-389 гг. до н.э. Дата надписи из Ольвии полностью совпадает со временем событий, разворачивающихся вокруг Феодосии¹¹. Есть все основания полагать, что появление ольвиийских дипломатических документов было связано с этими военными событиями и той ролью, которую играла в них Ольвия.

Весьма вероятно, что расплата за невменяемость Ольвии в феодосийский конфликт могла быть получение согласия или, скорее, одобрения Спартокидами вторжения ольвиополитов в Северо-Западный Крым. Не исключено и оказание влияния со стороны Боспора на правителей Скифской державы по ослаблению скифского протектората над Ольвией. Стремительная территориальная экспансия и закрепление ольвиополитов в Северо-Западном Крыму создавали монцкий противник в тылу у херсонеситов и отвлекали силы дории с театра военных действий под Феодосией. Поддержка боспорским тираном действий ольвиополитов была отмечена рядом неординарных почестей, изложенных в тексте декрета. Несколько лет спустя ольвиополиты заключают договор о дружбе и военной взаимомоности с завершившим военную феодосийскую кампанию Левконом и помещают оба документа на одном камне. Этот договор на время нейтрализовал силы Херсонеса, сконцентрировав их на защите собственных границ. Обеспечение безопасности от возможных притязаний западного эллинского соседа давало возможность правителям Боспора приступить к завоеванию земель, лежащих к постоку от Боспора Киммерийского.

События вокруг Феодосии, на наш взгляд, следует рассматривать как глобальную военную катастрофу, охватившую все Северное Причерноморье и прямо или косвенно повлиявшую на судьбы народов, населявших эту часть античного мира. Особенно силы были потрясены, связанные с этой войной, для городов Боспора. Так, акрополь Нимфея обносится оборонительной стеной, сноруженной в первой четверти IV века до н.э. Возведение новой линии обороны поверх предшествующей застройки несколько уменьшило площадь акрополя, имевшего в конце V- первой четверти IV в. до н.э. очень плотную застройку. За пределами новой городской стены остается площадь, некогда занимаемая “святыницем Афродиты” и примыкавшим к этому комплексу террасами с вымостками и подиумными стенами. Не попадает под защиту новых крепостных сооружений и так называемое “святынице Кабир”¹². Многократные разрушения и пожары в Нимфеях происходят на рубеже первой-второй четвертей IV в. до н.э. и, несомненно, являлись следствием походов Левкона I против Феодосии. Аналогичные пожары и следы разрушений этого времени прослеживаются и на других памятниках Европейского Боспора, и прежде всего - в Мирмекии. Постройки, расположенные в западной части городища, погибают в мощном пожаре, охватившем этот городской район примерно во второй четверти IV века до н.э. и связанным, на наш взгляд, с Феодосийской кампанией¹³.

Оборонительные мероприятия, проводимые на территории Боспорского царства, имели, по всей видимости, общегосударственную значимость. Новейшие археологические полевые изыскания крымских археологов на Узуиларской вalle позволяют достаточно точно определить время проведения крупномасштабных работ по его укреплению. Из нескольких шурfov, перерезавших вал поперек и заложенных в различных его частях, был получен археологический материал, не выходящий за рамки первой трети IV века до н.э.¹⁴ Вердикто именно в это время проводятся работы по

укреплению Узунларского вала, который должен был обеспечить защиту территории современного Керченского полуострова от возможного вторжения в его пределы вероятного противника. Мы склонны полагать, что вся система мер оборонительного характера, осуществленная правителями Боспора в первые десятилетия IV в. до н.э., была связана с военной угрозой. Для боспорских тиранов это был вопрос жизни или смерти. Победа в этой войне давала им не только реальную возможность укрепления западных границ государства, но и ослабляла позиции здесь дорян - гераклеотов-херсонеситов. Подчинение непокорной Феодосии ликвидировало последний оплот оппозиции. В Феодосии могли найти приют потомки свергнутой династии Архениантидов, организующие выступления населения против центральной власти и разорение боспорской хоры¹⁵. Начал политических страстей был столп велик, а военные события вокруг Феодосии развивались в таком русле, что привели к вооруженному противостоянию сил, для ликвидации которого использовалась вся система мер как военного, так и дипломатического характера. Во всяком случае, весь комплекс источников, имеющихся на сегодняшний день - нарративных, эпиграфических, нумизматических и археологических, каждый по-своему, отражают это неординарное событие в истории античного Причерноморья.

С завершением феодосийской кампании закончилась первая фаза территориального оформления границ греческих государственных образований в Крыму. В дальнейшем это направление деятельности античных полисов Таврики развивалось в каждом из них по-своему. Одержав победу над независимой Феодосией и подчинив ее, Боспорское царство окончательно оформило границы европейской части государства. С этого времени острое захватнической деятельности правителей Боспора перемещается на азиатские берега Понта, где разворачиваются крупномасштабные действия по завоеванию и подчинению синдо-мектеским племенам и их земель. После феодосийских баталий Херсонесское государство концентрирует свои усилия на захвате земель в западной части Крымского полуострова и организации здесь своей хоры.

Но созданию хорошо организованной структуры херсонесской хоры предшествовал период, в который практически вся херсонесская экономика целенаправленно закладывала экономическую основу будущего могущества полиса, опиравшегося на развитие сельскохозяйственного производства. Это был период своего рода "первоначального накопления средстъ" за счет прибыли, получаемой херсонеситами от торговли в основном с греческими полисами. В первые десятилетия IV в. до н.э. основой экономики Херсонесского государства была транзитная морская торговля. С этой целью обустраивается городская гавань в Карантинной бухте. Используя удобное и выгодное географическое расположение города на пересечении основных морских путей, херсонеситы превращают свой порт в узловую перевалочную базу морской торговли не только между терitorиями южного и северного побережья Понта, но и всего Восточного Средиземноморья. Археологические слои Херсонеса этих первых десятилетий IV века более красноречиво повествуют о торговой направленности его экономики. Археологические комплексы Херсонеса этого времени на более, чем 90% состоят из импортных материалов и прежде всего - амфор, в том числе и клейменных¹⁶.

В этот период местное керамическое производство в Херсонесе было еще недостаточно развито и обеспечивало только самые насущные хозяйствственные проблемы. Для выполнения этой простой жизненной задачи вполне достаточно было лепной посуды, изготавливаемой в городе. Судя по немногим известным находкам лепной посуды в херсонесских слоях этого времени, это была достаточно примитивная кизил-кобинская керамика и керамика скифского типа¹⁷. Надо полагать, что в составе населения столиц раннего для дорийского полиса времени присутствовали местные северо-причерноморские этнические элементы, носители этого типа лепной керамики. Напомним, что, как правило, лепная посуда в греческих городах изготавливалась в домашних условиях и занималась ее изготовлением в основном женщины¹⁸. Можно осторожно предположить, что основная масса лепной керамики Херсонеса производилась женщинами-абorigенами, взятыми в жены первопоселенцами - основателями Херсонеса, прибывшими из Гераклеи Понтийской в 528 году до н.э. Не исключено, что первые потомки этих браков сохранили еще в своей памяти некоторые элементы местных этнических традиций, проявляющиеся в лепной керамике. Традиция копировать элементы кизил-кобинской керамики при изготовлении лепной посуды жила в Херсонесе достаточно долго, во всяком случае, на протяжении всего IV века до н.э.¹⁹.

Необходимо подчеркнуть, что, говоря об организации херсонесской хоры, мы исходим из того,

что в каком бы регионе Крыма эти действия не разворачивались, они всегда носили общегосударственный характер. Создание мощной аграрной структуры затрагивало коренные интересы политика, являлось основой его экономического процветания и благосостояния его граждан. Не случайно основные события не только экономической, но и политической жизни Херсонесского государства в классическом и раннеэзлинстическом временах разворачивались, в основном, на херсонесской хоре или были с ней связана. На наш взгляд, именно по этой причине государство осуществляло строгий контроль за всем, что происходило на херсонесской хоре, начиная с самых первых шагов в ее организации.

После завершения событий под Феодосией, но еще в первой трети IV века до н. э., херсонесцы приступают к активным действиям по организации собственной хоры, выбрав первоначально для этих мероприятий Маячный полуостров, расположенный в северо-восточной части Гераклейского полуострова. Создание аграрной системы на Маячном полуострове осуществлялось на основе финансовых средств, получаемых полисом от транзитной морской торговли. В это же время в Херсонесе происходил стремительный рост городского населения за счет притока в город потерпевших поражение демократов, изгнанных из метрополии после установления в Гераклее тирании Клеарха²⁰. Не исключено, что быстрый рост изгнанного населения и необходимость обустроить жизни новых граждан подтолкнули причиной, ускорившей активные действия по организации хоры на Маячном полуострове.

Межевание на падели земель Маячного полуострова предшествовало, по всей видимости, изгнание с его территории местного оседлого аборигенного населения, проживавшего доселе здесь²¹. Вероятно, это была обычная практика организации собственной хоры для дорийских полисов. Во всяком случае, аналогичное изгнание с насажденными земель маринидами было осуществлено в херсонесской метрополии Гераклее Понтийской при создании ее хоры²². Затем осуществляется комплекс аграрных мероприятий, включающий межевание всей площади полуострова на 30 земельных планид, на которых разместилось около 100 индивидуальных участков²³. Созданная аграрная система находилась под защитой небольшого укрепленного города (т.и. "Страбонов Херсонес"), расположенного на узком перешейке в южной части полуострова²⁴. Вполне вероятно, что это крохотное греческое поселение возникло еще в архическое время, а после сооружения в первой четверти IV века достаточно мощных оборонительных стен превратилось в защитный форпост вновь созданной аграрной системы²⁵. Расположение укрепленного города на перешейке, географически доминирующее над всей территорией Гераклейского полуострова, давало возможность осуществлять сторожевые, охранные и защитные функции вновь созданной аграрной системы херсонесской хоры.

Трудно судить о культурах, возделываемых на Маячном полуострове в этот ранний период. Можно лишь предполагать, что ведущее место, наряду с другими культурами, занимала виноградарство. Во всяком случае, после выключения во второй половине IV столетия земель Маячного полуострова вновь созданную единую структуру херсонесской хоры всего Гераклейского полуострова, виноградарство становится монокультурой²⁶. Важно то, что с организацией системы землепользования на Маячном полуострове Херсонес начинает активно создавать собственную сельскохозяйственную базу. С этого момента аграрно-сыревая направленность на долгие годы становится фундаментом его экономики. Заботы о расширении хоры, ее защите и совершенствовании агротехнических мероприятий, проводимых на ней, становятся центральным звеном политики полиса по укреплению экономического могущества государства и процветания его граждан в классический и эзлинстический периоды.

Дальнейшие действия херсонеситов по увеличению земельных владений государства перемещаются в западные районы Таврики. Здесь еще с архического времени существует и успешно развивается ионийская Керкинитида²⁷. В конце VI-V вв. до н.э. историческое развитие всего Северо-западного Крыма происходило в том же русле, что и развитие Нижнего Побужья, и эта территория Таврики входила в зону ольвийского влияния²⁸. У нас нет данных о системе взаимоотношений между Ольвией и Керкинитидой в первой половине IV века. Вероятнее всего, независимый полис Керкинитида владел небольшой хорой, непосредственно примыкающей к городскому центру, а земли основной части Тарханкутского полуострова находились под властью ольвийополитов. Не упускали из поля зрения этот район Крыма и дориане. Смелая точка зрения С.Ю.Сапрыкина о воз-

никновении городища Чайка как гераклейской фактории не лишена определенной привлекательности²⁰. Если согласиться с этим, то Чайка на первых этапах своего существования могла быть опорой граничным рубежом между владениями ольвийополитов и керкинитов, а впоследствии стать опорной базой херсонеситов при завоевании ими земель Северо-Западного Крыма.

Приступив к экспансии в этом районе Тавриды, Херсонес столкнулся с интересами двух независимых греческих полисов - Ольвии и Керкинитиды. Мы не склонны безоговорочно принимать факт существования какой-то "неизвестной войны" между Херсонесом и Ольвией около середины IV века до н. э. за обладание Северо-Западным Крымом, хотя и полностью ее не исключаем²¹. Некоторые источники заставляют усомниться как в проведении широкомасштабных военных действий²², так и в охлаждении ольвийско-херсонесских связей в этот период²³. Вероятно, установление херсонесского владычества в этом регионе Крыма осуществлялось различными методами. Поселение Панское I было захвачено херсонеситами в результате прямых военных действий, с которыми, несомненно, связан мощный слой пожара, прослеженный на памятнике²⁴. По-иному происходило подчинение Херсонесом Керкинитиды. В середине IV века до н. э. в Керкинитиде проводится капитальная реконструкция системы оборонительных сооружений, отвечающая всем новейшим принципам античной полицретики²⁵. Укрепление крепостных сооружений было продиктовано вероятностью военного захвата Керкинитиды Херсонесом, активизировавшим свои действия в Северо-Западном Крыму. Однако археологические источники повествуют о том, что подчинение полиса Керкинитиды вряд ли было результатом военных действий херсонеситов. Здесь не прослеживается разрушений оборонительных стен, не выявлены следы пожаров, штурма или осады. Вероятно херсонеситы применяли тактику, популярную у элинов еще со времен поントийской экспансии эскадры Ламаха²⁶. Разрушив хору керкинитского полиса, херсонеситы вынудили граждан Керкинитиды заключить неравноправный политический союз (симполитию), лишив независимости городскую общину, полностью включив ее в состав херсонесского полиса. Впоследствии особая роль Керкинитиды в составе Херсонесского государства выражалась в предоставлении ей в особых случаях кратковременного права чеканки собственной монеты. С подчинением Керкинитиды, Херсонес полностью завоевывает Северо-Западный Крым, ознаменовав завершение этого процесса чеканкой на херсонесском монетею дворца специального парадного выпуска монет (3.Т.XXXV, №№ 10) типа квадрига-воин (Табл. I, № 5)²⁷.

С подчинением земель Северо-Западного Крыма, Херсонес завершает оформление границ государства и с этого момента начинается совершенно новый этап в его истории. В этот период окончательно осуществляются землеустройственные мероприятия по организации территории всего пространства Гераклейского полуострова и превращение этой части херсонесской хоры в крупнейший в Северном Причерноморье район виноградарства и развития на его основе товарного виноделия. С этого времени четко определены не только государственные границы Херсонеса, но и его территориальные владения²⁸, а его экономика стремительно и бурно развивается. Херсонесское государство вступает в период своего наивысшего расцвета, продолжившегося около половины столетия - вплоть до конца первой трети III века до н.э.

Примечания

1. Шеглов Д.Б. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М., 1967. С. 219-225; Брашинский И.Б. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья. ВДН. 1970. №2. С. 129-137.
2. В последнее время ряд исследователей настойчиво внедряют в практику использование совершенно новой термин "территориальное государство или территориальный полис" (см. например: Шеглов А.Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э./// Античная гражданская община. Л., 1986. С. 166-171; Виноградов Ю.Г., Шеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С.310-371). Наши изыск, этот термин не вполне удачен. Трудно себе представить государство без территории, когда речь идет не о политической организации, а о пространственных владениях государства. В этой связи, первично, есть необходимость пронести специальное терминологическое исследование, которое бы обяснило как значение предлагаемого термина, так и случаев его применения, либо изобрести новый термин, точно обозначающий явление, за нам стоящее.
3. Шеглов Д.Б. Феодосия, Гераклея и Спартиокады. ВДН, 1950, № 3. С.168-174.; Сапрыкин С.Ю. ГераклеяPontica и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 70-79; Золотарев М.Н. Два типа редких монет Феодосии IV в. до н.э. ВДН, 1984, № 1, С. 89-92.
4. Burstein S. The War between Heraclea Pontica and Leucon I of Bosporus. Historia, 1974. Bd.23, N.4. P.406-411. Справедливую критику отдельных положений Берстейна см.: Saprykin S. Heraclea Pontica and Tauric Chersonesus

- before Roman domination (VI-I centuries B.C.)*. Amsterdam, 1997. P. 93-95.
5. Гаврилов О.В. Іоній дани про слідську округу античної Феодосії. Археологія, 1998, № 1. С.105-117.
 6. Гаврилов О.В. Слідська округа Феодосії в V-III вв. до н.е. Автореферат канд. дис. Київ, 1999. С.6.
 7. Гаврилов О.В. Слідська округа Феодосії.. С. 13; 19.
 8. Марченко К.К. Окінти деревна а честь Протогеніа (ІІ, 32). К вопросу о записисом населении Ольвии эллинистического времени// Причерноморье и эпохи милиниза. Материалы III Всесоюзного Симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1983. С.242-256.
 9. Фролова Е.Д. Гераклейские мариандины (К проблеме излишнеиноместных греческих колонистов и местных племен в зоне дорийской колонизации) // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С.22-33; Сапрыкин С.Ю. Поляса и местное население южного Причерноморья в археическую и классическую эпохи: Гераклеи и мариандины // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С.9-22; Шеломов А.Н. Таври и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье и период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 204-218.
 10. Виноградов Ю.Г., Краининова В.В. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э.// Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С.69-78; Vinogradov J.G. Pontische Städte. Mainz, 1997. S.515-525.
 11. Шеломов Константін Ф.В. Історія Боспора в VI-IV вв. до н.э.// Древнєєвреїське государство на території ССРР. М., 1985. С. 122.
 12. Частник Д.Е. Акропол Нимфей в первой половине IV в. до н.э.// Поклонения: среда, культура, социум. Материалы международной научной конференции. СПб., 1998. С.136-138.
 13. Частник Д.Е. Западная окраина Мицкеви на второй половине V - первой половине III в. до н.э.// Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999. С.118-119.
 14. Искренне благоговей С.Б.Ланцову, познакомившему меня с материалами его новейших археологических исследований на этом памятнике и любезно познакомившему мне с использованием в данной работе.
 15. Vinogradov J.G. Olbia und Bosporus im frühen 4. Jhd. Chr. im Lichte eines neueröffneten Aktenfossiers. In: Pontische Studien. Mainz, 1997. S.519-520.
 16. Кац В.И. Экономические связи походнеклассического Херсонеса (по данным амфорных клейм) // Античный мир и археология. Саратов, 1979. С. 176-191.
 17. Сенаторов С.И. О керамике с гребенчатым орнаментом из Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 1988. С.99-100.
 18. Яблонко В.И. Археическая Греция// Античная Греция. Проблемы разации полиса. Т.1. М., 1983. С.154, прим.60; Купциков В.Б. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды// Материалы к этнической истории Крыма. Кисловодск, 1987. С.37.
 19. Санзия О.Л. О керамике с гребенчатым орнаментом из Херсонеса.// КСИА АН СССР, вып. 124, М., 1970. С. 48-50.
 20. Barstein S. Outpost of Hellenism: The Emergence of Herakleia of the Black Sea. Berkeley, 1976. Р. 60.
 21. Chittedgiou A. *Paris et chora. Cite et territoire dans le Pont-Euxin*. Paris, 1992. Р. 102.
 22. Фролов Э.Д. Ук. соч. С. 22-33.
 23. Шеломов А.Н. Основные структурные элементы античной жеженской системы на Мачном полуострове (юго-западный Крым) // История и археология юго-западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 29-33.
 24. Шеломов А.Н. "Старый" Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Мачнского полуострова:топография и фортifikация // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 8-42.
 25. Шеломов А.Н. "Старый" Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Мачнского полуострова:топография и Симферополь, 1997. С.42-54.
 26. Жеребцон Е.Н. Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV-I вв. до н.э.// КСИА АН ССР, вып. 145, М., 1976. С. 17.
 27. Купциков В.А. Античный город Керкинитида. Кисловодск, 1990. С.24 сл.
 28. Золотарев М.Н. Херсонес в Ольвии и конце VI-II в. до н.э. Автореферат канд. дисс. Л., 1986. С.8; Шеломов А.Н. Ольвия и Херсонес: новые материалы и аспекты проблемы// Проблемы исследования Ольвии. ТДК. Партизино, 1985. С. 84-86.
 29. Saprykin S. Heraclea Pontica and Tauric Chersonesus. Р. 122-123.
 30. Scelof A.N. Un établissement rural en Crimée: Rankweil I (feuilles de 1969-1985)// Dialogues d'histoire ancienne. 1987, №13. Р.244-247.
 31. Бурских С.Б. К проблеме территориальных владений ольвийского полиса в IV в. до н.э.// Херсонес в античном мире: историко-археологический аспект. ТДК. Севастополь, 1997. С.18-19.
 32. Золотарев М.Н. Влашиоттонасия Ольвии и Херсонеса в V-II вв. до н.э. по numizmaticheskim dannym // Древнее Причерноморье. ТДК. Одесса, 1989. С.30-31.
 33. Scelof A.N. Un établissement rural en Crimée: Rankweil I. Р.246.
 34. Купциков В.А. Керкинитида. Симферополь, 1992. С.82-83.
 35. Доманская В.В. К предistorии Херсонеса Таврического. АМА, вып. 2, Саратов, 1974. С.44-46.
 36. Гильевич А.М. Крупк-мойнакский клад херсонесских монет III-II вв. до н.э. // Нумизматика и эпиграфика, вып.VIII, М., 1970. С.6-7.
 37. Розов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus, СПб. Кузнецев, Одесса, 1999, №3. С. 116-144.

НОВАЯ ЛАТИНСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ РАСКОПОК ЦИТАДЕЛИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА¹

В отличие от второй половины II - первой половины III вв., сейчас очень мало достоверных данных о взаимоотношениях Херсонеса с Римской империей на рубеже III - IV и в IV в., чем обясняется дискуссионный и во многом гипотетический характер выводов об истории города в позднеантичный период². Сказанное в полной мере относится и к вопросу о присутствии римского гарнизона в Херсонесе³. Поэтому появление каждого нового эпиграфического источника, с помощью которого можно было бы пролить свет на характер контактов Херсонеса с империей на рубеже III - IV вв., заслуживает самого пристального внимания и специальной публикации.

В ходе раскопок 1995г., проводившихся под руководством И. А. Антоновой на территории цитадели, расположенной в юго-восточной части Херсонеса, был найден известниковый блок с фрагментированной латинской надписью, которая вторично была использована в качестве строительного материала в глухой опоре аркады оборонительной стены 21 куртины⁴. Надпись вырезана на лицевой стороне левой части прямоугольного блока. Её высота 110 см, ширина в верхней и средней части 43 - 44 см, у основания 53 см, толщина: вверху - 28, 5 см, внизу - 25 см. С правой стороны лицевая сторона блока стесана и покрыта известковым раствором, по всей видимости при укладке плиты в кладку оборонительной стены (Рис. 1). Вследствие этого восемьстрочная надпись сохранилась не полностью. Она вырезана на 18 см ниже сбитого карниза верхнего края блока, который имелся здесь первоначально, и сохранилась в таком виде:

```

AVREL CANDI[ - - ]
[ - - ] PPROT[ - - ]
VIXMII[ - - ]
[ * ] LETITIA[ - - ]
[ * ] ALMAT[ - - ]
EXVOTO[ - - ]
[ * ] SVIT[ - - ]
[ - - ] IDE[ - - ]

```

Буквы в надписи вырезаны достаточно глубоко. Высота букв в семи строках 4,5-5 см, а в последней - 3, 5 см. Расстояние между ними от 1 до 2 см, а между строками 3, 5 см. Окончания букв украшены апексами. Из особенности шрифта следует отметить написание буквы I с сильно изогнутым, поднятym вверх и закрученным окончанием нижней гасти⁵. Буква V в шестой строке вырезана неровно; ее левая гаста длиннее правой. Буква A имеет прямую среднюю гасту. В углублениях букв сохранились следы красной краски.

В первой строке надписи уверенно читается двухсоставное римское имя дедиканта, появление которых является характерной чертой римской ономастики со второй половины II в., когда трехсоставные римские имена утрачивают граепонт⁶. Но если первая его часть может быть уверенно дополнена как AUREL(ius), то когнomen допускает вариантность восстановления. На CANDI называется целый ряд римских имен. Это Candidianus, Candidinus, Candidinus, Candidius, Candidius, Candius, Candilius, Candius⁷. Учитывая, что конец первой строки при вторичном использовании блока с надписью испорчен, окончание когнomen не поддается убедительному одновариантному восстановлению.

Начало второй строки надписи сильно повреждено и практически не читается, а далее стоит PPROT. Если начало строки практически не может быть восстановлено, то PROT может быть дополнено как PROTECTOR. В начале следующей строки отчетливо читается VIX. Учитывая, что после него стоит MIL, которое может быть дополнено как mihi(litum), ее начало должно быть восстановлено как VIX(ILLATIO). Аналогичное восстановление аббревиатуры VIXI от vix(i)llatio было предложено Г. Альфельди для реконструкции еще одной фрагментированной надписи времени правления Диоклетиана и Максимиана (286 - 305 гг.) из Херсонеса⁸. Написание vixillatio вместо vexillatio встречается в вульгарной латыни и зафиксировано в эпиграфических памятниках позднеантичного периода⁹. Исходя из сказанного, начало третьей строки надписи может быть восстановлено как VIX(ILLATIONIS) MIL(litum).

В четвертой строке четко читается ET ITAL., а перед ET прослеживаются следы буквы С. Если это так, то, исходя из того, что в предыдущей строке упоминается военная вексилляция, третья и четвертая строки памятника восстанавливаются как VIX(ILLATIO) MII.(ITUM) [LEGG(IONUM) XI/C]L(AUDIAE) ET ITAL(ICAE). Эти соединения дислоцировались в Ионе, на территории провинции Нижняя Мезия, а затем Мезия II¹. Поэтому неудивительно, что военнослужащие этих легионов были включены в состав вексилляции, откомандированной в Херсонес.

В следующей строке сохранились буквы ALMAT, которые, исходя из содержания четвертой строки, вероятно, могут быть дополнены как [D]ALMAT(ARUM) - часть наименования, возможно, одного из подразделений вспомогательных войск римской армии. В составе римской армии Нижнего Подунавья III в., известно три подразделения, которые в своих названиях имели Dalmatarum. Это cohors III Dalmatarum miliaaria equitata civium Romanorum pia fedelis, которая дислоцировалась на территории Верхней Дакии, а после эвакуации этой провинции Аврелианом (270 - 275 гг.), видимо, находилась в Сучуваве¹¹. Еще одно подразделение, Numerus Dalmatarum, в III в. известно на территории Верхней Мезии и не исключено, что какая-то его часть стояла в Монтане¹². И, наконец, в Томах по клеймам III в., возможно, известен синец Dalmatarum¹³? Скорее всего, это подразделение упоминает Зосим, повествуя о борьбе римлян с Аларихом в 409 г.¹⁴.

К сожалению, ввиду плохой сохранности публикуемого памятника нельзя уверенно говорить, солдаты какого из указанных подразделений, помимо военнослужащих указанных легионов, входили в состав военной вексилляции, возглавляемой протектором Аврелием Канди... Пока можно, вероятно, лишь констатировать, что в ее составе была включена часть еще какого-то, возможно, кавалерийского подразделения, названного, к примеру, equestris Dalmati¹⁵, дислоцировавшегося в позднеантичный период в Подунавье, но какого именно, пока остается не ясным.

Исходя из содержания окончания второй, третьей и четвертой строк, можно попытаться предложить один из вариантов восстановления начала второй строки надписи. Если учесть, что непосредственно за титулом протектора упоминается военная вексилляция, состоявшая из нескольких подразделений римской армии, то можно с определенной долей вероятности предположить, что перед prefector стояло название его должности, скорее всего praepositus. Косвенно на это указывает сохранившаяся перед PROT булава Р, которая могла относиться к аббревиатуре PRAEP, обозначавшей должность препозита¹⁶, ранга трибуна или центуриона, получившего титул протектора¹⁷. Но, естественно, с полной уверенностью нельзя настаивать на таком варианте. Хотя он представляется вполне вероятным¹⁸, так как титул praepositus был широко распространен в позднеримской империи и им обозначались командиры различных уровней, в том числе центурионы, стоявшие во главе вексилляций¹⁹. В этом отношении весьма показательно, что центурион I Италийского легиона Марк Ратин Сатурий, который возглавлял херсонесскую вексилляцию в 250 г., также был в должности препозита²⁰.

В следующих двух строках стояло EX VOTO / [PO]SVIT[-], а в последней сохранились лишь две буквы DE, которые не поддаются убедительному восстановлению. Здесь могло стоять имя божества, которому было сделано посвящение. Например, DE[AE MATRI]²¹. Хотя не исключено, что им божества было расположено на карнизе, перед именем дедиканта, где оно не сохранилось. Тогда в конце посвящения должно было стоять какое-то уточнение к предыдущей строке, может быть, DE SUO (на свои средства) или что-то подобное. Но, ввиду плохой сохранности этой строки, на каком-то конкретном варианте остановиться сейчас трудно.

Из сказанного следует, что публикуемая надпись может быть восстановлена таким образом:

Aurelius(Candi[- -])
[praef] (ositus?) prof[ector]
vix(illationis) mii(litum) [legg(ionum)XI]
[C]L(audiae) et I Ital(icae) [et eqq(uitum)]
[D]almat(arum) - - -
ex volo [- - -]
[po]suit[-]
def[-]

Рис. 1. Известняковый блок с латинской надписью из раскопок цитадели Херсонеса в 1995 г.

Рис. 2. Фрагментированная латинская надпись из Херсонеса (по П. Палласу).

Перевод: ... Аврелий Канди... командр, протектор ... военной вексилляции легионов XI Клавдия и I Италийского и кавалеристов (?)... Далматов ... по обету поставил ...

Исходя из предложенного восстановления, Аврелий Канди... был офицером, носил титул протектора и возглавлял военную вексилляцию, сформированную из ряда подразделений, которые дислоцировались на Нижнем Дунае. Упоминание в надписи титула протектора и вексилляции дают определенные хронологические реперы для датировки публикуемого памятника.

Protector впервые упоминается около 260 г. в cursus honorum Л. Петрония Волузiana, а затем в целом ряду эпиграфических памятников, относящихся ко второй половине - концу III в.²² Сейчас установлено, что protector являлся титулом, который в период правления императора Галлиена(253 - 268 гг.)сначала давался высшим военным должностным лицам, а при его преемниках - и центурионам, находившимся на службе преимущественно в составе полевой армии (comitatenses) позднеримской империи²³. Получение такого титула было

обусловлено близостью к императору или к штабу полевой армии и открывало перед лицами, получившими титул протектора, перспективу дальнейшей военной карьеры²⁴. В ряде случаев, как об этом свидетельствуют эпиграфические памятники, протекторы командовали вексилляциями полевой армии²⁵. Позднее, в ходе военных реформ Диоклетиана (284 - 305 гг.), военнослужащие, носившие такой титул, были объединены в специальные подразделения (scholae) императорской гвардии²⁶. Наиболее ранние свидетельства о существовании таких формирований относятся к периоду правления Константина Великого (306 - 337 гг.), но А. Джонс начало их формирования относит еще ко времени первой тетрархии²⁷. Следовательно, 60-ые годы III в. являются *tempinus post quem* для публикуемого памятника.

С другой стороны, вексилляции, как более или менее постоянные воинские подразделения, в составе римской армии появлялись еще в I в., но особенно широко эта форма военной организации стала практиковаться со времени правления императора Адриана (117 - 138 гг.). С периода правления этого императора термин "вексилляции" стали обозначаться специальные военные отряды, откомандированные в тот или иной район империи или за пределы ее официальных границ²⁸. Такие отряды, в зависимости от конкретных обстоятельств, могли включать подразделения одного или нескольких легионов, вспомогательных войск и солдат флота²⁹. На них возлагались обязанности либо участвовать в какой-либо боевой экспедиции за пределами провинции, где стояли основные силы легиона³⁰, либо нести гарнизонную службу на границе империи и в спорных городах³¹, как это имело место, например, в античных центрах Северного Причерноморья³².

Такая организационная форма в римской армии, судя по эпиграфическим памятникам, была обычной еще в период правления императора Клавдия II Готского (268 - 270 гг.)³³. А после реформы позднеримской армии, проведенной императорами Диоклетианом и Константином Великим, вексилляциями стали называться кавалерийские подразделения полевой армии, в которые были объединены конницы легионов³⁴. Следовательно, рубеж III - IV вв. дает нам *tempinus ante quern* для датировки памятника, так как еще в 295 г. в составе экспедиционного корпуса Диоклетиана в Египте известны обычные для римской армии более раннего времени вексилляции³⁵.

Однако датировка публикуемого памятника может быть уточнена на основании сравнения его с двумя фрагментированными надписями, найденными в Херсонесе ранее. Первая из них, извест-

ная по прорисовке, сделанной П. Палласом во время его путешествия по югу России в 1793 - 1794 гг. (Рис. 2), была опубликована в корпусе В. В. Латышева с комментариями М. И. Ростовцева³⁶, а затем перенесена Э. И. Соломоник и К. Цукерманом³⁷. К сожалению, ее сейчас нельзя сколько-нибудь полно реконструировать, однако в данном случае особенно важны особенности ее палеографии, отрывочное содержание и датировка.

Судя по прорисовке П. Палласа, в четвертой строке памятника стоит буква I с фигураной, загнутой вверх нижней гастью, аналогичная написанию I в посвящении Аврелия Канди... Такое написание буквы I зафиксировано в ряде надписей первой половины III в. из Монтаны³⁸, в надгробии конца III - начала IV в. из Нове³⁹, где располагалась основной лагерь I Италийского легиона, и в надписях из Одессоса и территории Паннонии, которые датируются третьей четвертью IV в.⁴⁰.

В конце следующей пятой строки стоит protecto, перед которым, по мнению К. Цукермана, стояло *viro egredio*⁴¹, что позволяет поставить окончание строки как *v(iro) e(gredio) protecto(re)*. Исходя из начала надписи, можно заключить, что памятник является посвящением двум Августам и двум Цезарям, поэтому он может быть датирован временем первой или второй тетрархии, т. е. периодом совместного правления Диоклетиана и Константина I (305 - 306 гг.) с соправителями (293 - 305 или 305 - 306 гг.).⁴²

Вторая надпись, состоявшая из трех фрагментов (Рис. 3), также не может быть убедительно реконструирована вследствие того, что не ясно, как между собой соотносились сохранившиеся фрагменты памятника⁴³. Но несмотря на это, весьма примечательно, что в ней написание буквы I имеет форму, аналогичную рассмотренным выше двум эпиграфическим памятникам⁴⁴. Более того, в этой надписи, как и в посвящении Аврелия Канди..., стоит XVI, которое Г. Альфельди считал возможным дополнить в качестве *vix(illatio) = vexillatio*⁴⁵, и не исключено, что упоминается I Италийский легион⁴⁶. По мнению М. А. Шантини и следившей за ним Э. И. Соломоник, этот памятник относится ко времени совместного правления Диоклетиана и Максимиана, т. е. 286 - 293 гг.⁴⁷, а К. Цукерман полагает, что надпись могла быть поставлена и в период совместного правления Константина и Лициния (317 - 324 гг.).⁴⁸

В связи со сказанным, видимо, необходимо еще раз вернуться к надписи, в которой, по мнению Г. Альфельди, упоминался *legio II Hercula*. Памятник был найден в 1905 г. на участке некрополя на Карантинной бухте и представлял собой нижнюю часть известнякового столба с небрежно вырезанной латинской надписью (Рис. 4). Она впервые была издана М. И. Ростовцевым, а затем перенесена Э. И. Соломоник, которая предложила ее чтение⁴⁹. Исследовательница считала, что последние строки памятника следует восстанавливать как ...*[eg(ionis)] / I Ital(icae) ET / CL Herc(uli?) // posuit⁵⁰. Но Г. Альфельди не согласился с таким восстановлением и предложил читать эту надпись следующим образом: *vex(illatio) (?) [eg(ionum)] / I Ital(icae) et / II Herc(iliae) posuit⁵¹*. В дальнейшем на основании того, что буквы T и E в этом памятнике даны в лингтуре, В. М. Зубарь предложил в последней строке восстанавливать наименование III Галльской когорты вспомогательных войск и датировал памятник 20-30-ыми гг. II в.⁵². Однако такое чтение и датировка не были приняты исследователями⁵³.*

Критика, высказанная К. Цукерманом и Т. Сарновским, а также содержание публикуемого эпиграфического памятника, заставили вновь обратиться к надписи 1905 г. При повторном ее осмотре и сравнении шрифта с надписью 1995 г. стало ясно, что и в той, и в другой надписи, написания букв S, V, R, E достаточно схожи. Несмотря на плохую сохранность надписи 1905 г., не исключено, что в ней буква I во второй и третьей строке, видимо, также близка по написанию шрифту надписи 1995 г. На это указывает короткая нижняя гасть этой буквы, которая могла иметь поднятую вверх и закрученное окончание. Кроме этого, как указал К. Цукерман, написание E с удлиненной верхней гастью нельзя рассматривать в качестве лингтуры, так как такое написание характерно для графики поздней латыни⁵⁴. Все это заставляет отказаться от ранее предложенного восстановления и принять чтение Г. Альфельди. Тем более, что упоминание в надписи 1995 г. протектора, который командовал римским военным отрядом в Херсонесе, делает, видимо, вполне возможным временное включение в состав вексилляции, получившей статус подразделения полевой армии, военнослужащих двух легионов, постоянно находившихся в оперативном подчинении пограничного командования римских вооруженных сил разных провинций - Мезии II и Скифи.

Таким образом, на основании палеографии и отрывочного содержания всех перечисленных памятников, есть основания заключить, что они хронологически близки между собой и свидетельствуют о присутствии римских войск в Херсонесе в конце III в.

В настоящее время на основании эпиграфических памятников установлено, что стационарный римский гарнизон, сформированный из подразделений Мезийской армии, дислоцировался в Херсонесе с середины II в. вплоть до 250 г.⁵⁵, когда центурион I Италийского легиона Марк Ратин Сатурнилий восстановил школу принципиалов на территории цитадели⁵⁶. После этой даты и вплоть до периода тetrархии какие-либо латинские эпиграфические памятники в Херсонесе пока неизвестны. Иными словами, появление новых латинских эпиграфических памятников, связанных с римским военным присутствием в городе, сейчас следует отнести ко времени не ранее конца III в., что и позволило сделать вывод об отсутствии в Херсонесе римского гарнизона во второй половине III в.⁵⁷.

Подтверждается это и результатами, полученными в ходе раскопок на территории цитадели Херсонеса на протяжении последнего десятилетия. Эти исследования, проведенные под руководством И. А. Антоновой, показали, что именно в IV в. часть казарменных построек цитадели оказалась занятой обжигательными печами, а бассейн, находившийся с юго-восточной стороны банных помещений II - III вв., по мнению И. А. Антоновой, был не позднее второй половины III в. перестроен в небольшие самостоятельные термы. Реконструкции, видимо, подвергся так называемый "дом командира"⁵⁸. Следовательно, вывод об отсутствии римского гарнизона в Херсонесе во второй половине III в. подтверждается не только эпиграфическими памятниками, но и результатами археологического изучения так называемой римской цитадели.

Для того, чтобы уточнить датировку рассмотренной группы памятников и в сугубо предположительном плане связать ее с конкретными событиями в истории Херсонеса, следует, вероятно, обратиться к 53 главе труда Константина Багрянородного "Об управлении империей", ибо какие-либо иные надежные источники по позднеантичной истории этого центра пока отсутствуют. Примечание следует особо подчеркнуть, что сейчас нет веских оснований излишне критически относится к сведениям, сообщаемым Константином Багрянородным по истории Херсонеса I в. до н. э. и конца III - IV вв. н. э.⁵⁹, как это делают некоторые современные исследователи⁶⁰.

Константин Багрянородный пишет, что когда в Риме правил император Диоклетиан, Савромат, сын Крискорона, боспорянин, собрал "скифов", населявших берега Меотиды, выступил против римлян, захватил страну лазов и дошел до р. Галис⁶¹. Император отправил против варваров войска под командованием трибуна Константа, которые однако не смогли разгромить "скифов". Тогда Диоклетиан обратился за помощью к Херсонесу. Херсониты, собрав мужей из соседних крепостей, нанесли удар в тыл Савромату, захватили его столицу, что в конечном итоге и позволило заключить с варварами мир на выгодных для империи условиях. В награду за помощь и верность империи Херсонесу были дарованы права "свободы" и освобождение от налогов. Император также установил выдачу тысячи пайков и материалов для баллист, что должно было способствовать поддержанию боеспособности херсонесских войск на должном уровне⁶². Если исходить из того, что

Рис. 3. Три фрагмента латинской надписи, найденные в различной местах Юго-Восточной части Херсонесского городища в начале XX ст.

Константии Багрянородный, повествуя об этой войне упоминает имена двух херсонесских архонтов, Фемиста, сына Фемиста, и Хреста, сына Папия, то эти события происходили в течении двух лет⁶¹. Фемиста, сына Фемиста, и Хреста, сына Папия, то эти события происходили в течении двух лет⁶¹.

Иследователи неоднократно пытались определить, когда происходили эти события⁶². Но наиболее близкий к действительности, по нашему мнению, является точка зрения Я. Харматты, который относил эту римско-боспорскую войну к 291 - 293 гг.⁶³, когда на боспорском престоле находился Фобор⁶⁴. Это хорошо согласуется с тем, что после завершения боевых действий Констант, как сообщает Константии Багрянородный, был отмечен императором Диоклетианом. Если это соотнести с тем, что Константий Хлор в 293 г. получил титул Германника Махинпса, а в 294 г. - Sarmaticus Makhinps⁶⁵, то это служит достаточно весомым, хотя и косвенным аргументом в пользу датировки этой римско-херсонеско-боспорской войны 291 - 293 гг.⁶⁶.

Возвращаясь к рассматриваемым латинским надписям, необходимо отметить, что, если принять датировку одной - 286 - 293 гг., а второй - 293 - 305 гг., в пользу чего есть веские основания, то оба памятника могут быть предположительно связаны с теми событиями времени правления Диоклетиана, о которых повествует Константии Багрянородный. Более того, упоминание в одной из этих надписей и посвящении Аврелия Канди... титула протектора, который командовал римским отрядом в Херсонесе, позволяет относить их все ко времени не позднее начального периода правления Диоклетиана. Ведь, как уже отмечалось, есть основания предполагать, что именно в период военных реформ этого императора произошла трансформация значения титула протектора⁶⁷.

Но, преподлагаю появление в Херсонесе римской вексилляции во главе с протектором, которая, видимо, вместе с херсонесскими войсками участвовала в боевых действиях против боспорцев, следует помнить, что этот титул в конце III в. давался преимущественно центурионам полевой армии позднеримской империи. Поэтому есть достаточно веские основания предполагать, что вексилляция, сформированная из различных воинских подразделений римской армии Подунавья и находившаяся под командованием Аврелия Канди..., также, вероятно, имела статус формирования полевой армии. Практика периодического привлечения в состав полевой армии частей пограничных войск, расквартированных на границах империи, хорошо известна в более поздний период. В Notitia Dignitatum, которая отражает состав позднеримской армии конца IV - начала V в., они именовались pseudoconfitatienses⁶⁸. Но включение подразделений пограничной армии в состав полевых сил империи стало практиковаться намного раньше, вероятно, с конца III в., о чем, в частности, свидетельствует и публикуемая надпись.

Исходя из этого, в настоящее время пока, видимо, нет достаточных оснований говорить даже о кратковременном пребывании стационарного римского гарнизона в городе⁶⁹, так как полевая армия использовалась для решения конкретных оперативных и тактических задач⁷⁰, а не для защиты границ или городов на территории империи⁷¹. Следовательно, появление в Херсонесе отряда римских войск было, скорее всего, вызвано каким-то экстраординарным военно-политическим событием, которое заставило перебросить сюда военную вексилляцию, во главе которой был скорее поставлен центурион, а не трибун полевой армии, имевший титул протектора. Не исключено, как об этом свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении источники, что римские войска были направлены сюда для ведения боевых действий вместе с херсонесским отрядом против боспорцев, вторгнувшихся в пределы империи, а после победоносного завершения войны были выведены в места постоянной дислокации в Подунавье⁷².

Рис. 4. Известняковый столб с латинским посвящением, найденный в 1905 г.

Если сказанное справедливо, то посвящение Аврелия Канди..., а также другие рассмотренные латинские надписи относятся ко времени около 293 г., когда римской вексилляцией из состава полевой армии Годунавы и херсонескими войсками была предотвращена угроза империи со стороны варваров, обитавших на территории Босфора. Успешное окончание военных действий и нашло отражение в надписях, посвященных правлению императором, а протектор Аврелий Канди... в честь этого события по обету позднее в Херсонесе посвящение неизвестному нам божеству.

Естественно, предложенная интерпретация публикумой надписи в достаточной степени гипотетична и должна быть подтверждена новыми источниками. Но, как представляется, высказанные соображения имеют право на существование, уточняют датировку целой группы латинских надписей из Херсонеса и в определенной степени подтверждают историческую достоверность данных, сообщаемых Константином Багрянородным. Публикумая надпись, наряду с уже известными памятниками, значительно расширяет источниковую базу изучения позднеантичной истории Херсонеса, в частности, характера взаимоотношений города с Восточно-Римской империей на рубеже III - IV вв.

Примечания

1. Написание этой статьи инициировано безраздельно упомянутым из жизни Ю. Г. Виноградова. Именно и беседах с Юрием Германовичем, который высказал ряд замечаний при чтении надписи в мае 1999 г., и родилась идея опубликовать этот в analytic степени интересный эпиграфический памятник.
2. Кафес В. И. Херсонес Таурский в первые века н. э. - Харьков, 1981. - С. 34 - 36; Зубарь В. М. Херсонес Таурский и Римская империя. Очерки поэтической политической истории... - Киев, 1994. - С. 122 - 148; Зубарь В. М. Северной Понти и Римская империя. (середина I в. до н. э. - первая половина VI в. н. э.). - Киев, 1998. - С. 150 - 156.
3. Зубарь В. М. Херсонес Таурский... - С. 126 - 141; Цукерман К. Епистолы и гарнizon Херсона в IV веке // МАИЭТ. - 1995. - Т. IV. - С. 545 - 561; Пиорю И. С. Про один из погребов на джерсе и историю позднеантичного Херсонеса // Археология. - 1997. - № 2. - С. 123 - 128.
4. Надпись была обнаружена в 1995 г., однако только в 1998 г. она была включена в отчет о раскопках. См.: Антонова И. А., Сухонина С. Н., Сорокин С. Б. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1998 г. // Арих ИЗХТ. - 1998. - Дело № 3389/1. - С. 6.
5. Ср.: Sandys J. E. Latin Epigraphy. An Introduction to the Study of Latin Inscriptions. - Groningen, 1969. - p. 51; Соловьев Э. Н. Латинские надписи Херсонеса Таурского. - М., 1983. - С. 74 - 75. № 53, С. 82, № 68.
6. Капитон Ч. И. К вопросу о римлянах в сопице наследия Одессы I - III вв. н. э. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. - Л., 1968. - С. 196.
7. Moesig A., Fildmann R., Marton E., Szilagyi M. Nomenclator provinciarum Europae Latinarum et Galliae Cisalpinae cum indice inverso. - Budapestum, 1983. - p. 64.
8. Alföldy G. Pez... Э. И. Соловьев. Новые эпиграфические памятники Херсонеса Таурского // Гномон. - 1984. - № 56. - S. 785. Ср.: Соловьев Э. И. Лаптинские ... - С. 74 - 75. № 53; Цукерман К. Указ. соч. - С. 553 - 556.
9. Alföldy G. Op. cit. - S. 785. Ср.: CL, III, 14704.
10. Not. Dig. Or. XL. - 29 - 36: Artesci A. Armatia romana in Dobrogea. - Bucharest, 1977. - p. 37 - 41; Calicu V. Cu privire la legătură a lui Claudiu la Danube de Jos // Pontica. - 1978. - T. 11. - p. 114; Zahariade M. Moesia Secunda, Scythia si Notitia Dignitatum. - Bucharest, 1988. - p. 55 - 61.
11. Beneš J. Auxilia Romana in Moesia atque in Dacie. - Praha, 1978. - S. 31, a 81/44.
12. Так же. - S. 58. № 142/6.
13. Aricescu A. Op. cit. - p. 122 и сл.; 129. По мнению Т. Сарновского, рептиграфическое клеймо, на основании которого сделан это чтение, следует читать не как *Can(e)s D(icitur) ab natum*, а как *Can(d)idiata*.
14. Zosimus. 5, 45, 1.
15. Ср.: Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. - London, 1996. - p. 12.
16. Sandys J. E. Op. cit. - p. 306; Cohen H., Egert J.C., Cugnat R. Latin Epigraphy II. The Coin-inscriptions and Epigraphical Abbreviations of Imperial Rome. - Chicago, 1982. - p. XLVIII; Almar K.P. Inscriptiones Latine. Eine illustrierte Einführung in die lateinische Epigraphik. - Odense University Press, 1990. - S. 481.
17. Ср.: Christol M. La carrière de Trajanus Maximus et l'origine des protectores // Chiron. - 1977. - Bd. 7. - p. 400.
18. Ср.: Sixer S. Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian // Epigraphische Studien. - 1967. - J.-S. 55. p 101; S. 57. p 108.
19. Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. - Köln, Gruß, 1967. - S. 108; Bohec Y. Le. Die römische Armee. - Stuttgart, 1993. - S. 220; Smith R. E. Das praepositus // ZPE. - 1979. - Bd. 36. - p. 263 - 273; Southern R., Dixon K. R. Op. cit. - p. 60-61.
20. Vinogradov Ju. G., Zubary V. M. Die Schola Principium in Chersonesos // Il Mar Nero. - 1995/1996. - 2. - S. 130; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М. Schola principium в Херсонесе // НЭ. - 1999. - Т. XVI. - С. 73.
21. Ср.: Соловьев Э. И. Лаптинские ... - С. 36. № 8; С. 39. № 10; Soproni S. Militärinschriften aus dem 4 Jh. im Donaugebiet // AAH. - 1989. - 41. - S. 109-110.
22. CL, XI, 1836; Christol M. Op. cit. - p. 394 - 395; al.: Große R. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. - Berlin, 1920. - S. 13-14; Nyug T. Commanders of the Age of Gallienus // AAM. - 1965. - T. 17. - p. 298 - 299; Sixer S. Op. cit. - p. 121; Kolendof, Boziliva V. Inscriptions grecques et latines // AAH. - 1998. - 1. - S. 109-110.

- de Novae. (*Mesie Inferiore*) - Bordeaux, 1997. - p. 111 - 112, N 75; Demandt A. Geschichte der Spätantike. Das Römische Reich von Diocletian bis Justinian 284 - 565 n. Chr. - München, 1998. - S. 31.
23. Эпиграфические памятники с упоминанием пропектуса собрания: Frank R. J. Scholae Palatine. *The Palace Guards of the Later Roman Empire* // Papers and Monographs of the American Academy in Rome. - 1969. - Vol. 13. - p. 35-37.
24. Подр. см.: Domaszewski A. Op. cit. - S. 188 - 190; Dobson B. Einführung // Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. - Köln, Gras., 1967. - S. LVIIL - LIX; Dieser H. - J. Protector // RE. - 1968. - Suppl. XI. - col. 1113 - 1114; Frank R. J. Op. cit. - pp. 33 - 40; Bohé V. Le. Op. cit. - S. 42, 48, 226; Christol M. Op. cit. - p. 402 - 408; De Blois L. *The Policy of the Emperor Gallienus*. - Rome, 1976. - p. 85, 106; Southern P., Dixon K. R. Op. cit. - p. 14.
25. CIL. III. 3424; Saxer R. Op. cit. - S. 55, № 101; S. 57, 121.
26. Dieser H. - J. Op. cit. - S. 116; Frank R. J. Op. cit. - p. 40-41; 47-58; Southern P., Dixon K. R. Op. cit. - p. 14 - 15; Demandt A. Op. cit. - S. 37, 226.
27. Jones A. H. M. *The Later Roman Empire* 284 - 602. - Oxford, 1964. - Vol. 2. - p. 53 - 54.
28. Regibus L. *La Monarchia militare di Gallieno*. - Milan, 1939. - p. 108; Neumann A. *Vexillation* // RE. - 1958. - Bd. VIII. - N. 2. - Sp. 2442 - 2444; Parker H. M. D. *The Roman Legions*. - New-York, 1958. - p. 164; Grant M. *The Army of the Caesar*. - London, 1974. - p. 237.
29. Saxer S. Op. cit.; Webster G. *The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries* A.D. -London, 1969. - p. 80; Zahariade M. *Vexillation in Northern Dacia* // Dacia. - 1986. - T. 30. - p. 173 - 186.
30. Ростоцкий М. И. Новые латинские надписи из юга России // НАК. - 1909. - Вып. 33-37; Parker H. M. D. Op. cit. - p. 165.
31. Zahariade M. *Vexillation* ... - p. 176; Stephens G. R. *Several Vexillations at Ribchester* // Britannia. - 1987. - Vol. 18. - p. 240.
32. Зубарев В. М. Херсонес Таировский... - С. 44 - 78; Зубарев В. М. Сенаторы Помпея. - С. 88 - 141.
33. Saxer S. Op. cit. - S. 57-58.
34. Neumann A. Op. cit. - Sp. 2444 - 24448; Nischan E. C. *The army Reforms of Diocletian and Constantine and their modifications up to the time of Nitilia Dignitatum* // JRS. - 1923. - Vol. 13. - P. 1 - 2. - p. 13 - 17; Parker H. M. D. Op. cit. - p. 189; Jones A. H. M. *The Later Empire* 284 - 602. A Social, Economic and Administrative Survey. - Oxford, 1964. - Vol. II. - p. 607; Grant M. *The Climax of Rome. The Final Achievements of the Ancient World*. 161 - 337 A. D. - Boston, Toronto, 1968. - p. 40 - 41; Frank R. J. Op. cit. - p. 55; Grant M. *The Army of the Caesars*. - p. 277 - 280; Southern P., Dixon K. R. Op. cit. - p. 13 - 14; Demandt A. Op. cit. - S. 225.
35. Southern P., Dixon K. R. Op. cit. - p. 15.
36. Ростоцкий М. И. Новые латинские надписи из Херсонеса // НАК. - 1907. - Вып. 23. - С. 13; IOSPE, F. № 656.
37. Соломоник Э. И. Латинские ... - С. 27 - 28, № 2; Цукерман К. Указ. соч. - С. 553 - 554.
38. Велков В., Александров Г. Монтина И.-Монтана, 1994.- С. 17, № 32; С. 21, № 42; С. 28-29, № 57; С. 47. № 114. Kolendo J., Boholiuk V. Op. cit. - p. 111 - 112, N 75.
40. Manzella I. S. *Avidius mare nantis. Un naufrago nel porto di Odessa e altre iscrizioni* // Mélanges de l'École française de Rome - Antiquité. - 1999. - Т. 3. - I. - p. 79 - 96; Soproni S. *Die letzten Jahrzehnte des pannonischen Limes*. - München, 1985. - S. 111 - 112.
41. Cpl. CIL. III. 3424.
42. Цукерман К. Указ. соч. - С. 553 - 554.
43. Шансин М. А. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДН. - 1938. - № 3. - С. 79 - 90, № 9; Соломоник Э. И. Латинские ... - С. 74 - 75, № 53; Alföldy G. Op. cit. - S. 785; Sawrowski T. Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na południowym skraju Morza Czarnego. - Warszawa, 1988. - s. 164, прим. 17; Зубарев В. М. Херсонес Таировский... - С. 130 - 132; Цукерман К. Указ. соч. С. 554 - 556.
44. Аналогичное написание букв I. Использую еще по одному небольшому фрагменту латинской надписи из Херсонеса, который в предположительном плане Э. И. Соломоник считала возможным считать частью рассмотренного памятника. См.: Соломоник Э. И. Латинские ... - С. 83, № 68.
45. Alföldy G. Op. cit. - S. 785; Ср.: Цукерман К. Указ. соч. - С. 556.
46. Alföldy G. Op. cit. - S. 785.
47. Шансин М. А. Некоторые надписи... - С. 79 - 80; Соломоник Э. И. Латинские ... - С. 75.
48. Цукерман К. Указ. соч. - С. 555.
49. Ростоцкий М. И. Новые латинские надписи из Херсонеса // НАК. - 1907. - Вып. 23. - С. 19, № 4; IOSPE, № 572; Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. - Киев, 1973. - С 232 - 234, № 190.
50. Соломоник Э. И. Латинские ... - С. 41, 42, № 12.
51. Alföldy G. Op. cit. - S. 785.
52. Зубарев В. М. Нові свідоцтва про римські війська в Херсонесі Таїрійському // Археологія. - 1993 а. - № 4. - С. 133 - 137.
53. Цукерман К. Указ. соч. - С. 556 - 557.
54. Там же. - С. 557.
55. Подр. см.: Зубарев В. М. Херсонес Таировский... - С. 44 - 60, 126 - 133; Зубарев В. М., Сарновский Т., Сапєла О. Я. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таїрійського // Археологія. - 1997. - № 4. - С. 80 - 88; Зубарев В. М., Сарновский Т., Сапєла О. Я. Нові епиграфіческі памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таировского // ВДН. - 1999. - № 2. - С. 214-217.
56. Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Op. cit. - S. 129 - 143; Vinogradov Ju. G., Зубарев В. М., Антонова Н. А. Указ. соч. - С. 72-81.

57. Зубарь В. М. Херсонес Таврический... - С. 132 - 134; ср.: Цукерман К. Указ. соч. - С. 558.
58. Антонова И. А. Административные здания херсонесской археологии и фемы Херсона // ХСБ. - 1997. - № 8. - С. 8 - 9; Антонова И. А. 15 лет работы в ципаделе Херсона // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Тезисы докладов. - Сочицкое, 1997. - С. 19 - 24.
59. Подр. см.: Nadel B. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Byzantine Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered // Dialogues d'Histoire antique. - 1977. - 3. - р. 87 и сл.; Сапрыкин С. Ю. Асандр и Херсонес (о достоверности легенды о Пикии) // СА. - 1987. - № 1. - С. 48 - 57; Зубарь В. М. Из истории Херсонаса Таврического на рубеже н. э. // ВДИ. - 1987. - № 2. - С. 120 - 123; Зубарь В. М. Херсонес Таврический... - С. 133 - 136; Зубарь В. М. Северный Понтий... - С. 153; Руслан А. С. Религиозный аспект исторической новеллы о Пикии Константина Багрянородного // МОСФЕОН. Профессору А. И. Защепцу к дню семидесятилетия. - СИБ. - 1997. - С. 281 - 290; Руслан А., Руслан М. Верховная богиня античной Таврики. - Киев. - 1999. - С. 106 - 111; Юрочкин В.Ю. Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологических реалий // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. - Запорожье, 1999. - С. 279 - 280; Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. - Курск. - 1999. - С. 171 - 176.
60. См.: Фролова Н. А. Монеты Феодора (285 - 308 гг.): // СА. - 1984. - № 2. - С. 46 - 52; Фролова Н. А. Вторжение варварских племен в города северного Причерноморья по numismatickим данным // СА. - 1989. - № 4. - С. 199; Фролова Н. А. Монетное дело Боспора. - М., 1997. - Ч. 2. - 85 - 95; Цукерман К. Указ. соч. - С. 545 - 560; Айбабин А. И. Этническая история раннескифского Крыма. - Симферополь. 1999. - С. 47 - 48.
61. Река Кызыл-Измек на територии современной Таврии.
62. Const. Porph. De aduersis imp., 53.
63. Зубарь В. М. Северный Понтий... - С. 154.
64. Подр. см.: Там же.
65. Харитон Я. К истории Херсонаса Таврического в Боспоре // Античное общество. - М., 1967. - С. 205, 207 - 208; Анохин В. А. История... - С. 176.
66. Подр. см.: Зубарь В. М. Северный Понтий... - С. 155 - 156. Ср. Юрочкин В. Ю. Указ. соч. - С. 280.
67. Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. - London, 1982. - р. 255, tabl. 5; Kienast D. Römische Kaiserthabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. - Darmstadt, 1990. - S. 277.
68. Зубарь В. М. Северный Понтий... - С. 154 - 155. Ср. Юрочкин В. Ю. Указ. соч. - С. 280.
69. Jones A. H. M. Op. cit. - р. 53 - 54; Southern P., Dixon K. R. Op. cit. - р. 14 - 15.
70. Подр. см.: Jones Op. cit. - р. 602; Hoffmann D. Das spätromische Beziehungsnetz und Notitia Dignitatum. - Düsseldorf. 1969. - S. 405 - 407; Demouges E. La Notitia Dignitatum et l'histoire de l'Empire d'Occident au début du V-e siècle // Latomus. - 1975. - T. 34. - Fasc. 4. - ф. 1131; Luttwak Ed. N. The Grand Strategy of the Roman Empire. From the First Century A. D. to the Third. - Baltimore, London, 1976. - ф. 188; Гущанин Е. П. Город и армия позднеантичной эпохи в советской историографии // Город и государство в древних обществах. - № 1. - 1982. - С. 91; Demandt A. Op. cit. - S. 225.
71. Ср.: Цукерман К. Указ. соч. - С. 558; Айбабин А. И. Указ. соч. - С. 53 - 54.
72. Вайнес N. N. Three Notes on the Reforms of Diocletian and Constantine // JRS. - 1925. Vol. 15. -Part 2. - р. 201 - 204; Luttwak Ed. N. Op. cit. - р. 179 - 188.
73. Grant M. The Climax of Rome. - р. 21 - 35; Luttwak Ed. N. Op. cit.-p.132; Southern P., Dixon K. R. Op. cit. - р. 9 - 20.
74. В контексте предложенной интерпретации рассмотренной группы эпиграфических памятников можно более уверенно говорить, что надписи с упоминанием протектора *[pro]tra militari[m]* следуют переводить не как "военные сооружения" (POSPEF, № 656; Соломоник Э. И. Латинские ... - С. 27 - 28, № 2; Айбабин А. И. Указ. соч. - С.51), а как "военные здания", после победоносного завершения которых она и была воздвигнута (Зубарь В. М. Херсонес Таврический... - С. 138).

МОНЕТЫ ИЗ АНТИЧНОГО СВЯТИЛИЩА ОКОЛО Г. САКИ

В 1974 г. на песчаной пересыпи между Черным морем и Сакским соленым озером (около г. Саки) было обнаружено значительное скопление фрагментов античной посуды. В 1977 г. археологический памятник был поставлен на государственный учет¹. В феврале 1986 г. Сакская пересыпь была частично распахана для посадки деревьев. На взрыхленной поверхности оказались вещи античного времени, привлекшие внимание сначала школьников г. Саки, а затем и крымских коллекционеров. Среди разнообразных находок были и монеты. Офицер милиции А.И.Раздольский изъял у школьников и из частных собраний античные монеты и тем самым сохранил для науки нумизматическую коллекцию с Сакской пересыпью.

После проведения в 1986 - 1987 гг. Западно-Крымской экспедицией Института археологии АН УССР на пересыпи охранные раскопки были ясно, что здесь некогда находилось святилище². В археологический комплекс памятника входят: образцы мраморной и известняковой облицовки скульптуры, потинные рельефы и плинкты с древнегреческими надписями; серебряные и медные монеты разных античных центров, фрагменты терракотовых статуэток; граффити; обломки тарной, столовой и кухонной гончарной, лепной и стеклянной посуды; светильники. Предлагаемая работа посвящена публикации монетных находок.

Нумизматический материал с пересыпи представлен 74 монетами (одна серебряная, остальные - медные) различной сохранности, 68 из которых поддаются определению³. Только девять были найдены непосредственно при археологическом исследовании (прил. I, №№ 13, 24, 42, 44, 48, 59, 60, 73, 74). Большая часть монет из Сак с помощью краеведа С.О.Матвеева была изъята у коллекционеров, описана и сфотографирована. Пять экземпляров, вес которых остался мне неизвестен, изучены по гипсовым слепкам, переданным в 1998 г. евпаторийскими коллекционерами (№№ 23, 26, 29, 33, 34).

Монеты принадлежат 8 центрам: Херсонес - 46 экземпляров; Пантикеи - 12, из них 6 - городской чеканки (одна Кесарии) и 6 - царской; Фанагория (Агриния) - 2; Горгиппия (?) - 1; Амис - 3; Рим - 2 (серебро и медь); Томы - 1; Керкинидица - 1.

Наиболее ранней является керкинидическая монета типа "Скиф - конь" (№ 1) (300 - 290 гг. до н.э.). Ко второму веку до н.э. относятся только три монеты: херсонесская (№ 2) типа "Гермес в пегасе - рог изобилия" 140 - 130 гг. до н.э. (по В.А.Анохину) и амисские (№№ 63, 64) типа "Арес - меч", датирующиеся монеты Горгиппии (№ 48) типа "Дионис - треножник" (90 - 80 гг., по Анохину) и Амиса (№ 65) типа "Персеид - Негас" (80 - 70 гг.). Во времена около 70 - 63 гг. (по Анохину) относится херсонесская монета типа "Дева - орел и З/4" (№ 3), имеющая на реверсе обычную для города монограмму с сокращением имени Девы (Партены), но очень редкой формы⁴. Обол со стертым изображением (№ 57), скорее всего времени архонтства Асиандра, содержит двустороннюю надчеканку "восьмилучевая звезда", представленную после принятия диктатором титула царя Боспора, т.е., не ранее середины сороковых годов до н.э.⁵. С этого времени и почти до конца II в. н.э. монеты представлены, по существу, без явных хронологических разрывов.

Однако, следует отметить, что в коллекции отсутствуют монеты целого ряда серий и выпусков Херсонеса конца II - первой половины I вв. до н.э. (МДХ, XII-XIII, 188-196). Возможно, наряду с утратой части материала из-за ограбления памятника, это связано еще и с тем, что для местных монет этого времени характерно то, что "херсонесский чекан был менее интенсивным, чем когдалибо"⁶. В 80 - 70 гг. I в. до н.э. Херсонес и Боспор, возможно, были вообще лишены права собственной чеканки⁷. Что касается иногородней боспорской монеты первой половины I в.до н.э. то в самом Херсонесе известны всего 23 экземпляра⁸, принадлежащих городам Пантикеи, Горгиппии, Фанагории и царской чеканке.

Начиная со второй половины I в. до н.э., хронологический состав монет с Сакской пересыпью следующий. Херсонес (по Анохину) - около 44 - 17 гг. - 1 ; конец I в. до н.э. - начало I в. н.э. - 2 (одного типа); первая четверть I в. - 1; вторая четверть I в. - 13 (двух типов: "Херсонес с кадуцем - венок" - 6 и "Херсонес в венке - венок" - 7); около 51 г. - 2 (одного типа); около 53 г. - 2 (одного типа); около 54 г. - 3 (одного типа); около 63 - 68 гг. - 3 (2 разных штемпеля для о.с.); около 69

- 79 гг. - 2 (одного типа); около 82 г. - 2 (разные штемпели для о.с.); около 96 г. и позже - 1; около 138- 161 гг. - 3 (два разных типа, все штемпели разные)¹⁶; около 161 - 180 гг. - 5 (одного типа, различных штемпелей); около 180 - 192 гг. - 2 (различные штемпели для о.с.); около 221 - 222 гг. - 1; около 253 - 268 гг. - 1. Боспор: Гортиния (по Анохину) - около 90 - 80 гг. - 1; Пантикеап (по Анохину) не ранее середины сороковых гг. до н.э. - 1; около 37 - 27 гг. до н.э. - 5 (однотипных); Кесария, по Фроловой) 18 - 12 гг. н.э. - 1; конец второго десятилетия до н.э. - рубеж н.э. - 1; около 50 - 54 гг. н.э. - 1; около 63 - 68 гг. - 1; около 86 - 92 гг. - 2 (разных типов); Агриния (по Фроловой) - 18 - 12 гг. до н.э. - 2 (разные штемпели для о.с.). Рим - 119 - 122 гг. н.э. - 1 (серебряный денарий Адриана, третьего консульства); 138 - 141 гг. - 1 (медный сестерций Faustinae Старшей). Томы (по Нику, Реглину) - конец I - первая треть II вв. н.э., до Антонина Пия (138 - 161 гг.) - 1.

Хрония сохранности херсонесской меди позволила уточнить детали изображения на двух типах монет. Так, на легковесных монетах старшего номинала второй четверти I в. н.э. типа "Безбородая мужская голова в венке" на аверсе и "Лицервийский венок" на реверсе¹⁷ (на пересмыси найдено шесть экземпляров (№№ 8-13)), справа от головы на л.с. расположен кадуцей, а не змея, как считалось прежде¹⁸. В.А.Анохин согласился с доказательствами А.В.Орешникова о том, что на аверсе монет этого типа мужские изображения, сопровождающиеся змей, следует считать божеством городской общины - Херсонесом¹⁹. Однако, А.В.Орешников после критики Э.Минза, установившего женскую природу Херсонеса, впоследствии сам отказался от первоначальных представлений²⁰. Б.В.Кене определил отмеченное изображение как голову Домитиана²¹, но разнообразными профилями лица, в большинстве, не имеют каких-либо портретных черт. Они, скорее всего, являются обобщенными, аллегорическими, присущими не реальным персонам, а богу или герою. В этой связи А.В.Орешников, по другой гипотезе, отнес их к одному из государственных героев²², упомянутых совокупно безымянными в Херсонесской присыре (IOSPE, F, 401). Аргументом в пользу отождествления изображения с херсонесским героем-имяреком явилось наличие рядом с ним змей, якобы наиболее распространенным атрибутом любого античного героя и полубога²³. Однако, на всех приведенных в качестве аналогий монетах, запечатлевших местных героев вместе с их именами, по замечанию самого исследователя, змей нет. Безбородая голова, обычно связываемая с божеством Херсонеса, располагается иногда отдельно без дополнительных изображений, а также со звездой, со змей, со звездой и змей, с лирой, с лирой и петвой. Профили лица значительно отличаются друг от друга, что вряд ли можно во всех случаях объяснить лишь развитием типологии монет²⁴. Вопрос о принадлежности безбородых мужских лиц на монетах Херсонеса рубежа эр - середины III в. н.э. остается открытым. А.Л.Бертье-Делагард и М.И.Ростовцев считали их, соответственно, при наличии змей (Пифона) и лиры изображением Аполлона. С последним согласился и А.В.Орешников, в итоге настаивавший на отождествлении с божеством Херсонеса только лишь женских изображений с лирой²⁵, что тоже небесспорно. Так, В.А.Анохин определил одно из таких изображений, сосуществующее с указанным струнным инструментом, как бюст Александра Севера (МДХ, XX, 290) (см.прил. 1, № 46). Выявленный на монетах с Сакской пересмыси кадуцей обычно является атрибутом Гермеса. Если считать голову на штемпеле со змей Аполлоном, то это можно распространить как на монеты со змей и звездой, так и только со звездой, поскольку эти добавочные изображения встречаются вместе.

На монетах 78 г. херсонесской эры (54 г. н.э.) типа "Голова Херсонеса (?)" на аверсе, "Ника в рост" на реверсе, на л.с. справа за годом но, над змейей расположена звезда (№№ 25-27), которая раньше не фиксировалась²⁶. Еще одну аналогичную монету я видел в одной из частных коллекций в Европе. В свое время В.А.Анохин обратил внимание на сходство последних датированных монет времени правления Клавдия с двумя недатированными выпусками, которые он, в первую очередь на этом основании, отнес ко времени правления Нерона²⁷. Наши наблюдение позволяет говорить о сходстве этих монет в деталях (см.прил. 1, 28-30), что добавляет уверенности к выводам исследователя.

В коллекции херсонесской меди из Сакской пересмыси есть две достаточно редкие и малоизученные крупные однотипные монеты различных штемпелей "Бюст Девы - бородатая голова" (№№ 31 - 32)²⁸. Они обычно датируются, предположительно, временем Веспасиана (69 - 79 г. н.э.). Одна из монет (№ 31) с сохранившейся надписью, очевидно, не очень долго находилась в обращении и была покрещована в святилище в период, близкий указанному хронологическому ди-

апазону. Другая (№ 32), самая тяжеловесная из всех известных ранее (23,15 г), содержит жетон на лицевой стороне надчеканку "Дева", относимую исследователями к времени правления в Риме Адриана (117-138). Удивляет большая разница в весе монет в рамках одного типа, при наличии одинакового знака ценности, соответствующего 4 единицам и свидетельствующего о единстве номинала, по-видимому, достоинства в тетраспари. Несмотря на сильную стертьность большинства экземпляров и неизбежную потерю веса при их очистке, она варьирует от 6,79 г.²⁷ до 23,15 г. Приводят средние значения весов (на тот момент 13,56 г) В.А.Юхин отметил их существенное отставание (вдвое) от сестерций - номинального римского эквивалента тетраспарии²⁸. Максимальная же величина почти не отличается от нормы. Возможно, при чеканке ранних монет данного типа придерживались римской нормы, а затем по каким-то причинам произошло падение веса этого номинала. Постоянное уменьшение веса херсонесских тетраспариев наблюдается вплоть до конца античной чеканки и, обычно, объясняется повышением товарных цен на медь²⁹.

Из приведенного выше общего перечия следует, что монеты, начиная с 40-х гг. I в. до н.э. почти до конца II в. н.э., представлены без явных хронологических перерывов, показав, за исключением одного - в первой трети II в. н.э. На памятнике не найдено денег этого времени (см. прил.). Монеты же Рима (№№ 67, 68), 119-122 и 138-144 гг., и Том (№ 66), первой трети II в., отличающиеся хорошей сохранностью, очевидно, попали в святилище сразу после появления римлян в Крыму в 40-х гг. II в. н.э.. Однако, зафиксированный хронологический перерыв, по-видимому, не связан с конкретной исторической судьбой археологического памятника, а отражает общие тенденции развития монетного дела в Херсонесе и на Боспоре, которые (естественно, не без участия Рима) сократили в конце II в. н.э., а затем и прервали при Адриане (117-138 гг.) мелкую чеканку. Потребность внутреннего херсонесского рынка в разменной монете удовлетворялась за счет длительного использования в обороте старой монеты эпохи Флавиев с надчеканкой "Дева"³⁰. Такой экземпляр (№ 32) найден и на Сакской пересыпи. Он, вместе с наиболее поздними в коллекции боспорскими монетами (№№ 61, 62), одна из которых также имеет, к сожалению, неясную надчеканку (№ 61), свидетельствует о непрерывности функционирования святилища.

В целом, хронологическое распределение монет по пятидесятилетиям выглядит следующим образом: начало III в. до н.э. - 1 экз. (Керкинитида); III - первая половина II вв. до н.э. - находки отсутствуют; конец II в. до н.э. - 3 (Херсонес - 1, Амис - 2); первая половина I в. до н.э. - 3 (?) [Амис, Горгиппия (?), Херсонес - 1]; вторая половина I в. до н.э. - 13 [Херсонес - 3 (2 из них конец I в. до н.э. - начало II в. н.э.), Боспор - 10]; первая половина I в. н.э. - 14 монет (Херсонес); вторая половина I в. н.э. - 19 [Херсонес - 15, Боспор - 4 (№ 62 ?)]; первая половина II в. н.э. - 6 (Херсонес - 3, Рим - 2, Томы - 1); вторая половина II в. н.э. - 7 (Херсонес); первая половина III в. н.э. - 2 (Херсонес).

Следует обратить внимание на то, что все боспорские монеты (может быть, кроме № 62) длительное время были в обращении. Скорее всего, они попали в сакское святилище через Херсонес. Коллекция нумизматических находок I в. до н.э. - II в. н.э. с пересыпи отражает состав синхронного денежного обращения Херсонеса³¹. К первой половине - середине III в. н.э. из Сакской пересыпи принадлежат два экземпляра херсонесской меди (№№ 46-47), хронологически отстоящие (по Аюхину) - как друг от друга, так и от монет конца II в. н.э. - на периоды протяженностью около трех десятилетий.

При сопоставлении хронологии различных категорий относительно хорошо датируемых археологических источников, таких как: узкогранные светлоглиняные амфоры, краснолаковые светильники, терракотовая пластике, вотивные рельефы дунайского типа и шрифты лапидарных надписей, - установлено, что перерывов в существовании святилища в конце II - первой половине III в. н.э. не наблюдается. Монеты отсюда, вероятно, надо воспринимать в качестве приношений. Такой же характер носили астрагалы, светильники и другие сосуды. Последние могли использоваться как в священном действии, так и быть принесенными сюда в качестве обычной бытовой посуды, необходимой даже для кратковременного посещения священного места.

Судя по совокупности археологического материала, святилище возникает на пересыпи в конце II в. до н.э. Такой начальной дате не противоречит обнаружение монеты Керкинитиды начала III в. до н.э. Она, безусловно, попала сюда случайно, так как, во-первых, в непосредственной близости находился памятник соответствующего времени³², а во-вторых, вообще район около Сакского

озера в эллинистическое время был достаточно плотно заселен херсонесскими колонистами. Так, к северу от характеризуемого объекта находится¹ на расстоянии 800 м - поселение Саки I², трех км - Кара-Тобе³. К югу от него расположены: в 1,5 км Ново-Федоровка⁴, в 4,5 км - Кизил-Яр⁵.

Не противоречит предполагаемой дате основания и херсонесская монета типа "голова Гермеса - рог изобилия", датируемая В.А. Анохиным 140-130 гг. (МДХ, XI, №№ 173-175), т.е. вроде бы относящаяся ко времени, когда пункта на пересыпи еще не существовало (прил. I, 2). Однако, во-первых, появление monet в комплексе в ряде случаев запаздывает⁶, поскольку они после начала эмиссии некоторое время могут находиться в обращении; во-вторых, установление последовательности заключительных серий автономной херсонесской чеканки не исключает уточнений и перестановок⁷, поэтому тип "Гермес - рог" мог появиться, скорее всего, несколько позднее.

Для этих monet отсутствует устоявшаяся датировка. Так, Е.Я. Туровский, предпринявший генеральную ревизию предложенной В.А. Анохиным хронологии автономной чеканки Херсонеса, отнес этот тип (при наличии на реверсе имени магистрата) к концу III - началу II в. до н.э. Мелкую же лигатурную монету он поместил в первую половину II в. до н.э.⁸ При этом он оставил без внимания вопрос о возможности их объединения в одну серию⁹. Вместе с тем, автор отмечает большое сходство изображений с монетами Боспора и Южного Понта II в. до н.э., не ссылаясь на К.В. Голенко, отнесшего, на его взгляд, бесспорные пантакийские образцы к последней четверти этого столетия (120-110 гг.).¹⁰ Следовательно, имеющиеся типологические параллели херсонесский чекан мог появиться несколько позже начальной даты их эмиссии. Предпосылки же появление виянеуказанный датировкой Е.Я. Туровского вызваны поисками сюжетных аналогий для ряда свинцовых monet, ранее датируемых I в. до н.э.¹¹, в середине III - начале II вв. до н.э., а также его стремлением отыскать им место в конструкции собственной хронологической классификации монетного дела эллинистического Херсонеса¹². Что касается экземпляра из Сак, несмотря на то, что он относится несомнению к более крупному номиналу возможной серии и содержит имя магистрата¹³, рог на его реверсе аналогичен изображению ранее известному только на мелкой антаграфной монете. Этот факт позволяет синхронизировать оба типа и более уверенно объединить в одну серию. Аргументом в пользу ее появления около середины последней четверти II в. до н.э. выступает весь комплекс numизматических находок с Сакской пересыпью, наиболее ранние из которых относятся к последнему десятилетию II в. до н.э.

Исходя из политической обстановки в Крыму рассматриваемого времени, начало функционирования святилища может быть связано только со восстановлением херсонесских владений в Северо-Западном Крыму в результате победы Диониса над скіфами, в ходе приморского похода второй кампании. Представляется возможным считать, что это событие произошло в 112 или 109 гг. до н.э. - в зависимости от того, следовать ли хронологии Дионисовых войн, предложенной Т.Рейнджером или Э.Д.Майером и Б.Ниже¹⁴. Именно этим временем датируются две monetы Амиса (№№ 63, 64). Появление ранних поитийских monet в Херсонесе обычно объясняют тем, что они были занесены солдатами войска Митридата VI Евпатора¹⁵.

О том, что место расположения памятника находилось на пути маршрута передвижения Дионисова войска, свидетельствуют обнаруженные в трех километрах отсюда, на городище Кара-Тобе, слой пожара конца II вв. до н.э. и фрагмент известняковой стелы этого же времени с остатками 5 строк надписи, в которой сказано о трофеях, посвященных главной богине Херсонеса Деве в честь победы, одержанной неким Аристоником, находившимся якобы под началом Диониса¹⁶.

Его издатели, Ю.Г. Виноградов и С.Ю. Внуkov, отнесли этот победный памятник к первому этапу похода Диониса в Северо-Западный Крым (вторая кампания), когда отряд полководца вместе с херсонесским ополчением овладел Керкинитидой, укрепленными пунктами и осадил Калос Лимен (IOSPE, F, 352). В связи с находкой и с тем, что на Кара-Тобе в конце II в. до н.э. появляются в греческой строительной технике крупная крепостная постройка, вероятно, захваченная скіфами около середины I в. до н.э.¹⁷, С.Ю. Внуков поддержал гипотезу Д.С. Раевского о локализации здесь древнего Евпатории¹⁸, основанного Дионисом на начальном этапе военных действий против варваров в землях "окрестных" (по отношению к Херсонесу - С.Л.) тавров" (IOSPE, F, 352, стк. 10; Strabo, VII, 4,7; Ptol, VI,2). Если считать за основу специальным образом прочтенного знаменитого декрета в честь поитийского полководца (IOSPE, I², 352), что город был основан в ходе военно-морской десантной операции, некоторые дополнительные основания для подобной локализа-

ции дает обнаружение на Кара-Тобе в 1999 г. обломка известняковой плиты с надписью II в. до н.э., в которой упоминается некий инкипер⁴⁷.

С.Ю.Сапринкин считает (как первоначально и оба издателя трафея), что вышеупомянутая плита связана не с первым периодом войны, а со вторым⁴⁸. Такого же мнения придерживаюсь и я, поскольку не могу согласиться, как и большинство исследователей, с локализацией театра военных действий первой кампании Диофанта и основанного им города Евпаториона в Северо-Западном Крыму, почему нет достаточно надежной опоры в источниках⁴⁹.

Однако, как представляется, битва, произошедшая рядом с Кара-Тобе, связана не с первым периодом второго похода, а с последующим, когда, по свидетельствам Страбона и диофантина декрета, благодаря пророчеству и чудесному содействию херсонесской покровительницы богини Девы, понтийскому войску удалось одержать победу над противником, значительно превосходившим по численности. В ознаменование этого события, вероятно, и был установлен победный памятник в честь Девы, в котором отмечен отличившийся в бою Аристоник.

Повод для основания Сакского святилища, просуществовавшего около трех с половиной веков, должен был быть весьма значительным. Очевидно, его возникновение связано с победой, конечно же отраженной в фрагменте эпиграфического документа с Кара-Тобе. Не исключено, что выбор места для расположения святилища на пересыпи был обусловлен конкретной территорией проведения сражения, о котором известно - "когда Диофант сделал разумную диспозицию, воспользовалась ею царя Митридата Евпатора победа славия и достопамятна на все времена; ибо из пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули немногие" (IOSPE, F, 352). Страбон также отмечает сокрушительный разгром варваров (VII, 3, 17). Такого эффекта шестистолетний отряд понтийских гоплитов мог добиться, перегородив с двух сторон водораздел между морем и Сакским озером, в момент передвижения по проходящей здесь дороге пятидесятитысячного роксоланского войска, под предводительством Тасии, приншедшего на помощь скитам, возглавляемым Палаком. Что касается реальной численности участников сражения, то она могла быть иной⁵⁰.

В непрерывном существовании пункта на Сакской пересыпи необходимо выделить два этапа. Первый (112 (109) г. до н.э. - середина II в. н.э.) отличается от второго, главным образом, отсутствием посвящений. Только три фрагмента, вероятно, относятся к первой половине II в. н.э. Характерной чертой второго этапа (середина II - середина III вв. н.э.) является наличие вотивных мраморных плиток с фракийскими рельефами и посвятительных надписей на них. Отсутствие ювелирных концов II в. до н.э. - I в. н.э. заставляет обратиться к вопросу о функциях раннего памятника.

Бесспорными представляются его херсонесской принадлежность и общественный характер, о чем свидетельствует керамический и нумизматический комплексы, а также нетрадиционная (неагарная) функция, поскольку он находится на морском засоленном песке, непригодном для сельского хозяйства.

Косвенным аргументом в пользу раннего культового характера объекта служат находки монет. Ко II в. до н.э. - I в. н.э. относится 52 (62?) из 68 поддающихся определению экземпляров (см. прил. I). Такое большое количество монет на античных поселениях Западного Крыма встречается чрезвычайно редко, да и то в более раннее время (IV - III вв. до н.э.) и, в основном, в качестве кладов.

Для интерпретации первого этапа существования памятника как культового херсонесского, общественный интерес приобретает находка фрагмента подвенечной части коричневоглиняного кувшина, с четко прочерченным в центре обломка графити ГГ (rho, gamma). Достаточно плотно расположенные буквы имеют узкую удлиненную форму. Надпись могла быть нанесена как на целом сосуде, так и на обломке. Обращает на себя внимание редкое сочетание согласных, не имеющее аналогий в просмотренных мной опубликованных керамических надписях Северного Причерноморья. Существует единственная возможность определения смысла надписи как цифровой метки - 103. Я склонен видеть в этом обозначении 103-й год херсонесской эры, т.е. 79 г. н.э., а нанесение года на сосуд или черепок объяснять стремлением дедиканта, херсонесца по происхождению, зафиксировать процаррапанной надписью время посещения святилища. Для этой цели вполне могла быть использована и датированная монета. Однако, обращение к памятникам нумизматики показывает, что Херсонес в это время не имел права собственной чеканки, возвращенное ему лишь на второй год правления императора Тита, то есть - в 104 г. херсонесской эры⁵¹.

Время существования сакского святилища приходится на период непрерывного и безраздель-

ного господства в регионе поздних скифов. Сначала неприкословимость кульового места могла гарантироваться, возможно, присутствием контингента pontийских войск, введенного на террито-рию Херсонесского государства в конце II в. до н.э. (Iustin, XXXVIII, 3)⁵². Именно тогда на расположенной поблизости городище Кара-Тобе возводится мощное фортификационное сооружение, в котором, по мнению его исследователя, размещались pontийские или (и) херсонесские военнослу-жие⁵³. После их ухода и возвращения сюда скифов в конце первой половины I в. до н.э.⁵⁴, покро-вительство Сакскому святилищу (исходя из политической обстановки 60 - 40 гг. I в. до н.э.) мог оказать Боспор, в правлении Фарнакса, частично Асацира, Диадими и Полемона I распространяв-ший власть на Херсонес. Об этом моменте херсонесской истории свидетельствуют нарративные и эпиграфические источники (Strabo, VII, 4, 3; IOSPE, F, 354,419, 704), а также numизматические наблюдения⁵⁵. Не исключено, что заботой власти было обеспечение безопасности как Херсонеса, так и его святилища от посетителей варваров. В подтверждение следует отметить, что 10 из 15 боспорских монет в numизматической коллекции из Сакской пересыпи относятся как раз ко втор-ой половине I в. до н.э.

И все же, объяснять длительное существование греческого святилища на варварской террито-рии можно, лишь осторожно предположив наличие некой (может быть "неписанной") договорен-ности Херсонеса со скифами (чего вроде амфиктионии) или негласной традиции, препятствующей разрушению мест отправления культа. В этой связи представляется также значимым определение сходства греческого и скифского пантеонов и высокая степень эллинизации поздних скифов.

Только предположив такую договоренность, возможно объяснить традицию существования в скифских землях не только комплекса на Сакской пересыпи, но и святилища II в. до н.э., открытого в урочище Джалтуль на Тарханкутском полуострове⁵⁶. В обоих святилищах Западного Крыма присутствуют элементы позднескифского керамического комплекса (в сакском - очень незначи-тельный). Кроме того, на пересыпи обнаружена херсонесская монета (№ 42) типа "Дева-бык" 161 - 180 гг. [МДХ, XVIII, № № 19], употреблявшаяся в качестве амулета, поскольку в ней от реверса кaversу пробита конусовидное отверстие. Указанный монета и некоторые керамические находки, вероятно, свидетельствуют о варварской принадлежности отдельных посетителей античных святы-линиц в Западном Крыму⁵⁷. Не исключено, что эти места почитались как херсонесскими греками, так и соседними варварами. В Сакском же святилище во II - III вв. н.э. культ отправлялся не только римскими военнослужащими, но, возможно, эпидемическим и варварами.

Возникшее в конце II в. до н.э. святилище на Сакской пересыпи, судя по находкам, в конце перв-ой половины II в. н.э. достигло расцвета, который продолжался до середины третьего столетия.

Появление контингентов Дунайской армии в Херсонесе и рядом с ним относится ко времени правления Антонина Пия (138-161 гг.), точнее - к сороковым годам II в. н.э.⁵⁸. Как раз этим временем датируются найденные на Сакской пересыпи витковые эпиграфические рельефы и надписи на плитках из белого, так называемого дунайского, мрамора. Кроме того, здесь обнаружены денарий Адриана и сестерций Фаустини Старшей (прил. 1, № № 67, 68). По мнению П.О.Карышков-ского, наличие римских monet в определенных случаях может свидетельствовать о присутствии римлян⁵⁹. Обнаружение на Сакской пересыпи рельефов фракийского типа, римских monet и ла-тинского посвящения Юпитеру Лучшему Величайшему (главному богу римской армии) свидетель-ствует о возможном расположении здесь, помимо святилища, пункта дислокации, вероятно, не-большого праздноления римских войск, хотя археологически этого пока установить не удалось. Вообще следы римских лагерей (в тех случаях, если они не были обнесены валами) обнаружить очень трудно⁶⁰.

Прекращение существования пункта на Сакской пересыпи, непрерывно функционировавше-го три с половиной века, относится, судя по датировке В.А.Анохина наиболее поздней херсонес-кой монеты (№ 47), к 50 - 60 годам III в. н.э., и в общем совпадает со временем вывода римских войск из Таврики и эпохой "варварских" походов. Все другие поселения Северо-Западного и Юго-Западного Крыма, не связанные с присутствием римлян, погибли либо значительно раньше, ли-бо существуют и в более позднее время. В свою очередь, это единственно возможное объяснение обстоятельств оставления святилища, подтверждающее вывод В.А.Анохина о датировке заключи-тельной серии чеканки античного Херсонеса серединой III в. н.э.⁶¹.

Примечания

1. Архив КРКМ, инвекс I.2.2424-2-12.12; Государственный реестр недвижимых памятников истории и культуры Республики Крым (по состоянию на 01.01.95 г.). Памятники архитектуры и археологии. - Симферополь, 1995. - Кн 2. - Т. II. - С. 301. - № 2884. 2424.
2. Кумайсон В.А., Ланцов С.Б. Работы Западнокрымской экспедиции // АО 1986 г. - М., 1988. - С. 301 - 302; Ланцов С.Б. Отдельные вопросы истории херсонесской хоры (по данным западнокрымской эпиграфики) // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. конф. - К., 1987. - С. 94; Он же. Позднескифическое сокровище из Сакской персепти // ПАК. Тез. докл. конф. - Симферополь, 1988. - Ч. III. - С. 249 - 250; Он же. Западный Крым и состав Херсонесского государства. - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - К., 1991. - С. 7-8, 10, 15.
3. Подробное описание монет с принадежностью необходимой литературы, см. в каталоге (приложении № 1). № № монет в каталоге соответствуют № № рисунков.
4. К. В. Боленко (Состав денежного обращения Херсонеса и ла, до н.э. // ВДИ. - 1964. - № 4. - табл. 1, 6) датирует эту монету (см. приложение I, № 3) 44 г. до н.э. и позже. У В.А.Анохина такой штемпель не учен, а близкие (МЛХ. XIII, № № 197-198) - датируются почти как у А.Н.Зографа (Античные монеты: МИА. - 1951. - № 16. - XXXVI, № 19). - 70-63 гг. Обозначение датировки В.А.Анохина исчезло избранительно (МЛХ. с. 58-60).
5. Сычковин Э.А., Воленко К.В. Монеты из некрополя Неаполя Скифского // СА. - 1960. - № 1. - С. 266; Боленко К.В. К датировке некропольных монет Херсонеса // НЭ. - 1962. - Т. III. - С. 53; Анохин В.А. Монетное дело Херонеса (IV в. до н.э. - XIII в. н.э.). - К., 1977. - С. 60; Он же. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. - К., 1986. - С. 79; Фролова О.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. - середина IV в. н.э.). Часть I. - М., 1997. - С. 23.
6. Голенко К.В. Состав денежного обращения Херсонеса... - С. 53-54.
7. Шеллаф Б.Города Северного Причерноморья и Митридата Еватор // ВДИ. - 1983. - № 2. - С. 49-53; Сапрыкин С.Ю. Монеты Понтия из раскопок Херсонеса Таврического // ХС. - 1996. - Вып. VII. - С. 73, прим. 24.
8. Голенко К.В. Состав денежного обращения Херонеса... - С. 55-56; Гильевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херонеса // Иис. - 1968. - Вып. 3. - С. 11-12, 17-18; 42-47.
9. Аверс монеты № 37 того же штемпеля, что и у изданных В.А.Анохина (ср. МЛХ. XVII, № № 258-259), но надпись изменена.
10. Анохин В.А. Монетное дело Херонеса. - С. 63.
11. См.: МЛХ. № 213; Загородня М.И., Кочеткова Е.М. Монеты Херонеса Таврического IV в. до н.э. - XIII в. н.э. Коллекция В.И. Орехова в собрании Национального заповедника "Херонес Таврический". Каталог. - Севастополь, 1999. - № 60; ср.: Анохин В.А. Монетное дело Херонеса первых вв. н.э. // НЭ. - 1963. - Т. IV. - С. 17, прим. 57.
12. Анохин В.А. Так же. - С. 16-17. Он же. Монетное дело Херонеса. - С. 63-66; Орешников А.В. Монеты Херонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Понтийского // НС. - М., 1913. - Т. II. - С. 7-8.
13. Münz E.H. Scythia and Greece... - Cambridge, 1913. - Т. 544; Орешников А.В. Херонес, божество Херонеса Таврического// НАК. - 1918. - Вып. 65. - С. 145.
14. См.: Анохин В.А. Монетное дело Херонеса первых вв. н.э. - С. 6.
15. Орешников А.В. Херонес, божество Херонеса Таврического. - С. 145.
16. Орешников А.В. Монеты Херонеса Таврического... - С. 7-8.
17. Анохин В.А. Монетное дело Херонеса. - С. 63.
18. Орешников А.В. Монеты Херонеса Таврического... - С. 6; Он же. Херонес, божество Херонеса Таврического. - С. 149.
19. Орешников А.В. Херонес, божество Херонеса Таврического. - С. 148-149; Он же. Олицетворение общин Херонеса Таврического // ИРИАМК. - 1922. - Т. II. - С. 159-164; ср.: Зограф А.Н. Античные монеты. - С. 157.
20. Ср.: Анохин В.А. Монетное дело Херонеса первых вв. н.э. - Табл. II, № № 18, 19;
21. Анохин В.А. Монетное дело Херонеса. - С. 64-65.
22. Зограф А.Н. Античные монеты. - С. 157; Анохин В.А. Монетное дело Херонеса первых вв. н.э. - С. 26; Он же. Монетное дело Херонеса. - С. 65.
23. Анохин В.А. Монетное дело Херонеса первых вв. н.э. - С. 61, № № 46, 3.
24. Там же. - С. 48-49; Он же. Монетное дело Херонеса. - С. 70.
25. См. там же.
26. Зограф А.Н. Античные монеты. - С. 157-158; Анохин В.А. Монетное дело Херонеса первых вв. н.э. - С. 30-31, 51; Он же. Монетное дело Херонеса. - С. 67-68.
27. Голенко К.В. Состав денежного обращения Херонеса... - С. 50-73; Гильевич А.М. Античные иногородние монеты... - С. 3-6; Гильевич А.М. Херонес и Понтийская держава Митридата VI по numismatическим данным // НЭ. - Тбилиси, 1985. - С. 609, 612; Виноградов Ю.Г. От эллинизма к занависности: проблема политической привыкшебности Херонеса в конце II-го в. до н.э. // ПИАСХ. Тез. докл. конф. - Севастополь, 1988. - С. 21; Сапрыйкин С.Ю. Монеты Понтия... - С. 69-85.
28. Ланцов С.Б. Западный Крым... - С. 7.
29. Кумайсон В.А., Ланцов С.Б. Работы Западнокрымской экспедиции. - С. 302; Ланцов С.Б. Западный Крым... - С. 8.
30. Шрайн П.Н. Епаторийская экспедиция 1933 - 1934 гг. Статья к сборнику "Материалы по археологии СССР". - Вып. 3. //Архив ИНИМК. - 1934 г. - Ф. 2. - Оп. 1. - Д. 202. - Л. 36-37; Он же. О работах Епаторийской экспедиции // СА. - 1937. - № 3. - С. 252-254; Он же. Епаторийский район: 1933 - 1934 гг. //Археологические исследования в РСФСР 1934 - 1936 гг. - М., 1941. - С. 270, 273; Блохин В.А. Древник по раскопкам Карта-Тоб //Архив ИНИМК. - 1934 г. - Ф. 2. - Оп. 1. - Д. 203; Гильевич А.М. Прибрежненский клад римских монет // НЭ. -

1965. - Т. V. - С. 103; Рицкис Д.С. О местоположении древнего Египтория // ВДИ. - 1968. - № 3. - С. 128-132; Шегоза А.Н. Северо-Западный Крым в античности // Древний Крым. - Л., 1978 (см. указатель); Внуков С.Ю. Раскопки на городище Кара-Тобе под г. Саки // АО 1965 г. - М., 1987. - С. 317-318; Он же. Исследования на городище Кара-Тобе // АО 1986 г. - М., 1988. - С. 266; Он же. Раскопки на Кара-Тобе у д. Саки // АПК. 1993 год. - Симферополь, 1994. - С. 60-67; Он же. Исследование городища и могильника Кара-Тобе // АИК. 1994 год. - Симферополь, 1997. - С. 66-68; Он же. Конниково С.А., Траеттер М.Ю. Гипсовы слепки из Кара-Тобе // ВДИ. - 1990. - № 2. - С. 109-119.
31. Ланцов С.Б. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // СЗКАЭ. - К., 1994. - С. 71-104.
32. Ланцов С.Б. Античные поселения бывшего округа Кизил-Яр // Археология. - 1989. - № 3. - С. 78-84.
33. Тихонова М.А. К вопросу о достоверности датировки некрополя закрытым комплексом римскими монетами // КСНА. - 1979. - Вып. 158. - С. 37-43.
34. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. - С. 31-32.
35. Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV - II вв. до н.э. - Севастополь, 1997. - С. 30-31; № № 173-175, 177.
36. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. - С. 32.
37. Болленко К.В. Несколько малоизвестных монет подгеллиосистического Херсонеса // ВДИ. - 1967. - № 2. - С. 173-174.
38. Грандемон Н.И. Станицы империи Херсонеса // ИЭ. - 1978. - Т. XII. - С. 45; Он же. Рец. на кн.: В.А. Анохин. Монетное дело Херсонеса. К., 1977 // ВДИ. - 1983. - № 2. - С. 168-169.
39. Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса... - С. 30-31, 41). Имя магистрата приведено в более полной форме, чем на известных прежде экземплярах... - [Π]ΥΘΙΩΝΟΣ (ср.: МДХ, 173; Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса... - № 174).
41. См.: Виноградов Ю.Г. (Выступление и премия) // ППЗ. - Тбилиси, 1985. - С. 643-647; Он же. Вопросная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скилура и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. - 1987. - № 1. - С. 70; прим.: Молев Е.А. Боспор в период эллинизма... - Нижний Новгород, - 1994. - С. 19-21; Он же. Владычество Понтии... - Нижний Новгород, - 1995. - С. 37-44; Сандрекин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и ариарнов в Причерноморье. - М., 1996 а. - С. 134-139.
42. См.: Зограф Ю.Н. Находки понтийских монет из мифрацатского времена в Одессе // Одесса. - Киев, 1940. - Т. I. - С. 293-294; Голевич А.М. Античные иногородние монеты... - С. 20; ср.: Голенко К. В. Монетная месть городов Понтии и Парфакийского времени Митридата VI и боспорских находок // Палестинский сборник. - 1964 а. - Вып. 11 (74). - С. 60-61; Он же. Понтийская монета времени Митридата VI на Боспоре // Кlio. - 1965. - Bd. 46. - S. 309-310.
43. Виноградов Ю.Г.; Внуков С.Ю. Греческая надпись со скифского городища Кара-Тобе // Тез. докл. конф. "Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья", посвященная 90-летию со дня рождения Б.Н.Гракона. - Запорожье, 1989. - Т. I. - С. 28-29; Внуков С.Ю. Раскопки на Кара-Тобе.. - С. 64-65; Vinogradov Ju.G., Vnukov S.Ju. Eine bisher unbekannte Episode aus dem Krieg Mithridates VI Europas gegen die Krimskythen // Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzenmeerraumes. - Mainz. - 1997. - S. 493-500, табл. 34, 1, 2; ср.: Яценко В.П. Презралоский Сатира в Одессе и тени оглавительницы да митридатовых солдат в Западном Крыму: комментарий к эпиграфическим видениям // VI международная конференция профессора В.Д. Баннатского. Тез. докл. - М., 1999. - С. 124-125.
44. Виноградов, Внуков. Ук. соч. - С. 28-29; Vinogradov, Vnukov. Opr. cit. - S. 500.
45. Внуков С.Ю. Раскопки на Кара-Тобе... - С. 64-65; Он же. Исследование городища и могильника... - С. 66-67.
46. Он же. Раскопки на Кара-Тобе... - С. 65; Раасекий Ук. соч. - С. 128-132.
47. Доклад С.Ю. Внукова на VII Крымской научно-практической конференции, посвященной итогам полевого сезона 1999г. (Симферополь, 18 ноября 1999г.).
48. Сандрекин С.Ю. Понтийское царство. - С. 134, 139.
49. См.: Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. - Petropoli, 1916. - Vol. I. - Ed. 2. - S. 305; ср.: Колтухин С.Г. Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии // Древности степного Причерноморья и Крыма. - Запорожье, 1993. - Т. IV. - С. 213; Молев Е.А. Владычество Понтии... - С. 34-35; Молев Е.А. Рец. на кн.: С.Ю. Сандрекин. Понтийское царство. Государство греков и ариарнов в Причерноморье. - М., 1996 // ВДИ. - 1998. - № 4. - С. 211.
50. См. напр.: Колтухин С.Г. Заметки... - С. 214.
51. См.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса... - С. 66.
52. Сандрекин С.Ю. Гераклес Понтийский и Херсонес Таврический. - М., 1986. - С. 213; Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. - 1987. - № 2. - С. 120.
53. Внуков С.Ю. Раскопки на Кара-Тобе... - С. 64-65.
54. См. там же.
55. См.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса первых вв. н.э. - С. 16; Он же. Монетное дело Херсонеса... - С. 60; ср.: Зубарь В.М. Из истории Херсонеса... - С. 120-121; Он же. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. - К., 1994. - С. 14-15.
56. Шеглов А.Н. Работы Тарханского археолога // АО 1983 г. - М., 1985. - С. 377; Он же. Работы в Черноморском районе Крыма // АО 1984 г. - М., 1986. - С. 334; Он же. Большой Кастель и святилище II в. до н.э. и уроцище Джангуль // ПАК. Тез. докл. конф. - Симферополь, 1988. - С. 274-275.
57. Ланцов С.Б. Западный Крым в составе херсонесского государства: Дис. ... канд. ист. наук. - К., 1990. - Научный архив ИА НАН Украины. - Л. 46; Столба В.Ф. Херсонес и скфи в V - II вв. до н.э. (Проблемы взаимоотноше-

- ний); Атограф. дис. ... канд. ист. наук. -Л., 1990. - С. 8.
58. Шеголев А. И. Фракийские посвящительные рельефы из Херсонеса // МИА. - 1969. - № 150. - С. 136-137; Граков Б.Н. Виноградов Ю.Г. Новые надписи из Херсонеса // ВДН. - 1970. - № 3. - С. 127-134; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса... - С. 80-82; Катев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. - Харьков, 1981. - С. 27-28; Золотарев М.И. Кубки с посвящением Зевсу Диадематику из окрестностей Херсонеса // КСНА. - 1981. - Вып. 168. - С. 56-58; Зубарь В.М. О синоптических зеркалах из некрополя Херсонеса // Проблемы античной культуры... - М., 1986. - С. 150-153; Зубарь В.М. К пониманию ИОСРЕ. I (2), 550 // ВДН. - 1989. - № 2. - С. 126-127; Кобзев А.С., Янченко Т.Ю. Домашний алтарь Зевса и Геракла из глиняной гробницы Херсонеса // МАНЭТ. - Симферополь, 1996. - Вып. V-С. 32-33; Зубарь В.М., Сарновский Т. Новая латинская спортивная надпись с Ай-Тобура и некоторые вопросы римской археологии в Таврике во второй половине II в. н.э. // ВДН. - 1997. - С. 54-55; Зубарь В.М., Сансел О.Я., Сарновский Т. Новые латинские надписи с римского храма в окрестностях Херсонеса Таврийского // Археология... - 1997. - № 4. - С. 69-70, 74; Зубарь В.М., Сансел О.Я., Сарновский Т. Новые эпиграфические памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврийского // ВДН. - 1999. - № 2. - С. 202-205; Сарновский Т., Сансел О.Я., Zum religiösen Leben der römischen Bevölkerung auf der Sudakrim // Historia. -Stuttgart, 1999. -XLVII., -S. 321-341; ср.: Зубарь В., Новые сподиоциты про римскій табака у Херсонес Таврийському // Археологія... - 1993. - № 4. - С. 135.
59. Карышковский П.О. Монеты Одессы. -К., 1988. - С. 127.
60. См.: Близницкий В.Д. Античные памятники археологии... - М., 1967. - С. 171, прим. 45.
61. См.: Зубарь, Сансел, Сарновский. Вклад приказ... - С. 83; Зубарь, Сансел, Сарновский. Ук. соч. - С. 216-217; Зубарь В.М., Антонюкова И.А. Новые данные о римском сарцинионе Херсонеса в первой половине II в. // ВДН. - 2000. - № 1. - С. 68 - 70.
62. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса... - С. 80.
63. В каталоге приведены следующие сокращения и обозначения: м.н. - место находки, кв. - квадрат, п.м. - подъемный материал; Д - диаметр в мм, а.с. - лицевая сторона, о.с. - обратная сторона монеты; х. - горизонтальная, с. - средняя, п. - плохая, о.л. - очень плохая сохранность монеты. Цифрами после Д указано соотношение осей изображения а.с. и о.с. по часовому циферблату.

Приложение № 1

КАТАЛОГ МОНЕТ, НАЙДЕННЫХ НА САКСКОЙ ПЕРЕСЫПИ⁶³

КЕРКИНИТИДА

1. Л.с. KERKI. Скиф, сидящий на скале, влево. О.с. Лошадь, идущая влево. Медь. Д - 18; 12; с.; 4,58 г; 300 - 290 гг. до н.э.
 Лит.: Зограф, 1951, с. 160 - 161; Карышковский, 1953, с. 108; Медведева, 1984; Анохин, 1986а, №№ 16-21; 1988, рис. 186, № 2; 1989, табл. XXI, №№ 413 - 414; Кутайсов, 1992, с. 140-166.

МОНЕТЫ ХЕРСОНЕСА

2. Л.с. нечитаема. О.с. XEP. Рог изобилия. Слева имя [P]ΤΕΙΩΝΟΣ. Медь. Дидалк. Д - 15; с. (для о.с.); 2,25 г; 140- 130 гг. (по Анохину), прибл. 120- 110 гг. (С.Л.)
 Лит.: МДХ, XI, 173- 175 (рог как у № 175; имя, как у № 173).

3. Л.с. Бюст Девы вправо, за спиной лук и колчан. О.с. XEP. Орел на пучке молний в 3/4 влево, слева монограмма (рис. 6,4). Медь. Тетрахалк. Д - 21; 12; с.; 6,85 г; около 70-63 гг.

Лит.: Зограф, 1951, табл. XXXVI, 19; Голенко, 1962, C.51; 1964, табл. 1,6; (по нему 44 - 30 гг.).

4. Л.с. [XEP]. Голова Зевса вправо. О.с. Дева в рост с луком и копьем, слева уничтоженная коррозией монограмма (рис. 6,5). Медь. Тетрахалк. Д - 19; 12; с.; 6,69 г; 44-17 гг.

Лит.: МДХ, XIII, 204, 205; Золотарев, Кочеткова, 1999, № 54.
 5. Л.с. XEP. Голова божества Херсонеса (?) вправо, справа змея и звезда. О.с. Дева в рост с луком и копьем, слева монограмма (рис. 6,5). Медь. Тетрахалк. Д - 19; 5; х.; 4,51 г; конец I в. до н.э. - нач. I в. н.э.

Лит.: МДХ, XIV, 208.
 6. То же. Недостает небольшого фрагмента. Д - 17; 6; с.; 4,24 г.
 7. Л.с. Голова божества Херсонеса (?) ввенке вправо, справа змея и звезда. О.с. Дева в рост с луком и копьем. По сторонам надпись - X-EP. Медь. Тетрахалк. Д - 17; 7; х.; 4,74 г; первая четверть I в. н.э.

Лит.: МДХ, XIV, 212.
 8. Л.с. Голова божества Херсонеса (?) вправо в венке, справа кадuceй. О.с. XEP. Венок. Медь.

- Тетрахалк. Такие же штемпели №№ 9 - 13, D - 17; 6; x; 2,95 г; вторая четверть I в. н.э.
Лит.: МДХ, XIV, 213 (только не змея, а кадuceй).
9. То же. D - 15; 6; x; 2,95 г.
10. То же. D - 15; 12; x; 2,79 г.
11. То же. D - 15; 12; x; диск неправильной формы; 2,99 г.
12. То же. D - 12; 6; x; 2,68 г.
13. То же. D - 16; 12; x; м.н. - кв. Г 1, штык 1, слой песка; 3,48 г.
14. Л.с. Голова божества Хересонас (?) в венке вправо. О.с. ХЕР. Венок. Медь. Тетрахалк. Такие же штемпели №№ 15 - 20. D - 19; 12; x; 4,48 г; вторая четверть I в. н.э.
Лит.: МДХ, XIV 214.
15. То же. D - 18; 5; c; 4,48 г.
16. То же. D - 18; 5; x; 5,56 г.
17. То же. О.с. ХЕР. D - 17; 5; x; 5,42 г.
18. То же. D - 17; 5; x; 4,71 г.
19. То же. D - 17; 7; о.н.; 5,37г.
20. То же. D - 15; 5; x; 4,22 г.
21. Л.с. ХЕР. Голова божества Хересонас (?) вправо, справа змея, внизу год - ОЕ. О.с. Ника в рост влево, с венком и ветвию, слева знак (рис. 6,7). Мель. Ассарий. D - 17; 1; x; 4,90 г; 51 г. н.э.
Лит.: МДХ, XIV 219.
22. То же. D - 16; 1; x; 4,60 г.
23. Тоже. На л.с. внизу год ОZ. З развернуто как N [см. Орешников, 1913, с. 22]. D - 17; ?; x; ?;
53 г. н.э.
Лит.: Анохин, 1963, табл. II, 10; МДХ, XIV 221.
24. То же. D - 18; 2; x; п.м.; 4,04 г.
25. То же. На л.с. - змеи и звезда, между змеей и головой Хересонас год НО. Такой же штемпель у №№ 26 - 27. D - 17; 2; x; 4,55 г; 54 г. н.э.
Лит.: Анохин, 1963, табл. II, 18, 19 (на монетах этого года звезда ранее не фиксировалась).
26. То же. D - 17; ?; x; ?.
27. То же. Изображение на л.с. несколько сдвинуто вверх, звезда осталась вне монеты. D - 17;
1; x; 4,31 г.
28. Тоже. На л.с. справа от головы Хересонас (?) - змея и звезда, года нет. D - 19; 5; x; 6,48 г.;
63 - 68 гг.
Лит.: МДХ, XIV, 223.
29. То же. D - 18; ?; x; ?.
30. То же. На о.с. слева - ХЕ. D - 17; 6; x; 4,18 г.; 63 - 68 гг.
Лит.: МДХ, XIV, 224.
31. Л.с. ЕИРН[С] СЕВА[СТНС]. Бюст Девы вправо, сзади колчан, справа монограмма (рис. 6,6). О.с. ХЕРСОНА · СЕΙΤОН. Голова бородатого мужчины в повязке вправо, внизу справа знак Δ. Медь. Тетраскарпий. Монету этого же выпуска см. № 32. D - 24; 6; c.; 7,40 г; 69 - 79 гг.
Лит.: Анохин, 1963, табл. III, 7; МДХ, XV 226.
32. То же. Монограмма слева. Она лучше видна на металле, чем получалась на гипсовом слепке (рис. 6,6). На л.с. надчекана "Дева в рост с луком и дротиком в кружке из точек". На о.с. надпись синицена. Знак под обрезом ши. D - 28; 8; x; 23,15 г; 69 - 79 гг. Надчекана времена Арианда (117-138 гг.).
Лит.: Анохин, 1963, табл. III, 8 - 10; МДХ, XV 227.
33. Л.с. ЕИРН[С] СЕВА[СТНС] (справа налево). Бюст бо-
жества Хересонас (?) вправо, справа лира, слева ветвь. О.с. НЕРСОНН[С]ЕИТ[С]ОН · ЕТОУС, 106 г. хересонесской эры [см. Анохин, 1963, с. 62, № 56, прим.4]. Дева в рост, вправо, с копьем в право руке и луком и стрелой - в левой. Медь. Тетраскарпий. D - 25; ?; x; ?; 82 г.

Рис. 6. Монограммы и знаки на монетах из Сакского святилища.

- Лит.: Зограф, 1951, с. 157; МДХ, XV, 229 (для л.с.); Анохин, 1963, табл. IV, 2 (для о.с.).
34. То же. Л.с.- тот же штемпель, о.с.- другой. D - 24; ?; х.; ?.
35. Л.с. ЕΠΡΗΝС СЕВАСΤΗС (справа налево). Бюст божества Херсонас (?) вправо, справа лира, слева петы. О.с. Дева в рост с полукруглым луком и копьем, справа букраний, слева год РК. Медь. Тетраспассий. D - 23; 6; х.; 8,30 г.; 96 г. и позже.
- Лит.: МДХ, 245 (для л.с.); 241 (близна о.с.).
36. Л.с. Бодяющий бык влево, под ним Ε[Α]ΕΥΘΕΡΑС. О.с. [Χ]Ε[Ρ]СОНΗСΟΥ. Дева, поражающая концом лапы влево. Медь. Дупонций. D - 22; 12; х.; 7,30 г.; 138-161 гг.
- Лит.: МДХ, XVII, 259.
37. То же. На л.с. ΕΑΕΥΘ- ΘΕΡΑС. D - 22; 10; х.; 6,39 г.; 138 - 161 гг.
- Лит.: МДХ, XVII, 258 (для л.с. штемпель тот же, надпись изменена).
38. Л.с. ΧΕΡСОНΗСΟУ. Бюст божества Херсонас (?) вправо, на голове венок, справа лира. О.с. Надпись нечитаема, плохо пропечатана. Дева в рост с луком и копьем, слева лань. Медь. Тетраспассий. D - 23; 6; х.; 7,70 г.; 138 - 161 гг.
- Лит.: МДХ, XVIII, 262.
39. Л.с. Дева, поражающая концом лапы. О.с. ΧΕΡ. Бодающий бык влево, над полосой. Медь. Дупонций. Такой же штемпель у № 40. D - 17; 10; с.; 4,82 г.; 161 - 180 гг.
- Лит.: МДХ, XVIII, 270 - 272.
40. То же. D - 17; 6; х.; 5,40 г.
41. То же. D - 18; 12; х.; 3,02 г.
- Лит.: МДХ, XVIII, 271.
42. То же. О.с. Изображение не сохранилось. Монета использовалась в качестве амулета, с о.с на л.с. пробито круглое отверстие, конусовидное в сечении. D - 17; 7; п.; п.м.; 3,18 г.
43. Тоже. Но о.с. - бык вправо. D - 17; 7; с.; 3,70 г.
- Лит.: Анохин, 1963, табл. XI, 3, 3 а.
44. Л.с. ΧΕΡ Дева, концом поражающая лань, вправо. О.с. ΕΑΕΥΘΕΡΑС. Бык вправо. Медь. Дупонций. D - 20; 6; х.; м.н. - кв. В 5, п.м.; 5,51 г.; 180 - 192 гг.
- Лит.: Анохин, 1963, табл. XII, 13; МДХ, XIX, 280.
45. Тоже. О.с. Бык влево. D - 19; 6; с.; 4,43 г.
- Лит.: Анохин, 1963, табл. XII, 17; МДХ, XIX, 280 (для л.с.).
46. Л.с. ΙΕΑΕΥΘΕΡΑС. Бюст Александра Севера вправо, справа лира. О.с. ΧΕΡСОНΗСΟУ. Дева в рост с луком и копьем, вправо. Справа лань. Медь. Тетраспассий. D - 22; 6; х.; 6,38 г.; 221-222 гг.
- Лит.: МДХ, с. 85 - 86, XX, 290.
47. Л.с. ΙΕΑΕΥΘΕΡΑС. Бюст божества Херсонас (?) вправо, справа лира. О.с. ΧΕΡСОНΗСΟУ. Дева в рост с луком и копьем, слева лань. Медь. Дупонций ? Монета фрагментарна. D - 20; 5; х.; 3,19 г.; 253 - 268 гг.
- Лит.: Анохин, 1963, табл. XIX, 3 (для л.с.), 1 (для о.с.); МДХ, XXI, 308 (о.с. - другой штемпель, отсутствует знак В).

МОНЕТЫ БОСПОРСКИХ ГОРОДОВ ГОРГИППИЯ

48. Л.с. Голова Диониса в венке вправо. О.с. [ΓΟΡΓΙΠΠΕΩΝ]. Треножник и тирс, в поле монограмма (рис. 6,1). Медь. Тетрахалк. D - 20; о.п.; 6,33 г.; 90 - 80 (70 ?) гг. до н.э.
- Лит.: МДБ, 8, 211 б; Фролова, 1999, с. 121.
- ФАНАГОРИЯ(АГРИППИЯ)**
49. Л.с. Голова Афродиты Урании в диадеме и покрывала, вправо. О.с. Надпись сверху в две строки ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ. Прора влево, под ней точка, справа 7 0 - 7 Н 0. Медь. 8 унций. D - 20; 12; о.п.; 6,33 г.; 18 - 12 гг. до н.э.
- Лит.: Фролова, 1989, табл. II, 8 - 24; табл. III; 1997, табл. III, 8 - 25; табл. IV, I - 23.
50. То же, на о.с. - две точки. D - 20; 5,18 г.

ПАНТИКАПЕЙ

51. Л.с. Голова Аиоллона (?) вправо. О.с. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ. Пасущийся Пегас влево. Медь. Тетрахалка. Такие же интимелы плохой сохранности см. №№ 52 - 54. Монеты перечеканены, возможно с понтийских. Д - 21; 12; с.; 5,08 г; около 37 - 27 гг. до н.э.

Лит.: МДБ, 10, 250; Голенко, 1964 а, рис. 8 (для л.с.).

52. То же. D - 21; о.н.; 4,88 г.

53. То же. D - 20; 5,50 г.

54. То же. D - 20; 3,62 г.

55. То же. Другой интимель для л.с. Следов перечеканки нет. D - 21; п.; 8,30 г.

56. Монета Кесарии. Л.с. Голова Афродиты Украины в калафе, поверх которого накинуто покрывало, вправо. О.с. Жезл, по сторонам надпись в две строки Κ[ΑΙ] - ΣΑ[ΡΕ] - [ΩΝ]. Медь. 8 унций. D - 20; 2; с. (л.с.), п. (о.с.); 7,50 г; 18 - 12 гг. до н.э.

Лит.: Фролова, 1989, табл. I, 17, 18; 1997, табл. II, I - 29; табл. III, I - 3.

БОСПОР (парская чеканка)

57. Диск монеты стерп. Сохранилась только боспорская надчеканка на обеих сторонах - "восьмилучевая звезда". Медь. Обол. D - 26; 16,92 г; не ранее середины сороковых гг. до н.э.

Лит.: Симонович, Голенко, 1960, с. 266, рис. 1; Голенко, 1962, с. 53; Анохин, 1977, с. 60; Фролова, 1997, с. 23.

58. Л.с. Голова Персея влево, впереди гарпун. О.с. Герма, справа пальмовая ветвь, перевязанная лентой, слева монограмма ΒΑΕΙ (рис. 6,2), справа - Ζ. Медь. 7 унций. D - 20; 12; о.н.; 6,75 г; конец второго десятилетия I в. до н.э. - рубеж н.э.

Лит.: МДБ, 11, 286; Фролова, 1989, IX, 24.

59. Л.с. ΤΓ · ΚΑΑΤΔΟΥ · ΚΑΙ ΣΑΡΟΣ. Голова Клавдия вправо, внизу ΙΒ. О.с. ΙΟΥΑΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΑΝ ΣΕΒΑΤΗΝ. Голова Агриниппа влево, слева монограмма ΒΑΚ (рис. 6,3), Медь. Асерарий. D - 22; 12; с.; М.З. - кв. В 4, м.н.; 5,30 г; 50 - 54 гг.

Лит.: МДБ, 13,348.

60. Л.с. Надпись не сохранилась. Голова Нерона вправо. О.с. Венок, в нем МН. Медь. Сестерций. D - 28; о.н.; м.н. - кв. Б 3, штук 1, слой песка; 8,88 г; 63 - 68 гг.

Лит.: см. МДБ, 13, 352; Фролова, 1997, I, табл. XXVII, 8-17; табл. XXVIII, I.

61. ΤΙΒΕΡΙΟΣ ΙΟΥΔΙΟΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΠΟΡΙΣ. Царь, поставивший ногу на плениника, вправо, слева плениник на коленях, справа трофеи, слева иерусалимская надчеканка, вроде бы бородатая голова вправо. О.с. Городские ворота с конной статуей наверху, справа башня, внизу МН. Медь. Сестерций. Монета фрагментарна. D - 27; 12; о.н.; 5,39 г; 86 - 92 гг.

Лит.: МДБ, 14, 381; Фролова, 1997, табл. XXXIV, 2.

62. Л.с. ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΓΟΣ. Курчальное кресло с венком, справа скимптер с бюстом императора. О.с. ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΤ. Круглый щит и копье, слева голова лошади и шлем, справа голова человека и меч, внизу ΚΔ. Медь. Дупоний. D - 20; 12; х.; 5,30 г; 86 - 92 гг. (по Анохину), 129 - 130 гг. (по Фроловой).

Лит.: МДБ, 14, 376; Фролова, 1997, табл. IV, 21.

АМИС

63. Л.с. Голова Ареса в шлеме вправо. О.с. Меч. Надпись не сохранилась. Медь. Обол. D - 20; 9; п.; 6,31 г; 111 - 105 гг. до н.э.

Лит.: Imhoof-Blumen, 1912, тaf. I, 26; Голенко, 1974, № 60; Malloy, 1970, № 30.

64. То же (?) 10 - 21; о.н.; 6,42 г.

65. Л.с. Персей в повязке вправо. О.с. ΑΜΙΣΟΥ. Пьющий пегас. Под надписью монограмма (рис. 6, 8,9). Медь. Обол. D - 23; 11; с.; 13,32 г; 80-70 гг. до н.э.

Лит.: BMC, 1964, II, п. 18, 61; pl. III, 12; Imhoof-Blumen, 1912, тaf. II, №№ 19 - 20; Malloy, 1970, № 33.

ТОМЫ

66. Л.с. Голова Зевса в лавровом венке, вправо. О.с. ΤΟΜΕΙ · ΤΩΝ (справа налево). Орел с развернутыми крыльями в 3/4 вправо, внизу по сторонам лап две точки. Медь. D - 20; 12; х; 5,01 г; первая треть II в. н.э.

Лит.: Pick, 1898, тaf. VI, 9, Pick, Regling, 1910, с. 659, № 2509.

РИМ

67. І.с. IMP CAE·SAR TRAIAN HADRIAN AVG. Бюст Адриана, увенчанного лавровым венком, вправо. О.с. PMT RPCOS. III. Рома в шлеме сидит на трофеес влево; в правой руке - Виктория с венком, в левой поднятой вертикально копье, ниже эгипта. Денарий. Серебро. D - 18; б; х.; 3,60 г; 119- 122гг.

Лит.: Mattingly H. CREBM, III, p. 259, № 140; Глушенко, 1989, № 454.

68. І.с. DIVA FAUSTINA. Бюст Фаустины Старшей вправо. О.с. AVGVSTA. Церера стоит прямо, голова, влево, в диадеме и покрывае, в правой руке - вертикально горящий факел, в левой опущенной - два хлебных колосса. По сторонам S - С. Медь. Сестерций. D - 31; 11; х.; 28,60г; 138- 141 гг.

Лит.: Mattingly H. CREBM, IV, №№ 289 - 506; Зограф, 1951, XXIII, 7 (или л.с.).

МОНЕТЫ С ПОЛНОСТЬЮ УТРАЧЕННЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ

НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ МОНЕТА с очень плохой сохранностью изображения

69. І.с. Мужская (?) голова вправо. О.с. Изображение не сохранилось. Медь. D - 19; 7,60 г.

70. Медь.Д - 18; 4,20 г.

71. Медь.Д - 16; 3,99 г.

72. Медь.Д - 15; 1,00г.

73. Медь.Д - 21,5; 5,33 г.

74. Медь.Д- 20; 4,91 г.

ЛИТЕРАТУРА К КАТАЛОГУ МОНЕТ

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса первых вв. н.э. // НЭ. - 1963. - Т. IV. - С. 3 - 88.

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. - XIII в. н.э.) - К., 1977. - 175 с.

Анохин В.А. Керкинитида. Каталог-диагност //Археология Украинской ССР. - Киев, 1986 а. -Т. 2. - С. 353 - 355.

Анохин В.А. Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды (по материалам раскопок 1980 - 1982г.г.) // Анические фракниты Северного Причерноморья. - Киев, 1988. - С. 133 - 148.

Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. - Киев, 1989. - 126с.

Бущенко В.П. Кайл римских денариев из с. Лукьян //НЭ. - 1989. - Т. XV. - С.19 - 52.

Боленко К.В. Кладопровок некоторых монет Херсонеса // НЭ. - 1962. - Т. III. - С. 49 - 55.

Боленко К.В. Монетная зель городов Понти и Параграфии времена Митридата VI в боспорских находках // Палестинский сборник. - 1964 а. - Вып. 11 (74). - С. 58 - 73.

Боленко К.В. Монеты из раскопок Никеи 1939- 1970гг. // НЭ. - 1974. - Т. XI. - С. 61 - 93.

Зограф А.Н. Античные монеты: МИА. - 1951. - Н. 16. - 264 с.

Золотарев М.Н., Кочеткова Е.М. Монеты Херсонеса Гавриловского IV в. до н.э. - XIII в. н.э. Коллекция В.Н.Орехова в собрании Национального заповедника "Херсонес Таврический". Каталог. - Севастополь, 1999. - 141 с.

Карышковский П.О. Еще раз о книге А.Н. Зографа "Античные монеты" // ВДН. - 1953. - № 1. - С.105- 111.

Кутайсов В.А. Керкинитида. - Симферополь, 1992. - 193 с.

Медведев Л.Н. Монеты Керкинитиды // НЭ. - 1984. - Т. XIV. - С.40 - 49.

Семёнович Э.А., Голенко В.К. Монеты из некрополя Неаполи Скафисского//СА. - 1960. - № 1. - С. 265-268.

Фролова Н.А. Медные монеты Боспора конца в.н.э. - начала I в.н.э. // НЭ. - 1989. - Т.ХV-С.3-18.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. - середина IV в. н.э.). Часть I. -М., 1997. -343 с., ХСVI табл.

Фролова Н.А. О хронологии боспорских монет в митридатовский период (110/109 - 63 гг. до н.э.)// VI чтения памяти В.Д.Балашовского. - М., 1999. - С. 120 - 121.

Indoof-Büttner F. Die Käppferprägung des mithridatidischen Reiches // NZ. - 1912. - № 5. - S. 169- 192.

Malloy A.G. The Coinage of Antium. - USA, 1970. - 31 p.

Mattingly H. Coins of Roman Empire in the British Museum. - London, 1923 - 1966. -I - VI.

Pick B. Die antiken Münzen. Nord-Griechen-Lands. -Berlin, 1898.-Bd. 1. -Hibl. 1.-518 s.

Pick B., Reigel K. Die antiken Münzen. Nord-Griechen-Lands. Dacia und Moesien. - Berlin. - 1910. - Bd. 1. -920 s.

ПРИМЕЧАНИЯ К КАТАЛОГУ МОНЕТ

Зограф А.Н. Античные монеты: МИА. - 1951. - № 16. - 264 с.

Карышковский П.О. Еще раз о книге А.Н. Зографа "Античные монеты" // ВДН. - 1953. - № 1. - С. 105- 111.

Медведев Л.Н. Монеты Керкинитиды // НЭ. - 1984. - Т. XIV. - С. 40 - 49.

Анохин В.А. Керкинитида. Каталог-диагност //Археология Украинской ССР. - Киев, 1986 а. -Т. 2. - С. 353 - 355.

Анохин В.А. Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды (по материалам раскопок 1980 - 1982г.г.) // Анические фракниты Северного Причерноморья. - Киев, 1988. - С. 133 - 148.

Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. - Киев, 1989. - 126с.

Кутайсов В.А. Керкинитида. - Симферополь, 1992. - 193 с.

ЗАБЫТЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

В 1871 г. А.Я. Гаркави в "Дополнении к сочинению "Сказания мусульманских писателей о славянах и русских" опубликовал два отрывка из произведений Аль-Масуди.

Первый - выдержка из "Золотых лугов" (943 - 944 гг.), гласит: "Протяжение рукава Кустании - 350 миль; по другим же - меньше. Это ширина его в том месте, где он выходит из моря Манютас, который удерживает приходящие этим морем суда русов и других"².

Второй - содержался в труде "Китабат - Танbihиль - ашраф" (955 - 956 гг.)³: "Шестой узкий пролив известен под именем Абда; Это устье рукава, изливающегося в Египетское и Сиринское море. Начало его от моря Манютас, называемого также Хазарским морем. Ширина его при начале около десяти миль. Здесь находится русский (византийский) город под именем Харсана, который удерживает приходящие этим морем корабли Кубаны (Киевлян) и других племен Руса. Их называют также Русы, что значит множество. В настоящее время многие из них вступили сухим путем в области Рума (Византии) и Булгар (Болгар), который есть славянский род, и Буджака (Печениги) из турков разрушили при их помощи многие из крепостей их (Византийцев), примыкающие к сирийской границе, подчинили себе Буджак (Дунайских болгар) и других народов, наводивших на них (Византийцев) страх и окружающих их государства".

В более поздней работе А. Я. Гаркави публикует несколько иной перевод : "Здесь находится русский город под названием Харсана (в рукописи искажено Масия), который удерживает от нападения приходящих по этому морю на кораблях Кубаны (Киевлян, искажено Кукдана) - и других русских племен. Их называют также Русы, что означает красивых (или румынских) людей"⁴.

Анализируя источники, А.Я. Гаркави сделал вывод, что упоминаемое нашествие русских на Византию, есть известный поход Игоря: в "Золотых лугах" об этом событии нет сведений, а в источнике 50 - х гг. оно описывается подробно. В названный промежуток времени известно только одно нападение русских на Византию - под руководством киевского князя Игоря⁵.

Иследователь также убедительно доказал, что упоминаемый в источнике византийский город, написание имени которого искажено (Масия) - не что иное, как Херсон⁶.

Таким образом, по версии мусульманского автора, Херсон в середине X в. являлся передовыми рубежом обороны Византии от нападений русских и, вероятно, других северных соседей, а также своеобразным дозорным пунктом, откуда могло вестись наблюдение за передвижением противника на подходах к северным границам империи⁸.

Отметим, что херсониты могли наблюдать за такими передвижениями не только с городских стен. Власть Херсона в какой-то мере распространялась на Горный Крым - Климаты⁹.

Согласно трактату Константина Багрянородного "Об управлении империей", жители города добывали соль к северу от города, в районе Днепра, на расстоянии до 300-ти миль¹⁰.

По сведениям русских летописей (известный договор 944 или 945 гг. между Константином Багрянородным и Игорем), херсониты ловили рыбу в устье Днепра¹¹.

Среди соледобытчиков и рыбаков, которые, вероятно, основывались в местах работы временные поселения¹², надо думать, находились и наблюдатели. Ведь именно по Днепру в Черное море проходили как многочисленные купеческие суда¹³, так и русские дружины, за передвижением которых наблюдали херсониты¹⁴. Вероятно, в немалой степени, в силу указанных причин, и внесли византийцы в договор отдельную статью, обзывающую русских не мешать рыбному лову в устье Днепра.

Упоминания Херсон в контексте византийско-русских отношений, Аль-Масуди, несомненно, указывал на его особое значение для империи: не каждый пограничный город удостаивался внимания этого автора.

К сожалению, данное свидетельство не попало в поле зрения исследователей средневекового Херсона. Нам не удалось найти упоминания о нем ни в обобщающих работах С.П. Шестакова¹⁵, А.Л.Якобсона¹⁶, Н.М.Богдановой¹⁷, А.И.Романчука¹⁸, С.Б. Сорочана, В.М.Зубаря и Л.В.Марченко¹⁹, ни в отдельных статьях. Между тем, оно подтверждает и дополняет данные византийских и русских источников о роли Херсона для империи в X в.

Как представляется, сообщение Аль-Масуди перекликается с "Видением Василия Нового", так же упоминавшем о походе Игоря: "А тот народ придет попущением Божиим за наши грехи и опустит области по ту сторону, от реки Ривы и далее. И много ран они учинят и выжгут весь берег от Хрисополя до места называемого Гирзо и дальше. ... Не было еще тогда в городе вести об этих речах (нападении русских - авт.), а через несколько дней распространялась весть во дворце и между жителями города об их набеге на нас; а через несколько дней Херсонеский стратиг прислав к царю донесение, заявлявшее об их нашествии и о том, что они уже приближались к этим областям"²⁰.

Аналогичную информацию содержит и Повесть временных лет: "Иgorь же совокупив вой мно-
ги - Варяги Русь и Поляны - Словенцы и Кривичи и Тверицы и Печенеги и тали у них поти-поиде
на Греки в людьи и на конях хота мыстити себе. Се слышавше корсунци (поход Игоря на Византию
- авт.), послана к Роману, глаголюще: се иде Русь бенисла корабль, покрыли суть море кораб-
ли"²¹.

Похожие сведения о роли Херсона (правда, уже в период конфликта не с русскими, а с болга-
рами) можно найти и в письме константинопольского патриарха Николая Мистика к болгарскому
царю Симону (сентябрь 917 г.)²². "Ты знаешь также Богаса, стратига херсонского: тот также не
перестает уведомлять, что болгары всячески стараются поднять печенегов и другие народы тех
стран против греков. И не изредка и не через продолжительные промежутки времени, но чуть не
ежедневно надеется на таковыми письмами и донесениями"²³. По заслуживающему внимания
предположению В.Г. Васильевского, херсонский стратиг именно тот Бога, который (согласно Про-
должителю Феофана²⁴) "убил" печенегов напасть на болгар²⁵.

О важности города как форпоста империи в Северном Причерноморье в X в. сообщает Кон-
стантин Багрянородный. Им, в частности, даются рекомендации, как обезопасить Херсон от хазар-
ских и печенежских нашествий²⁶ и что необходимо предпринять в случае возможного его отпаде-
ния от Византии²⁷.

Не случайно, именно слова, желая склонить Василия II пойти на уступки, направил свой поход
Владимир в конце 80-х гг. X в.²⁸ Достигнув киевский князь своих целей именно после взятия горо-
да.

Таким образом, забытое свидетельство Аль-Масуди о значении Херсона как передового опор-
ного пункта Византии в Северном Причерноморье, особенно в контексте русско-византийских от-
ношений, полностью подтверждается византийскими и русскими источниками. Поэтому оно пред-
ставляется важным для изучения истории средневекового Херсона и всего Крыма, особенно если
учесть, что эта история отнюдь не насыщена источниковой базой.

Примечания

1. Гаркави А.Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды IV археологического съезда. Казань, 1877. Т. 2. С. 243.
2. Гаркави А.Я. Дополнение к сочинению "Сказание мусульманских писателей о славянах и русских". Саб., 1871. С. 18.
3. Гаркави А.Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия... С. 244.
4. Гаркави А.Я. Дополнение к сочинению... С.31-32.
5. Гаркави А.Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия... С. 244; еще один вариант см. Протоколы за-
седаний съездов // Труды Второго археологического съезда в Санкт-Петербурге. 1881. Вып. 2. С. 27. При подготовке данной работы наци я была получена консультация сп. н. с. Института постконтактного РАН,
Д.В.Микульского. Его выводы таковы: перевод первого и третьего приводимых в настоящей заметке фраг-
ментов из произведений Аль-Масуды опубликованы А.Я. Гаркави верно. Что касается второго отрывка, то
он взят не из опубликованного критического текста, а из рукописного, некизданного. Известно, что сохра-
нилось всего семь рукописей данного мусульманского автора, и лишь одна опубликована. По нашему мнению,
учитывая идентичность перевода двух упомянутых фрагментов, ард ли стоит сомневаться в правильно-
сти перевода третьего. Кроме того, по сведениям Д.В. Микульского, сам Аль-Масуди в Крыму никогда не был,
и данные о полуострове, очевидно, заимствованы им из других источников. Надо думать, эти источники
имели, скорее всего, византийское происхождение.
6. Гаркави А.Я. Дополнение к сочинению... С. 32.
7. Гаркави А.Я. Дополнение к сочинению... С.19-20; Гаркави А.Я. Крымский полуостров до монгольского нашес-
тия... С.243 - 244.
8. Более подробно о значении Херсона как дозорного пункта см.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л. В.
Жизнь и гибель Херсона. Харьков, 2000. С. 276 - 280.
9. Айбабин А.И. Этническая история раннеизламского Крыма. Симферополь, 1999. С.227; Герцен А. Г. Визан-
тийско - хазарское пограничие в Таирске //История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

- С. 64; Цукерман К. Венчера в стране Лечебницы: новая держава на границах Византии и Халкидии ок. 836 - 889 гг. //Монография по археологии, истории и этнографии Таурии. Симферополь, 1998. Т. VI. С. 677 - 679.
10. Константин Басраниородный. Об управлении империи. М., 1889. С. 175.
11. Полное собрание русских летописей. 1926. Т. I. С. 51; Повесть временных лет. М.; Л., 1950. С. 37; Логинов А.В. Мираби: долгина и греки с заключением о X в., историко-правическое исследование //Записки Одесского общества истории древностей. 1904. Т. XXV. С.467; Дениченко М. В. Очерки по истории греко-византийских отношений. М., 1956. С.162.
12. Богданова И.М. Херсон в X - XV вв. Проблемы византийского города // Причерноморье и средние века. М., 1991. С.52.
13. Там же. С. 77.
14. Там же. С. 90.
15. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса VI - X вв. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып.3.
16. Якобсон А.Л. Визанско-средневековый Херсонес //Материалы и исследования по археологии. М.;Л., 1959. № 63; Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.;Л., 1964.
17. Богданова И.М. Херсон в X - XV вв. Проблемы византийского города... .
18. Романчик А.И. Херсонес XII - XIV вв. Историческая типология. Краснодар, 1986.
19. Сорачев С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и сибелъ Херсонеса...
20. Веселовский Б. Задание Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. //Журнал министерства народного просвещения. Саб., 1889. Январь. С.87 - 88.
21. Полное собрание русских летописей... С.45.
22. Богданова И.М. Херсон в X - XV вв. Проблемы византийского города... С. 89.
23. Васильевский В.Г. О построении крепости Саркела //Журнал министерства народного просвещения. Саб., 1889. Октябрь. С. 287.
24. Продолжатель Феофана. СНб., 1992. С.161.
25. Васильевский В.Г. О построении крепости Саркела. С. 288.
26. Константин Басраниородный. Об управлении империи... С. 37, 53.
27. Там же. С. 275.
28. Подробнее см.: Бертье-Делагард А.Л. Как Владимир осаждал Корсунь //Из истории Открытия русского языка и словесности. АН. 1909. Т. 14. Кн. I; Богданова И.М. О присоединении Херсона князем Владимиром //Византийский археолог. 1986. Т.47; Грекий Б.Д. "Повесть временных лет" о походе Владимира на Корсунь //Из истории Таурического общества истории, археологии и этнографии. 1929. Т.3. Эфтар В.М., Пашленко Ю. В. Херсонес Таурический и распространение христианства на Руси. Киса, 1988. С. 174 - 185; Оболенский Д.Л. Херсон и крещение Руси: против персональной трактовки заслуги// Византийский Временник. 1984. №55; Попов А. О причинах похода Владимира Святославовича на Корсунь //Вестник Московского государственного университета. 1978. Сер. 8. № 2; Романчик А.И. "Слон разрушения X в." в Херсонесе // Византийский Временник. 1989. №; 50; Дениченко М. В. Очерки по истории греко-византийских отношений... С. 340 - 385; Сорачев С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и сибелъ Херсонеса... С. 281 - 306; и др.

ПАМЯТНИКИ ГЛИПТИКИ ИЗ ХЕРСОНЕСА

Среди находок гемм и перстней в Херсонесе нет материалов древнее IV в. до н.э. По-видимому, ранние венцы являются предметами импорта - из Фракии, Египта, Ирана. На рубеже новой эры появляются венцы, выполненные в мастерских Италии и Боспора. И только во II-III вв. можно констатировать геммы, изготовленные в локальной, херсонесской мастерской.

Пожалуй, самой ранней является гемма, которую прежде считали "сердоликовой бусиной". Как нам удалось выявить в 1984 г., это - фрагмент ахеменидского цилиндра, вторично использованный в качестве пронизки ожерелья (инв.№ X.1853.5). На этой гемме первой половины IV в. до н.э. изображен конный воин, поражающий врага копьем. Гемма найдена в погребении второй половины I в.¹

Золотой перстень, найденный в 1899 г. в так называемом "подстенном склепе" (инв.№ X. 1899.9; рис.1), имеет изображение Афины Никифорос, очень близкое эмблемам фракийских монет царя Лисимаха (288-221 гг. до н.э.).² К искусству итальянской Александрии, видимо, следует отнести серебряный перстень с рельефным изображением Афродиты и Эротов (инв.№X. 1899.21 ; рис.2).³

К группе "итальянских перстней" относится бронзовый перстень с рельефным портретом, найденный в насыпи у 19 куртины (инв.№ X. 1900.40; рис.3)⁴. Мы отождествили изображение с портретом царицы Арисон II. Сходный по типу перстень, но с углубленной резьбой, хранится в Херсонесском музее (инв.№ 116/3659; рис.4). Он был найден в 1963 г. в некрополе у Песчаной бухты. Мужской портрет имеет близкие аналогии в боспорских находках. Это - Птолемей II Филадельф.⁵

Свидетельством итальянского импорта в Херсонесе являются несколько гемм. Сард с изображением Венеры Победительницы с Амуром (инв.№ X. 1898.23; рис.5) был найден в насыпи у куртины 16/17. Типично итальянский сюжет, повторяющийся на денариях Августа, восходит к эмблемам на печати Юлия Цезаря.⁶

Сардоникс с изображением скулптора у гермы (инв.№ X.1905.67; рис.6) был найден в погребении № 1688. Близкая аналогия ему имеется среди гемм, проходящих из Аквилен.⁷

По всей видимости, с присутствием римских легионеров в Херсонесе связаны такие темы на геммах, как императорские портреты или орлы в окружении легионерских значков и т.п. Портрет Филиппа Араба и его сына (инв.№ X. 1908.792; рис.7) найден в склепе №2684 с монетами II- III вв.⁸ На херсонесских геммах нет прямого обозначения № легиона, как на аналогиях из Софии (Legio XI Clandiae |Piae Fidelis| и Вены (Legio II), но смысл изображений тот же: "Romana aves, propria legiōnū pīpnā". Так же можно интерпретировать изображение орла, терзающего змею (инв.№ X.1905.16; рис.8). Эта гемма была найдена в могиле № 1647 с монетами III-IV вв.

Портрет боспорского царя Савромата II (175-210 гг.) - на красной яичке в железном перстне (инв. № X.1906.4; рис.9) был найден в катакомбе 2137.

В 1937 г. М. И. Максимова высказала мысль, что три херсонесские геммы из того же материала - продукция местной камнерезной мастерской⁹.

К этой группе относятся и портрет боспорского царя Котиса III (227-238 гг.), найденный в гробнице №1662 (рис. 10). Технические приемы, действительно, близки, но заметно изменение стиля, по пути от реализма к схематизму и упрощению.

Асклепий и Гигиена - красная яичка в серебряном медальоне (инв.№ X. 1894.13; рис.11). Это - статуарный мотив, и если в двух предыдущих геммах мастер обращался к боспорской тематике, то здесь явственна ориентация на Западное Причерноморье.

Святлище на горе Аргей в Каппадокии выражено на гемме из сердолика (инв.№ X. 1905.31; рис.12). Ориентация на локальный малазийский культ может говорить не об импорте, а о волне зачехлики - может быть, солдата или торговца родом из Малой Азии. Аналогичные геммы имеются в Британском музее (с надписью "Αυτοκός") и в Эрмитаже¹⁰.

Возможно, что и увеличивавшееся в эту эпоху число магических амулетов также связано с моральным и пестрым составом римских легионов в Северном Причерноморье. Тематика этому не противоречит: здесь и Серапис ("непобедимый"), Изиса и Гор, Марс и Венера. Из гробницы с мо-

иетами I-IV вв. (№2139) происходит стеклянный многогранник с надписью: МЕГА ТО ОНОМА ТОУ ФЕОУ (инв. № X. 1906.310)¹². Изидра и Анубис предстают на гемме из черной яшмы (инв. № X. 1905.70)¹³. Марс и Венера соединены со змееногим демоном на двухстороннем амулете из зеленой яшмы (инв. № X. 1908.61; рис. 13)¹⁴. Гор-Гарнократ с рогом изобилия предстает на зеленой яшме в серебряном перстне (инв. № X. 1908.204)¹⁵.

Некоторое число камней из Херсонеса сохранило свои древние оправы. Это - или головки Медуз, Эротов (рис. 14), или женские головки - возможно, портреты императриц III в. (рис. 15)¹⁶. Бюст воина, вырезанный на сердолике, видимо, является изображением Ахилла (инв. № X. 1906.21).

Интересны два новых имени резчиков из Херсонеса. На камее III в., где предстает Эрот верхом на льве (инв. № X. 1910.23), читается имя Леонтия. Оттиск на ткацком грузиле сохранил имя Сатира и имя мастера Тимолея (рис. 16)¹⁷.

В общей сложности, в развалинах и некрополе древнего Херсонеса было найдено больше 130 гемм и перстней-печатей. Этот материал, как видим, обладает исключительной информативностью.

Примечания

1. Неперов О.Я. Ахеменидский цилиндр из Херсонеса. СПЭ, вып. XLIX, 1984, с. 47, сл.
2. Неперов О.Я. Античные перстни. Каталог временной выставки. Л., 1978, № 88.
3. Там же, № 48.
4. Там же, № 71.
5. Неперов О.Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа. ВДН № 1, 1974, с. 108, рис. 4а.
6. Неперов О.Я. Итальянские геммы в некрополях Североонтических городов. Из истории Северного Причерноморья и античную эпоху. Л., 1979, с. 112, № 28.
7. Там же, с. 112, № 27.
8. Там же, с. 11, № 16.
9. Тацит. Летопись, 11, 17.
10. Максимова М.И. Античные печати Северного Причерноморья. ВДН № 1, 1937, с. 251, сл.
11. Неперов, Античные перстни, № 149.
12. Неперов О.Я. Гностические геммы, перстни и амулеты юга СССР. ВДН № 1, 1979, с. 102 № 49.
13. Там же, с. 100, № 17.
14. Там же, с. 98, № 5.
15. Неперов, Античные перстни, № 131.
16. Неперов, Античные камни, №№ 273, сл. и 325, сл.
17. Мильберг В.К. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг. МАР 5-8, СПб, 1892, с. 30.

ГРАФФИТИ ИЗ СВЯТИЛИЩА АПОЛЛОНА НА ЗАПАДНОМ ТЕМЕНОСЕ ОЛЬВИИ

Западный теменос Ольвии представляет собой уникальную сакральную зону, на территории которой было сосредоточено почитание многих божеств в отдельных святилищах: Аполлона Иетроса, Матери богов, Диоскуров, Гермеса, Афродиты, Афины, Диониса и других¹. Установить их имена удалось благодаря эпиграфическим материалам, главным образом - граффити. Большинство из них сохранилось крайне фрагментарно. Кроме того, многие граффити состоят только из одной-двух букв, реже - монограмм, которые, как известно, интерпретируются с разных точек зрения. Обломки керамики с надписями, вследствие больших нарушений культурных слоев и многочисленных выборок строительных остатков как в древности, так и в новое время, оказались разбросанными по всему культовому участку на глубинах от уровня античного до современного гумуса. Тем не менее, определенная часть посвящений, в частности верховым божествам, была обнаружена в пределах их предполагаемых святилищ. Целые сосуды или отделенные изделия с надписями единичны. Обращает внимание и то, что лишь в редких случаях удавалось найти все фрагменты от одного граффито, иногда в разные годы раскопок теменоса.

Из всего комплекса надписей наибольший интерес представляют разнообразные граффити с именем Аполлона и его эпиклезами, которые в полном объеме рассматриваются впереди². Оригинальные и наиболее сохранившиеся уже получили освещение в публикациях, поэтому здесь приводятся самые краткие сведения о них. По возможности больше внимания будет уделено ранее не опубликованным граффити. Все они, вместе взятые, помогают глубже понять основные аспекты и значение культа Аполлона в религиозной жизни ольвийополитонов.

В общем граффити с именем Аполлона (или только его эпиклезами) сравнительно немногочисленны, но наиболее информативны, содержат те или иные сведения как об авторах, так и собственно о характере культа этого божества, а также относительной ценности приношений в его святилище. Среди них особое место занимают надписи с эпиклезой Иетрос. Они относятся к древнейшим не только на данном культовом участке и в Ольвии, но и во всем Причерноморье, за исключением Борисфена. В контексте с археологическими материалами, они - бесспорное свидетельство того, что здесь было расположено его святилище с храмом и алтарями³. Сюда приносились дары и без указания этой эпиклезы, а также с другими его культовыми именами. Однако только среди граффити с эпиклезой Иетрос выделяются посвятительные и так называемые маркировочные (инвентарные). Последние, в свою очередь, служат подтверждением функционирования отдельного теменоса Аполлона Иетроса - собственно, "теменоса в теменосе", поскольку и тот и другой имели священные ограды.

1. Фрагмент края арханесской мицетской полихромной симы (часть овны, окаймляющего ее вазы и стержня). Граффито мелкими буквами прочерчено на боковой грани, начало повреждено сколов, конец обломан (Рис. 2, 1).

[Γ]Α[π] [βόλαι]· Ι[ητρ]τρού· Βοριθέων· [ος] μεδέορτς]
“Аполлону Иетросу, (илядике?) Борисфена”

По-видимому, посвящение было сделано строителем храма Аполлона Иетроса или же мицетским мастером, изготовившим по заказу этого храма архитектурный терракотовый декор. По палеографическим признакам граффито соответствует датировке симы третьей четверти VI в. до н.э., хотя в нем и зафиксированы некоторые элементы несколько более раннего шрифта⁴.

2. Фрагмент арханесского полихромного антефакса или акротерия в виде горгонейона. Буквы прочерчены на белых овах, начало обломано (Рис. 1, 1)⁵

Π[ητρ]ο - “Иетроса”

Очевидно, маркировочное граффито святилища Аполлона Иетроса. Соответствует по палеографическим признакам датировке этого типа архитектурной терракоты. Третья четверть VI в. до н.э.⁶

3. Фрагмент арханесского полихромного терракотового акротерия. Граффито крупными буквами прочерчено на оборотной стороне расписанной пальметты, состоит из трех букв (Рис. 1, 3)⁷.

Τ[ητρ]ο, - ρβ] - “Иетросу” или “Иетроса”

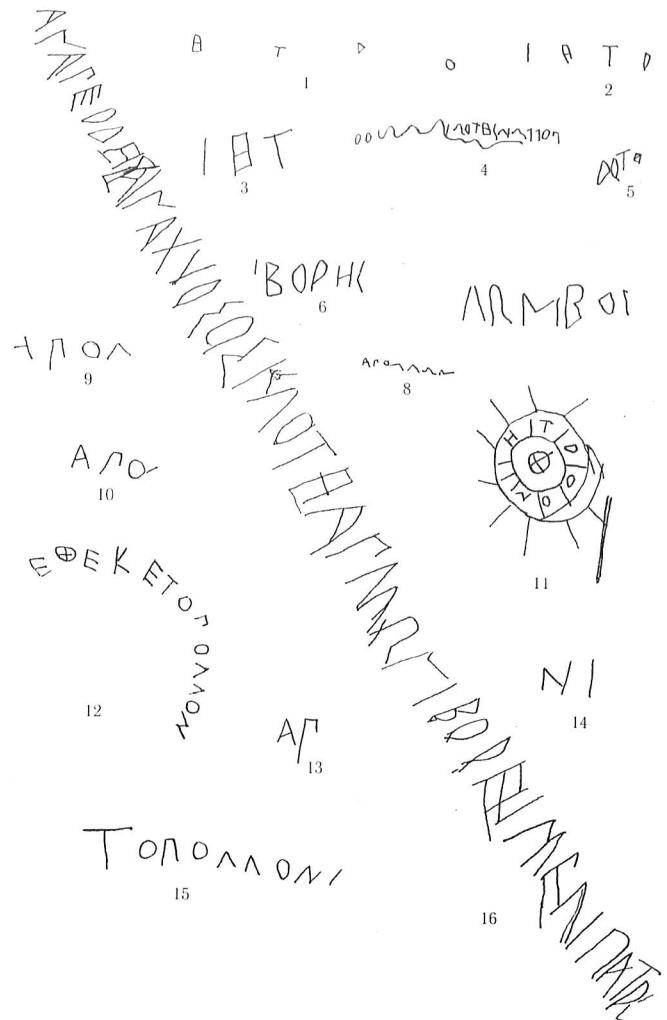

Рис. 1. Посвятительные и инвентарные граффити из святилища Аполлона.

Скорее всего, как и предыдущее, является маркировкой святилища Аполлона Иетроса ртторой половины IV в. до н.э.

4. Фрагмент архаического пантигриального каллиграфии, заканчивающегося дважды волнистым расписным антрафиксом (Рис. 1,11; 2,4). Граффито прочерчено на средней широкой грации. Представляет собой рисунок из трех неправильной формы концентрических окружностей. Во внутренней - две перекрещивающиеся линии. От среднего круга в стороны отходят семь прямых линий, в секторах между ними поставлено по одной букве, что вместе составляет название храма Аполлона Иетроса.

Τητρόβ· “Иетрои”

Внизу третьего круга поставлено дополнительное полукружие, от него отходят в разные стороны еще девять прямых линий⁹.

Название храма проясняет символику всего рисунка: центральный круг имитировал колесо - солнечный символ Аполлона; прямые линии - вероятно, солнечные лучи (их число, особенно семь, играло большую роль в его культе), а сам круг - солнечный диск, алтарь круглой формы или барабан колонны, исходя из строительного характера граффито. Оно имело вотивно-магическое значение и явно было специально прочерчено для возможного предотвращения каких-то неприятностей, которые могли случиться при сооружении храма или его дальнейшем существовании. Конец IV - начало V в. до н.э.

5. Фрагмент венчика родосско-ионийской чаши с пурпурными полосами первой половины IV в. до н.э. Граффито прочерчено на внутренней стороне по краю в ретроградной манере письма, начали обломано (Рис. 5,4).

ΓΑΠΩΔΛΩΙ(ι) Ιητρού - “Аполлону Иетросу”

Под надписью и за неё вдоль венчика небрежно процарапана волнистая линия, за которой два миниатюрных омикрона. Палеографические признаки граффито в целом соответствуют датировке сосуда. Это наиболее раннее появление на Западном теменосе¹⁰.

6. Фрагмент венчика родосско-ионийской тарелки с геометрическим орнаментом стиля Tardif

(Рис. 1,5). Граффито прочерчено на внешней стороне по орнаменту росписи в ретроградной манере письма, обломано начало.

Γητρό - “Иетрос”

Это наиболее раннее на Западном теменосе маркировочное граффито. Палеографические признаки надписи соответствуют датировке сосуда 580-560 гг. до н.э.¹¹.

7. Фрагмент ручки родосско-ионийского кратера с геометрическим орнаментом стиля Tardif (Рис. 1,2). Граффито прочерчено на внешней стороне ручки по росписи, конец обломан.

Ιητρ(ο) - “Иетроса” или Ιητρ(ω) - “Иетросу”

Соответственно роспись сосуда и манере письма, датируется 580-560 гг. до н.э.¹². Следует также отметить схожесть шрифта на всех трех надписях на сосудах: эта, замкнутая в прямоугольник, ρο без вертикальной нижней черточки почти треугольной формы, омикрон в виде неправильного овала. Граффито на чаше по сравнению с последними двумя имеет более архаичные черты и, возможно, относится еще к первой трети IV в. до н.э.

8. Фрагмент горла клаузоменской амфоры с окрашенным венчиком¹³. Граффито очень тонким острием неглубоко и весьма небрежно процарапано в основном на боковой внешней окрашенной части венчика крупными буквами:

‘Αναπέρτρς ‘Αναχρόφσ Εκδ(ό)λότη[с] ‘Απ(ό)λλωντ Βορή[μ] μέλι πατρ(όκοι?) ‘αμέθηκεν - “Ананперр, (сын) Ананхриса, сколот (?), Аполлону Борею мед отеческий (?) (посвятил)”¹⁴.

Палеографические признаки граффито отличаются в основном архаическим шрифтом: эта в виде прямоугольника с поперечной посередине, ρο напоминает вытянутый неправильной формы треугольник, удлиненная омега с едва заметными нижними концами, эпсилон с четырьмя длинными косыми, направленными вниз линиями, νιο с высокими поднятymi и укороченными косой и второй вертикалью, αλфа с косой гастрой и другие (Рис. 1,16; 3). Исходя из этого, можно предположительно отнести данное появление ко второй - третьей четверти IV в. до н.э.

Надпись процарапана без должной старательности, как бы второпях, и, бесспорно, непрофессиональным и не совсем грамотным адрантом. Из-за сложности ее прочерчивания на выпукло-

округлой поверхности венчика, буквы получились неровные, в большинстве отдельные вертикальные черточки соскальзывали вниз, иногда подправлялись. Так, в имени Аиаперр первая *ро* отличается от второй, большее напоминающей *дельту*. Однако при таком его прочтении это имя звучало бы как неприличное прозвище, что вряд ли возможно. *Сигма* первоначально было ошибочно прощущена и процаранна после начальной *альфа* следующего имени. Если исходить из того, что она имеет такую же форму, как и в первом имени, хотя ее верхние концы и не совсем четко замкнуты, то после нее стоит *ню*. Но если эта *альфа* была подправлена и косая гаstra прочерчена в обратном направлении и более глубоко, то здесь можно увидеть *йоту*. В таком случае не исключено альтернативное чтение имени. Представленное выше кажется предпочтительнее, вследствие сходного образования с впереди стоящим. Предположительный этнион "сколот" прочерчен еще более небрежно и маловразумительно, верхняя косая *каппа* испорчена сколом. Некоторые буквы не имеют завершений внизу или вверху.

Значительные отличия наблюдаются и в написании имени Аполлон. Прежде всего заметно, что все буквы в нем более широкие и выразительные: очень широкая *альфа* с косой гастрой влево, *ни* с косой верхней горизонтальной линией, две *лямбы* с длинными концами, почти соединяющими между собой внизу, *омега* представляет собой почти вытянутый вниз прямоугольник, первая вертикаль которого как бы перечеркнута косой линией, от второй несколько выше в сторону отходит такая же косая, с ней внизу соединяется первая вертикаль *ню*, вся буква по сравнению с остальными занимает большую места. В эпиграфе Борей *ро* и *эта* имеют почти сходную форму с предыдущими, однако две косые поперечные линии вышли за вторую вертикаль последней из них. Столъ же вытянуты косые поперечные в буквах предпоследнего слова. Обращает также внимание, что *ни* в последнем, в конце оборванном слове, имеет совсем иную форму, чем в первом имени: обе вертикальные линии вытянуты вниз, вторая несколько изогнута, что, конечно, не исключает того, что это другая буква.

9. Фрагмент стени нижней части аттического чернофигурного кратера третьей четверти VI в. до н.э. Граффити небрежно процарано на внешней стороне юдоли босой мужской ступни, об包围ано с двух сторон; по палеографическим признакам соответствует датировке сосуда¹⁵. Полностью сохранилось шесть букв, которые по аналогии с предыдущей надписью можно восстановить как посвящение 'Атл[ах]и[и]и Вор[и] - "Аполлону Борею" (Рис. 1, 7). Хотя буквы в ней и не столь крупные, как на венчике амфоры, тем не менее они имеют отдельные сходные черты. Прежде всего, обращает внимание небрежность: нижние концы большинства из них соскальзывают вниз, из-за чего они кажутся более узлинистыми по вертикали, чем на многих других надписях. *Омега* и *ню* имеют ярко выраженный архаичный облик, особенно первая из них вытянута по вертикали с едва намеченными закруглениями. По всей вероятности, посвящение было процарано еще на целом сосуде, а после того, как он разбился, верхняя и нижняя грани остракона были заглажены; с левой стороны заметен след от сквозной дырочки для подвещивания и превращения его в самостоятельный вотив или амулет. Большая нога шагающего мужчины (будь-то Аполлон или какой-то другой персонаж) в понимании оливниополита могла символизировать здоровье и силу, с просьбой о чем он вполне мог обратиться к Аполлону Борею.

10. Фрагмент стени трапециевидной формы с заглаженными краями, от аттической чернофигурной амфоры последней четверти VI в. до н.э. (Рис. 1, 6). На ней сохранилась голова воина в шлеме с высоким султаном, поднятым вверх на уровне с орнаментальной полосой. Нижняя часть лица закрыта круглым щитом. Граффито процарано сравнительно аккуратно на пластиках еще целой амфоры по орнаменту из вытянутых ов, судя по остаткам *йоты* у левого края стенки: 'Атл[ах]о'и Вор[и] - "Аполлону Борею". Впоследствии, очевидно, остракон использовался как самостоятельный вотив, судя по его заглаженным стенкам.

11. Два фрагмента дна аттического чернолакового килика первой половины V в. до н.э. Граффито процарано на внешней части подноса вокруг ножки, обломано с двух сторон (Рис. 2, 5). Скорее всего, оно имело отношение к культу Аполлона Эгинского, если читать его следующим образом: 'Атл[ах]о'с тай[ах]а[т]о vel·eu vel·tai·уиа[ло = тбл. Атл[ах]а[т]о]¹⁶. В имени Аполлон в последнем *омикроне* поставлена вертикальная черточка. Возможно, автор граффито первоначально ошибочно процаранал его в именительном падеже, а затем таким образом сделал исправления, поставив в *омикроне* *йоту*, а после нее вверху точку. Если это так, то оно представляет собой по-

священие Аполлону Эгинету¹⁷.

12. Дно фрагментированного аттического чернолакового скифоса. Граффито процарапано с внешней стороны по светлому фону глины. Надпись состоит из трех текстов, два из которых выражены непосредственно по нижней грани поддона, а третий закручивается по спирали от периферии к центру на плоскости внутри поддона (Рис. 4).

Все три текста надписи читаются сравнительно хорошо. На нижней грани поддона: 'Απόλλωνι' Δραφινίῳ(sic), 'Ιατρῷ(sic), Θαρρυλῇ(sic), Λικεῖ(sic) 'Αιδοκίδος(sic!) - "Аполлону Дельфинину, Иетросу, Таргелию, Ликую Андокиду (посвятил)". Там же, слегка отступив от предыдущей надписи: ΑΖΜΘ. Само собой разумеется, что интерпретация этих отдельных знаков может быть самой разной. Предположительно, исходя из характера культа Аполлона и его празднеств, можно предложить такую расшифровку: '(εν τῷ) 'α (καὶ) ζ' μῆρός Θαρρυλῶνος - "в первое и седьмое число месяца таргелиона".

На плоскости внутри поддона, начиная с верхней части: Ταυρέων, Θαρρυληλίων, Καλαμάιων, Πάνηρος, Μεταγεύτηλων, Βοτρύριψίων, Κιανεψίων, Απταντούρων, Ποσειδάνων(sic!), Ατρεών, Αιθεστηρών, Αρτεμισών - "Тауреон, таргелион, каламайон, панемос, метагейтнион, боздромион, куаненсон, аратион, посейдон, ленейон, антестерион, артемисион"¹⁸.

Таким образом, в этой уникальной надписи Андокида зафиксированы впервые не только в ольвийской, но, пожалуй, и во всей греческой эпиграфике одновременно четыре эпиклесы Аполлона - Дельфиний, Иетрос, Таргелий и Ликий, а также, что еще более важно, перечисление всех месяцев олимпийского календаря, который полностью соответствует милетскому¹⁹.

По хронологии, это - самое позднее посвящение (вторая четверть - середина V в. до н.э.), в котором содержатся эпиклесы Аполлона. Вместе с тем, на Западном теменосе найдено ряд разновременных посвятительных граффити Аполлону без эпиклес. Вполне вероятно, что на целых сосудах такие стояли, но по сохранившимся обломкам керамики их установить невозможно.

13. Небольшой фрагмент венчика аттического чернолакового килика. Граффито процарапано с внешней стороны под чернолаковой полосой по красному фону глины мелкими небрежными буквами, конец обломан (Рис. 1,8; 2,2).

'Απόλλωνι' - "Аполлону"

Над именем схематически изображена мужская голова в профиль с длинным носом и глазом в виде точки. Под именем - знак неясной формы, возможно, гамма. На внутренней стороне венчика две буквы ΙΘ. Последняя четверть VI в. до н.э.

14. Небольшой фрагмент венчика аттического чернолакового килика с круглым отверстием. Граффито процарапано по краю сосуда с внешней стороны, обломан (Рис. 2,3).

'Γανέθηκε: 'Απόλλωνι' - "...посвятил Аполлону"

Предположительно, первая четверть V в. до н.э.²⁰.

15. Два фрагмента нижней части аттической чернолаковой чаши. Граффито аккуратно прочерчено на внешней стороне вокруг поддона (Рис. 1,12; 2,7). Σαΐτόλος 'Απόλλορι - "Сайтиос Аполлону (посвятил)". В имени Аполлон вместо *ομεγη* поставлен *ομικρον*. Палеографические признаки надписи соответствуют датировке сосуда - близко середины V в. до н.э.²¹.

16. Три фрагмента аттического чернолакового или чернолакового килика. Граффито прочерчено на нижней части поддона по кругу (Рис. 2,7).

'Γανέθηκε τόπολλοι - "...посвятил Аполлону"

Обращает внимание ярко выраженная архаичная форма *ταξτή* с перекрестием после которой поставлен *επιστολη*, а также необычное для Ольвии написание имени Аполлон²². Последняя четверть VI в. до н.э.

17. Фрагмент стени аттической чернолаковой чаши. Граффито прочерчено с внешней стороны у придонной части (Рис. 1,15).

Τόπολλοι - "Аполлону"

Первая буква значительно крупнее остальных²³. Предположительно, V в. до н.э.

Все три предыдущих надписи прочерчены, по-видимому, ольвиополитами не ионийского (минетского) происхождения, или же приезжими элинами.

18. Миниатюрный фрагмент венчика чернолаковой чаши. Граффито прочерчено на внешней

стороне, обломано с двух сторон (Рис. 2,9).

...ος Ἀπόλ[λωνι] - "...Аполлону"

УВД по Н.Э.

19. Фрагмент дна аттической чернолаковой чаши. Граффито прочерчено на нижней части поддона, конец обломан (Рис. 1.9).

‘Απόλλων] - “Аполлону”

V B. ПОИЗ

20. Фрагмент стени родосско-ионийской тарелки стиля Tardif. Граффито состоит из двух букв АП, прочертено на внешней стороне (Рис. 1,13). Возможно, сокращенное написание имени Аполлон. 580–560 гг.

21. Фрагмент горла серого ювелирного сосуда (оинхой или кувшина). Граффито процарапано на внешней стороне, конец обломан (Рис. 110).

‘Απόλ[λοντι] - “Аполлону”

Первая половина V в. до н.э.

22. Фрагмент венчика серолощенного кувшина. Граффито прочерчено с внешней стороны (Рис. 1, 14).

[*Ларея*] — “Ледиону” В. В. зо и з

23. Миниатюрный фрагмент дна аттической чернолаковой чаши. Граффито прочерчено на нижней части поддона, обломано с трех сторон (Рис. 2-10). Всего пять ГГ-УМЛ № 1, "Аполлон".

Причины поломки М-2, табл. 2

Первый подионий V в. до н.э.

Рассмотренные посвящения Аполлону, как видно, имеют разное написание, что в значительной мере зависело от диалекта и манеры письма дедикантов в то или иное время их жизни, а также грамотности и конкретного этического происхождения. На Западном теменосе не обнаружены граффити с именем Аполлона или его эпиклазии позже V в. до н.э., что, очевидно, было связано с концом существования храма этого бога в ипостаси Петроса, который до основания был разобран приблизительно на рубеже двух последних четвертей этого века. Нельзя исключать, что

были и другие причины этого тельных граффити всем ольвийским божествам на обоях теменосах, начиная с IV в. до н.э. Вполне вероятно, что не сколько фрагментов донес от аттических чернолаковых чащ с одной алфой также при надлежали святыни Аполлона.

Тем не менее, в разные годы исследованиями Западного теменоса были найдены отдельные фрагменты наиболее интересной надписи, непосредственно касающейся культа Аполлона в Ольвии¹¹. Она процарапана на поддоне аттической черноливой чаши и состоит из двух разных текстов. Первый из них размещен на видимой боковой плоскости по кругу, в отдельных местах граффито испорчено выбоянами и сколами (Рис. 5-6).

Рис. 6. Надпись фиаса бореиков.

Καλλίνικος [Φιλόβεντος, Ποσεΐδωνος] Σωκράτου, Ήροσον Φιλοβέντονος Δημήτρη[ος] Σωκράτου, Φίλοι Σωκράτους βορεού θασίται - "Καλλίνικος, γιαν Φιλοκέσσα, Ποσεΐδονος, γιαν Σοκράτη, Γερόσον, γιαν Φιλοκέσσα, Δημήτριος, γιαν Σοκράτη, Φίλον, γιαν Σοκράτη - βορεικοί φιαστεῖς".

Вторая надпись более крупными буквами пропадрана на нижней, невидимой части подноса и также замкнута в круг. Она немного лучше сохранилась, состоит из отдельных пар слов:

"Ἀπόλλων· ὥλοιος", ὥλος· κόβος, κόβοις· φῶς, φῶς· φῶς, φῶς· Ἀπόλλων· - "Аполлон - солнце, солнце - земные блага, земные блага - свет, свет - жизнь, жизнь - Аполлон".

Скорее всего, такая интерпретация - наиболее рациональная. Она подчинена философско-логическому доказательству того, что вся жизнь на земле существует благодаря Аполлону, где он уподоблен солнцу, и космосу в его многозначном понимании, и свету, и вообще жизни на земле²⁵. Исходя из этого, ольвийский фияс бореиков занимался пропагандой религии Аполлона. Его члены, очевидно, хорошо знали философские учения своего времени о сущности бога, которого ольвийники считали своим главным покровителем и спасителем со временем колонизации Нижнего Побужья.

Палеографические особенности надписи не соответствуют датировке аттического чернолакового сосуда. Поскольку курсивный шрифт появляется в ольвийских надписях эллинистического времени, то линейное граффито было пропадрано на найденном донщике от него, которое могло послужить самостоятельным вотивным приношением в святилище Аполлона на Западном теменосе. По своей форме оно как раз имитировало символ Аполлона - солнце (колесо), что вполне могло согласовываться и с содержанием надписи, специально сделанной по окружности.

Помимо граффити, на Западном теменосе найдена одна фрагментированная свинцовая пластина прямоугольной формы типа штампа, посередине которой оттиснуто посвящение Аполлону в позднеэллинистическое время (Рис. 2,8). На это указывают палеографические признаки надписи: курсивная омега, маленький омикрон, аклесы на концах букв. При отсутствии других источников о существовании святилища Аполлона на Западном теменосе в столь позднее время, данная надпись в качестве оригинального вотива или специального штампа для изготовления керамических вотивов в его культе представляет особый интерес.

Примечания

1. Руслева А.С. Новые данные о культе Аполлона Врача и Ольвии // АДСР. 1988. С. 166-174; Она же. Исследование Западного теменоса Ольвии // ВДН. 1991. №4. С. 123-138; Руслева А.С. Investigations of the Western Temenos of Olbia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1994. I, 1. P.80-102; Ruzsëva A. Les temens d'Olbia à la lumière de son histoire du VI s. av. n. e., Religions du Pont-Euxin. Paris. 1999. P75-84.
2. Эта публикация - часть раздела о граффити коллекционной монографии "Преимущественный теменос Ольвии Понтийской", которая готовится к печати. Инициатором ее издания был Ю.Г.Виноградов. Он же должен был быть автором и соавтором отдельных разделов, а также ответственным редактором всей работы. К большому сожалению, эти планы ему не удалось осуществить. В соавторстве с Ю.Г.Виноградовым готовился и раздел "Граффити", основные данные этих надписей должны были послужить источником для написания других разделов, а частности - о культурах различных божеств, созвездиях с Милештом и брециами подписями Средиземноморья и Причерноморья, особенностях поселения на Западном и Восточном теменосах и т.п. С моей частью текста о всех граффити с Западного теменоса Ю.Г.Виноградов успел ознакомиться до поездки в Германию, но из-за большой загруженности собирался приступить к работе над ними только в следующем году. В последнем письме ко мне и на полях моих рукописи он сделал замечания и поправки относительно чтения только двух ранее не публиковавшихся надписей, которые будут особо выделены в этих примечаниях. Учитывая это, а также то, что наиболее интересные и яркие граффити из святилища Аполлона Нептруса уже рассматривались Ю.Г.Виноградовыми как в его отдельных работах, так и наших совместных статьях, я считаю своим долгом опубликовать группу данных надписей в соавторстве с ним. Само собой разумеется, что эта публикация была бы более совершенна, если бы смог рассмотреть их со свойственным ему методическим подходом в сопокупности и в сопоставлении с другими сходными надписями. Исходя из этого в настоящей работе я ограничиваюсь, а основным, кратким изложением фактического материала, не дискутируя относительно содержания или хронологии отдельных граффити с друзьями исследователями и не развивая собственные взгляды на характер и сущность культа Аполлона во взаимосвязи с тем или иным посвящением, поскольку не знаю, как бы я этим или иным способом поступила сам Ю.Г.Виноградов.
3. См. подр.: Руслева А.С. Религия и культуры античной Ольвии. Киев. 1992. С. 29-41; Она же. Культ Аполлона Нептруса в Северо-Западном Причерноморье // Богочество на Понта. Варна. 1998. С. 15 - 20; Ruzsëva A.S., Vinogradov Yu.G. Apollo letos. Hetscher von Istris, in Olbia (в печати).
4. Ср.: Руслева А.С. Милеш-Лидиии - Бореи-Ольвии. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДН. 1986. №2. С.42,43. Рис.3,5; 4,6; Она же. Религия и культуры античной Ольвии. С.37; Она же. Культ Аполлона Нептруса... С. 15. Рис. 1; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. Москва. 1989. С.79; Vinogradov Yu.G. Greek Epigraphy of the North Black Sea coast, the Caucasus

- and Central Asia // Ancient Civilizations from Skythia to Siberia. Leiden, 1994. I, I.P.65; Vinogradov Ju.G., Kryzickij S.D., Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordwestlichen Schwarze Meerstrand. Leiden, New York, Köln, 1995. S.111. Taf. 103, 1; Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Génese. 1996. 57; Токтасеев С.Р. Rez. L.Dubois. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Сенс. 1996. 208 pp. // Нургалиев. 1999. Vol. 5. Fisc.I. P. 186.
5. На основании того, что замыкания "эти" существуют в Миске только до середины VI в. до н.э., Ю.Г.Виноградов склонен был датировать его второй чеканкой этого века (См.: Политическая история Ольвийского поселения. С.79. Прим. 220).
6. Руслана. Милет-Лидими... С.43. Рис. 3.8; 4.4; Она же. Религия и культуры античной Ольвии. С. 33. Рис. 6.3.
7. Руслана А.С. Археическая архитектурная терракота из Ольвии // АДСП. 1988. С.43. Рис.10.
8. Руслана. Милет-Лидими... С.4.5. Рис. 3.6; 4.7. Она же. Религия и культуры античной Ольвии. С.33. Рис.6.5; Vinogradov Greek Epigraphy... Р.64; Vinogradov, Kryzickij. Op. cit. Taf. 105,3; Токтасеев. Эказ. соч. С. 186.
10. Ср.: Руслана. Милет-Лидими... С.42.Рис. 3.2;4; Vinogradov. Greek Epigraphy... Р.64; Vinogradov, Kryzickij. Op.cit. Taf. 105,2; Dubois. Op.cit. 56.
11. Руслана. Милет-Лидими... С.42. Рис.3;3; 4.3.
12. Там же. С.42. Рис. 3.4; 4.5.
13. Но столь неизначительным образом сложно определить тип амфоры. По данным исследований С.Ю.Монахова, ее предположительно можно датировать серединой-третьей четвертью 6 в. до н.э. (Ср.: Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплекс керамической тары. Саригом. 1999. С.38 сл.).
14. Мной предположительно даношло алгоритмическое чтение с трех отдельными именами, против которого решительно выступил Ю.Г.Виноградов, считая, что здесь может быть только однозначное его понимание. Поэтому интересно проанализировать его предварительную аргументацию без каких-либо изменений: "Но более всего потрясают, конечно, граффито на внешке кахломенского горла, пребывающее, однако, передатировка и перечертывания. Мне неизвестно, на кого оно ссылается в Прил. 1, 2, пр.т. однако, по новейшей разработке протагониста П. Дюпона (Dupont, East Greek Pottery (1998) 151-156, fig. 23,3), начало амфорного производствия в Кахломене лежит еще в конце VII в., а данный тип D (?) охватывает период 600-525 BC, причем все сама архаичная ширфа, особенно замыкания эта, не позволяют вынести надписи за пределы I пол. VI в.: я уже отмечал это и ранее (с. 79, пр.220) в связи со спортивными инишюрами граффито на симе № 1, поэтому наиболее резонно будет отнести новую надпись ко 2 четв.-сер. VI в., но позже (эпизод с четырьмя косыми чертами встретился пока лишь в имени 'Ιστροκλέης' с в одной изавой надписи из Смирны около сер. VII в. - Guarducci, EG 27(1). Текущее о технике выполнения граффито: ось надписи, проходящая по центру второй ручки через замыкания имена Андогла, показывает, что безусловно непрофессиональный донатор начал текст от первой ручки, а лакуна в конце его вместает до 10 - 11 букв, т.е. запросто мēλι πατρόβ[ιον] 'ανέθρκεν]. Но с другой стороны, при всем непрофессионализме (несколько ошибок!) картина безупречно одна рука, ибо однаковые формы граффи мы встречаем и в начале и в конце: наше мнение о трех руках, соответственно, происходит от нечестивого разбора имени, к которому и я перешел. Поскольку делата более низде в тексте не встречены, 7-ю букву можно смело принять за ру, т.е. читать первое как имя 'Ανάπτερρος, с компенсаторной геминацией (как в фесс.) и ЛИ 'Ανάπτερρος (ср. Папите́ррос) - новая γράμμα со значением "предпринимающий новую попытку, экзальтирующий, устрашающий" (см. обр. кораблем)". Концепция сима в этом ЛИ ошибочно пропущена, а затем исправлена. Второе ЛИ пишущий началь с разницей в алфы, переправляя ее в форматацию: отсюда чтение после нее ётны искажается. Шестая буква этого имени, действительно, более похожа на ру, чем на эпиксис, однако чтению здесь 'Ανάχιρος противоречит то, что следующее ЛИ Κλότη не только не засвидетельствовано, но и этиологически неизвестно. Отсюда я предпринимаю решительный шаг: после патронимика сына Анахарса поставил свой этникон Еκ<>λότη<>! При этом пропуск омикрон опровергает то же ошибку в имени Аполлона, а концепция симы - такая же в ЛИ Ανάπτερρος, лесь текст 'Ανάπτερρος 'Ανχύρος Σκ<>λότη<><> 'Απ<>όλλων Βορή μēλι πατρόβ[ιον] 'ανέθρκεν]. Предыдущий написок будущей критики, попробую все же доказать жизнеспособность этого варианта как единственного возможного. При всей сложности греческой грамотности, пишущий скрифт не слишком был искренен и писал, что присягал на несколько ошибок и корректируем исполнению ион. букв. Варианты этонима Σκολότης=Σκόλοτος (у Гер. IV,6,2) просто обясняют лингвистически, выбор им именно этой формы ил. Σκόφης можно списать на его звукодублирующее пристрастие к скифской старине. Точно так же можно опровергать и дублет 'Ανχύρος='Αναχάρσιος, или ранее всеобщая традиционная форма ЛИ скифского мытаря записывается сопровождена через столение после его смерти в Геродота и, кстати, б раз(!) о аттической прокотографии начиная с IV в., т.е. вполне могла быть грекализирована ('Ανάχαρσις), а иран.-скриф. звучит несколько иначе (ср.: Куклина, ВДИ 1971, №3, с. 114 и Абас, Осет. языки и фольклор 153). Вполне логично, что скифо-элинский мытаря спокойно сима греч. именем с той же первоосновой и обувил его греческой грамоте. Данные изографии Анахарса на робине и приложение его сына Аполлону Борею великолепно совпадают. Единственное, что мои аргументы несымы, то надпись становится подлинной сенсацией" (Последнее письмо Ю.Г.Виноградова А.С.Руслановой. Москва, 19.03.2000).
15. Руслана. Религия и культуры античной Ольвии. С.48.
16. Интерпретация граффито принадлежит Ю.Г.Виноградову. В последнем, вышеотмеченном письме он назвал его ошеломляющим и счтал, что "подобный красас дифтонгов засвидетельствован в мискеом уставе

- мозырю: *ἀστυμήτης*. Граффито выполнено золотом, но в дополнении пар. Г с умышленным дурац-
мом, хотя не исключен и пар. 2, подкрепляемый Панцирем (III 14,2): "Артемис Αἰγυπτία. В любом случае,
это второе после знаменитого якоря Сократии из греческих свидетельство почитания Аполлона Эгипета".
17. По сведениям Панцирия, на Эгине недалеко отруг от друга стояли при храме: Аполлон, Артемида и Дионис.
Причем, Аполлону была поставлена деревянная статуя в виде обнаженной фигуры местного иконотопления
(Ил. 30,1). Скорее всего, это был фронтон кеноскоп. Благодарственное приношение своему божу в ольвийское
святилище Аполлона мог преподнести и привезший с Эгина.
18. Подроб. см.: Виноградов Ю.Г., Рудсена А.С. Культ Аполлона и календарь в Ольвии // ИАСИ, Киев. 1980. С. 19-
64; SEG 30, 977; LSAI (2) 479 O, 421, pl.80; Vinogradov, Kruglikij. Op. cit. S. 111, Taf. 106,1; Vinogradov Ju. G.
Pontische Studien. Meinz. 1997. S. 78 ff.; Dubois. Op. cit. 99 (с личн.): Токарьевская. Указ. соч. С. 191.
19. Исходи из того, что донника с граffiti было найдено в святилище Гермеса и Афродиты, первоначально -
еще до открытия святилища Аполлона Петроса - считалось, что почитинный дар Андокида был преподнесен
этим божествам (Виноградов, Рудсена. Указ. соч. С. 33). В настоящее время, поскольку обломки керамики с
посвящениями разным божествам были разбросаны по всему Западному тименосу, следует считать, что
значила целый скифос находился в святилище этого божа, которому он был посвящен.
20. Рудсена. Религия и культуры античной Ольвии. С.30. Рис. 6,10.
21. Там же. С. 30. Рис. 6, 12.
22. Ср.: Giarducci M. Eritragica grecas. Roma. 1967. I. P. 330.
23. Рудсена. Религия и культуры античной Ольвии. С.30. Рис. 6,8.
24. Там же. С. 18-21, 196, 197. Рис. 4.
25. Ср.: Рудсена. Религия и культуры античной Ольвии. С. 18 - 21; Она же. Культ Аполлона Петрос... С. 17; Dubois.
Op.cit. 95.

СКУЛЬПТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В НАУЧНЫХ ТРУДАХ Ю.Г.ВИНОГРАДОВА

В научных трудах выдающегося историка и эпиграфиста Ю.Г.Виноградова, внесшего огромный вклад в отечественное и мировое антиковедение, разрабатывались разнообразные проблемы. Хотя ученый прямо не занимался изучением произведений искусства, тем не менее, он часто при решении того или иного вопроса касался отдельных памятников, акцентируя основное внимание на их значении в политической жизни граждан античных полисов Северного Причерноморья. Именно в этом аспекте я попытаюсь рассмотреть те произведения скульптуры, на основании которых в сопоставлении с надписями они решали интересные и важные вопросы политической истории этих государств.

Ю.Г.Виноградов внес много нового в интерпретацию уникальной мраморной стелы Леокса, сына Мольлагора, найденной случайно еще в 1895 г. на ольвийском некрополе и хранящейся в Херсонесском краеведческом музее. Как ни одна скульптура из Ольвии, она неоднократно рассматривалась многими исследователями с разных точек зрения¹. Однако только Ю.Г.Виноградов впервые четко сопоставил её с исторической ситуацией в Нижнем Побужье, возникшей в связи с появлением скитских чекиников в начале V в. до н.э. По его мнению, стела Леокса, на которой с одной стороны изображен стоящий обнаженный юноша с коньем или посохом, а на другой - стоящая фигура амазонки в восточном одеянии с горитом у левого бедра и стрелой в руках, датируется около 490 г. или вторым десятилетием V в.². На основании цитательного анализа этого памятника, он предложил иную реконструкцию метрической эпиграфики:

Памятник доблести, я говорю, что видели за отчину
Жизнь отдавший, лежит сын Мольлагора Леокс.

Здесь уместно привести рассуждение ученого, свидетельствующие лучше всяких доказательств, сколь важно для него было выяснить причину гибели Леокса: "В каком же сражении пал Леокс, сын Мольлагора? Ответ на этот вопрос могла бы подсказать сама датировка памятника и сюжеты его рельефов. В них ольвийским художником отчетливо противопоставлены два начала: элинское в образе обнаженного прекрасного юноши-воина, символизирующего все достоинства воспитания в духе калокагатии, и варварское в облике представительницы племени воительниц-амазонок, постоянно сражавшихся с греческими героями-гоплитами. Иными словами, мастер стремился сказать своим произведением, что ольвийский воин-аристократ (что следует из его имени и отчества) пал за отчество в одном из сражений со скитами, которыми, видимо, была так полно история Ольвии второго десятилетия V в. Причем выразил свою идею художник не грубо и прямолинейно, но в лучших традициях элинского искусства, вырезав рельеф (как сделали бы, например, его египетские или персидские коллеги) не просто погибшего врага и даже не уничтоженного варвара-скита, но прекрасно и уточнено выполненную фигуру амазонки, метафорически олицетворяющей собой противостояние и противопоставление двух миров и двух идеологий - эллинизма и варварства, оппозиция которых стала особенно настойчиво заявлять о себе после разгрома Ионийского восстания и похода Дария на Элладу. Не исключен, конечно, и "тонический" аспект образа амазонки, но опять же не как абстрактного, но конкретного по своему этносу олицетворения смерти"³.

В этом пассаже Ю.Г.Виноградов ярко продемонстрировал свой научный стиль, талант историка, прозорливое понимание стремлений ольвийского ваятеля выразить изобразительными средствами символику героизма и смерти в период вооруженной конфронтации ольвийянтов со скитами, которая "отя и была непродолжительной, но получила отражение в этом прекрасном памятнике ольвийского искусства".

Большое место в работах Ю.Г.Виноградова занимает рассмотрение фактов установления статуй в Ольвии на основании отдельных, иногда совсем незначительных фрагментов надписей. Так, один из них долгое время считался вертикально поставленной на стеле⁴. Внимательный анализ не только остатков букв, но и округлого углубления на камне, аналогичное которому находилось на базе статуи курсуса, посвященной в Дельфы сыновьями паросского скульптора Харопина в середине VI в. до н.э., позволило ученому продатировать этим же временем фрагмент ольвийского памят-

ника, а также восстановить его тип⁵. Базируясь на данном исследовании, можно уверенно считать, что в это время ольвиополит Археанаке на свои средства поставил в Ольвии статую курсара на прямогоугольной базе с посвятительной надписью, от которой сохранился маленький угловой обломок с четырьмя последними буквами имени.

Фрагменты скульптур архаических курсаров, как привозных, так и ольвийских неоднократно находили при раскопках города и его некрополя⁶. Однако реконструированный Ю.Г.Виноградовым памятник представляет собой один из важнейших и древнейших источников, свидетельствующих о том, что в Ольвии уже в столь ранее времена стояли статуи с посвящениями божествам, которые богатые граждане заказывали скульпторам, очевидно, из своей метрополии - Милета, а затем привозили их в основанный ими полис. Не исключено, естественно, что сюда доставляли только мрамор, а приезжие мастера изготавливали статуи на месте.

Тонкий знаток ольвийских надписей, Ю.Г.Виноградов со свойственной для него прозорливостью и собственными методическими приемами, владея колоссальным багажом знаний в области античной истории и эпиграфики, впервые проследил эволюцию государственного устройства Ольвийского полиса и время установления демократии. Главной источниковой базой для решения этой кардинальной проблемы его историю послужили посвящения на постаментах статуй, синхронность которых, - первая четверть IV в. до н.э., - доказана палеографической, стилистической и просопографической близостью⁷. Их всесторонний анализ позволил исследователю выявить значительные изменения в истории Ольвии, связанные со спрекращением тирании и спасением города от скитскихnomadov, в результате чего были поставлены статуи Зевсу Элевтерию (Освободителю), а приезжие мастера изготавливали статуи на месте.

Соответственно им, Гекатеон, сын Тикесия посвятил этому богу, как восстанителю и покровителю свободы статую отца; неизвестный по имени гражданин воздвиг по одному обету статую своего отца Еврисения, посвятив ее, по другому обету, Зевсу Элевтерию. Вместе с тем, Еврисий, сын Сириска построил в честь этого бога башни городских оборонительных стен. В это же время была поставлена статуя в честь неизвестного гражданина, свергнувшего в Ольвии тиранию, подвиг которого был запечатлен в эпиграмме на постаменте⁸.

"Воздвигжение статуй освободителям полиса от тирании было в древности одной из наиболее выдающихся почетостей, - отмечал Ю.Г.Виноградов. - Поставление одного из малоазийских городов, по всей видимости Эрифф, вотированное, скорее всего, в первые годы III в. до н.э., гласит, что олигархи этого полиса в годы своего правления выхватили меч из рук бронзового изваяния Филиппа, убившего местного тирана (точ *αποτελεῖσθαι τον τυράννον*), подозревая в постановке его статуй актио, направленную против их власти. Декрет предписывает восстановить скульптуру в прежнем виде, а также позаботиться о регулярной чистке ее от ядовитой патины (*τούν*) и увенчании вовремя праздников с соответствующими организационными и финансовыми распоряжениями... Все приведенные свидетельства показывают, какими выдающимися почетами облекались в греческих полисах тираноубийцы; одной из первых и самых важных из них было награждение статуей. Такой же высокой наградой был отмечен и неизвестный нам по имени гражданин Ольвии, свергнувший где-то в начале IV в. тиранию"⁹.

Проанализировав все эти памятники в сопоставлении с аналогичными посвящениями Зевсу Освободителю в других регионах античного мира, Ю.Г.Виноградов убедительно доказал, что в Ольвии окончательной победили демократы во главе с Еврисием, сыном Сириска, имя которого на весь последующий период существования Ольвии осталось популярным среди городской элиты.

Исследуя специфику ольвийской демократии в эллинистическое время, ученый особое внимание уделил декрету в честь Каллиника, сына Евисена, высеченного на мраморном постаменте его статуи¹⁰. Этот ольвиополит был удостоен беспрецедентного в античном мире огромного денежного вознаграждения в тысячу золотых и постановки его статуи, которую ольвийский демос посвятил Зевсу Сотеру. Согласно Ю.Г.Виноградову, это была бронзовая статуя¹¹. Каллиник представляется собой героя, сумевшего мобилизовать все силы на оборону Ольвии против войска полководца Александра Македонского Зоприона, а затем проводившего важные мероприятия для обновления многих сфер полисной жизни, что в итоге способствовало установлению радикально-демократического режима, экономическому и культурному расцвету полиса¹².

Следуя своим методическим принципам для подтверждения выводов, ученым рассмотрел син-

хронный вышеотмеченному памятнику, найденный на острове Левке¹⁴. От него также сохранилась только часть постамента с декретом в честь неизвестного по имени ольвиополита, который уничтожил пиратов и очистил священный остров Ахилла от этих грабителей, за что ольвийский демос поставил ему там же статую. По габаритам прямоугольной базы и расположению следов крепления на верхней грани, Ю.Г.Виноградов резонно считал, что она представляла собой изваяние всадника на спокойно шагающей лошади¹⁵.

Это же отмечается и при рассмотрении близкого по времени херсонесского декрета в честь Агасикала, сына Ктесии, которому благодаря херсонеситы также поставили конную статую¹⁶. Обращает внимание сходная интерпретация обоих памятников, где по следам крепления на верхней плоскости постамента Ю.Г.Виноградов восстановил тип статуи: "Агасикал был изображен восседающим на спокойно стоящей лошади"¹⁷.

Для подтверждения такой реконструкции обеих статуй (неизвестного ольвиополита на острове Левке и Агасикала в Херсонесе) он опирался на специальное исследование эллинистических памятников всадников¹⁸. На основании детального изучения базы статуи Агасикала, имеющей сложную профилировку и рефлективные изображения венков, Ю.Г.Виноградов также считал, что она была установлена "на высоком поколе и примыкала в согласии с эллинистической архитектурной практикой (Ibid. S. 34-38) - к углу какого-то монументального общественного здания - храма, портика и т.п., что еще больше подчеркивало заслуги честуемого"¹⁹. Одновременно было отмечено выдающееся и неординарное значение этого изваяния, вытекающее из того, что в Северном Причерноморье на то время было известно только три базы с почетными надписями от конных статуй²⁰. Для воссоздания государственно-деятельности Агасикала (а вместе с этим и политической истории Херсонеса Таврического) особый интерес представляет рассмотрение исполненных им ординарных магistratur, отмеченных в пяти венках на боковой грани постамента. Ю.Г.Виноградов принял к пониманию важности и первостепенной значимости изображений венков на его лицевой грани. Каждый из них содержит указание на исполнение Агасиклом важнейших полисных должностей, за успешное завершение которых херсонесский демос удостоил его постановкой столы редкого в Северном Причерноморье античной эпохи памятника.

Сведения о конной статуе в Ольвии зафиксированы в декрете в честь Никерата, сына Папия, первой четверти II в. до н.э.²¹. В отличие от первых трех, в нем прямо указывается, что демос поставил ему конную статую. Опечаленные вероломной гибелью прославленного гражданина, постоянно заботившегося о благе государства и отдавшего жизнь, спасая людей, отправившихся в Гилюю, ольвиополит помимо статуи организовали ему торжественные похороны и постановили награждать его ежегодно венком на народном собрании и во время проведения конных агонов в честь Ахилла. В начале своей деятельности Никерат также отличился тем, что будучи специально посланным в Херсонес Таврический, успешно умноживши его граждан и был награжден ими статуей и изображением²².

Более детально Ю.Г.Виноградов развил свою точку зрения о конных изваяниях в одной из последних статей, посвященных великолепному памятнику первой четверти III в. до н.э. из Тира²³. Здесь более, чем в других работах, было удалено внимание описанию и анализу сохранившихся фрагментов постамента и его реконструкции. Опираясь на то же исследование Х.Зидентопфа об эллинистических памятниках всадников²⁴, Ю.Г.Виноградов уверенно воссоздал по аналогии его иконный облик²⁵. "Внушительные габариты монумента, а главное - схема крепления скульптурного изображения, которая более подходит к конным статуям, заставляет думать, что в Тире был воздвигнут памятник в честь выдающегося согражданина в облике гардиующего на коне всадника. Наш тип постамента для конных статуй возникает как раз в конце IV в. до н.э."²⁶.

При решении вопроса о том, на какой стороне постамента (торцевой или фасовой) были выполнены эпиграмма и декрет, Ю.Г.Виноградов также предположил, "что в эллинистической Тире размеры и застройка площади, на которой была выставлена конная статуя, не благоприятствовали ее фронтальному обзору, а потому вынудили архитектора и скульптора вырезать почетные документы на длинной боковой грани базы, что, кстати, соответственно главному ракурсу обозрения статуарных изображений всадников"²⁷.

Ученым раскрыто на ряде примеров значение конных статуй для установления основных заслуг, за которые человек удостаивался такой высокой почести. Чаще всего такого типа памятники

воздвигали тем, кто совершал подвиги для спасения людей. В данном случае гражданин Тиры Автокл, сын Ойниада доставил хлеб из Истрии, несмотря на ряд трудностей и предпринял все возможное для возрождения Никония, за что и был удостоен конной статуи, на постаменте которой были высечены не только декрет, но и хвалебная эпиграмма.

Очевидно, в эллинистическое время даже в период кризисов постановка статуй считалась главной наградой заслуженным гражданам полисов и иноzemцам, оказывавшим большие услуги и содействовавшим преодолению экономических нужд. Ю.Г.Виноградов показал это на примере ольвийского декрета середины III в. до н.э. в честь герсонесита Аполлония и его сыновей²⁹. Благодарные ольвиополиты сначала поставили статую Аполлоюю, а затем рядом с ней и его сыновьям Аполлодору, Аполлонию и Эвфорону, поскольку они проявили великодушие и продолжали оказать благодеяния Ольвийскому государству в трудное для него время.

В обширной публикации декрета в честь Антестерии Ю.Г.Виноградов не только дал всеобъемлющую характеристику развития Ольвии во второй половине III в. до н.э., но и детально рассмотрел рефлексные изображения в верхней части стелы с надписью³⁰. Он первым дал их описание: “Верху стела украшена фронтом с акротерием и двумя антefиксами по бокам, левый из которых слегка поврежден, а правый - почти полностью сбит еще в древности. Карниз под фронтом украшен изящно вырезанным лесбийским киматом: полосой ов, чередующихся с бутонами лотоса. В тимпане фронтона, украшенном вверху профилизированной рамкой, тщательно вырезано по-грудное изображение музской фигуры в фас, одетой в гиматий, оставляющий открытой шею. На голове пышная прическа, локоны которой двумя длинными прядями ниспадают на плечи. За спиной фигуры с правой стороны вырезано изображение лиры. Этот атрибут, как и общая иконография образа, не оставляют сомнения, что перед нами главное божество Ольвии - Аполлон, представленный здесь, скорее всего, в ипостаси Кифареды³¹.

На основании сопоставлений изображенного внизу круглого профилизированного алтаря, украшенного посередине гирляндой из лавровых листьев, не характерных для ольвийских памятников, ношедшего распространение на стеле Месембрин, Одессоса и особенно Аполлонии Понтийской, Ю.Г.Виноградов аргументированно доказал наличие “связей Ольвии с полисами Западного Понта (прежде всего с сестринским городом Аполлонием), прослеживаемых для эллинистической эпохи по многим другим источникам и охватывающих, как видно, даже сферу деятельности мастеров мелкой пластики и резчиков надписей”³².

Длительный период два ольвийских фрагмента из плотного мраморовидного известника серого цвета с началом надписи считались надгробием³³. Ю.Г.Виноградов “при работе в лапидарии Одесского археологического музея по сбору материалов и подготовке к переизданию I тома Корпуса В.В.Латышева”³⁴ обнаружил еще один фрагмент от этого памятника, что позволило ему сделать реконструкцию всей надписи.

В аспекте данного обзора наиболее важным представляется мнение Ю.Г.Виноградова о том, что в I в. н.э. Арета, дочь Папии поставила статую своей матери, которую посвятила популярной в Ольвии богине Кибеле (Матери богов)³⁵. Этую Арету он отождествляет с известной в Ольвии Аретой, женой Еврисикии Каллисфенова, которые еще при жизни соорудили себе надгробный памятник - каменный склеп с курганом над ним. Так это на самом деле или нет, утверждать уверенно вряд ли возможно, но главное то, что теперь при изучении ольвийской скульптуры нельзя не обратить внимания на смелую реконструкцию памятника, воздвигнутого Аретой в честь своей матери в этом полисе.

В завершение данного краткого историографического обзора следует также сказать, что Ю.Г.Виноградовым была написан небольшой очерк о искусстве Ольвии для монографии “Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordwestlichen Schwarzwaldraum” (в соавторстве с С.Д.Крыжицким)³⁶. В нем рассмотрены важнейшие произведения изобразительного искусства двух главных категорий: импортные и изготовленные местными мастерами. Ученый отмечал, что достоверные критерии для определения последних четко не разработаны, в связи с чем, по ряду признаков (материал, техническое исполнение, сюжет, стиль и т.п.), можно точно или очень приблизительно установить место изготовления того или иного памятника.

По данным основных публикаций Ю.Г.Виноградовым кратко охарактеризованы скульптура, коропластика, торевтика и глипттика, художественное литье из цветных металлов и расписная кер-

рамику. Относительно монументальной скульптуры он подчеркнул, что ее изготовление началось в Ольвии уже в позднеархическое время и находилось под сильным влиянием малоазийского искусства метрополии³⁶. Скульптура курсоса, выполненная из ольвийского известняка по традиционной схеме, представляет собой оригинальный памятник местного ваятеля. К произведениям ольвийской пластики, опирайся в основном на мнение А.П. Ивановой, Ю.Г.Виноградов отнес и выше-рассмотренную стелу Леокса, сына Молыагора.

Сравнительно подробно им описаны витиевые рельефы коллегии ситонов, как оригинальное произведение ольвийской скульптуры периода эллинизма; наряду с ним отмечены и другие рельефы неизвестных ольвийских мастеров на стелах с посвящением Глике (голова Афродиты), с декретами в честь родосца Агасиса (голова Гелиоса) и Антестерия (протома Аполлона)³⁷.

Таким образом, рассмотрение Ю.Г.Виноградовым в разных научных трудах произведений скульптуры в основном подчинено логике историко-этнографического исследования и особыму пониманию исторического и культурного развития как Ольвии, так и Херсонеса Таврического и Тира в тот или иной период их существования. Тем не менее, его точка зрения, оценочный характер многих памятников, наряду с содержанием надписей, наблюдения и сопоставления с памятниками эллинистических ваятелей, а также более точное определение хронологии и установление связей между самим памятником и событиями, происходившими в полисах, очень важны для дальнейшего изучения античных произведений искусства Северного Причерноморья.

Примечания

1. См. лит.: Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VIII вв. до н.э. Историко-этнографическое исследование. Москва. 1989. С. 87-90; *Idem. Die Stèle des Leoxos, Mülpauges' Sohn, aus Olbia und die skythisch-griechischen Beziehungen im frühen 5. Jh. V. Chr.* *Archäologischer Anzeiger.* 1991. S. 499-510; *Idem. Pontische Studien.* Mainz. 1997. S. 230-241.
2. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса... С.88; *Idem. Pontische Studien.* S. 232f.
3. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 88-89.
4. Найдены Ольвии. Ленинград. 1968. 103.
5. Виноградов Ю.Г. О методике обработки этиографических памятников (по ольвийским материалам) // Методика изучения древнегреческих источников по истории народов СССР. Москва. 1978. С.66, 67, рис. 6a, 6b; *Idem. Pontische Studien.* S. 102, 372.
6. См. лит.: Чубрицкий А.П., Лесникова М.М. Ольвийский курс // Художественная культура и археология античного мира. Ленинград. 1976. С.210-217; Руслан А.С. Скульптура // Культура населения Ольвии и ее окрестей античного времени. Киев. 1987. С. 13-15-17.
7. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 135 сл.
8. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 141 сл.
9. Там же. С. 143, 144.
10. Там же. С.148; *Vinogradov Ju.G. Pontische Studien.* S. 212, 215, 516, 520.
11. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса ... С.153-164; *Idem. Pontische Studien.* S. 276-322.
12. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса ... С. 156.
13. Там же. С. 163, 164.
14. Там же. С. 164 сл.
15. Там же. С. 164.
16. Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. Москва. 1990. С. 350, 351; *Vinogradov Ju.G. Pontische Studien.* S. 461f.
17. Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства. С. 351.
18. Siedentopf H. Das hellenistische Reitdenkmal. Wädenswil. 1968.
19. Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства. С.351; *Vinogradov Ju.G. Pontische Studien.* S. 462. Прим. 202.
20. Там же. С.350, 251. Прим. 201; *Vinogradov Ju.G. Pontische Studien.* S. 402.
21. IOSPE F, 34; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса ... С. 183 - 188.
22. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса ... С. 185.
23. Виноградов Ю.Г. Истрия, Тира и Никоний, покинутый и возрожденный //Нумизматика и этиграфика. Москва. 1999. XVI. С. 50-71.
24. Siedentopf H. Ор. сл.
25. Виноградов Ю.Г. Истрия, Тира и Никоний, покинутый и возрожденный. С.51, 52.
26. Там же. С. 52.
27. Там же. С. 52.
28. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса ... С.209 - 217.
29. Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 52, 53; Он же. Политическая история Ольвийского полиса... С. 194.
30. Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия ... С.52.
31. Там же. С. 53.

32. *Лит. см.*: Виноградов Ю.Г. Ольвийская эмита императорской эпохи (по эпиграфическим документам из собрания ОАМЕ: HO 100 + IOSPE: F 309; 221) // *Hyperteknos*. 1996. Vol. 2. Fasc. 2. C. 127, 128.
33. Там же. С. 128.
34. Там же. С. 133, 134.
35. Vinogradov Ju.G., Krynickij S.D. *Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordwestlichen Schwarzen Meerraum*. Leiden, New York, Köln. 1995. S.98-108.
36. Op. cit. S.99.
37. Op. cit. S. 100, 101.

СЕРЕБРЯНЫЙ РЕЛЬЕФ С ОБРАЗОМ "RANKENFRAU" ИЗ КРЫМА

В частной коллекции в Москве хранилась серебряная пластина со штампованным по матрице рельефом, по сообщению владельцев, найденная в Крыму. В 1995 г. памятник был предложен к закупке Государственному музею изобразительных искусств им. А.С.Пушкина¹, однако, не был приобретен Музеем в связи с финансовыми трудностями. Детали изображений на лицевой и оборотной сторонах рельефа свидетельствуют о том, что рельеф был оттиснут с лицевой стороны в негативной матрице (рис. 1 - 2). Тонкая серебряная пластина имеет треугольную форму с закругленным нижним концом и выпуклую поверхность.

Учитывая форму пластины и отверстия вдоль ее краев, можно предположить, что она служила инкапсулью деревянного сосуда типа накладок, происходящих из скитских курганов². Однако, формы таких золотых апликаций на сосуды несколько отличаются. По форме публикующийся рельеф скорее можно сравнить с двумя греческими апликациями IV в. до н.э. с изображением Ганимеда с орлом, предположительно происходящими из Пренесте, в настоящее время в Балтиморе³, и плечевой пластиной панциря неизвестного происхождения, украшенной рельефным изображением верхнюю головы амазонки Пентесилеи, хранящейся в Бостоне, и датированной раннезадорическим временем⁴. Таким образом, скорее можно предположить, что рассматриваемый рельеф также представляет собой украшение плечевой пластины панциря, несмотря на то, что на пластине нет шарниров. Серебряный рельеф мог быть налит на кожаное основание.

На краю пластины проходит гладкая полоса обрамления шириной 0,3–0,5 см. Центральное поле пластины украшает образ так называемой "Rankenfrau", выполненный в высоком рельефе. Представлена фронтальными женской фигура в высоком головном уборе типа калафа, с ожерельем с подвесками на шее и в подвешанном хитоне с вертикальными складками. На уровне груди изображены два завитка, каждый состоит из двух параллельных линий. Край драпировки вису оформлена складками в виде "ласточкина хвоста". В верхней части рельефа оттискована пальметта с цветком в центре, прорастающим из калафа, с симметричными завитками, состоящими из шести длинных листьев с каждой стороны. Другой цветок прорастает из ног богини в нижней части рельефа, по обеим сторонам его изображено по головам грифонов с открытым пастью на коротких шеях с выделенными горизонтальными линиями, также прорастающей из нижней части туловища богини. По обеим сторонам от цветка из нижней части туловища богини прорастают и головки на длинных шеях, закрученных вверх с орнаментом из поперечных рельефных линий. Сами головки, изображенные в профиль, сохранились плохо, однако, очевидно отличие этих головок от головок грифонов, изображенных внизу. Здесь представлены головки львиноголовых грифонов, в пользу этой интерпретации свидетельствует черты передней части морды и длинные закрученные в верхней части рога. Обеими руками, согнутыми в локтях, опущенными вниз, богиня держит грифонов за шеи у основания головок.

Стилистическое женское существо, изображенное на рельефе, обнаруживает близость к изображению на золотом налобнике из Цымбалки середины IV в. до н.э.⁵ Другой налобник, аналогичный найденному в Цымбалке, но выполненный из серебра и позолоченный, был обнаружен в Толстой Могиле⁶. Можно предположить, что оба налобника были оттиснуты в одной и той же матрице. Очевидно, что изображения на налобниках более сложные, чем на публикующем памятнике. Пожалуй, наиболее существенное отличие заключается в трактовке завитков и пальметт в нижней и верхней частях налобников - они более вытянутые, более элегантные и имеют более сложную форму, впрочем, отчасти эти различия обясняются самой формой налобников. Мастер, изготавливший матрицу для публикующего рельефа, вероятно использовал в качестве образцов предметы типа налобников из Цымбалки и Толстой Могилы: на это указывает большая схожесть в трактовке фигуры женского божества, особенно такие детали, как завитки на груди, оформление нижнего края драпировки в виде "ласточкина хвоста", а также трактовка шеи и голов грифонов. Впрочем, композиционные различия имеются. Так, на налобниках, богиня держит головы грифонов в руках, опущенных вниз, тогда как на рассматриваемом рельефе ее руки согнуты в локтях, опущены вниз, и подняты вверх. Очевидно также, что матрица для налобников была создана мастером

довольно высокого класса, тогда как матрица, использованная для публикуемого рельефа, - произведение ремесленника-имитатора.

Образ "богини с побегами" или "Rankenkönigin" был широко распространён в Малой Азии, Южной Италии, Македонии и северопонтийском регионе в архитектурной орнаментике, на деревянных саркофагах⁸. Недавние исследования⁹ не сосредотачивались на вариантах иконографии "Rankenkönigin": растительном и животном. Впрочем, эту тему затрагивала С.С.Бессонова, которая рассматривает в качестве изображений змееногой богини следующие образы: на налобниках из Цимбалки и Толстой Могилы, а также на золотых бляшках из Куль-Обы. По мнению исследовательницы, упомянутые выше произведения тореятки относятся к греко-скифским образам с определёнными восточными (иранскими) чертами и были изготовлены греческими мастерами⁹. Вторая группа памятников, которая стоит ближе к классическим образцам, по мнению С.С.Бессоновой, характеризуется более выразительными растительными чертами и орнаментальностью.

В целом я согласен с классификацией, предложенной С.С.Бессоновой, хотя вторая группа по ее классификации, требует некоторого уточнения. Тема богини с ногами, представленными в виде растительных завитков, известна в тореятке. Упомянута неопубликованная серебряная позолоченная пластинка овальной формы, хранящуюся в Бостоне¹¹, которая, судя по ее форме, может быть сопоставлена с прометопидами типа особенно распространенного в Южной Италии в начале III в. до н.э.¹². На пластине из Бостона изображена крылатая богиня в подпоясанном хитоне со змеями в руках и пальметтами, растущими из ее головы (из цветка аканфа) и нижней части туловища. Данная пластина оттиснута в матрице и имеет дополнительную орнаментацию в виде чеканых точек и гравированных линий.

Рассматриваемый тип изображения так называемой "Rankenkönigin", с нижней части туловища в виде листа аканфа воспроизведен также на серии золотых бляшек. Схематизированные варианты этого типа в тореятке происходят из так называемого погребения жрицы Деметры, которое датируется ок. 340-330 гг. до н.э. и вониского погребения III, которое относится к началу III в. до н.э., кургана Большая Близница (очень похожие золотые бляшки, но не идентичные)¹³, из Неполя Скифского (блажка, вероятно оттиснутая в той же матрице, что и бляшки из Большой Близницы)¹⁴ и из Куль-Обы (изображение на диадеме)¹⁵. Упрощенный вариант данного типа представлен на подвесках серег, найденных в кургане IV в.до н.э. недалеко от Марыновки Николаевской области в 1986 г.¹⁶. Следует также упомянуть золотые бляшки: одну - хранящуюся в Берлине, происходящую из Крыма и датированную первой половиной IV в.до н.э.¹⁷, и вторую - в Майнце; неизвестного происхождения, относимую к эллинистическому времени¹⁸. Подобный образ мы встречаем и на серебряном блоде из Чертомлыка¹⁹. Позднее он встречается на эллинистической рельефной керамике, например, происходящей из Апулии²⁰, или на "мегарских чашах" пергамского производства II в. до н.э.²¹, а также на провинциально-римских рельефах первых веков н.э.²². Эта группа изображений имеет близкневосточные прототипы, кроме того, вероятно уже в третьей четверти VII в. до н.э. данный мотив встречался в тореятке Южной Этрурии²³.

Возвращаясь к первой группе изображений, я хотел бы дополнить список, приведенный С.С.Бессоновой, бляшками с женским змееногим существом, держащим за волосы мужскую бородатую голову, происходящими из курганов IV в. до н.э. в Прикубанье: у с. Ивановской²⁴ и Лабинской²⁵, которые имеют прямые параллели находкам из Куль-Обы²⁶. Сходство между бляшками из Ивановской и Куль-Обы настолько разительное, как в деталях, так и в размерах, что можно предположить их изготовление в одной и той же матрице. В этом случае, если принять точку зрения Л.В.Колейкиной, они были изготовлены в боспорской мастерской в первой половине IV в.до н.э.²⁷. По мнению Э.Якобсон, женское создание на бляшке из Куль-Обы обнаруживает близость к изображению на налобнике из Цимбалки, хотя первое имеет скорее птичьи черты, а второе - змеиные²⁸. Наконец, еще одно изображение змееногой богини имеется на овальной серебряной пластине (фларе?) из Бабиной Могилы²⁹.

Образы на налобниках из Цимбалки и Толстой Могилы, а также на бляшках из Куль-Обы, часто ассоциируются со斯基фской змееногой богиней, с которой, по мнению греков, сочеталась Геракл и от которой родился первый скинф³⁰. По мнению Д.Бордмана, понтийская змееногая женщина является локальным вариантом арханизирующей "Rankenkönigin", который встречается как на западе, так и на востоке. Близкие греческие параллели змееногой богини в греко-скифском искус-

стве в значительной степени являются изображениями богини, пропрастающей из растительного побега. Возможно, считает Д. Бордман, ее скифские приключения действительно были наиве-ини какой-то местной историей, в свою очередь, повлиявшей на греческий миф, но если это действительно так, это уникальное обстоятельство³¹. Действительно, налобники из Цимбалки и Толстой Могилы, золотые бляшки из Куль-Обы и Прикубанья, а также публикумая пластина, вероятно происходящая из Крыма, образуют группу, для которой характерен как растительный, так и животный облик богини. По мнению Э. Якобсон, женская фигура привлекает внимание благодаря ее очевидным параллелям: со змееной прародительницей скифов и владычиней зверей. Восточные прототипы "Potnia theron", как и изображения в современной торевтике Средиземноморья, обычно представляли богиню, по обеим сторонам от которой находились львинголовые грифоны, которых она иногда держала своими руками³². В раннеэллинистической торевтике мы встречаем такие образы, например, на золотых диадемах. Охарактеризованная выше северопонтийской группой памятников свидетельствует о том, что львинголовые грифоны могли быть инкорпорированы в образ женского божества. С этой точки зрения близкие параллели мы находим на бронзовом рельефе IV в. до н.э. из Олинифа, на котором представлены изображения крылатого мужского божества с нижней частью туловища, обнаруживающей близость к изображениям на налобниках и публикумском рельефе. Божество на рельефе из Олинифа держит своими руками завитки, заканчивающиеся головками львинголовых грифов³³. Интерпретация образов северопонтийской группы "Ранкенгай" как змееной богини в значительной степени основана на наличии завитков, заканчивающихся зменимыми головками, на указанных выше налобниках и бляшках из Куль-Обы и Прикубанья. Примечательно, что на пластине из московской частной коллекции завитки заканчиваются головками грифонов и львинголовых грифов.

Наконец, несколько замечаний относительно стилистических параллелей. Рассматривая стиль налобника из Цимбалки, Д.Бордман высказал предположение, что "орнамент остается классическим, одежда передана в арханизированной манере, соответствующей божественной фигуре и во всяком случае стилю, который продолжал существовать долго на востоке"³⁴. Мне хотелось бы, однако, обратить внимание на несколько деталей. Пальметта, растущая из нижней части туловища богини с двумя головками грифонов по бокам цветка находит аналогию на рельефном медальоне каленского гутта из собрания Британского музея³⁵. Цветок, изображенный на рассматриваемом рельефе, обнаруживает близость к изображению на серебряной обкладке горита из Солохи³⁶. Листья в верхней части публикумской пластины, их композиция и форма, находят параллели в нижней части налобника из Бабиной Могилы с изображением идущего обнаженного Эрота с венками (интересно, что налобник и по форме, и по технике изготовления аналогичен налобникам из Цимбалки и Толстой Могилы³⁷). Следует отметить также сходство пальметт, расположенных в верхних частях налобников из Цимбалки и Толстой Могилы, и оттисков на золотой обкладке гребня из Куль-Обы³⁸. По мнению Н.Л.Гран, гребень был изготовлен в боспорской мастерской³⁹.

Волюты, помещенные на уровне груди женского божества на рассматриваемом рельефе, а также на налобниках из Цимбалки и Толстой Могилы, имеются на упомянутом выше рельефе из Олинифа. Они напоминают изображения закрученных пекторальных мышц на позднеархаических панцирях колоколовидной формы и находок из погребений V в.до н.э. во Фракии⁴⁰. Подобные волюты мы встречаем, например, в греческой мелкой пластике из бронзы, в качестве деталей панцирей на фигурах воинов⁴¹, на бронзовых рельефах щитов арго-коринфского типа⁴², а также в позднеархаическом и раннеклассическом вазовом живописи и в скульптуре⁴³.

В заключение следует отметить, что рельеф с "Ранкенгай", вероятно происходит из Крыма, вносит новые интересные черты в картину торевтики так называемого греко-скифского стиля Северного Причерноморья. Весьма вероятно, что это не простое совпадение, что единственная параллель за пределами Северного Причерноморья как завиткам, заканчивающимся головками львинголовых грифов, так и стилю изображения имеется на пластине из Олинифа, имея в виду высказанные ранее исследователями наблюдения о возможной работе на Боспоре торевтику, выходцев из Македонии, Северной Греции и городов Геллеспонта⁴⁴.

И последнее. Готовя эту статью для сборника памяти своего друга, коллеги и соавтора, Юрия Германовича Виноградова, я вначале сомневалась, подойдет ли тут эта статья, не следует ли дать ее работу более общего исторического характера. Потом я вспомнила, с какой радостью, с каким вос-

торгом Юра рассматривал новые, неизвестные ему памятники, не обязательно эпиграфические, как иногда моментально в его светлой голове рождались гипотезы и интерпретации. По каким-то причинам (какое-то время он был на стажировке в Принстоне, затем уехал), я не смог показать Юре этот рельеф, который некоторое время находился на временном хранении в Музее. Лучше поздно, чем никогда...

Примечания

1. Вес. 10.97 см; макс. Ширина 8.46 см, толщ. 0,1 см; вес 40.51 гр. 800° серебро. Пластина частично покрыта продуктами коррозии, имеются небольшие утраты металла в ее нижней части, на логотипах львиночеловеках сифонов и головном убоге болиды. По свидетельству владелицы пластины, предъявившего ее на продажу в Музей, рельеф был приобретен в 1940-е гг. К.В.Боленюк, анонимные хранители отмели нумизматики ГМИИ им.А.С.Пушкина, находили в ее частной коллекции, а после смерти К.В.Боленюка был продан его наследниками и сменил несколько владельцев.
2. См., например, националь из Прикарпатья, в частности из Семибратных курганов: Маневич А.Н. Древненные соуды скіфської епохи //ААСГЗ. 1966. Вип. 8. С. 35. Рис. 7, 1-4; Атанасов M.J. Goldschatz der Skythen. Prague, 1970. Таб. 116, 118, 120-122; Or des Scythes (Arts antiques d'Asie centrale et de Sibérie). Trésors des musées Sociétaires. Paris, 1975. Nos. 45-46 ; Ильинская В.А., Терепожин A.H. Скифы VII-IV вв. до н.э. Киев, 1983. Нлл. На с. 221: Кладоны и искусство Причерноморья в античную эпоху. Каталог экспозиции ГМИИ им. А.С.Пушкина / Королева А.К., Сидорова И.А. (ред.). М., 1983. №369; Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad, 1986. Figs. 100, 106-108; Gold der Skythen. Schätze aus den Staatlichen Eremiten-St. Petersburg. Katalog. Hamburg, 1993. №. 43; Aus den Schatzkammern Eurasiens. Meisterwerke unserer Kunst. Kunsthaus Zürich / M. Karabell (ed.). Zürich, 1993. Nos. 30-31; Schiltz V. Die Skythen und andere Steppengöller. München, 1994. S. 129. Abb. 100; Jacobson, E. The Art of the Scyths. The Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World (Handbuch der Orientalistik, 8. 2). Leiden, New York, Köln, 1995. P. 218-219, VI.6.2. Figs. 96-99; Kull B. Tod und Apotheose. Ikonographie in Grab und Kunst der jüngeren Eisenzeit des unteren Donau- und ihrer Bedeutung für die Interpretation von "Trankgräbern" // BerKGd 1997. Bd. 78. S. 318. Abb. 54. 4. фок. Эпазиша, ана. Cfp II 35. IV 6-8, 117.
3. Schauenburg K. Eine fiktivität betonnte Patera mit anthropomorphen Griff // Jahrbuch des Museums für Kunst und Gewerbe Hamburg. 1992/93. Jg. 11/12. S. 21, 25. Abb. 12. Багдатов, Ари, авторе Уолтера Балтимора.
4. Vermeule C.C. The God Apollo, a Ceremonial Table with Griffins, and a Votive Basin // GettyMusJ. 1987. Vol. 15. P. 34. Fig. 6; Vermeule C.C., Constock M.B. Sculpture in Stone and Bronze. Additions to the Collections of Greek, Etruscan, and Roman Art 1971-1988. Boston, 1988. P. 94. No. 119; Berger E. Penthesileia // LIMC VII. 1994. No. 58c; IV u. d. Schwanauer A. Griechische Klappspiegel (AM Beih. 18). Berlin, 1997. S. 18, 20. Ann. 106; S. 143; ок. 270 г.н.э. Босний, Мицей излишних искусств, ана. 1986.242.
5. Rostovtzev M. Fischer als Pjendlenschnick // Орудия археолога Septimilie dicata. Holmia, 1913. S. 228. Fig. 4; Curtius L. Die Rankengötter // L.Curtius, Thira. Verstende nach verglasten Schriften. Stuttgart, 1957. S. 194. Abb. 27. V. a. du н.э.; Атанасова М.Н. Антропоморфные божества в религии скитон // ААСГЗ. 1961. Вып. 2. С. 66. Рис. 9; Атанасов M.J. Goldschatz // Blawatney W. Le rayonnement de la culture antique dans les pays de la Pontide du Nord //Atlas du Se congrès international d'archéologie classique. Lie rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques. Paris, 1963. P. 399. Pl. 94, 3; Historische Schätze aus der Sowjetunion. Kunsthaus Zürich 17. Dezember 1966-26. Februar 1967. Zürich, 1966. S. 156, No. 73; Or des Scythes ...No. 73; Gamber O. Waffe und Rüstung Eurasiens. Frühzeit und Antike. Braunschweig, 1978. S. 305. Abb. 319; Rolle R. Totenkult der Skythen. Teil I: Das Steppengebiet (Vorgeschichtliche Forschungen 18: I, 1). Berlin, New York, 1979. S. 106; Eadem. Die Welt der Skythen. Steinmetzker und Pfennelbogner: Ein antikes Reitervolk in neuer Sicht. Luzern, 1980. S. 141; Marzoni I. The Graeae from Vratsa. Sofia, 1980. P. 25. Fig. 57; Бессонова С.С. Религиозные представления скитон. Киев, 1983. С. 94-95. Рис. 18; Galanina, Grach. Op. cit. Fig. 144; Bottini A. La paropia lucana del Museo preinidio di Potenza // MEFRA. 1989. Vol. 101.2. P.709; Pfleiderer M. Wurzeln hermeneutischer Bauvorstellungen // Hermogenes und die hochhellenistische Architektur/ W.Hoeftner, E.-L. Schwaabner (eds.). Mainz, 1990. S. 73. Ann. 26. No. 5; Veit W. Die Rankengötter // Pantheon, 1990. Vol. 48. D. 4. Fig. 1; Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine/R.Rolle, M.Müller-Wille, K.Schietsel (eds.). Schleswig 1991. S. 152. Abb. 1; Gold der Skythen... №. 52; Gagsteiger G. Die phönizischen Waffenmodelle aus Memphis (Hildesheimer Archäologische Beiträge, 36). Hildesheim, 1993. S. 52; Boardman J. The Diffusion of Classical Art in Antiquity. London, 1994. P. 209. Fig. 6, 32; Jacobson. Op. cit. P. 272-273. Fig. 142; Michel S. Der Fisch in den skythischen Kunst (Europäische Hochschulschriften, Archäologie, 52). Frankfurt am Main etc., 1995. S. 171-173, K 10, илл. на с. 224; Kull. Op. cit. S. 386-387. Abb. 90, 2; Ustinova Yu. The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God (The Religions in the Graeco-Roman World, 135). Leiden, Boston and Cologne, 1999. P. 94-95. Pl. 6, 1, 6. фок. Эпазиша, ана. Ди 1868. 1/8.
6. Мозолевский Б.М. Тосста Мозола. Киев, 1979. С. 39. Рис. 23; Rolle. Totenkult der Skythen. S. 106; Jacobson. Op. cit. P. 272. Киев, Мицей исторических фрагментов, неизвестно.
7. Curtius. Op. cit. S. 192 ff.; Mansfeld-Klenbrink M. The Stuff of which Greek Heroines are made// BABesch. 1989. Vol. 64. P. 21-26; de Luca G. Hellenistische Kunst in Pergamon im Spiegel der Megarischen Bercher //StMitt. 1990. Bd. 40. S. 166; Pfleiderer. Op. cit. S. 73-76. Abb. 7; Gagsteiger. Op. cit. S. 51-53; Boardman. Op. dt. P. 340-341; Савинина Е.А. "Змееногий болид" - "прорастающая десна" (двусторонний антропоморфный акрометр из Пантикапея) //Археопрактика краеведческий журнал. Историко-археологический альманах. Р.М.Мункач (ред.). 1996. Вып. 2. С. 72-83; Ustinova. Op. cit. P. 94-107, 155-157.
8. См., например, Pfleiderer. Op. cit. S. 69-79.

9. Бессонова, Юк. соч. С. 93.
 10. Там же. С. 94.
11. Бостон. Музей изящных искусств, иши. 1980. 31.
12. См., например, Teister, M. *Essays on the Bronzeworking and Torques of the Pontus* // *New Studies on the Black Sea Littoral/G.Tsitskhadze (ed.)*. Colloquia Pontica 1). Oxford, 1996. P. 106-114.
13. Артамонов. Ампироморфные божества С. 67. Рис. 11; Artamonow, Goldschatz... Abb. 308; Культура и искусство Причерноморья... № 378; Galanina, Grach. Op. cit. Fig. 208; Pfleumer M. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischer Goldschmucks (ArchForsch, 37. cit. Tübingen, 1990. S. 270. Ann. 2378; S. 272, Ann. 2414); Idem. Wurzeln hermogenischer Bauornamentik. S. 74. Ann. 31; Rehm E. Der Schmuck der Achämeniden. Münster, 1992. S. 209. Fig. 92; Jacobson, Op. cit. P. 180, 1VGJ; Fig. 60; Michel, Op. cit. Abb. 48; Schwarzmüller, A. Die Gräber in der Großen Bliznica und ihre Datierung//Id 1996. Bd.111. S. 124-125. Abb. 11; 12a; Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bd. 1 (Die grossen Sammlungen VI) /L.Barkow and Ju.Kalashnik (hrsg.). Bonn, 1997. No. 96; Ustinova, Op. cit. P. 94. Pl. 6, 5. Ию. Эрмитаж, иши. Bd 49, 100, 133; датировка погребений по: Schwarzmüller. Die Gräber in der Großen Bliznica..., (р. датировано). Публикация: первая четверть III в. до н.э. (Pfleumer, Untersuchungen zur Chronologie... S. 276-271. FK 127; 272-273, FK 131).
14. Galina O.D. *Kiev Museum of Historical Treasures*, Kiev, 1974. №. 59; IV вдо н.э.; Objets de l'antiquité ancienne. De la collection du Musée des trésors historiques d'Ukraine/ J. V.Boulard (ed.). Moscow, 1975, с.р.; опубликовано датировано II вдо н.э.; Pfleumer. Untersuchungen zur Chronologie... S. 283, Ann. 2617; Idem. Wurzeln hermogenischer Bauornamentik. S. 74. Ann. 31; Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine/E.Reeder (ed.). New York, 1999. №. 107 (место находки неизвестно!). Киев. Музей исторических фрагментов, иши. АЭС -1556.
15. Artamonow, Goldschatz... Taf. 199; Pfleumer, Wurzeln hermogenischer Bauornamentik. S. 74. Ann. 31; Williams, D., Ogden, J. Greek Gold. Jewelry of the Classical World. New York, 1994. No. 85; Michel, Op. cit. Abb. 38. Гос. Эрмитаж, иши. К-О 1.
16. Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine/W.Siepel (ed.). Wien, 1993. №. 49. Киев. Музей исторических фрагментов, иши. 3839/1-2.
17. Greifenhagen, A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. I. Berlin, 1970. Taf. 16, 1; Antikenmuseum Berlin. Die ausgestellten Werken / W.-D. Heimeyer (hrsg.). Berlin, 1988. S. 312-313. №. 5; Pfleumer. Untersuchungen zur Chronologie... S. 283. Ann. 2617; Idem. Wurzeln hermogenischer Bauornamentik. S. 74. Ann. 31; Musti D., Benzi M., Rocchetti L. et al. L'Or dei Greci. Novara, 1992. P. 165. №. 130; автор полония IV вдо н.э., берлин. Аниччинское собрание. Гж. Музей Берлина-Прусского кулиатурного наследства, иши. GL 372 (Misc. 7366).
18. Delpert-Lippitz, B. Goldschmuck der Römerzeit im Römisch-Germanischen Zentralmuseum, Bonn 1985. No. 34. Taf. 15. Майнау, Прусско-германский центральный музей, иши. 039828/9/10.
19. Artamonow, Goldschatz... Abb. 178; Pfleumer M. Studien zu alexandrinischer und griechisch-kykladischer Toreutik fröhellenistischer Zeit (ArchForsch, 16). Berlin, 1987. S. 106, 257, KBF 77; Idem. Wurzeln hermogenischer Bauornamentik. S. 74; Boundman, Op. cit. P. 208-209. Fig. 6.31a, b; Gebauer J. Rankengedanken - zum Pectorale aus der Töltigja Mogilja // Zur griecho-kykladischen Kunst. Archäologisches Kolloquium Münster 1995 (Ekon., 4) /K.Stähler (hrsg.). Münster, 1997. S. 155-156. Abb. 56; Roll R., Murzin VJu., Alekseev AJu. Königskirurg Cermonlyk. Ein skythisches Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts. Teilband 1 (Hamburger Forschungen zur Archäologie, 1, 1997). Mainz, 1998. S. 155-156. Tafelband 2-3, №. 92; Tafel 32, 1; Farbtaf. 7. Ию. Эрмитаж, иши. Ди 1863. 1/167.
20. См., например, Jentel M.-O. Les goutti et les askoi à reliefs étrusques et apuliens. Essai de classification et de typologie. Leiden, 1976. Pl. XI. IV Figs. 143-144.
21. de Luca. Op. cit. S. 165. Taf. 28, 5-6.
22. Walde E. Der Einfluss griechischer Bildersprache auf die Grabplastik der römischen Provinz Noricum // Komos. Festschrift für Thuri Lorenz zum 65.Geburtstag /G.Ernth, M.Lehner und G.Schwarz (hrsg.). Wien, 1997. S. 239-242, Taf. 37-38, Abb. 111-115.
23. Две пары ониксовых и мраморные пластины из Черногоры: Cristofani M., Martelli M. L'oro degli Etruschi. Novara, 1983. P. 284. Nos. 113-114; Die Magie des Goldes. Antike Schätze aus Italien. Kunsthistorisches Museum Wien /W.Siepel (hrsg.). Wien, 1997. Nos. 12-13 (Рим, Музей Вилла Джувия, иши. 21179-21180); Лондон, Британский музей, иши. 1265-1266) и аналогичные пластины из Вильчи. Greifenhagen. Op. cit. Taf. 67, 5 (Берлин, Государственные музеи-Прусское кулиатурное наследство). Аниччинское собрание, иши. GL 359. Misc. 1843. S. 77, 71).
24. Шедевры греческого искусства Кубани /Лесков А.М. (ред.), М. 1987. № 81-87; 111. Рис. 38. Андрианов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 127; Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban /A.M.Leskov (hrsg.). Stuttgart, 1989. SJ 17-119. Nos. 81-87. Abb. 35; The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. Tokyo, 1991. Nos. 41-46; Gebauer. Op. cit. S. 155. Ann. 45. Краснодар, историко-археологический музей-заповедник, иши. Ф. 2, 220.
25. ОАК за 1909-1910 гг. Сбр. 1912. С. 214. Рис. 245; Устинова. Op. cit. P. 94.
26. Rostovtsev. Op. cit. S. 229, Fig. 5; Артамонов. Ампироморфные божества... С. 67. Рис. 10; Artamonow. Goldschatz... Abb. 230; Бессонова, Юк. соч. С. 94-95. Рис. 19; Galanina, Grach. Op. cit. Fig. 203; Конопкина Л.В. Золотые близники из кургана Кий-Оба // Аниччинская торевтика /Н.И.Григорьев (ред.). Й., 1986. С. 54, № 24; Mielczarek M. Gold Pantikaraean Coins Set /Rings Found in the Great Ryazhanova Barrow (Ukraine) // Archeologia Warszawska. 1986. Т. 37. P. 104-105. Fig. 6; Pfleumer. Untersuchungen zur Chronologie... S.283. Ann. 2614; Idem. Wurzeln hermogenischer Bauornamentik. S. 74. Ann. 31; Boundman, Op. cit. P. 216. Fig. 6.43; Рябцева М.В. Дионаисийские стоянки на памятниках торевтики из скадских курганов// Археология. 1995. № 1. С. 25, 26. Рис. 2, 4; Michel. Op. cit. Abb. 47; Jacobson. Op. cit. P. 174. IV.E.6. Fig. 58; Valeva Ju. The Stethartai Figures // Thracia. 1995. Vol. II. P. 339, 341. Fig. 5; Zweie Gesichter der Eremitage... No. 77; Ustinova. Op. cit. P. 94. Pl. 6, 2.
27. Конопкина, Юк. соч. С. 55.

28. Jacobson. Op. cit. 174.
29. Коскошнік України. Музей Slaskie/ J.Chochorowski (ed.). Katowice, 1996. №. 27.2; Scythian Gold... №. 147; Treister M.Yu. *Toracic Objects from the Scythian Kagan Bahina Mogila // Il Mar Nero 4. (in press)*. Fig. 9. Кіев, НІІ-ститут археології, иши. КІТ-IV-286.
30. См., наприклад, Онайко Н.А. Аниччиний міпарт в Придністров'ї та Побужжі в IV-II вв. до н.э. (САН, авн. ДІ -27). М., 1970. С. 32-33; Бессонова, Ук. соч. С. 93 сл.; Pfrommer. Untersuchungen zur Chronologie ... S. 283; Idem. Würzeln hermogenesischer Bauornamentik. S. 76; Williams, Ogden. Op. cit. P. 143. No. 85; Michel. Op. cit. S. 127; Ustinova. Op. cit. S. 9 4 ff.
31. Boardman. Op. cit. P. 216. 340-341, note 96, 216.
32. Jacobson. Op. cit. P. 272.
33. См., наприклад, дивайду из більшої колекції Д. Конфа в Римі (*Curtius*. Op. cit. S. 198. Abb. 34; Veit. Op. cit. P. 5. Fig. 7; Gugseiger. Op. cit. S. 53); дивайду с. Крим і частини колекції в Гераклоне (Neumann G. Ein friih-hellenistisches Goldstadium aus Kreta //AM. 1965. Bd. 80. S. 143 ff. Beil. 56, 1; 57, 2-4); см. також дивайду из Британського музею (Marshall F.H. Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum, London, 1911. No. 1610. Pl. XVII).
34. Robinson D. M. Metal and Minor Miscellaneous Finds (*Olynthus*, X). Baltimore, 1941. P. 30-39. No. 16. Fig. 6. Pl. V; Pfrommer. Wurzeln hermogenesischer Bauornamentik. S. 75; Valeva. Op. cit. P. 339, 341. Fig. 4; Gebauer. Op. cit. S. 151; Ustinova. Op. cit. P. 105. Pl. 7. 1.
35. Boardman. Op. cit. P. 208.
36. Pagenstecher R. Die calenische Reliefkeramik (8.Ergl. Jdl.). Berlin, 1909. S. 104. No. 224. Abb. 47; Pfrommer M. Italien-Makedonien-Kleinsteine. Interdependenzen spätklassischer und friühellenistischer Toreutik // Jdl. 1983. Bd. 98. S. 261. Abb. 30. Британський музеї, иши. IVG 80.
37. Rostovtzeff M.I. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922. P. 100. Pl. XXI, 1; Балаатський В.Д. Очерки по истории дел в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 16. Рис. 5; Lullies R. Vergoldete Terrakotta-Appliken aus Tarant (RM Ergl., 7). Heidelberg, 1962. Тaf. 38; Г. Манченко А.П. Гірлянд з кургані Солоха // Труды ГЗ. 1962. Вып. 7. С. 107-121.Рис. 1-5, 10-15; Однакож же, Курган Солоха. Іл., 1987. № 53; Artamonow. Goldschatz... Taf. 160-161; Онайко, Ук. соч. С. 23-24; Gajdácková V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin, Amsterdam, 1971. S. 144-145. Abb. 30; Навапська В.А. Скифські удила IV-V вв. до н.э. // Скифські фронтони / Тереножкин А.Н. (ред.). Кіев, 1973. С. 58-59. Рис. 11; Rätz, W. Die skythischen Goryteschläge // ВІж. 1978. Bd. 178. S. 177 f.; Черненко Е.В. Скифські архітектурні елементи. Кіев, 1981. С. 76. Рис.. 52; Навапська, Тереножкин. Ук. соч., рис. на с. 129; Jacobson. Op. cit. P. 225. VII.2; Stähler K. Zum Gorytelef aus dem sog. Philippgrub in Vergina // Zur graeco-skythischen Kunst. Kunst. S. 86. Іс. Эрмітаж, иши. Ди 1913. 1/49-50.
38. Коскошнік України. №. 27.3; Scythian Gold...№. 146; Treister. Toracic Objects... Fig. 8. Кіев, НІІ-ститут археології, иши. КІТ-IV-284.
39. Манченко А.П. Гірлянд з кургані Солоха // CA. 1950. Т. X. С. 222. Рис. 4; Гірлянд Н.Д. Гірлянд з кургані Куль-Оба // Études et Travaux XIII (Travaux du centre d'archéologie Méditerranéenne de l'académie polonaise des sciences), 26) 1983. P. 123. Figs. 3-4. Йос. Эрмітаж, иши. K-O 122.
40. Гірлянд. Ук. соч. С. 125-126.
41. См., наприклад, обрізки з Олімпії: Rolley R. Die Griechischen Bronzen. München, 1984. S. 237, Abb. 268; Олімпія, музей, иши. 101/10; из Фракії: Orenstein L. Les cuirasses de bronze trouvées en Thrace // BCh. 1961. Vol. 85. P. 505. Fig. 1; 507. Fig. 2; 513. Fig. 7a; 517. Fig. 10; Venelikou I., Gerassimou T. Thraïsche Kunst. Wien, München, 1973. Taf. 112-113; Gamber. Op. cit. S. 275. Abb. 288; Taylor P. Palmettes on the Cairess from Dalboki // OxfIA. 1985. Vol. 4. P. 293 ff. Figs. 2, 4; або Софія, Археологічний музей, иши. 48b; 3334: из Имадии, о Греції: Gamber. Op. cit. S. 255. Abb. 265.
42. См., наприклад, статуэтки аланів из колекції Ортица і Басміса: G. Ortiz, *Faszination der Antike. The George Ortiz Collection*. Bern, 1996. №. 115: ок. 525 сл. до н.э., східно-західна Греція; статуэтку коня з Франкії або Маронії, о Музее Сабіраса, иши. 65148; Croissant F. *Syberia. La production artistique // Sibéri e la Sibaritide*. Atti del 32. Convegno di studi sulla Magna Grecia, Taranto-Sibari, 7-12 ottobre 1992, Taranto, 1993. P. 558. Pl. XLVII, 1: Сабірап?; Die Neue Welt der Griechen. Antike Kunst aus Unteritalien und Sizilien. Römisches Germanisches Museum der Stadt Köln, März bis August 1998 / H. Hellenkemper (hrg.). Milano, 1998. S. 136. № 68: ок. 530 сл. до н.э., статуэтку в Карабуру, иши. 73/1; Muuss M. Wege zur Klassik. Führer durch die Antikenabteilung des Badischen Landesmuseums. Karlsruhe, 1985. S. 104-105. Abb. 72; Thümme J. Antike Meisterwerke im Karlsruher Schloss. Karlsruhe, 1986. S. 166-167. № 58: ок. 510 сл. до н.э., Лаконія. См. також Stibbe C.M. *Das andere Sparta*. Mainz, 1996. S. 235 з того, чому це характеризує черга лаконічних статуеток.
43. Kunze E. *Archaische Bildhauerei*. Ein Beitrag zur friühgriechischen Bildgesetzlichkeit und Sagenüberlieferung (OIForsch II). Berlin, 1950. Тіж. 5 (Олімпія, музей, иши. В 1802); 18, IV (Олімпія, музей, иши. В 1654); 29, IX (Олімпія, музей, иши. В 847); 35, XIc (Олімпія, музей, иши. В 1883); 50, 38 (Леліфи, музей, иши. 4479); 56, XVIId (Олімпія, музей, иши. В 975); 73, IX, Beil. 12, 2-3, 5; Bol P. *Argivische Schilder* (OIForsch, XVII). Berlin, New York, 1989. Тіж. 62. Н. 37 a (Олімпія, музей, иши. В 806/1/4346).
44. Stibbe. Op. cit. S. 235 ff., Abb. 127-128.
45. См. об этом, наприклад: Treister M. Yu. *The Workshop of the Gorytos and Scabard Overlays // Scythian Gold...* P. 78-79 з багатографією.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Юрий Германович Виноградов имел ярко выраженную склонность к масштабным историческим реконструкциям и, сдается мне, порой несколько завидовал в душе исследователям средиземноморского эллинизма, которые располагают несравненно более обширным и презентативным массивом источников, нежели тот, что имеем мы для античного Северного Причерноморья (но, пожалуй, не ревновал, потому что по-настоящему любил только наше Причерноморье, а здесь он был в известном смысле единственным). Разумеется, это не значит, что *philologische Kleinarbeit*, как выражаются немецкие коллеги, была ему чужда - ведь преимущественная область его занятий, эпиграфика, предполагает ее с необходимостью. От осмотра камня или его фотографии или копии к "внутренней" интерпретации, а затем - к "внешней", т.е. к введению памятника в исторический контекст - вот неизбежный путь эпиграфиста, большую часть которого занимает решение частных проблем, та самая *Kleingabeit*. Поэтому меня никак не смущает то, что в сборнике памятника моего многолетнего коллеги и друга я помещаю лишь этюды, имеющие частный характер, тем более, что на самом деле они представляют собою раперга, имеющие прямое отношение к трудам, которые могли бы стать наиболее значительными в творчестве Ю. Г.

Необычайно живой и энергичный и вообще, в своей науке, Ю. Г. не желал считаться с древней мудростью: "Меж краем губ и чашей расстояние велико"³, и не верил в раннюю смерть. И вот, задача завершить и опубликовать подготовленную Ю. Г. ольвийскую часть тома IPE I² ложится теперь на его коллег и учеников. Он едва успел включиться в аналогичную работу по перенесенному IPE II³, которая ведется в Петербурге; покинув нас, он, помимо ряда собственных публикаций новых памятников и частных комментариев к старым, оставил нам одни разобещанные, хотя и многочисленные и ценные заметки к существующему КБН.

Но было у нас в последние десятилетия эпиграфиста (да и историка античного Северного Причерноморья в целом) такого масштаба и такой квалификации, не видно ему и замены, так что сами перспективы дальнейшей работы без него выглядят даже пугающе. Тем горше постигшая нас утрата.

1. МОУКОУНАΣ

В ольвийской надписи II в. н.э. IPE I² 134, 11, представляющей собою посвящение коллегии архонтов Ахиллу Понтарху, Латышев вслед за Бёком (CIG II 2077) читал "Μούκοιαίκρος"; он не дал никакого комментария к этому имени, которое глядится едва ли не курьезно, и ограничился обширной цитатой из Бёка, но в указателе ставит при этом имени вопросительный знак. Всё это крайне странно. По-моему, текст стк. 10-11: ἑράτειόυτος ΜΟΥΚΟΤΝΑΚΥΡΟΤ τὸ δ', предельно ясен и членение текста, предложенное Е. Кёлером и напрасно отвергнутое Бёком, не может вызывать никаких сомнений; Кёлер читал Μούκοια Κύρος: этот человек в четвертый раз - τὸ δ' (=τέταρτον) - отправляя обязанности жреца⁴. Имя, по-видимому, следует акцентировать Μούκοιάς, подобно Βούτοιας (IPE I² 136, 12) и Βαδᾶς (685, 8), которые, правда, характеризуются дентальной флексией косящих падежей: gen. Βούτοιάτος, Βαδᾶτος, ср. еще пафлагонское Ατοτάτος в нашей надписи № 134, стк. 8/9, и (с таким же склонением, как наше Μούκοιας) Θαρφᾶτος - α, которое, несомненно, является сокращением Θαρχαφῆτος (КБН 898 и др. resp. 1232, 7), а также Mithridas (CIL VI 5040, VIII 5443 и др.⁵, в последней надписи - это сын Митридата) и Μέρφαδ⁶ из Египта⁷.

Один из ольвийских агорономов в надписи IPE I² 129, 6 sq., также относящейся ко II в., носит сарматское имя Μούκοιαγος. Приведенные параллели показывают, что это и есть (ближайшая) исходная форма имени, от которой образован гипокористик Μούκοιας.

Обращают на себя внимание имена отца Мукунага - Александра, и Мукуны - Кир; оба являются популярными в римское время историческими именами, которые носили знаменитейшие люди древности⁸; и Александр Великий, и - много раньше - Кир⁹ ко II в. н. э. давно уже стали еще и персонажами парафольклорной словесности. Сочетания имен такого рода не могут быть случайными. Я не сомневаюсь, что речь идет о членах одной фамилии¹⁰, где имена, как обычно, передавались от деда к внуку¹¹. Формальная различие - Μούκοιαγος - Μούκοιας, не является тут препятствием. В надписях из Ольвии II в. известны случаи, когда даже в отношении одного и того же человека

употребляется то полная, то гипокористическая форма имени: Δωτοὺς Γολᾶ, ИРЕ τ^2 83,9; 99, 4 и [Δωτοὺς Γολᾶον¹], как удачно предложил восстанавливать Карышковский в стк. 5 изданной им надписи № 3¹²; Οὐσιγάσος Σύραχον (ИРЕ τ^2 92,6), Οὐσιγάσος Σύραχον (686, 4/5¹³); к членению ср. Ρωβίγασος (КБН 1279, 27).

В Ольвии римского времени известны и другие имена персидского происхождения (все ссылки - на ИРЕ Г¹):

'Αριαράθης 95, 8

'Αρσάκης 93,7; 204,2

Μαιφάριος 148 (ασσης, -ου; правильнее было бы -ηρ, пом. -ης)¹⁴

'Ορόντης 92, 5/6 ('Ορόντον); 182; в двух случаях это персидское имя, как и в надписи 134, сочетается с местным, сарматским: 79,2 - Αλφων, 147, 4/5 - Σπαδακον.

На Боспоре персидских имен (тезр. их носителей) зафиксировано значительно больше¹⁵; но учитывая, во-первых, общий объем известных нам ольвийских надписей по сравнению с боспорскими и, во-вторых, мощный приток персидских имен на Боспор еще при Митридате Евпаторе, ольвийский список оказывается не так уж и мал.

2. КБН 6а.

Надпись представляет собой посвящение Γαρτέαν¹⁶ Εφεσέητι времени Левкона I. Со времени издания ее В. Шкорпилом (см. прим. 30), камень получил новые повреждения (я осматривал его в Керченском музее в 1993 г., Инв. № КЛ-1032): [- - -]αιου (первой буквой после облома была инициал *phi*, как читал Шкорпил и издатели КБН, а гамма или *tay*), [άρχο]υτ[ο]ις λεόκιαφος, [Θεο]βολήθης, βασιλέο[ν]τος (см. Рис. 1).

Ссылки издателей КБН на такую же форму датива 'Артēμi в аркало-кипрском диалекте вызывают тем более недоумение, что она является регулярной для восточно-ионийских основ¹⁶ и - более того - еще дважды засвидетельствована в том же самом Пантике: Σὸν 'Αρτέμi Εφεσέητι или -εῖτι (ср. ниже), посвящение (или дар в святилище) выгравированное на руине бронзовой целикни (так наз. ἴνθινδιβην - то же, что греч. ὑψηλός) второй половины VI в. до н.э.¹⁷, и 'Αρτέμi, граффито раннего IV в.¹⁸ Известна она и в других ионийских полисах: 'Αρτέμi Εφεσέητι, граффито из Керкинитиды, V в.¹⁹, и еще одно граффито того же времени с Берзани: ['Αρτέμi] Εφεσέητι²⁰. Приблизительно синхронно надпись на пантикеапейской целикни посвящение (или тоже дарственное) на бронзовом светильнике, обнаруженном в Молдавии в составе клада второй половины IV в. до н.э., место исполнения которого, к сожалению, неизвестно (Ольвия?); 'Αρτέμi Εφεσέητι²¹ Ήγύλασσα ἡ Λύκωνος²². Посвящение Артемиде Эфесской времени Пантике обнаружено также в Пантике (КБН 11), а еще одно (второй половины IV в.) в Горгиппии (1114); в обеих надписях представлена уже форма койне 'Αρτέμi²³, идущая из аттического, сочетающаяся, однако, с более естественной в сакральном контексте архаической ионийской формой эпитета Εφεσέητι²⁴. Кроме перечисленных причерноморских свидетельств, такая форма эпитета богини, как кажется, нигде не известна, в надписях и литературе встречается только Εφεσία, -η. Известно лишь прилагательное Εφεσία (уρφαστά), причем, несомненно, в его аутентичном эфесском облике, засвидетельствованное в пьесе Λιροπότος одного из представителей Средней комедии, Анаксила²⁵. Все эти формы являются производными с суффиксом <-ε> Εφεσέης <-Εφεσή-> (едва ли соответствия ж. и ср. р. к Εφεσέης)²⁶; ср. Όμυστηος (θόμος) σ 353, Αχιλλός (см. ниже, 9) и т.п.

Как уже отмечалось²⁷, относительно широкое распространение культа Эфесской богини в Северном Причерноморье, причины чего остаются неясными, говорит против гипотезы Н. Эрхардта и поддержавшего его Трейстера²⁸, что он был принесен в Пантикеапей непосредственно поселенцами из Эфеса (на начальном этапе колонизации или позднейшими эпоками). Как представляется, проблема напрямую связана с необычной формой эпитета: возможно, она была дана в ответе оракула (т. к. лучше вмещалась в гексаметр?) на запрос обитателей одной из северопонтийских колоний или еще в метрополии, от группы переселенцев²⁹. Закрепившись благодаря этому в культовой практике, она (а отчасти и сам культ?) распространялась затем по другим ионийским колониям Северного Причерноморья. О культовых связях между местными полисами уже в эпоху архан-ки см. ниже, 9.

В стк. 5 В. В. Шкорпил³⁰ с полной надежностью восстанавливал [καὶ Σὺνβού· καὶ], зависящее от [τὰρχοτος] (λεῖψασ), (вместе с [Βούπτορι καὶ οὐεζοφορι]), тогда как [Τορέτην] Διαβάριφας Φιλόποι оказываются зависящими от [βασιλεύοτος]: “т. ч. сиды были бы здесь поставлены на одну доску с Боспором и Феодосией”. Отвлекаясь от дальнейших гипотез Шкорпила, отметим сейчас лишь то, что находка в сезон 2000 г. в Нимфее надписи времени Левкона I, с фотографией которой меня любезно ознакомила руководитель раскопок О. Ю. Соколова, косвенно подтверждает и восстановление Шкорпила, и то, что это не ошибка резчика, как думал С. А. Жебелев; обе надписи, с привлечением также посвящения Левкона с Семибратьяного городища в ее правильном прочтении³¹, несомненно, позволят сделать целый ряд принципиально новых и важнейших заключений об истории присоединения племен Прикубания к Боспорскому государству при Левконе. Дело в том, что в новой нимфейской надписи не только сиды (точнее - “вся Синдика”), но и тореты с дандаритами и исесами “поставлены на одну доску с Боспором и Феодосией”, т. е. управляются девизом-апронтом³².

3. КБН 7.

Описание камня в лемме КБН нуждается в дополнении³³: оборотная сторона его практически не обработана, откуда видно, что плита была вмонтирована в стену.

Надпись восстановлена (Латышевым) явно неудовлетворительно

["Ο δέινα Λε]ύκωνος Ἀφ[ροδί]τη

- - - - - ἀνέ]Οηκε ἄρχ[οντος Βοσπόρου

Θεοοδοῖς καὶ βασιλέωντος, κτλ.).
Получается, что в стандартной датировочной формуле, остатки которой с бесспорностью читаются в стк. 2 и 3, отсутствует имя правителя⁴⁵; понятно, кроме того, что первая строка навряд ли могла заканчиваться именем Афродиты, т.к. какое-то слово, несомненно, стояло перед ἀνέῳκε в стк. 2; скорее всего, оно явилось эпитетом богини, остаток первой строки тоже мог включать его; эпитет такой проптизенности известен на Боспоре: линия для Валентины Агаты.

Камень обломан со всех сторон, кроме верхней (см. Рис. 2), поэтому вполне надежное восстановление затруднительно. Что это было посвящение, сделанное самим правителем - Перисадом I или Спартоком II, сыновьями Левкона I, не является мимо спичек вероятным - титулaturity, надо думать, стояла бы сразу после его имени. Правдоподобнее предполагать посвящение от имени одного из детей Левкона; ср. аналогичную надпись КБН 25, где перечень титулов Перисала II, отца посвящателя - Левкона, начинается примерно там же, где в нашей надписи¹⁵. Если подставить и лакуну в начале стк. 1 ими Παρισάδης или Σπάρτοκος, которые содержат практический равное число букв (в первом - две узкие *ό*ты) можно принять за одну букву; все же, второе имя, кажется, подходит лучше, то в стк. 2 получаем объем пропавшего текста примерно в 9-10 букв (не считая однозначно восполненного АΗΕ], учитывая также, что М в надписях времен Левкона I имела расставленные книзу ножки и поэтому выписывалась шире остальных букв, кроме одной *ομεγής*).

ΣΠΑΡΤΟΚΟΣΛΕΥΚΟΝΟΣ

ΜΕΛΕΟΥΣΣΗ ΙΑΝ]ΕΘΗΚΕ

Это согласуется с числом букв непременного θεοβοήτη κά, которое прекрасно заполняет начало стк. 3. Предположим, что после «Афробйт» поверхность камня была оставлена свободной; тогда допустимо εὐθέας, но всё же наличие пустого поля не менее, чем в 16 букв (как подсказывает расчет стк. 3) вызывает сомнения, разве только после «Афробйт» стояло Οὐραΐτη, как в КБН 972 (при Перисаде I); однако это единственная надпись раннего времени, где эпитет Анату-ской Афродиты представлен в усеченном виде, и вдобавок она не пантиканейская. Наиболее правдоподобный поэтому предлог вается мне спасческой деконструкцией:

[**Σύμπατοκός Δε]ύκηνος Ἀφ[εοδίτης Οὐοαιήριος Ἀπατούρος**]

[Ξπαρτοκός Λεγοκανος Λφ[ρούση] Οφαντή Κια ταρες
Ινεδεύτη διλέθρος δευτερος Λεύκωνος Βοεπόσου και]

[Μεσεούσι] μεγαλή αρχοντος λευκωνος Βορηπορος
[Θεασείς κα]λιθαι Πάντοτες Συμβού κα]

[Θεοσσιτης κατ] βασιτ[λε] ερποε[ζε]νωμ[ε] κατ[λε]

Конечно, следует учитывать, что кроме Перисада и Спартока, у Левкона могли быть и другие дети, имена которых не сохранились в наших источниках (как и то, что посвящение женскому божеству скорее принадлежало женщине).

Фиас Апатурской Афродиты известен в Пантикее в середине II в. до н.э. (КБН 75), что предполагает существование филиала святилища Апатур; археологически засвидетельствован он здесь только около рубежа эр⁷.

Древнейшее свидетельство культа Афродиты в Пантикее - гравюра на венчике аттического килика около 520-510 гг. до н.э.: 'Αφροδίτη⁸'. Но это может быть и просто застольная надпись, сделанная во время симпозия, и во всяком случае невозможно доказать, что посвящение сделано Египту и специально - Владычице Апатура.

4. КБН 65.

Надпись сделана поверх более древней (№ 41), т.е. перед иами своего рода палимпсест (Рис. 3). Во всех изданиях текст стк. 4 имеет некоторые неточности и ошибки, а последняя строка вообще опущена. Мое чтение:

[Αγαθ]ὴ ν. Τύχη
[· · · · · φυ]"Ραδαμιστοῦ τοῦ
[βασιλέως κατεκέναθη δι' ἐπιμελάς
[· · · · · |]ς καὶ Θεοφίλου ΠΑΤΙΕΙ|. |
[· · · · · |]ΝΑ ..|· · · · · |

2: перед обломом слева видны остатки вертикальной гасти, (отмечены в ПРЕ *máinscūlis*).

4: ΙΙΣ, менее вероятно ΙΙΩ; Θεοφίλου Πατ-<ρ>-ε[φε] Латышев, КБН. Чтение ΘΕΟΦΗ бесспорно; все "круглые" буквы имеют ромбическую форму; от следующих двух букв остались лишь верхушки. Последней (или предпоследней?) буквой в строке была скорее всего *η*οτα, хотя не исключены *γαμα* или *пи*.

5: остатки этой строки видны даже на фотографии.

ΠΑΤΙΕΙ : чтение Диобула де Монпере - ΠΑΤΙΕΙΣ с квадратной *сигмой*, не имеет оснований, т.к. в этой надписи она везде имеет форму S. После ΠΑΤΙΕΙ в лакуне могла бы поместиться еще одна (или две?) буква, которая во всяком случае принадлежит следующему слову, т.к. перед иами, несомненно, хорошо известное на Боспоре римского времени имя Πατεῖς в генитиве (см. ниже). Таким образом, следует читать Πατ{ι}ει, допустив влияние родственного (?) Πατας (КБН 612 и Add. 2). Однако в поздних надписях зафиксировано несколько других примеров написания ε вместо ei, обычно в исходе слова: Гафтеι вол. 376 (?) вместо Гафте⁹, ¹⁰ ει = ειέ (КБН 708, II в.), 'Απολλόηιει вол. КБН 580, I-II вв.¹¹; ειρφαΐητης (ЕрАн. 17. 1991. С. 41 ff., I.7) напоминает боспорские написания τρέbs (КБН 1054), но также и τρέbs, τρομάστηρ (см. ниже, 7), однако скорее это простая перестановка букв. В Малой Азии и в некоторых других местах встречаются такие именинативы как: 'Απολλώιεις, Βαρθολομαίς, Δημήτριας(α=ε)=εις, Κάστεις, Αιρινεις(ε=αι), Ρομαίις, правильные обычайсенные Δ. Георгакис (они происходят из вокативов: 'Απολλώιεις, Βαρθολομαίς, Δημήτριει, Κάστοιει, Αιρινει¹², сюда же - женские имена Χρυσειν, ¹³ Αιρινειν (Bull. ер. 1991, 507). Но сходить здесь лишь внешнее, для наших примеров такое толкование не подходит. Как бы то ни было, все вместе они, пожалуй, могут говорить против вероятности того, что в КБН 65 читать надо ΠατηΕγηπ[;]: важно и другое - если подходящее имя (не может быть сомнений, что после Теофила сына Патия список имен эпимелетон продолжался) на Боспоре известно - Ειστοιδιος (КБН 67, более позднего времени¹⁴), то генитивы на -ι от имен на -εις и на -ις вовсе не зафиксированы.

Имя многократно встречается в боспорских надписях римского времени¹⁵. По-видимому, идентично с д.-иран. именем, зафиксированным в эламском тексте из Персеполя, - Βατ-τι-čé, т.е. *Пат-, которое является сокращением имени вроде *Πατιάστα- или *Φριψα-πατ-¹⁶. Сюда же, по-видимому, и упомянутое Πατας (к *Πατιφα-?) и Πατика (*Πατικα-?)¹⁷. Наше Πατεῖς следует отличать¹⁸ от фрак. (?) Πατας¹⁹ и греко-египетского Πατης, -εις и под²⁰. Πατεῖς из Истрии (ISM I 200, 9; II в.), скорее всего, - выходит из северокипriotических областей.

5. КБН 147.

Этой чрезвычайно любопытной стихотворной надписью в свое время посвятил специальный этюд Н. В. Шебалин²¹, сосредоточивший свое внимание на ее содержательной стороне. Нас же

дует сейчас занимать лишь некоторые частности.

Ст. 7: Καλλιότερος (-uv-) с юстированным (неслоговым) -i- после -l³⁴; это, очевидно, возведенная в ранг антропонима одна из поздних форм суперлатива от καλός (см. LSJ. s.v. καλός³⁵);ср. Τουλά Καλλιότερα (ISM I 292,3,III в. н.э.), а также Καλλιότορ (ниже, 6), Καλλιότος (ISM II 187, 1 ιδ. I 195, 12; [Κάλλιλοτος],Φιλοτέρα (например, KBN 639, 713) и Φιλτάτη (ΙΓΒιλγ² 412 A), более распространенное Φίλιστος.

Φιλέτέροι А.И. Болтунова и издатели КБН с полным основанием считают отчеством Симфора (кои, скоро перед ним называн - с отчеством - Καλлиотер); ошибка - ΦΙΛΕΤΕΡΟΣ вместо ΦΙΛΕΤΕΡΟΥ - объясняется влиянием окончания предыдущего Σύμφορος³⁶; идея Б. Лифшица, который усмотрел здесь "sans doute" апеллатив фιλέτερος в качестве эпитета к Σύμφορος³⁷, не кажется мне убедительной. Имя Φιλέταρος известно в Пантикапее в I-II в. (КБН 128); впрочем, Болтунова (С. 171 сл.) и издатели КБН без оснований предполагают, что стела была привезена из Боспора, вероятно, из Малой Азии.

Ст. 8: Болтунова исправила бессмыслинное ΜΥΡΩΜΕΝΗ на Μυρόμενη³⁸ - имя, "образованное как причастие страдательного залога от глагола μύρω" (= μύριζω, см. LSJ), но из дальнейших ее слов о "слово миросфено в значении 'оплакивающий'"³⁹, которое встречается в стихотворных эпиграфиях, видно, что речь должна идти о μύροφα и что она просто запуталась в созвучных глаголах. Во всяком случае предполагать более чем сомнительное имя-прозвище - вроде "Рыдающая" или даже "Плачка" - не приходится (подобные Spītznamen образуются совсем иными способами).

Издатели КБН tacitly воспроизводят "исправку" Болтуновой, тактично проигнорировав линус.

Еще одну попытку запутать вопрос сделал Лифшиц (ibid.). Как и Болтунова, он производит ΜΥΡΩΜΕΝΗ от μύρω, конечно, в его истинном значении, но при этом не принимает "исправление" Болтуновой КБН и о. Имя Мирофе́н, рассуждает он, более неизвестно и выглядят несколько странно ("...sans doute un peu bizarre"), поэтому следует предпочесть апеллатив μύροφενη⁴⁰. Лифшиц не задумывается над тем, что женщина непременно должна быть названа тут по имени. Ведь получается полный абсурд: "Каллиотер, синь Гасилия, и любящий своих друзей Симфор / и умасченная (благовониями), прожигая в любви к мужу (жена) Каллиотера". С другой стороны, он, несомненно, прав в том, что речь идет не о дочери Каллиотера, а о жене, иначе слова "прожигшая в любви к мужу" без имени последнего повисают в воздухе.

К сожалению, метрика не помогает определить правильную форму имени. Не вдаваясь в подробности, издатели КБН пишут, что этот стих (καὶ μυροφένη Καλλιότερος ζήσαστα φιλάνδρος) является гекзаметром, хотя уже Болтунова (C. 169. Прим. 5) отметила, что на самом деле он лишь должен быть таковым (даже если читать Мирофе́н от μύροφα с долгим "по природе" u); нормальными можно считать только 3-й, 4-й и 6-й метры. Таким образом, проблема решается лишь с опорой на лингвистические соображения и на аналогии.

Разумеется, правильной формой должна быть Мирофе́н, исходно - это медиальный и пассивное причастие к μύρω; ср. Μύρονα (КБН 443), которое относится к Μύρ(ο)φένη⁴¹ как Φελοφένη⁴² (1222) к Φιλούσα (533) и т.п.; ср. еще Μύροπιον⁴³ (476) и соответствующее мужское имя Μύρόπιος, восходящие к поэтическому апеллативу ("благоухающий μύρονθος")⁴⁴, Μύρον⁴⁵ (254, 936), Μύρότας (ΙΡΕ Г² 128,6; ον). оно вместо и нередко встречается в надписях римского времени в самых разных регионах, в частности, и на Боспоре, по главным образом - окончаниям генетива м. и ср. р.⁴⁵. Поэтому вероятнее, что написание Μύροφένη отражает контаминацию фонетического и графического облика так наз. слитных глаголов и/или появление дублетных форм, что характерно для позднего языка (γανάω · δύω, θύγαω · θύω, κοφάω · θέω · δύω)⁴⁶. В апеллативной лексике боспорских надписей II-III вв. Доватур (см. прим. 58) отмечает для инициата только κατοκύρτα (731), воспринявшее свою форму от глаголов на -άω, а также παράγα<σ>ιν (1035); однако в эпиграфии II в. н.э. из Фессалоники (ΙΓ X. 2/1. 312) нашлась необходимая параллель - Μύρον (и вслед за тем - ήταώ ζώτε[ς]= ἔαυτῷ ζώτες!).

6. KALLISTON

А.И. Болтуниова в *editio princeps*³⁹ надписи КБН 884 (Рис. 4):

Καλλιστόν⁴⁰ γυνή
Ἐπεκράτου,
χαρέ,

сочла возможным предложить отождествление: Καλλιστόν = Каллистó, которое, несмотря на очевидную фантастичность принятого издателями КБН, а ее же алтернативную и как раз единственную правильную догадку - что это ошибочное написание вместо Καλ(λ)ιστόν - они даже не упомянули. Разумеется, речь идет о бanalном орфографическом варианте (надпись датируется I-11 вв. н.э.); ср. "Άγαθός КБН 326, Μύρος (см. выше, 5) и т.д.⁴¹. Замена о на ω и наоборот часто встречается в боспорских надписях римского времени".

7. КБН 1016 (Рис. 5).

В ст. 6/7 этой эпиграфии, датирующейся временем около III в. н.э., обнаруженной в станице Ахтанизовской на Таманском полуострове, В. В. Латышев⁴², а за него и издатели КБН читали имя Αἴανθον, которое Латышев прокомментировал так: "Вместо Αἴανθον ср. Αἴανθος"⁴³. Это всего лишь чисто механическое сопоставление с лексемой из словаря Папе - Бензелера. Речь идет о лексеме Αἴανθος в "Лягушках" Аристофана, 194: в ответ на вопрос Ксанфия - *ποτὶ δέρτ' ἀνάπειν;* - Харон привычно объясняет: *παρὰ τὸν Αἴανθον λίθον, ἐπὶ ταῖς ἀναταύλαις.* Подразумевается некая местность в преисподней. Суя по всему, перед нами выдумка самого Аристофана - но с аллюзией на Λευκάδας πέτρη (11) и/или "Αὐέλαστος Λίθος (Ps.-Apollod. I, 5, 2), как комментировали это место (с чтением Αἴανθον - по-аттически), например, Т. Кок⁴⁴ и заnim van Лейвен⁴⁵, которым следуют практически все современные комментаторы⁴⁶. Не встретила поддерки гипотезы Радермахера⁴⁷, увлекавшегося поисками фольклорных мотивов в древней комедии, согласно которой название восходит к аттическим народным представлениям (Αἴανθος) "Dämon der Dürte?", не обоснована ничем, кроме домыслов склонистов, начиня лишними чувствами юмора (р. 280 Dübner)⁴⁸. Того же sorta юмора ("Οκινοῦ") тόκοι и Кербероί там же в преисподней, Ran. 185 sq. (вопрос о "керберийцах" будет подробнее рассмотрен в другом месте); слова Харона в ст. 194 являются в своем роде парафразом этих строк (ср. также εἰς ἀναταύλας 185 и ἐπὶ ταῖς ἀναταύλαις 194). Далее, некоторые комментаторы глухо ссылаются на ст. 1089: ἐπαφῆμιν... γέλων; как отмечает А. К. Гаврилов (устно), это выражение, близкое по смыслу к гомеровскому γέλετε... θανάτῳ (σ 100), выявляет intentio в ст. 194, чем еще раз подтверждается искусственность Αἴανθον.

Наконец, речь ведь, собственно, идет не об антропониме. Впрочем, на мой взгляд, более чем вероятно, что в нашей надписи на самом деле надо читать имя Σαουαῖν. Контекст такой: ή Όασος... περὶ ἥρεα... ΕΝΕΧΘΕΣΛΑΟΤΑΝΟΝ!. Латышев (и вместе с ним - издатели КБН) выделил ΕΝΕΧΘΕΣ, усматривая в нем искаженное διέστροφα, - якобы с элизией -ε, вызванной отсутствием γένετикотиκού, которое, если придерживаться его чтения, вообще говоря, должно здесь быть. Латышев, несомненно, правильно распознал ту некую форму διέστροφу: ассимиляция α>ε>ε вполне заурядное явление в надписях римского времени⁴⁹ (не исключено и перенесение аугмента на приставку [вместо ή] с сохранением его и при глагольном корне⁵⁰); нередко встречается и переход от >οβ⁵¹, а также написание ε вместо η⁵². Но в остальном его интерпретация вызывает сильнейшие сомнения. Возможно, следует читать ενέσθε (т. с. διέστροφу) Σαουαῖν, ср. Σαουαῖν (ниже). ή διέστροφу вместо ἀνέστροφε(ν) ср. [ανέ]στροφε КБН 706, 4 (надгробие около II в. н. э.) в сходном кон-

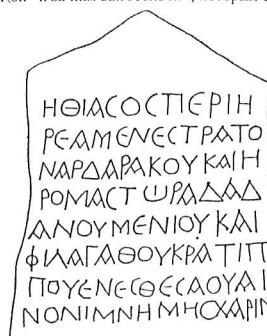

Рис. 5. Надпись КБН 1016
(по ИАК.14.1905. с. 116. №38).

тексте (*τὴν στήλην*)⁷³, что не слишком удивительно в период перестройки системы аориста и исчезновения корневого користа, а также перфекта⁷⁴. Однако, допустимо и простое сокращение *ἀνέστησε* или, лучше, *ἀνέστησαν*. Последнее, как кажется, решило бы все проблемы без рискованных догадок и линий обиваний резчика (или автора надписи) в безграмотности - ошибок в ней и так хватает. В известных нам боспорских эпиграфиях, поставленных от имени флагов или синодов (КБН 79, 88, 97, 98, 99, 101, 103, 106, 988), в подобных контекстах глагол *ἀνέστη* всегда ставится во множественном числе (в 88 - *ἀνέσθκαν*); ср. типичный пример - № 79: ἡ σύνθοδος περὶ τερέα Καλλοσόηντρ β' καὶ πατέρα συνέδοι καὶ τοὺς λοιπούς Θασαῖτῶν (sic) ἀνέστησαν τ[ην] στήλην της Καλλοσόηντρ κτλ. Однако в боспорских надписях этот глагол иногда не пишется в сокращении (хотя в других областях такие случаи встречаются)⁷⁵, поэтому обязательно предположить частичную гипотографию последовательности слов *-σα-* *Σα-* с ассилиацией конечного *-ν* начальному *Σ-*. В любом случае предположение Латышева отпадает.

В итоге я предпочитаю читать надпись следующим образом:

ἡ θάσος περὶ η̄
*ρέα*⁷⁶ Μενέστρατο⁷⁷
 ν Αράρακον καὶ η̄
 ρομήστωρα Δαδ̄
 α Νουμένου καὶ
 φιλαγάθου Κρατίπ⁷⁸
 ποι ἐνέσθε(σαν) Σαονα⁷⁹
 νοι μητρικούς χαριν.

Упомянутые выше Σααντην (КВЗ 1279, 8), по-видимому, является производным от иран. *sāvā- 'черный', осет. saw (ср. бессуффиксальное Σλαος ΙΡΕ 103, 3, Σλαος НО 52, 3, и расширенные суффиксом *-aka- Σλαакос, КБН 1242, 18, Σλααγас < *S(y)āna-ka-)⁷⁹:

*Sāvān - *S(y)āna-aka⁸⁰, в таннисских надписях римского времени имеются и другие созвучные имена: Σαννασο [- - -] οφ (КБЗ 1280, 26), Σαανтос, Εύαρστο[ν] (1282, 25⁸¹), Σανν [- - -] (1284, 14), возможно, все три раза - то же лицо; неясно Σλαакос (Αρ[αε]акон) (1279, 20⁸²).

Наше Σαονατην можно было бы объяснить как *Sāvān(a)- *S(y)āna-in-a)⁸³ с прибавлением греческого форманта -οφ (как и в Σααντην); случайно ли, однако, совпадение Σαονατην ὡς Σααντην? Проблема в том, что за греческими записями этого и других перечисленных имен в ряде случаев могут скрываться и другие иранские основы, - как *sav- в разных значениях⁸⁴, *s(i)uv- / Sav- 'устремляться', proficiscor⁸⁵. Так, несомненно, обстоит дело с Гοβοναс (1287, 29) с неясной первой частью и Βαύδοβοας Σααнионос (1282, 18; ср. выше, прим. 9); ср. Βαύδοχος (1279, 26) и хорезм. swbgtk / *Saw-bagdak/- *Sava-baxta-ka- 'наделенный пользой/выгодой'.

8. GAEIS.

Издатели КБН 1034 принимают чтение Латышева (в примечании к публикации В. В. Шкорнила [С. 102. Прим. 1, см. ниже] и в материалах к ИРЕ II): Τ[α]ρτεις, лишь по недоразумению.

Латышев ссылался на ИРЕ IV 435, 13 ~ КБН 1142: Τ[α]ρτεις, однако чтение это оказалось ошибочным и было отвергнуто самими же составителями КБН: Ιευ. Γοετητει! Конечно же, следует читать Γαεις вместе с Шкорнилом⁸⁶, который, в отличие от Латышева, работал с камнем de visu, и настаивал на том, что первая буква не имеет перевложений (см. Рис. 6). Γαεις = Γαος, ср., например, Γάιс из Рима⁸⁷, Македонии⁸⁸, Египта⁸⁹ и Киренаки (LGPN 1106), а также боспорское Θαλέρις (КБН 104), по поводу которого И. И. Руссу правильно отметил⁹⁰, что редакция τος> τε могла произойти еще в латинском этимоне (но под греческим влиянием⁹¹), ср. Απράλιος, Δαλματος, то же Γαιος и т.д. в латинских надписях⁹².

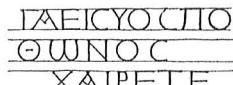

Рис. 6. Надпись КБН 1034
(по ИАК.40.1911, с.102, №14).

9. КБН 1059.

Редкий на Боспоре для раннего времени (V-IV вв., согласно КБН) тип эпиграфии, где имя постороннего стоит в дативе (ср. 183, 911, 1059), и при этом указано имя того, кто поставил памятник; в КБН текст дан по Латышеву (архивные материалы к ИРЕ II²):

Πολέμ[αρχ]ος
ἔστησεν
“Ισοκράτει
τῷ” Ἀχιλλῆ[ν]
[[φα]].

Судя по воспроизведению надписи у Ю.Ю. Марти (см. Рис. 7), надо читать Πολέμ[αρχ]ος.

Ю.Ю. Марти, впервые издавший надпись (условным эпиграфическим шрифтом, без фотографии)⁹¹, читал "Ἀχιλλῆ[ν] (sic) - якобы вместо Ἀχιλλέτ, в качестве прозвища (попт. "Ἀχιλλέος), что совершенно непринято, учитывая хотя бы время надписи"⁹²; кроме того, судя по воспроизведению надписи у самого же Марти, после *ἴωτη* имеются следы еще каких-то букв. Но и предложение Латышева, усмотревшего в последнем слове этникои - "ахиллинет" (ср. "Ἀχιλλέον" κόμη на Азиатском Боспоре, Strab. VII, 4, 5; XI, 2, 6), тоже не слишком правдоподобно, т.к. предполагает отсутствие патронимика в довольно пространном контексте. Но, коль скоро конец надписи не сохранился, что меняет нам восстановить "Ἀχιλλῆ[ο], т.е. патронимик? К вокализму (точнее - суффиксации): *-ηπίο-) ср. формально такое же прилагательное "Ἀχιλλῆος δρόοις, Hdt. IV, 55; 76,4; "Ἀχιλλῆον πόλεις, V, 94,2⁹³; Имя "Ἀχιλλῆος (или "Ἀχιλλῆος ρεστ. - είος, с сокращением τ перед гласным, ср. выше, 2), но-видимому, неизвестно, но, имея виду особое почитание Ахилла на Понте (в боспорском Ахиллии было святилище героя, Strab. XI, 2, 6), не выглядят неожиданными; ср. еще один специфически северононтийское имя - "Ἀχιλλόβορος, в знаменитом письме с о-ва Березана⁹⁴, а также в заклятии (defixio) из Ольвии первой половины IV в. до н. э.⁹⁵.

Впрочем, можно восстанавливать "Ἀχιλλῆ[θεω], ср. "Ἀχιλλέός из Приены II в. до н.э.⁹⁶ и к образованию Βασιλίθεος, Hdt. VIII, 139⁹⁷.

Когда Алкес (fr. 354 [Z 31] | Lobel - Page) называет Ахилла "владыкой скифской земли", он, конечно, имеет виду прежде всего его культа на о-ве Левка, однако распространяет его владения сдали не на все Северное Причерноморье. Знал ли он о боспорском культе Ахилла? Трудно сказать, чтили боспорцы Ахилла, основываясь на неких представлениях, принесенных из метрополии, или же восприняли его культа у своих сородичей на северо-западе Понта. Опубликованное недавно Ю. Г. Виноградовым письмо на синице из Фанагории последней четверти VI в. до н. э.⁹⁸ доказывает, что уже на начальном этапе существования боспорских колоний они имели тесные контакты с Березанским поселением; это свидетельство дополняется граффито первой четверти V в. 'Απατόρης (gen. f.) с Березани⁹⁹, которое, судя по всему, говорит об обратном влиянии городов Азиатского Боспора на культурную жизнь Березанского поселения¹⁰⁰.

10. Пунсонные надписи на золотой амулетнице цилиндрической формы из погребения III в.н.э., Тиристака¹⁰².

- (a) Οχαζα-
- ιος φΑ
- P vel Π
- (b) Φορια-
- ιος φυ-
- χή-

Издатели считают, что оба имени стоят в nominative, однако происходящие с Боспора римского времени аналогичные надписи на ювелирных изделиях склоняют в пользу genetiva - по

Π Ο Λ Ε / . . . Χ Ο Σ
Ε Σ Τ Η Σ Ε Ν
Ι Σ Ο Κ Ρ Α Τ Ε Ι
Τ Ζ Ι Α Χ Ι Λ Α . .
Ι . .

Рис. 7. Надпись КБН 1059
(по: ЗООНДХХVIII. Протоколы, с. 11. №1

крайней мере для надписи (b).

На “золотом цилиндре” (очевидно, такой же амулетнице) из кургана близ мыса Тахыл читается: Μέριος [κα] [Δηροσθέου] φύχαι, на золотых перстнях оттуда же: Ἰστβού[ε]λον φύχη¹⁰³. В погребении на некрополе Киз-Аул близ Керчи найден золотой филактерий II–III вв. в виде шкатулки с надписью, выполненной золотой проволокой: Προκ [χίορος φυχή¹⁰⁴. Как видим, имена везде стоят в генитиве.

В двух случаях, подобно надписи (a) на амулетнице, grammatical formы имен сами по себе не очевидны, т.к. они истреченные, но без труда распознаются благодаря приведенным только что аналогиям и параллелям другого рода. На золотом перстне III в. н. э. из некрополи так наз. Илурата (городище деревни Ивановка, Керченский п-он) пунсоном написано: Μάδας φύχη¹⁰⁵. На дужке золотого перстня с бирюзовой вставкой из некрополи Панткакиной на Глинице, по-видимому, II–III вв. н.э., читается также пунсонная надпись Αταος φυχ (sic!)(Рис. 8)¹⁰⁶. Αταος является формой gen. к Атас, которое (также I. Ata) известно в Лидии (лид. Alas); gen. Atadoj, dat. Ata¹⁰⁷; ср. также производные Ατας (КБН 1179, 31), Ατιας (I 142, 14), Αταча Xia (IG II² 7547). Эта надпись - еще один пример редкого π-склонения личных имён на Боспоре (феномен встречается еще только в Македонии, Фессалии, Фракии к северу от Родоп и, вероятно, в Вифинии), о котором мною подготовлено специальное исследование.

Древнейший известный мне аналог, правда, на сосуде - это граффито на килике из Ольвии конца V в. до н. э.; Ατκύαζο φυχή κτλ¹⁰⁸. Смысъ подобных надписей неясен и заслуживает специального рассмотрения¹⁰⁹.

Таким образом, в надписи (b), несомненно, представлен gen. от пог. Фордикас. Издатели правильно сопоставили имя с Фордиком (КБН 1279, 16, 225 г. н. э., Танис). Имена выглядят иранскими; весьма правдоподобно данно предложенное для первой части сближение с иранскими именами с *ғаги- ‘много(числительный)’, в данном случае, с эпентезой (*ға*ғи-, ср. осет. ирон. ғүг, дигор. ғүг), но вместо совершенной неубедительного *уава- ‘прoso’ для -αιος с истолкованием имени в качестве композита -бахуварих¹¹⁰, я предложил бы видеть суффиксацию: *Риг-уав <- *Ра*ғи-уав-, т.е. перед ини, вероятно, краткая форма от какого-то двухосновного имени с *ға*ғи-¹¹¹. Фордикас, по-видимому, линьше иное написание того же самого имени, а -ας, видимо, отражает не старый тематический гласный, но появилось в связи с переходом в парадигму перистропена (leg. Фордикас), т.е. уже в период бытования в греческой языковой среде (ср. выше 1, о Μούκοιας и др.).

Интерпретация надписи (a) более проблематична. Издатели ссылаются на “близкое по звунию” (sic) сарматское имя Οχαρζαος (КБН 1242, 19, Танис, 188 г.; параллель, очевидно, минимая), а следующие три буквы предположительно рассматривают в качестве сокращения одного из имен на Φαρι-, отмечая, правда, что последнюю букву можно читать и как Π. Однако принято во внимание надпись (b) и другие, приведенные выше, а также одинаковую форму окончания -αιος в обоих именах, и здесь следовало бы ожидать генитив. Вместе с тем, если номинатив был Οχαρζας (такой же, как Фордикас, гипокористик от сложения с *vahи - или полное имя¹¹²), от чего может зависеть генитив?

Жаль, что последняя буква не определяется вполне достоверно; если читать ΦΑΡ, можно было бы предположить сокращенное написание с *ғампах-, т.е. сокращенного патротимника, а-с оглядкой на надпись (b) - самого этого иранского слова, представляющего собою некоторым образом эквивалент греческого φυχή и коррелирующего с этим последним в надписи (b).

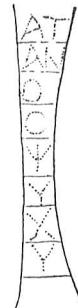

Рис. 8. Надпись на дужке перстня из Керчи
(по: ИАК.9.1904.с.116.Рис.316).

По представлениям осетин, в культуре которых сохранилось много реликтов их сарматского прошлого, каждый достойный человек обладает *фарном*. Ср. фразу из осетинского фольклорного текста: *да farn, de zedy sten - "засыпай тебя твоим фарном, твоим ангелом"*¹¹³, а также пословицу: *fydy farn mærdlæm næssawy "фарн отца не уходит к мертвым"* (т.е. в царство мертвых)¹¹⁴, в которой *фарн*, как кажется, близок и к семантической наполненности греческого *άρετή*¹¹⁵.

Так и *άρεταί* Юрия Германовича обретут не только вечную память, но и вечную славу - *κλέος ἀφότου*; в науке им суждена долгая жизнь благодаря его исследованиям, которые, следуя наследию, будут продолжены его учениками.

Примечания

1. πολλὰ μεταβηνέ πέλει κύδικος καὶ χείλεος ἄκρον (*Aristot. fr. 571 Rose¹ = Zenobii Athoi Proverbia*, Ed. W. Büller, Vol. V. *Göttingae*, 1996, и 96).
2. См. примеры: Körner R. Die Abkürzung der Nomonymität in griechischen Inschriften (SB Berlin, Jg. 1961, 2). S. 69. 73.
3. Переводчик по подлиннику с уточнениями см.: Трешена Ю. Н. О двух ольвийских посвящениях Ахиллу // ВДН. 1975. № 1. С. 71, где дана привильная интерпретация имени.
4. Schmitt, R. Die theoretisch Eigentümlichkeiten mit Alttürkisch *Migra- //Etudes mithrazques (Acta Iranica 17, Leiden etc. 1978). S. 252, a 253, 255 d, 256, a 263; будто бы к *Migrat-
5. Ägyptische Urkunden aus den staatlichen Museen zu Berlin. VII. B. 1926. 1660, 2; Ниусе. Ph. Iranische Namen in den griechischen Dokumenten Ägyptens (Iranisches Personennamensbuch IV/6a). Wien, 1990. S. 50 f., a 77: якобы так же к *Μήρα-dat-, а след за Шимитом (Op. cit. S. 400); но сокращение в греческой языкою среди ясно указывает -ο-, идущее из полной - греческих имен - фразмы Μήροβάτης (примеры см.: Ниусе. Op. cit. S. 51. № 78, 79).
6. К произвольному оформлению имен (не только афинских) суффиксы -άς или -ος, см.; Абисса. Скифо-сарматские наимен. С. 337; Neumann G. Kyriisch to-i-pa-ka-ya //ZfL für ogl. Sprachwiss. 83. 1969. 182 f.; Токтасева С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья: III-IV // Hyperboreus. 1/1. 1994. С. 167; он же. К изданию каталога керамических клейм Херсонеса Таврического // ibid. 3/2. 1997. С. 377, 382. Ср. ниже, 10.
7. *Киро* нечасто встречается в греческих надписях, являясь, по-примечательству, именем для рабов с Востока, напоминающее образы имен, которые носили члены династии Ахеменидов, см., например: Baslez M.-F. Présence et traditions étrangères dans les cités de l'Est //Revue des études anciennes. 8. 1985. P. 153, где приведено свидетельство с Родоса IG XIII/ I 529; напоминаются, однако, и свободные (см.: LGPN 1279; III A 263 RE. XII. Sp. 188-191: отчества (например, medici), первоним, отчужденные и/или их потомки); один, в Олимии (36-24 гг. до н.э.), - даже из жреческого рода Намидов. И в ольвийской надписи оно является полноценным историческим именем, подобно "Ахазиένт" (КБН 76, 16 и др., ср. прим. 15) или Реба́нт (507) на Боспоре римского времени; Л. Зустад (Züstad L. Die Personennamen griechischer Städte der südlichen Schwarzwälder Küste. Praha, 1955. § 546) указывает примеры для "Ахазиέնт" из Дельфий III/а. до н. э.
8. Видимо, еще до Кнесии и "Киропедии" Кесифонтина. У Эсхила (Per. 768-772) *Кир* Великий назван εὐδαιμωνίᾳ ἄνθρ. и, далее сказано - θεός γάρ οὐκ ἥχθρει, ὃς εὐθρόν ἔψι: ср.: Weißbach E.H. Küns (6) //RE. Suppl. IV. Sp. 1162 f.
9. О семейственности, проявляющейся в ольвийских органах власти этого времени, см.: Карышковский П. О. Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры //ВДН. 1993. № 1. С. 83.
10. Обычай известен не только у греков, но и у аланцев, в том числе - у населения сарматского происхождения в североиндоевропейских городах, см.: Токтасева С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья: V-IX // Hyperboreus. 1/2. 1994/1995. С. 142.
11. Первичной является форма Γόλας (ср. Токтасева). Из ономастики Северного Причерноморья: III-V. С. 165), известная и Сапоне уже IV. (Цехмистренко В. И. Сапонские керамические клейма с именами гончарных мастеров //ICA. 1960. № 3. С. 58 сл.; ср. Γόλατος, Γολατός, leg. Γόλατος или Γόλα <Υ>τος?) и в римское время в Фракии (IGBulg II 501, 554). Это, несомненно, малоазийское имя (ср. также Гоулас и под.: Züstad L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964. § 233, Пасиада, Ликаония, Исаира), что подтверждает и оторвое имя отца Гиа о IGBulg II 501 - Макон gen. (см. комментарий Михайлова).
12. Карышковский. Ук. соч. С. 80.
13. = Трешена. Ук. соч. С. 69.
14. Ср.: Токтасева С. Р. К изданию каталога керамических клейм Херсонеса. С. 387, прим. 57.
15. Токтасева С. Р. Гала, любимица жена Диа //SISSITA. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СИБ. 2000. С. 235. Прим. 16. Приводится: ИРЕ F 202, 2 sq.: "Αχαιένει 'Αχαιένου Βοσποραίων".
16. См.: Bechtel F. Die griechischen Dialekte. Berlin, 1923. S. 146 f.; примеры с Боспора и из Олии см.: Донатур А.И. Краткий очерк грэмматики болгарских наименов //КБН. С. 816. § 8. 1 (добавить женское имя "Ακλος" ден. a 1037); Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olibia du Pont. Genève. 1996. P. 189. § 12; посвящение в сантизище "Аполлони Гегемона, что в Фасисе" - Φάσι (Лудберг К.Е./ИАК. I. 1901. С. 99), ср.: Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 97 (зап. Апп. 48).

17. Чтение И. П. Розановой с поправкой Ю. Г. Виноградова, см. с лит.: Трейстер М. Ю. Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантиканес // КСИА. 1997. 1990. С. 37 сл.
18. Толстой И.И. Греческие гравиаты древних городов Северного Причерноморья. М.-Л. 1953. № 176.
19. Кумпайко В.А. Керамическая колонизация VIII-III вв. до н.э. М., 1983. С. 290. № 100.
21. К. -ηγ-η *et al. dat.*: Thimf A., Scherer A. Namibisch der griechischen Dialekte. Heidelberg. 1959. S. 254. §311. б.
22. Сергеев Г. П. Олонецкий античный клад // ВДН. 1966. № 2. С. 134 (читение С. Я. Йлько и Т. Каукишини; «**Τύλοκρός**», предложенное А. Н. Болотниковым [см. так же] - чистое недоразумение); издатель предположил, что систильник происходил из эфесского храма Артемиды, что по меньшей мере сомнительно. К происхождению античных из Северного Причерноморья склоняется Ю.Г. Виноградов (устно); ср.: Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz. 1997. S. 79. Ант. 36.
23. Так же - в посвящении Артемисе Аполлону КБН 1014 времени Нерисиада I.
24. К сокращению долгого дифтонга:ср.: Bechtel. Die griechischen Dialekte. III. S. 49. 63 сл.
25. PCG. Fr. R. 285 арип Athen. XII. 548 с. - Ср. аналогичные по образованию эпитеты Аполлона (*n. dat.*) - Пратрή, Самос, VI в. до н.э. (Roedl IG1 385 = Des 315. 2), Πτολεμαῖος, Βεόπιτη, VII и VI вв. (IG VII 2729, 2731 sq., CEG I 333). Каукасейс ёс, Эрфира (Syll3 1014 A 19), все тоже от топонимов.
26. В ионийском (как уже в микенском) *feminum* от имени на -έύς, образовывался при помощи суффикса -εία<*-εήја, гр. *γέμερη*, *έρεψη*, *βασίλεια*, с контракцией - τῆја. Τέρρη Del. 725, 7. *Μιλετ.* Κέρα. Plat. Moz. 795. Эфес (Нимбах II. Griechische und indo-iranische Femininbildung // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 24. 1968. S. 47 ff.). Впрочем, -έύς лежала, собственно, суффиксом *mascilina*, регулярные соответствия ж. и сп. так и не упирались; так, рядом с эпитетом *Ζεῦς Πόλεις* находят эпитеты *Αθηναὶ Πολιάς*, *Απολον* Каукасейс почиталась в Эрифаках вместе с Артемидой Каукасейс (см. прим. 25). Только в этом смысле «**Εφεσία**» (τῆј) можно рассматривать как союзническое «**Εφεσεύς**».
27. Тохтиасеа С.Р. Рец.: Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont // Hyperboraeus. 5/1. 1999. С. 168. Прим. 8.
28. Ehrhardt N. Miles und seine Kolonien. Frankfurt a. M. etc. 1983. S. 155; Трейстер. Ук. соч. С. 41 сл.
29. Ср. известную историю, когда фокеи, основатели Массалии, подарили оракул, поклонявший им "взять себе проподику от Артемиды Эфесской"; вместе с исконным ионийским Аполлоном Дельфинием, она стала там наиболее почитаемым божеством (Strab. IV, 1, 4). Существенно, что о археологическом Пантиканесе фили-ал храма богини, подобно синтаксису Аполлона Дельфиника, находился именно на акрополе.
30. В editio princeps - Новейшие боспорские надписи // КАК 63. 1917. С. 109 (к № 1).
31. Тохтиасеа С.Р. К чтению и интерпретации посвящительной надписи Лепокона I с Семибратьяного городаща //Hyperboraeus. 4/2. 1998. С. 286-301.
32. Публикация надписи подготовлена Н.А. Наумченко и О.Ю. Соколова.
33. Все рассматриваемые и цитируемые здесь надписи из собрания Эрмитажа изучены мною de visu.
34. Ср.; Белоти Н. С. Новая надпись из Гермакии и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н.э. // ВДН. 1984. № 2. С. 80. Прим. 6.
35. Ср. также № 26 (о ней: Белоти. Указ. соч. С. 84: I. I лев. [Πατρόδοξ, Σ]παρτόκου) и еще одну надпись времени Спартаока III - Белоти Н.С. Поставленная надпись из Кеп // ВДН 1970. № 2. С. 65 сл.: I^{—4}-οήστα Σπαρτόδοκου ὑπέρ Πατρούδον[τον ἀδελφού] "Αφροδ[ίτη]: в обеих надписях, однако, типография опущена.
36. Ср. особенно № 6а, 8, 1111.
37. КБН 31. Editio princeps - Чубинова Л.И. Скитизисе Афродити в Пантикеапеи//Археология и искусство Боспора (Сообщения ГМИИ. 10). М., 1992. С. 187. Рис. 11 Б. С. 194.
38. Согласно чтению В. П. Йелько - Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 66. № 376.
40. Йелько (Ук. соч. С. 66. № 76) полагает, что это не норма, а словоизделиительная черта; крайне сомнительное.
41. Georgakas D.J. On the Nominal Endings -ις, -ιν in Later Greek // Classical Philology. 43. 1948. Р. 256.
42. Corsten Th. Neue Grabsteine mit Totenmahlreliefs aus der Gegend von Prusa ad Olympum // ЕрАн. 16. 1990. Р. 91 ff. В. 2: "Schriftenweise // -ε -ει -οι -η nicht selten" (о сокращении на грамматика языка папируса римского времени Жиникия и амплицеских надписей Theatrea, и не знаю об исследовании Георгакаса).
43. О датировке см.: Виноградов Ю.П. Позднескифический Боспор и ранняя Византия //ВДН. 1998. № 1. С. 2 36 сл.
44. В КБН - 10 лиц; см. еще: Йелько. Ук. соч. С. 20 сл. № 11.
45. Mayrhofer M. Onomastik. Persépolis. Wien. 1973. S. 141 (8. 29); Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden. 1975. S. 185.

46. Белова Н. С. Эпиграфические материалы Фанагорийской экспедиции // ВДН. 1977. № 3. С. 105 слл., V/IV вв. до н.э. Ср. эпиграмму *Bat-ti-ik-ka* (м.) < *Palika-, Mayrhofer. Op. cit. S. 142 (8. 281); Hinz. Loc. cit.
47. Mihalov G. Les Thraces en Egypte // Linguistique Balkanique / Балканское языкознание. XIII. 1969. Р. 42 слv.
48. Detschev D. Die thrakischen Sprachreste. Wien. 2. Aufl. 1976. S. 360.
49. Pristigier F. Namenbuch. Heidelberg. 1922. Sp. 287; Foraboschi D. Onomasticon alterum papyrologicum. Milano - Varese. 1971. P. 238, 239. Паттес также в Македонии ищет либо и. дн. н.э.: Σιοντα Χρ., Καραριτρον Μενεσαδη Γ. Το αρχαιολογικό επτυ στη Μακεδονία και Θράκη. 2(Θεσσαλονίκη) 1988. 28 Πατέως; Bull. Ερ. 1993, 361. - Из Египта?
50. Шебалин Н. В. О надписи КБН 147 // Язык и стиль памятников античной литературы (Philologia classica 3). Л. 1987. С. 185 слл.; см. также Яленко. Материалы по боспорской эпиграфике. С. 63. № 57 (а стк. 10 следуют читать ZL) и статью Б. Либеншица, указанную ниже в прим. 55.
51. Обычно уже у Гомера, см.: Chantreine P. Grammaire homérique. I. Paris. 1958. Р. 170; № Σαββέτων (- -) ΚΒΗ 146, Φιλανιάτα (H -) 148 (Лирическая таск и напись - «Фиден») и далее: Meyer G. Griechische Grammatik. 3. Aufl. Lpz. 1896. S. 219 f. § 146; Dieterich. Op. cit. S. 58 f.
52. Ср. также γλυκέλεύθερό', Dieterich. Op. cit. S. 181.
53. В editio princeps (Греческая метрическая надпись из Керчи//СА. 1959. № 1. С. 169) она полагала, что можно читать и (не защищаемое автором) иначе Φιλανιάτερος; если 8-й стих метрически идентичный (см. ниже), это еще не аргумент считать таким же и 7-й.
54. См. примеры (которые можно умножить до бесконечности) с лит.: Токтасев С. Р. Rec.: Dubois. Op. cit./Hyperboreus. 5/1. 1999. С. 174 сл., 179 (к № 25).
55. Ljūkšliz B. Epigrammes grecques du Bosphore // Rheinisches Museum. N.F. CXI. 1968. Р. 34.
56. Fick A., Bechtel E. Die griechischen Personennamen. Göttingen. 1938. S. 212.
57. См., например: Mihailov G. La langue des inscriptions grecques en Bulgarie. Sofia. 1943. Р. 29 слv.; Brise Cl. Essai sur le grec Anatolien au début de notre ère. Nancy. 1987. Р. 55 слv.; Довлатур. Краткий очерк грамматики. С. 801. § 4. 6.
58. Jannaris A.N. An Historical Greek Grammar. London -N.Y. 1897. Р. 216 ff. Но более обычным было обведение глаголов на -έω и -ώσω на парандже -σσω, Dieterich. Op. cit. S. 228-230.
59. Неизданные надгробия из Керчи и окрестностей// ВДН. 1950. № 4. С. 74. № 7.
60. Остакти лямбда вполне различима: ѹотма подтверждена. Камень хранится в Керченском музее, Инв.№ КЖ 273, тиди.
61. Bechdel F. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle a. d. S. 1917. S. 296, 297; Cр. еще: Masson O. //HTrag. 7. 1989. Р. 49.
62. Довлатур. Краткий очерк грамматики. С. 801 сл. § 4.7.
63. Лампишев В. Эпиграфические находки из Южной России// ИАК. 14. 1905. С. 116 сл., № 38.
64. То же поименование Зустра, Die Personennamen. § 905a.
65. Auszugsweise Komödien des Aristophanes, erkl. von Th. Kock. 3. Bd. Die Frühschr. Berlin. 1868². S. 73.
66. Aristophanis Ranae... ed. J. van Leeuwen. Lugduni Batv. 1896. P. 43. Ad loc. "nomen alii non obivium a comico videatur fictum; therefore alius at a Leukobáda péttrum illum ex Homero... otam, vel "Αγέλαστον λέοντον ad quem Ceres moesta sederat [ср. Ran. 42] Eleusine..."
67. Одна из последних, например, Aristophane. IV. Les Thesmophories. Les Grenouilles. Texte établi par V. Coulon. Paris. 1928 (1991) (Coll. Budé; Aristophanes Frugs. Ed., by K. Dover. Oxford. 1993. P. 216 f. Менее определенно - Стенфорд: Aristophanes. The Frogs. Ed... W. B. Stanford. London -N.Y. 1958. P. 90: "It is unknown whether Ar. invented this alarming landmark in Hades or took it from myistic doctrine".
68. Radermacher L. Aristophanes' 'Frösche'. Graz-Wien-Köln. 1967². S. 166.
69. Cp. Dover. Op. cit. P. 216: "Statement in the scholia that there was a stone of this name in Attica, or in the underworld, sound like pure guesswork".
70. Dieterich K. Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Sprache von der hellenistischen Zeit bis zum 10. Jh. n. Chr. Lpz. 1898. S. 3 ff., особенно - 10.
71. Ср.: Dieterich. Op. cit. S. 213; Schreyer Ed. Griechische Grammatik. I. München. 1953. S. 656. § 5 c.
72. Токтасев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья: X-XVII //Hyperboreus. VII/1. 2000.
73. См.: Довлатур. Краткий очерк. С. 800. § 2, 11 - 12 и (а наша надпись) Νοιμενίου, стк. 5, проимастирова 3/4.
74. В. В. Лампишев (Ук. см. С. 118, к № 39) предполагал ошибку вместо ἀνέστησεν.
75. См.: Dieterich. Op. cit. S. 235 ff. и 218 f., о перестройке в системе transitiva - intransitiva.
76. АΝ(έστησα), ΑΝΕΞ(τηραν), ΑΝΕ(στη)ΣΕΝο особенно интересный для нас пример - ΑΝΕΣΤΗΣ(εν), Avi-Yonah M. Abbreviations in Greek Inscriptions (The Near East, 200 B.C. - A.D. 1100). Jerusalem -London. 1940. P. 48.
77. Написание τρόφ, профиттора (см. другие примеры в КБН 80, 88, 91, 1259, 7) едва ли отражают обычную и то-жиную и греческую до наших дней японскую начальную i - перед глубинными; скорее следует предположить его (факультативное) отпадение, что, очевидно, и пытались передать на графике столы своеобразным способом; неясно, как практиковалось (ср. 1054); λερόν (731) обогащается естественным влиянием слова на ἔρ.
78. См. ссылки на надписи у Ю.Г. Виноградова - Позднеантичный Боспор. С. 234 сл., 239 сл. Не понимаю, что могло заставить Ю.Г. (с. 238) пойти за изодателями КБН 1099 (ст. б) и В.Л. Яленко (Византийский временный). 48. 1987. С. 164), которые предпочли написать (еще и перед лаконой) Σαναγατακού[], естественному на

- фоне параллелей (да и в точки зрения языка) Σαναγας Κουφ[- -] (как уже М.А. Тихонова); после КОУ места на камне предосторожно (види; в 1993 г. камень находился в подвале Керченского музея). - Еще одно имя с основой Σαυο [- - -] см.: Емец И.А., Чепелев О.Д. Этнографические материалы с Керченского полуострова // Этнографический вестник. 1. 1993. С. 17. № 15. Тариката, III. а. н. з.
79. Так Zgusta. Die Personennamen, § 207. - Как показывает приведенный материал, в первые века н.э. переход суда > за, как и Зида > За (ср.: Besenfant E. Études sur la langue osète. Paris. 1959. Р. 22-28) в сарматских диалектах был еще фрактулизмом.
80. Фрагмент № 1280 с окончанием стк. 26 был утрачен, по-видимому, еще до времени подготовки КБН; он отсутствует не только в латинской Эрмитажа, но и на фотографии для альбома к КБН, готовившегося к публикации вскоре после издания самого КБН (в последнее время весь этот иллюстративный материал хранится в архиве СПб филиала Института российской истории РАН). - ИС > σ нормально, как, прочем, и сохранение ψω в поздних этнографических текстах, ср., кроме упомянутого Σαναγασ, Χαναζούγας ος КБН 1280, 15: 1284, 12; [-Joraph- - -] 1277, 26; Σρδουχαμας ΙΡΕ 12 132, 11; Schwäzler. Op. cit. S. 287.
81. Возможно, двухсторонней гипотезой - вместе «Σανας τακος», с синквой в речитиме?; ср.: E Thöndersius. Ossætisca næstek / издев // Studien grammatica Iranica. FS für Helmut Humbach. München. 1986. S. 499-511.
82. К сохранинию дифонгов в сарматских диалектах ср.: Абаев. В.Н. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1976. С. 325.
83. Bartholomaeus Ch. Altiranisches Wörterbuch. Straßburg. Sp. 1561 ff.
84. Bartholomaeus. Op. cit. Sp. 1714. Cr. с. лин.: Гринников А.Е. Ранняя история иранских племен Передней Азии. M., 1971. С. 217, №22. Altiranisches Sprachbuch. S. 224, 230; Mayrhofer M. Die altiranischen Namen (Iranisches Personennamensbuch, II). Wien. 1979. S. 74. № 276 (авест. Sawah); Schmidt R. Der Name des bei Issos gefallenen Statuten Ἀργυρίου //Archäologische Mitteilungen aus Iran. 20. 1987 (1989). S. 247 ff. (Σαρδάτης).
85. Дианци В. А. Документы // Топрак-Калы. Дворец. M., 1984. С. 268 с. 283. Прим. 80.
86. Шкорпил В. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. // НАК. 40. 1911. С. 102. № 14.
87. Leon H. The Jews of Ancient Rome. Philadelphia 1960. Р. 278. № 100, 101.
88. Chiron. 18. 1988. S. 241. № 10. Z. 17, наряду с Γάιος.
89. Pnisiqige. Op. cit. Sp. 78; Foraboschi. Op. cit. P. 85.
90. RUSSO I.L. [Riv. CIRB] // Studi classici. VIII. 1966. P. 337.
91. Mihaescu H. La langue latine dans le Sud-Est de l'Europe. Bucaresti - Paris. 1978. Р. 189-190.
92. Марти Ю.Ю. Новые боспорские надписи, приобретенные Музей Мелек-Чесменского кургана в 1907/8 г. //ЗООНД. XXVIII. 1910. Протоколы. С. 11. № 1. Надпись, к сожалению, утрачена.
93. И несмотря на Διλούπη, ΗΟ I, Vа до н.э., dat. к Διλούπεις (ср. Довлатов А. И. Рец.: ΗΟ // ВДИ. 1969. № 2. С. 108а), и под. (Bechtel. Griechische Dialekte. III. 149. § 131).
94. Ср. Chantraine P. La formation des noms en grc ancien. Paris. 1933. P. 51 suiv.; Schwyzer Ed. Griechische Grammatik. I. München. 1953. S. 468; Bechtel. Loc. cit.
95. Ср. Виноградов Ю.Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань //ВДИ. 1971. № 4. С. 97 (со ссылкой на: Диль Э. Ольвийская чашица с надгробием //НАК. 58. 1916. С. 50). Последнее издание письма - Dubois. Inscriptions. № 23.
96. Диль. Ук. соч. С. 40 слл. = Толстой. Греческие граффити. № 63 = Dubois. Inscriptions. № 105.
97. Inschriften von Priene. Herg. von F. Freiherr Hiller von Gaertringen. Berlin. 1906. № 266, I.
98. От эпитета Ζεῦς Βασιλέας = Bechtel. Historische Personennamen. 533.
99. Vinogradov Ju.G. The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // The Colonisation of the Black Sea Area. Stuttgart. 1998. Р. 160 ff. (№ 3).
100. Толстой. Греческие граффити. № 78 = Dubois. Op. cit. № 75.
101. Толстиков. Рец.: Dubois. Op. cit. С. 187 с.
102. Емец, Чепелев. Ук. соч. С. 20, № 38 (без иллюстрации).
103. Марти Ю.Ю. //ЗООНД. 31. 1913. Протоколы. С. 36 сл.; к сожалению. Марти не указывает, в чём конкретно заключались ошибки автора второй надписи, но в главном его прочтение не вызывает сомнений. - Ср. еще надпись на перстне из Пантикапея II. и. э. - Античные государства Северного Причерноморья/Археология СССР. M., 1984. С. 352, Таб. CLXI, 25, датирована О. Я. Неперова; надпись понятна лишь частично, на рисунке видно: ΠΑΛ | ΑΕΙ | 1 (?) ΕΙ || φυχή; "переод" Неверова выглядит неоднозначно: "Душа Паллада". Тут же - с. 351, Таб. CLX, 30, сх. еще одна золотая колыцо I в. до н.э. - I в. н.э. из Пантикапея с надписью: Πανταγά [θει] πνεύματα. Здесь πνεύμα должно означать субстанцию, сопутствующую φυχή (ис. LSJ с.р. πνεύμα II. 4; III: Bauer W., Aland K., Aland B. Wörterbuch zum Neuen Testament. 6. Aufl. Berlin - N.Y. 1988. с.в. 3).
104. Емец, Чепелев. Указ. соч., 21, Рис. 43, 23 № 43.
105. Кубланов М.М. Раскопки некрополя Наурата // КСИА. 159. 1979. С. 92. Рис. 1, с членением Μαδας, Ψυχή; дейст-вительно, женское имя Ψυχή известно на Боспоре (КБН 296, 323, 389 и др.), но параллели и женское имя Μαδα, известное на Боспоре (КБН 456), говорят в пользу апеллativa.
106. Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. //НАК. 9. 1904. С. 116. Рис. 31.
107. Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen, § 119-1. 2.

108. Dubois. *Les inscriptions*. № 30; ср. Тюхтильев. Рец.: Dubois. Op. cit. C. 182. - Ср. также надпись Φυχίο καλῆ на синопной рамке зеркала из Помпейского (Калианис Ю.П. Синопные рамки стеклянных зеркал в собрании Эрмитажа // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 117), а также надпись на сердолике μνεμόνευς τῆς καλῆς Φυχίς - Stephan L. Rittergasse archaeologica // Mélanges gréco-romains. II. 1866. Р. 26. Впрочем, как показывает хотя бы надпись с мисы Такиль (Мброярос. КТЛ.), и в других приведенных выше надписях φυχή тоже стоит в номинативе.
109. Ср.: Bonner C. *Studies in Magical Amulets chiefly Graeco-Egyptian*. Ann Arbor etc. 1950. P. 185.
110. См.: Vassmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnstätte der Slaven. I: Die Iraner in Südrussland. Leipzig. 1923. S. 55; Абасов. Скифо-сарматские паречи, 298; Zgusta. Die Personennamen, §246.
111. Ср. *Paraka : Mayrhofer M. Onomastica Persicpolitana. Wien, 1973. S. 141 (8. 264).
112. К *Vahu-вага- с гаптологией (или гаплографией)? Ср. Εἰάθημν.
113. Абасов В. Н. Историко-этимологический словарь осетинского языка. I. М. -Л., 1958.
- С. 421 (ср. fātūr gād 'ангел мира'; гед походит к др.-иран. *gāzata- 'божество, бдительность'); аналогичное выражение цитируется в "Осетинско-русско-немецком словаре" Вс. Ф. Миллера - А. А. Фреймана (III. Л., 1934. С. 134).
114. Миллер, Фрейман. Там же; ср. еще: fidī farnej furtēn ustur haj̄es - "из отцовского фарна сыну принадлежит большая доля" (Осетинские (аккорские) народные изречения. Из собрания Г.А. Дзаудзора. М., 1980. С. 180).
115. Это замечательная сарматско-осетинская параллель, т.к. в севернопричерноморских надписях II - III вв. встречается имя Питфарракос, Фитофракос], Питофракос (соответственно - ИРЕ F 2, 26; КБИ 1181 и 1278, 9) - *Pita-farnaka- 'обладающий отцовским фарном', и связи с которыми Абасов (Скифо-сарматские паречи. С. 299) упоминает еще осет. (дисор.) выражение fidī-farnej 'фарн отца'.

ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КЕРЧЕНСКИХ РУН

БРРА

Камень с горы Опук

Следует раз и навсегда со всей категоричностью указать на то, что руноология не в состоянии устанавливать свою собственную хронологию наряду с археологической хронологией. Рунолог в состоянии лишь определить, что данная руническая надпись относится к эпохе переселения народов, к переходному периоду, к эпохе викингов или к эпохе средневековья. О хронологической дифференциации в пределах эпохи переселения народов не может быть речи.

Э.Мольтке

Время, прошедшее со дня трагической кончины Юрия Германовича Виноградова, все отчетлинее расставляет акценты и подчеркивает масштаб личности этого выдающегося ученого и незаурядного человека. Надписи прошедших эпох вновь и вновь становятся предметом исследовательского интереса, однако недавняя потеря заставляет заново переоценить стратегию и тактику исследования энтиграфических памятников. Энтиграфика Северной Европы, в частности рунических памятников, не входила в круг непосредственных интересов Юрия Германовича. И все же следование за ходом его мысли - при чтении статьи или в личной беседе, наблюдение за нетрадиционной и порой парадоксальной постановкой проблемы и столь же неожиданным ее решением, способной ассоциировать широтой эрудиции - все это было и остается основой школы, которую он оставил после себя, школы, в которой - по мере сил и способностей - проходил обучение всякий, кого судьба свела с Юрием Германовичем. И важно то, что принципы и заповеди этой школы неизменно подтверждают свою эффективность, в том числе далеко за пределами античной энтиграфики Северного Причерноморья, помогая решать новые задачи, встающие перед нами. Основополагающие начала анализа надписей остаются неизменными - вне зависимости от языка и места происхождения памятника, и оттого опыт Юрия Германовича и его наследие представляют непреходящий интерес, который со временем будет лишь возрастать.

Недавнее введение в научный оборот нового исторического и энтиграфического источника - рунической надписи на камне, найденной при раскопках на горе Опук на Керченском полуострове - является, безусловно, событием в отечественной и мировой науке*. Более того, опускская находка, без сомнения, имеет все шансы (при достаточно аргументированном и адекватном подтверждении аутентичности данного артефакта) претендовать на сенсационность. Сенсационность эта определяется прежде всего тем обстоятельством, что обнаружение старшерунической надписи в Крыму, к тому же на Керченском полуострове, подталкивает к совершению определенным выводам по поводу этнической принадлежности той группы людей, которая была причастна к изготовлению и установке рунического камня. Трудно представить более яркое и живое свидетельство пребывания в Крыму германских племен, чем употребление символов в значительной степени сакрализованного алфавита, применявшегося от эпохи преимущественно в магических либо мемориальных целях и, следовательно, существенно менее подверженного заимствованию ионоглеменниками-немецами.

Вторая сторона этой сенсационности обусловлена характерными особенностями самой надписи, явственно стоящей особняком как в ряду синхронных (старшие руны, использованные здесь, по крайней мере приблизительно очерчивают хронологический "периметр", не простирающийся, все же, выше "темных веков") надписей континентальной Европы, так и в ряду собственно скандинавских находок. Даже предварительное знакомство с опускским камнем заставляет увидеть в нем в известной степени уникальный рунический артефакт, не находящий себе прямых аналогий в

* Автор выражает свою глубокую признателенность к.и.н. В.К. Голенко за дружескую помощь и содействие в работе с уникальным памятником, а также к.и.н. М.И. Золотареву за первое знакомство с руническим камнем и ценные консультации.

известном на сегодняшний момент эпиграфическом фоне.

Такого рода находка, как известует из нижеследующего, аргумент опровергает любое заявление о незначительности присутствия германцев на Крымском полуострове в позднеантичную и раннесредневековую эпохи, даже если бы не существовало иных - нарративных и археологических - свидетельств такого присутствия. В то же время, следует постоянно помнить и о том, что впереди до убедительного подтверждения подлинности данного археологического источника все умопостроения, его касающиеся, обречены довольствоваться почетным, но и, вместе с тем, довольно шатким статусом гипотез. Впрочем, и с учетом этого они достойны внимательной разработки.

Ответ на вопрос о подлинности камня продолжает оставаться открытым, но именно это и заставляет относиться к самому камню с повышенным интересом. При этом стоит отметить, что факторы, подчеркнуто выделяющие опускскую находку из ряда подобных, в равной степени работают как на версию фальсификации, так и на версию полной и несомненной аутентичности.

Столп напоминать, что камень, о котором идет речь (Рис. 1, 2), был обнаружен в ходе археодигитических раскопок, проводимых Южно-Боспорской экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины под руководством В.К.Голенко. Первая публикация, вышедшая в 1999 году, появилась во втором выпуске "Древностей Боспора" и преследовала главную цель - представить находку научной общественности и определить ее место среди круга прочих древностей раннесредневековой Таврики.

В примечании редактора сборника "Древности Боспора", сопровождающем статью, отмечается легковесность суждений и недостаточность аргументации, проявляемые авторами при изложении результатов своих исследований и доказательство подлинности находки². Сразу отметим, что с точки зрения строгой научной критики, критики прежде всего с позиций рунологического исследования, под категорию "легковесных" и "недостаточно аргументированных" могут быть подведены линии выволы, касающиеся магической интерпретации содержания как отдельных рун, состоящих из надписей, так и всей надписи целиком. Но, справедливости ради, мы должны признать, что некоторые "ненаучностные" выводов в этой части вполне объяснимы общей зыбкостью аргументационной базы там, где речь идет о магии там.

Следует напомнить, что лавина популярной и колоннаучной литературы, теперь появляющейся уже и на русском языке, по сути своей базируется на чрезвычайно скучном фактическом материале. В качестве примера приведем чрезвычайно показательное и, в своем роде, эталонное издание "Руны"³. Подобные книги, заполняющие лакуну читательского интереса, появляются вполне закономерно, рассмотрение же и критика их в контексте строгого научного исследования объяс-

Рис. 1.

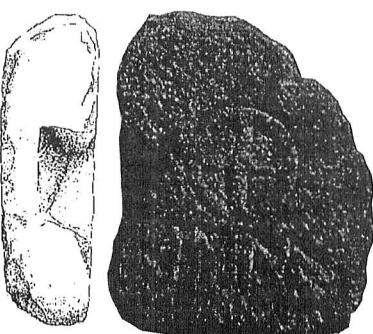

Рис. 2.

ними тем, что на их основе делаются далеко идущие выводы историко-археологического свойства. При этом большинство умозаключений о практике применения рун как элемента магии и инструмента гадания являются часто плодом фантазии авторов (либо личного опыта, что в данном контексте вполне может являться аргументом и сути дела не меняет). Достаточно заметить, что, например, все выводы, относящиеся к конкретной практике гадания, имеют своим источником не сколько следующих строк у Тацита: "Срубленную с плодового дерева ветку они (германцы - А.Х.) нарезают плаликами и, нарезав на них особые знаки, высекают затем, как придется, на белоснежную ткань. После этого, если гадание производится в общественных целях, жрец племени, если частным образом, - глава семьи, вознес молитвы богам и устремил взор в небо, трижды вынимает по одной плалике и толкует предрекаемое в соответствии с высекленными заранее знаками"⁴. Кроме этого свидетельства (которое Тацит, несомненно, приводит со слов очевидцев, и при этом находит сам) никакими другими описаниями практики гадания на рунах мы не располагаем. В этом контексте такая немаловажная деталь, как, скажем, примус или перевернутое положение руны при гадании, теряется совершенно, и все умопостроения по этому поводу остаются на совести современных авторов.

Что касается содержательной стороны вопроса, то есть магического значения отдельных рун, то источником такого знания являются фрагменты двух песен Старшей Эдды: заключительная часть "Наванай" ("Речь Высокого") - так называемый "Rinalaf" ("Перечень рун"), а также "Sigdrifnial" ("Речь Сигдрофии"). При той путанице иносказаний и многозначности толкований возможных путей сопоставления известных нам по эпиграфическим памятникам рун старшего футарка с описаниями рун в упомянутых эзотерических песнях, каковая явственno оцнутима при попытках их изучения с этой точки зрения⁵, возможность сколько-нибудь научного подхода к вопросу о магическом значении известных рунических надписей, включая и опускскую, как представляется, более чем проблематична.

Необходимо отметить, что серьезные рунологические исследования публикации, создаваемые в рамках традиционно сильных и авторитетных научных школ (датская, норвежская, британская), преследуют цель тщательного исследования филологических, эпиграфических особенностей, археологического контекста рунического артефакта, но никогда не рассматривают "потенциальный" магический смысл. Видимо, именно в таком ключе, отсекающем все лишнее и наудумное, и следует рассматривать киринскую находку, оставив все сверхнормативные умозаключения за рамками исследовательского сочинения.

Настоящая статья не претендует на решение вопросов, возникающих в связи с опускскими рунами. Как представляется, находка слишком многозначна и время решения вопросов еще не наступило: сегодня мы находимся не более чем в фазе их постановки. Задачей статьи является рассмотрение характерных особенностей новой рунической находки в контексте синхронных либо же типологически сходных, но иночертанных памятников, то есть своего рода сопоставление ее с "фоном" - поскольку это возможно.

Обратимся теперь к самой надписи. Обстоятельства ее находки достаточно убедительно связывают камень, несущий надпись, с кладкой стены цитадели на горе Опук. Использование каменного блока в качестве элемента кладки стены пастушеского убежища в гроте отмечает, судя по всему, уже его третичное использование. По предположению авторов, камни были сброшены на уступ, где находилась упомянутая стена, из развалов куртины с внутренней территории крепости, либо расположение грота на краю 15-метрового обрыва исключает попадание камня сюда из какого-либо иного места⁶. На использование камня не по первоначальному назначению (без внимания к нанесенной надписи) явственno указывает находящийся на его лицевой стороне паз. Его край достаточно хорошо обработан, чтобы мы не принимали их за случайную выемку, выбитую или разбитую природными силами. Прямоугольная форма паза позволяет предположить, что камень играл какую-то конструктивно важную роль, находясь в связи с другими прямоугольными камнями кладки, однако автору не представляется возможным адекватно реконструировать эту связь с архитектурными позициями. Иными словами, трудно представить, каким именно образом камень был "вилетен" в кладку и во времена какого именно строительства - цитадели или пастушеского убежища - должно отнести появление этого паза. Однако в контексте строительного, не первичного, использования камня прямоугольная выемка выглядит гораздо более убедительно, чем в контексте руничес-

кого его содержания.

Нельзя исключить, что камень в том виде, в каком он дошел до нас, является лишь фрагментом плиты более значительного размера, однако надпись из четырех сохранившихся знаков выглядит достаточно завершенной, и у нас нет оснований предполагать наличие каких-либо других рунических символов, утраченных на протяжении прошедших столетий.

Вместе с тем отметим, что внешний вид как камня, так и самой надписи, как будто бы явственное свидетельствуют в пользу аутентичности памятника. Безусловно, следует однозначно высказаться за проведение более детального анализа и экспертизы камня с помощью всех доступных средств естественнонаучного круга (геологических, микробиологических и т.д.). Однако мнение специалистов-биологов, утверждающих, что возраст лишианников, находящихся на подрубках камня, окружающих надпись, не может быть менее 30-40 лет**, ставит под сомнение напрашивающуюся мысль о фальсификации, сработанной руками досужих туристов. Эта датировка, отсылающая нас к периоду 50 - 60-х годов XX-го столетия, вряд ли позволяет "свалить вину" за возведение рунической стелы на толкинотов или любителей от рунических иного направления. Проще говоря, в столь "отдаленные" времена - по крайней мере, в нашей стране - волна интереса к рунам и всему комплексу связанных с ними верований и магической практики со стороны непрофессионалов не достигала масштабов, хоть в малой степени сопоставимых с нынешними, когда появление подобной подделки вполне может иметь место. Проще говоря, круг лиц, способных нанести такую надпись, в нашей стране в те времена мог быть в буквальном смысле перечтен по пальцам. Это, основанное на данных биологии, соображение на сей день является главным естественнонаучным аргументом, подтверждающим подлинность и древность находки. На эту же версию работает и труднодоступность места находки, весьма удаленного и от транспортных трасс, и от традиционных туристических троп.

Еще одним, весьма убедительным, свидетельством подлинности рунического камня служит сама надпись. Руны прекрасно прорисованы, - так, что не остается ни малейшего сомнения в их идентификации и прочтении; в определенном смысле их можно считать эталонными примерами старшего рунического шрифта, более четкими по своим очертаниям, нежели в большинстве известных случаев написания руны на каменную поверхность. Вместе с тем, инверсионное, ретроградное положение первой руны "F" в случае фальсификации смотрелось бы как признак слишком близкого знакомства автора подделки с особенностями рунической эпиграфики (подобные "орфографические ошибки" довольно обычны для известных рунических надписей), объяснявшимо лишь достаточноенным профессионализмом. Это, опять-таки, резко сужает потенциальный круг лиц, на которых может быть нами возложена ответственность за возможную фальсификацию. Таким образом, сочетание правильности надписи, ее своего рода "эталонности" - с одной стороны, и типичности (опять же, "правильности") ошибки в орфографии для этой эпохи - с другой, в совокупности своей дает именно ту гармоническую равновесность, которая вызывает доверие к данному историческому источнику.

Плита из мшанкового известняка размером 0,62 - 0,34x0,49 - 0,20 м несет на своей поверхности изображение креста в круге и одностороннюю руническую надпись "ФРГА". Все знаки - как крест, так и сама надпись - выполнены в технике высокого рельефа. Пространство вокруг знаков и поле между ними выбрано, высота рунических знаков составляет 0,15 м, ширина линий 0,025 м.

К числу особенностей надписи, резко выделяющие ее из ряда подобных объектов, относятся, прежде всего, следующие: материал, на котором надпись выполнена; техника ее исполнения и содержание; знак креста, заключенного в круг. Не вызывает сомнения, что для аргументированной оценки как самой находки, так и сопутствующего ей возможного исторического контекста прежде всего необходимо максимально полно охарактеризовать историко-археологический фон, на котором эта надпись может быть рассмотрена и изучена.

Прежде всего, следует отметить чрезвычайно интересный и знаменательный прецедент написания рунической надписи на каменную стелу. Подобный факт сам по себе был бы достаточно ор-

** Информация об этом получена в ходе частной беседы с автором находки В.К. Голенко в декабре 1998 г. Она представляет большой интерес и, несомненно, камень нуждается в более тщательной экспертизе подобного рода.

динарен, если не принимать во внимание следующие обстоятельства. Надпись исполнена старинными рунами. Это достаточно однозначно указывает, как минимум, на две крайние хронологические границы, между которыми должна находиться дата ее производства: III–VII столетия нашей эры. Ранее рунические надписи в Северном Причерноморье просто не могли появиться, так как носители рунического алфавита (футарка) – германцы – до середины III в. просто не фиксируются здесь письменными и археологическими источниками⁹. К тому же, хотя Корнелий Тацит и отслеживает со всей определенностью наличие и активное использование рунических символов в германском обществе уже для I в. н. э.¹⁰, реальные артефакты с руническими символами известны нам в действительности только с рубежа III столетия н. э.¹¹. Речь идет прежде всего о наиболее ранней из существующих надписей, вырезанной на лезвии наконечника копья из Эвре Стабю (Норвегия), которая традиционно датируется около 200 г.¹²

Верхняя хронологическая граница написания надписи – безусловно, не седьмое столетие. Во-первых, на VI–VIII вв., “темные века” континентальной Европы, или “венделский период” Северя, – в полном соответствии с общесевероевропейской склонностью источникового фонда – приходится так называемый переходный период рунической эпиграфики, который характеризуется малочисленностью надписей и началом трансформации футарка¹³. Редкость рунических надписей в этот период в целом делает весьма маловероятной датировку в пределах “темных веков” в том числе и керченского камня, ставшего под сомнение производство надписи после рубежа V–VI столетий.

Во-вторых, хотя споры о продолжительности существования остатков готского (германского) этнического компонента в Крыму продолжаются, бытование рунической письменности в столь яркой форме весьма проблематично уже с конца IV века н.э. После гуннского погрома 375 г. держава готов (королевство Германарика) трансформировалась столь необычно, а оставшееся в Крыму германское население стало испытывать столь мощное влияние внешних деформирующих этнических факторов, что оставление подобного памятника становится маловероятным уже для рубежа IV–V столетий. Историческая ситуация в Восточном Крыму в это время не дает очевидных свидетельств существования сколько-нибудь значительных групп населения, которые могли бы сохранять столь характерный магически “нагруженный” и этноопределяющий элемент древнегерманской культуры, каким является руническая письменность, (что, конечно, не отвергает возможности и даже несомненности бытования германских языков и диалектов в Крыму и после IV в.).

Подчеркнем, что речь идет о, своего рода, теории больших чисел, поскольку при отстраненной исторической реконструкции и моделировании событий прошлого вполне допустимо представить себе некий этнический осколок, вскаки храниций и передающий из поколения в поколение тайну рунического письма и воздвигающий рунический камень как некий частный (семейный, родовой) – культовый или поминальный – символ. При этом данная общность уже давно находится в иноплеменном окружении. Однако, как представляется, все же логичнее предположить – как более вероятную – связь установки этого памятника со временем относительной стабильности положения причерноморских германцев, что возвращает нас в эпоху, предшествовавшую нашествию гуннов. Напомним, что руны суть нечто гораздо большее, чем просто алфавит, и употребление их, особенно в ранний период, связано практически исключительно с ритуальной практикой. В силу этого

Рис. 3.

Рис. 4.

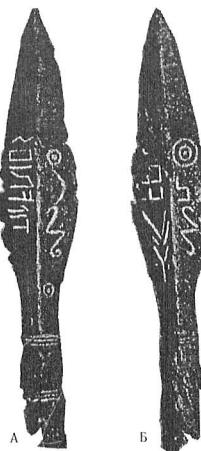

Рис. 5.

владение неким соиницом германским языком отнюдь не означает автоматического владения им также и тайной рунического письма.

Датировка крепости на г. Опук IV-VI веками дает и другую возможную точку отсчета. Учитывая, что каменная стела несет на себе явственные следы вторичного, строительного использования, допустимо предположить, что она была применена в качестве простого строительного материала либо конструктивного элемента в кладке крепости. Это предположение дает, тем не менее, в качестве точки окончания жизни камня как рунического артефакта исс тот же IV век. Таким образом, по совокупности обстоятельств исторического прошлого Крымского полуострова и всего Северного Причерноморья, нам представляется возможной датировка рунического камня, найденного на г. Опук, в пределах середины III - конца IV вв. В соответствии с этим, надпись на опукском камне относится к первому этапу рунического письма - так называемому "миграционному периоду" или "эпохе Переселения"¹³, охватывающей время от рубежа эр до 650 г.

Чрезвычайно интересным в контексте этой датировки становится факт установки в Крыму именно рунического камня. Большинство надписей Скандинавии, а также практически все известные надписи Центральной Европы, выполнялись в это время на предметах вооружения, рогах, брантеатах, предметах декоративно-прикладного искусства, функциональных элементах одежды и конской сбруи (фибулы, прижки поясных ремней и т.д.). Руны находились в это время в употреблении на всей территории собственно Германии в тех границах, в каких ее представляли себе римляне с эпохи Тасита, а также на территориях, заселенных переселявшимися германскими племенами, но наносились эти письмена исключительно на движимые объекты. Первые, самые ранние рунические камни начинают устанавливаться в Норвегии и Швеции примерно между 300 - 400 гг.¹⁴.

Дальнейшая история рунической письменности, относящаяся ко времени после ликвидации Римской Империи, связана практически исключительно с Северной Европой и прежде всего Скандинавией и Ютландией, а также Британскими островами. Германцы во вновь завоеванных землях достаточно быстро утрачивали навыки и само искусство употребления рунического письма, попав под мощный пресс латинско-греческой, средиземноморской культуры, во взаимодействии с которой рождались новые романские и германские языки. Рунам же не оставалось места ни в быту, ни в сфере отправления культовых ритуалов, ни даже в гадательной практике, где, возможно, они продержались немногим дольше. Искусство рун, будучи вытесненным в маргинальные, реликвийные слои культуры, поглощено ввариарским королевством уже в начале "темных веков", не оставив практически никакого следа и полностью заместившись более фонетически адекватным, удобным и пластичным (а, следовательно, более жизнеспособным) латинским письмом. Таким образом, среди тех немногих рунических артефактов, которыми представлен европейский континент, на сегодняшний момент керченская находка является, судя по всему, уникальным явлением. Допустимо утверждать, что мы имеем дело со вторым (первым был березанский камень, Рис. 2) на сегодняшний день руническим камнем за пределами Северной Европы. Впрочем, березанская находка, как и надпись на плече пирейского льва, и имя *Halvdan* на парапете Св. Софии в Константинополе, сделаны рукой варягов поздней эпохи викингов, и являются осколками странствующей по миру скандинавской культуры, отпечатком жизненного пути оторванных от своего дома наемников

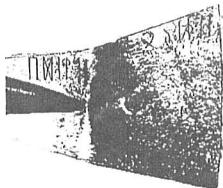

Рис. 6.

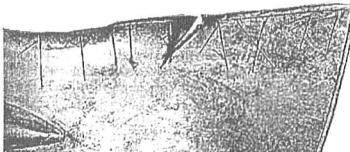

Рис. 7.

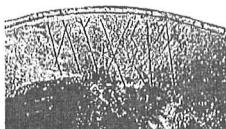

Рис. 8.

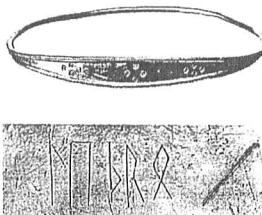

Рис. 9.

и авантюристов, т.е. в сущности могут быть отнесены нами к категории движимых предметов. Керченский камень, без сомнения, является исключением в этом ряду.

Остановимся вкратце на тех рунических надписях, с которыми может быть сопоставлен наш камень. Для первого периода существования рунической письменности подавляющее большинство известных надписей выполнено на небольших, легко перемещаемых, а чаще всего постоянно носящих с собою объектах. Наиболее показательны в этом смысле предметы вооружения, которые не только принадлежат к числу наиболее мобильных представителей мира вещей, но и дают наиболее рафинированные образчики практического применения рунического письма. Среди таких обязательно должны быть названы три находки; все они относятся к наиболее популярному, демократичному и эталонному для эпохи Великого переселения народов типу вооружения - это наконечники копий, предназначавшиеся преимущественно для рукопашного поединка и сочетающие качества колющаго и отчасти рубящаго оружия. Во-первых, это уже упомянутый наконечник из ЭвреСтабю(Норвегия), считающийся часто наиболее ранним из известных рунических объектов и датируемый второй половиной II в.¹⁵ (Рис. 4). Надпись из Эвре Стабю состоит из восьми рунических знаков, читающихся как *ořingjāg*, что в переводе означает "испытатель". Несомненно, такова было собственное имя копья, данное ему владельцем или мастером-изготавителем не без расчета на магическую поддержку хозяина в бою.

В этом же ряду стоит наконечник копья из Иллерупского болота в Ютландии, обнаруженный в 1980 г. На лопасти его лезвий нанесен зигзагообразный орнамент; кроме этого, с обеих сторон симметрично вырезаны руны, составляющие слово *ořingjāR* - предположительно мужское имя. Примечательно, что если одна надпись процарапана во вполне традиционной манере по уже готовому оружию, то вторая нанесена в процессе изготовления наконечника копья с помощью штампа: руны возвышаются над несколькими заглубленными в поверхность лезвия прямоугольным отпечатком, образуя выпуклый рельеф. Этот факт, при всей кардинальной разнице манер исполнения,

несколько сближает наконечник из Иллеруна с керченским камнем, являясь еще одним примером рунической надписи, которая не вырезалась. Датируется иллрурское копье около 200 г.¹⁶

Наконец, третьим артефактом, должностноющим быть отмеченным в этой категории находок, является знаменитый наконечник копья из Конвеля (Рис. 5)¹⁷. Надпись *tilarids* означает "стремящийся, проникающий", и, также, как и в случае с копьем из Энре Стабо, представляет собой почти наверняка имя самого оружия, верно служившего, надо полагать, своему владельцу уже довольно далеко от его северной прародины¹⁸. Эта находка показательна для нас тем, что маркирует, возможно, одну из промежуточных точек пути германцев в Северное Причерноморье и является географически единой из самых близких к нашей надписи рунических объектов.

В числе предметов вооружения, несущих на себе рунические знаки, должны быть упомянуты рукояти щитов из упоминавшегося болота в Иллрурп (Дания). Первая из них (Рис. 6) - *nī()*jo ta(w)ide ("Пи сделал"), вторая, вырезанная несколько более пебрежно, но совершенно схожая по манере начертания и расположению на объекте (Рис. 7), читается *lagifrewa* (возможно, личное имя из двух составляющих - "вода, море" и "служитель")¹⁹. Примечательно, что обе надписи читаются справа налево.

Среди прочих предметов вооружения выделяются древко копья с о. Фюн с магической формулой *gagaga*, умбон из Торсбърга (Рис. 8) и навершия ножей, найденные в Вимозе (ок. 250 - 300 г.), надписи на которых нанесены с двух сторон; с одной из них она читается как *takja* - меч (обращениеворотнейский судя по всему, термин, родственный славянскому эквиваленту, см. также фин. *tiekkä*, греч. *μαχαιρά*).

Весьма многочисленны на общем фоне находок рунические надписи на украшениях. В качестве наиболее показательных примеров приведем лиадум из Сторупа с именем владельцы (?) *Lefro* (Рис. 9) и многочисленные браслеты (Рис. 10)²⁰. Последние также характеризуются рельефностью рун, но это объясняется их (рунических знаков) конструктивной неразрывностью с процессом изготовления самого браслета и, в силу этого, не может рассматриваться нами как нечто типологически сходное с Керченской находкой. Стоит отметить также надписи на фибулах (Химлингёе, Вэрлессе (Рис. 11)) и фигуру человека с сохранившейся линь наполовину (две из четырех или пяти рун) надписью на спине (о. Фюн).

Столь навязчивая фиксация внимания читателя на рунических объектах, не связанных с рельбой по камню, оправдывается тем, что приведенный материал достаточно адекватно демонстрирует тот круг типов надписей, который являлся стандартным для рассматриваемой эпохи. Что касается рунических камней, то их появление относится, как уже было указано выше, к рубежу IV - V вв. и то лишь на территории Швеции и Норвегии. Разнообразие форм самих камней, типов надписей и расположения таковых на поверхности камня, наконец, сочетаемость надписей с сопутствующими им рисунками, дают в совокупности чрезвычайно богатую типологическую палитру. Не вызывает сомнения, что с самого конца эпохи Великого переселения народов доля рунических над-

Рис. 10.

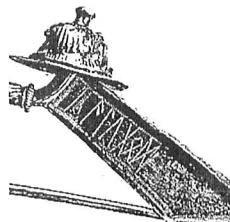

Рис. 11.

писей на камне неуклонно и лавинообразно возрастает, уже в рамках венцельского (меровингского) времени практически вытесняет надписи на движимых предметах. Для нас же в данном случае важен и примечателен факт отсутствия на протяжении почти всей истории существования рунических камней техники, идентичной примененной на Керченском камне, а именно техники высокого рельефа.

Приведем несколько примеров из различных областей Скандинавии, чтобы дать самый оглый очерк вариантов нанесения рун на каменную поверхность. Поминальный камень из Истабю (Рис. 12), установленный в память некоего Херульфа, отмечает тип достаточно примитивных камней с практически необработанной поверхностью. Еще более отчетливо это заметно на примере камня из Флемлессе (Рис. 13). Со временем повышается культура отделки поверхности и качество самих нанесенных рун. Постепенно увеличиваются и сами надписи, которые становятся многострочными, превращаясь в целые повести в камне (Рис. 14). Дифференцированы формы камней (Сконе, Рис. 15). Чрезвычайно частым мотивом является привнесение изображения змея - свернувшегося в бухту, повторяющего очертания периметра поверхности камня, или же завязанного одним из морских узлов (Рис. 16). Именно по его спине чаще всего пускает резчик рунический текст. Вариации сопутствующих рунам рисунков простираются от примитивных схематических набросков до вершин стили - таких, как знаменитый Бодьой Зверь из Еллинге XI в. (Рис. 17).

Достаточно безглазого взгляда на любой из приведенных примеров, чтобы убедиться, сколь далеко в технологическом отношении отстоит Керченская надпись от эталонных памятников рунического ландшафтного творчества. Надпись на камне с г. Опук выполнена в технике высокого рельефа, что совершенно однозначно ставит ее в ряду прочих рунических камней на особое место. Практически все известные науке надписи на рунических камнях исполнены в технике энглифики¹, т.е. путем пресек знаков в поверхности камня более или менее тонкой линией. Это - процесс во всяком случае гораздо более простой и не столь трудоемкий, как выборка камня, окружающего надпись при рельефном изображении знаков. Мягкий и прекрасно поддающийся обработке известняк, впрочем, делал эту задачу гораздо менее трудной, однако это само по себе не объясняет факта выбора мастером именно такого способа нанесения изображения. Напомним, что Березанский камень столь же легко подвержен обработке, однако техника исполнения надписи на нем вполне традиционна.

Впрочем, было бы неверно говорить о полном отсутствии прецедентов. Церкви Скандинавии (Готландца, Ютландин и т.д.) содержат несколько надписей, типологически чрезвычайно сходных с исследуемой нами (Рис. 18). Каменная резьба в высоком рельефе порой кажется вполне идентичной той, что присутствует на опуком камне. Однако надписи эти относятся к XII - XIII, а то и к XIV вв. - времени заката рунической письменности; некоторые выполнены хотя и рунами, но полатинскими. Другими словами, это совершенно иной тип рунических памятников и принципиально иная культура обработки камня, по сути своей прямого отношения к искусству выражения рун не имеющая. Техника эта очутимо предстает перед нами как нечто привнесенное из иного культурного ареала, не имеющее твердых корней на скандинавской почве. Пожалуй, именно эти последние примеры дают всего больше типологических аналогий с керченской находкой, но чрезвычайная временная, пространственная и общекультурная, если угодно, разнесенность этих памятников не позволяет установить и проследить какую-либо степень преемственности между ними.

Единственным разумным и адекватным решением данного вопроса на сей момент выглядит констатация факта производства надписи и изображения на камне местным автором, находившимся в рамках античной традиции и хорошо владевшим техникой обработки камня. Трудно сказать, был ли он германцем или уроженцем Причерноморья, но несомненно, что доминировали в его творческом сознании идеалы не вполне северного свойства. Весь памятник в совокупности своих черт, без сомнения, кажется более принадлежностью средиземноморского мира вещей, нежели порождением цивилизации североевропейских народов.

Впрочем, синхронные рельефные надписи (греческие и римские) в Северном Причерноморье тоже неизвестны. Стоит заметить, что в самом Крыму эпиграфические памятники той же техники все же появляются, однако относятся они к тому же самому, весьма позднему, как и в Скандинавии, времени - XIV - XV вв. - это надписи книжества Феодоро (Рис. 19) и генуэзских колоний. При этом несомненно, что эта техника существенно более сложна и трудоемка, нежели традиционная

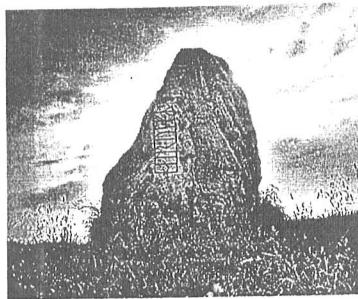

Рис. 12.

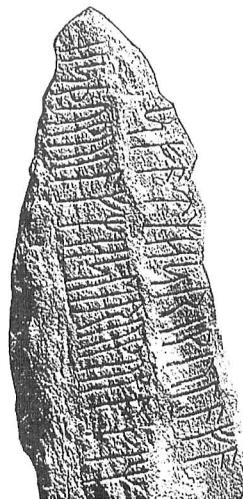

Рис. 13.

и весьма примитивная энглифика. При рассмотрении поздних рельефных крымских надписей совокупно со столь же поздними скандинавскими, возникает фон, который вызывает соблазн датировать керченскую находку временем развитого или позднего средневековья. Однако обстоятельства находки, а, самое главное, старшие руны, фигурирующие в надписи, делают эту попытку чрезвычайно проблематичной, вернее же - несостоительной.

Моделируя ситуацию, приведенную к установке камня, возможно предположить, что мастер, не знаяший рун, по-принимал всю надпись, паряду с крестом, заключенным в круге, как нечто единое и, возможно, по преимуществу орнаментальное. Именно в этом ключе он и изобразил требуемое заказчиком.

Таким образом, по нашей версии, разностиля непосредственное техническое авторство, принадлежавшее либо местному уроженцу, либо испытавшему сильное влияние античной культуры северянину-германцу - с одной стороны, и идея самого заказа надписи, составлены ее текста - с другой. К этому выводу подталкивает и общая монументальность надписи, массивность отдельных рунических символов, ее составляющих, высокая технологическая культура производства, ощущаемая даже сквозь толщу времени и, вопреки выпавшим на долю камня невзгодам, донесшая до нас очущение завершенной и эстетически совершенной работы. Неизвестно, что хотел ощутить заказчик, задумавший осуществить эту надпись (если все же он не был ее исполнителем), но резчик определенно стремился к монументальности. Камень этот смотрелся бы вполне уместно и над входом в воротную башню крепости, и над погребением павшего воина-героя, и на месте судилища и тинга. Как материал, так и техника исполнения надписи заставляют усомниться в весьма романтическом выводе авторов публикации о том, что резчиком был жрец-эриль.⁴ Если это и пресловутый эриль, то эриль очень технологически грамотный и явно "отречившийся", использующий технические приемы, не свойственные для германцев.

В соответствии с нашей версией, местному мастеру могли просто предоставить рисунок или набросок требуемого изображения, каков он и воспроизвел привычным для себя способом. Несомненно, это некоторое усложнение обстоятельств рождения камня, но, как представляется, вполне допустимое. В противном случае нам остается согласиться с тем, что германский резчик по

Рис. 14.

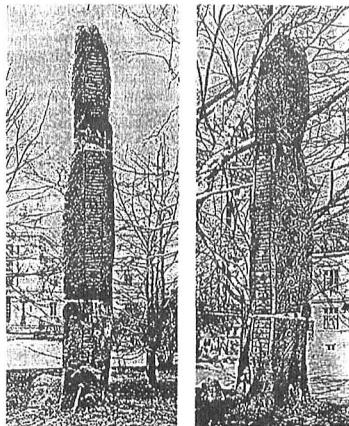

Рис. 15.

камню по какой-либо причине отказался от традиционного и элементарного по исполнению стиля работы. Причиной этого могут быть либо исключительные обстоятельства установки камня, либо возможная "стажировка" мастера в одной из камнерезных мастерских позднеантичного Боспора, сопряженная с усвоением им типичных способов обработки камня.

Второй загадкой опукского камня, несомненно, является сам текст, начертанный на нем. Отметим, однако, что это тот сравнительно редкий в рунологии случай, когда содержание текста вызывает меньший интерес, чем сам внешний вид артефакта.

Четыре руны, высеченные на поверхности камня, образуют слово **þrfa**. Надписи читаема, но непереводима. Понятен смысл отдельных знаков, однако они решительно не складываются в сколько-нибудь устойчивую и связную последовательность. Впрочем, это не должно нас удивлять. Из более чем сотни старинных рунических надписей примерно четверть занимают слова, предположительно относимые к категории личных имен²². Несколько меньшее количество - просто рунические алфавиты, приведенные целиком или частично. И еще примерно четверть приходится на вовсе нечитаемые сочетания (довольно часто, между прочим, состоящие именно из четырех, и реже - из трех, пяти или более рун) по типу надписи из местечка Бю **þrfa**, прочтение какой-то исконно. Другие примеры подобных, столь же нечитаемых, надписей - **þrg** (Хайнштад), **þrae** (Хербрехтинген), **þhr** (Нордендорф II)²³.

Инверсионный порядок в нашем случае свойствен лишь первой руне, что заставляет предпочесть традиционное прочтение надписи слева направо. Извест-

ные старинные надписи, читаемые в обратном порядке, как правило, инверсны целиком или в подавляющем большинстве составляющих их знаков - сошлемся на упомянутые выше надписи на рукотките щита из Иллеури и умбоне из Торсбьерг²⁴. Во-первых, судя по всему, ориентация доминирующего числа рун, составляющих надпись, должна определять ориентацию всей надписи и, следовательно, последовательность ее прочтения. К такому выводу подталкивают весьма яркие порой примеры одностroочных, но достаточно длинных надписей²⁵. Во-вторых, не исключено, что инверсия первой руны вызвана исключительно стремлением резчика соблюсти определенную симметрию хотя бы в отношении крайних рун надписи, развернув их в разные стороны, как бы "напружу". Стремление к симметрии и равновесности небольших надписей, как кажется, было в чис-

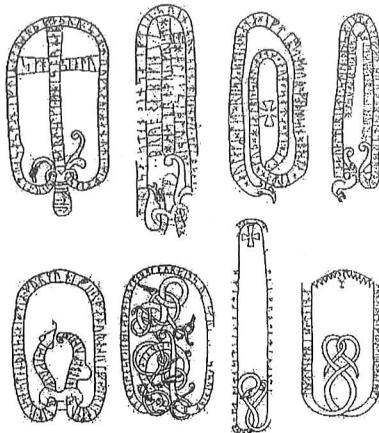

Рис. 16.

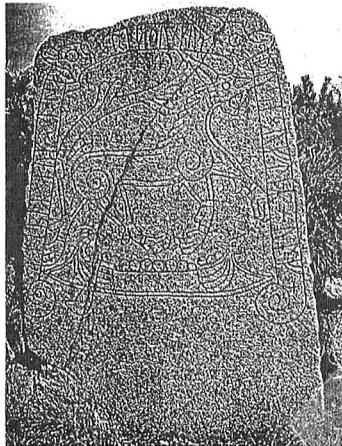

Рис. 17.

ле не последних требований, предъявляемых авторами к своим творениям, что ощущимо во многих примерах, а порой являлось причиной как простых, так и весьма оригинальных лингватур и искажения формы "канонических" рун²⁸.

Магическая интерпретация надписей путем дешифровки ритуального смысла составляющих ее символов - в силу ранее отмеченной туманности исторических источников - представляется не вполне уместной. Наиболее извешенной должна быть признана констатация того факта, что надпись с горы Опук представляет собою магическую формулу, абревиатуру, либо неизвестное нам и, вполне возможно, сокращенное собственное имя. На сегодняшний момент не представляется возможным адекватно перевести надпись, сообразуясь с готским, древненорвежским, либо с известными лексическими осколками других древнегерманских языков. Столь же неудачны попытки отыскать аналогии в греческом и латыни. Указав на несомненную предпочтительность поиска аналогий и перевода в кругу германских языков, мы все же не можем вовсе исключить возможность нахождения ответа в языках классических или восточных, особенно если означенная надпись является именем собственным.

Последним элементом памятника, привлекающим внимание, является вписаный в круг знак креста, симметрично увеличивающий надпись и равноправный с ней как своих размерах, так и в технике исполнения.

Адекватно истолковать значение этого знака, при всей его внешней простоте, чрезвычайно сложно. В равной степени он может быть языческим солярным символом, пропущенным вместе с германским племенем-носителем этого символа из далекой Скандинавии на берега Понта Эксинского. Аналогичные кресты, вписанные в круг, до-

Рис. 18.

вольно обычны на наскальных изображениях лодок Скандинавии (Бохуслен, Сконе, Халланц) и сопредельных регионов Европейского Севера еще с неолита и эпохи бронзы (Рис. 20)²⁷. Столъ же адекватно этот символ толкуется в контексте христианской символики, соотносясь с полностью идентичным знаком т.н. «просфорного креста»,²⁸ именуемого на хлеб для разметки его поверхности при преломлении²⁹, или «колесного креста» (Rad-Kreuz) по терминологии средневековой геральдики³⁰.

Памятники средневекового Крыма - впрочем, достаточно по одне - также дают немало примеров использования совершенно аналогичного символа. В частности, его появление неоднократно зафиксировано в виде меток на херсонесской средневековой черепице³¹.

С другой стороны, крест, вписанный в круг, несомненно выступает в различных культурных традициях просто как общий символ сакральности помеченного им места. Чрезвычайно же дальнее его распространение по поверхности Земли вообще дает право рассуждать на тему универсальности этого символа в общечеловеческом масштабе.

В то же время, явное тяготение находки к двум культурно-историческим ареалам - северогерманско-скандинавскому и античному понтийскому - заставляет сконцентрировать усилия дальнейшего поиска в рамках двух предложенных путей. Авторы и заказчики надписи, трудались над ней и устанавливали, даже если и имели в виду общий смысл сакральности места, все же наверняка вкладывали в этот символ нечто, инкогнито нам, конкретное и большее содержание.

Стонет отметить, что наиболее близким к исследуемому памятнику - как исторически, типологически, так и территориально - руническим объектом является знаменитый Березанский камень (Рис. 3), обнаруженный в 1904 г. профессором Новороссийского Университета Э. фон Штерном и блестяще описанный и опубликованный год спустя Ф. А. Брауном³². Эти надписи роднят место обнаружения (при общей скучности рунических находок в Восточной Европе островов Березань и Керченский полуостров в сочетании дают очень высокую чистоту), практический идентичный материал, выбранный для изготовления памятника, и, наконец, тот факт, что эти два объекта - единственные на сегодняшний день восточноевропейские рунические камни. Сходство материала продиктовано и отдаленно родство форм, впрочем, довольно условное.

Однако на этом сходство заканчивается. Березанский камень вполне типичен. Способ нанесения надписи, дислокация ее на обрамляющей каменный периметр полосе (упрощенное тело змеи?), форма рун, а также содержание самого текста - все это не оставляет ни малейших сомнений в происхождении камня, его назначении и довольно точной палеографической датировке. Относимый к середине XI столетия памятник маркирует финальный этап участия скандинавов в судьбах Восточной Европы, когда их дружины в массовом поряdkе совершили переходы по пути из варварии в греки, стремясь на юг, к константинопольскому престолу, а потом возвращаясь домой, в Скандинавию. Несомненно, что довольно большое количество уроженцев северных стран прошло этот путь, особенно за несколько десятилетий правления Ярослава Мудрого, многие из них нашли здесь свой более или менее геройский конец. В память одного из них, павшего, быть может, в сражении на самом острове, либо скончавшегося по дороге, на борту корабля, и был воздвигнут Березанский камень. Во всяком случае, такая версия выглядит существенно более убедительной, чем предположение о том, что камень этот - кенотаф, удаленный от места гибели поминаемого воина. В этом случае камень был бы наверняка воздвигнут на его родине, в Скандинавии, чему есть множество примеров в фонде рунических камней.

Таким образом, историческая интерпретация событий, приведших к установке камня на о. Березань, выглядит достаточно прозрачной и убедительной. Совершенно иная ситуация складывает-

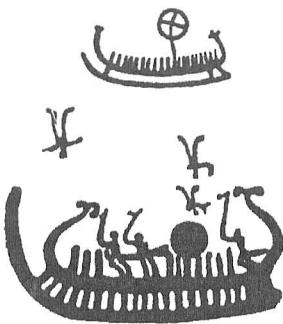

Рис. 19.

версий в равной степени может претендовать на истинность. Однозначно маловероятной следует признать линии попытки прямой увязки камня с распространением среди готов христианства. Вышеуказанные массовые аналогии «колесного креста» в северном фонде памятников, связь его с кругом солнцяземных символов, придают солидный вес версии внутреннего, германского источника этого знака на опукском камне. Если какая-то связь с христианством здесь и была, то она, несомненно, преломилась через призму общегерманской символики.

Повторим - надпись требует внимательного изучения. Чрезвычайно важно подтверждение подлинности памятника естественнонаучными методами. Впрочем, как кажется, подлинность надписи не должна вызывать у нас сильных сомнений. Очень важным моментом является также датировка объекта. Предполагаемая на сегодняшний день дата - середина (вторая половина) III - конец IV-го вв. Она достаточно условна и базируется прежде всего на общеисторический контексте эпохи Великого переселения народов в Восточном Крыму и на обстоятельствах находки (развалины крепости и т.д.). В этом смысле весьма полезно напомнить главную идею приведенного в качестве эпиграфа высказывания известнейшего датского рунического Эрика Молльке: “Хронологической дифференциации в пределах эпохи переселения народов не может быть речи”¹². Поэтому более конкретная датировка памятника, при учете его совершенной уникальности, может и не ставиться в качестве задачи на обширную перспективу. По крайней мере, более убедительным сгодится выглядеть бы сужение датировки по археологическому контексту, нежели исходы из соображений рунической палеографии.

Требуется более тщательная атрибуция надписи в контексте подобных ей памятников, т.е. экспертиза прежде всего рунологическая, лингвистическая, отчасти палеографическая и т.д. Однако надо спокойно относиться к факту, что содержание надписи остается для нас неизвестным. Вероятность этого весьма близка к стопроцентной.

Более же интересно другое. Памятник этот принадлежит к категории ярко выраженных гибридных объектов, обнаруживая переплетение традиций, разнесенных географически очень далеко - германской и античной. В более “сглаженном”, завуалированном виде проблема гибридизации присутствует и оживленно и давно дискутируется в археологической литературе, посвященной Северу Европы. В эпоху викингов переплетение культурных импульсов скандинавского, финно-угорского, славянского, восточного и других стилей приводило к созданию отдельных мотивов, целых вещей и комплексов, явственно обнаруживающих сочетание разнородных источников своего происхождения. В этом контексте керченский камень является одним из наиболее рафинированных примеров чрезвычайной дальней переклички культур, воплощающей в себе идею соединения едва ли не наиболье ярких проявлений двух цивилизаций, в конечном счете породивших современную Европу - рунического письма Севера, квинтэссенции скандо-германской цивилизации, и монументаль-

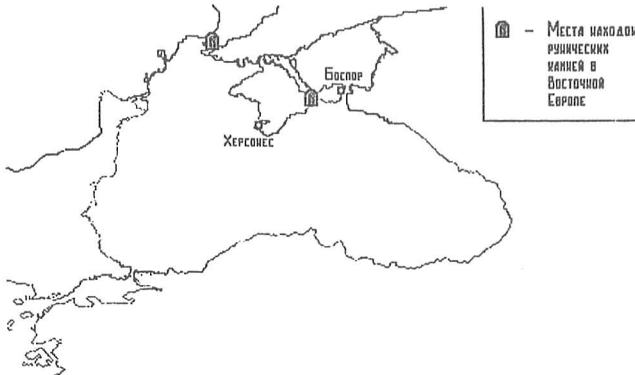

Рис. 20.

ной каменной резьбы Средиземноморья.

Одновременно этот артефакт - весьма яркое свидетельство чрезвычайно интересного процесса своего рода "разнечивания" или, что терминологически более верно, "разгерманивания" готов-германцев, оказавшихся в ареале средиземноморской цивилизации. Подвергшиеся möchtenному и непосредственному влиянию прежде всего античной, восточной, а также христианской культуры, германцы прогрессирующими темпами утрачивали этническую самобытность. И "пойманный", как при стrobоскопической вспышке, момент постепенного исчезновения элементов их культуры, зафиксированный опускшим камнем, принципиально важен. Северные руны, выеченные в античной по существу технике, маркируют постепенный и, вместе с тем, чрезвычайно быстрый процесс разволочения грязных северных завоевателей, которым через несколько десятилетий придется уступить историческую сцену Северного Причерноморья другим племенам и народам.

Примечания

1. Боленко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В. Рунический камень с. Опук и Крым и некоторые проблемы истории северо-причерноморских германцев //Древности Боспора. Вып. 2. М., С. 77-97.
2. Там же. С. 77.
3. Руны. М., 1998.
4. Корнелий Тацит. Германия. СПб., 1993. С. 341.
5. Спарнакс Эdda // Бенондраф. Спарнакс Эdda. Песнь о Нibelунгах. М., 1975. С. 202-204, 285-286.
6. Руны. М., 1998. С. 35-43.
7. Боленко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В. Указ. соч. С.77.
8. Брунина В.Л. Готы и эпоха Великого переселения народов. СПб., 1999. С. 91, 96, 102-104; Ниори И.С. Кромская Битва. К., 1990. С. 36-43.
9. Корнелий Тацит. Указ. соч. С. 341.
10. Макасов Э.А. Язык франкских рунических надписей. М., 1965. С. 3, 20-22.
11. Якуб В.Л. Иорнезский эпик. М., 1961. С. 3-5.
12. Макасов Э.А. Указ. соч. С. 4.
13. Moltke E. Runes and their origin. Denmark and elsewhere. Copenhagen, 1985. P. 24.
14. Ibid. P. 27.
15. Якуб В.Л. Указ. соч. С. 4-5.
16. Moltke E. Op. cit. P. 95-97.
17. Ширинский А. Открытие с рунической надписью, найденное в Суздальце // Вестник археологии и истории. Вып. VII. Сент., 1990. С. 213-221.
18. Мезинникова Е.Б. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 134-139; Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993. С.189, 191.
19. Moltke E. Op. cit. P. 96-99, 101.
20. Garmster M. Vendel-period bracteates on Gotland: On the significance of Germanic art. Lund., 1998. P.21,23,44, 215.
21. Боленко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В. Указ. соч. С. 78-80.

22. Микаса Э.А. Указ. соч. С. 117-145.
23. Там же. С. 100-116.
24. Moltke E. Op. cit. P. 99-106.
25. Altheim F., Trautmann-Nehring E., Kimber und Rinne. München, 1939. S. 26-27.
26. Хитин А.А. О новой рунической надписи // Этюды средневековья: проблемы истории и культуры. Тезисы докладов XVIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 23-27 ноября 1998 года. СПб., 1999. С. 29-30.
27. Фон Фирк И. Суда никисон. Л., 1981. С. 6.
28. К.Л.И. История развития формы креста. Краткий курс православной станографии. М., 1997. С. 13-14.
29. Ильин И. Deutsche Wappenkunst. Leipzig, 1939. S. 27.
30. Якобсон А.Л. Средневековый Хорсмен. XII-XIV вв. М.-Л., 1950. С. 122, рис. 87; С. 143, № 301, 304; С. 144, № 315.
31. Брагин Ф.А. Новейшая руническая надпись, найденная на о. Берегани //ИАК. Вип. 23. С. 66-75.
32. Moltke E., 1937. (Рец. на чн.) W. Knaize. Runeninschriften im alten Futhark // "Arktis", Bd.53.S. 109.

Е. Ходза

ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА ПЕРСОНАЖА В ПОЛУМАСКЕ ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

Терракотовая статуэтка персонажа в полумаске (инв. № Г.266) (илл. 1-2) поступила в Эрмитаж в 1851 г. из собрания Пиццати. Она исполнена из светло-коричневой глины с вкраплениями частиц слюды. Толстый слой светлой обмазки покрывал всю фигуру. На полумаске - густой слой красновато-коричневой краски, её же следы прослеживаются по всей поверхности верхней части фигуры. На одежде ниже пояса - остатки темно-розовой краски пурпурного оттенка, получившей популярность в эллинистическое время: пигмент ее добывался из растения гибискуса тинктуры.

Для оттиска головы была использована отдельная форма. Полая, срезанная на уровне бёдер фигура исполнена в двухчастной матрице. При том, что статуэтка снизу открыта, в задней стенке имеется большое овальное отверстие. Хотя пропорции терракотов более всего подходят для типа марионеток с подвесными ногами, отсутствие сквозных отверстий внизу в боковых стенках заставляет усомниться в таком предположении. Не исключено, однако, что по каким-либо причинам фигурка не была доведена до конца. Заметим, что технические детали и раскраска совпадают с малоазийской терракотой из американского собрания Б. и Л. Флейнман (музей Пала Фетти, Лос-Анджелес), изображающей актера-мима, пародирующего Артемизу (илл. 3). Такое совпадение - существенный аргумент в пользу предположения о происхождении эрмитажной статуэтки из Малой Азии - возможно, Мирины или Смирны¹.

Голова персонажа повернута вправо, правая рука упирается в бок, левая, согнутая в локте, с широким браслетом ниже запястья, поднята вверх характерным движением мужского танца, которое часто встречается у соответствующих марионеток. Всё лицо (кроме подбородка) закрыто маской, натянутой также на затылок, рельефный край которой четко прослеживается. Нет даже намека на парик, голова выглядит совершенно лысой. Характерные особенности маски - рельефные высоко поднятые изогнутые брови на широко расставленными раскосыми глазами с пластически переданными контурами и очень сильно вздернутый нос с глубоко продавленными большими круглыми ноздрями. Из-под маски виден гладкий заостренный подбородок. Персонаж физически сильно развит, судя по массивной шее, мускулистым рукам и (даже несколько гипертрофированным) грудным мышцам.

Первое впечатление - что фигура обнажена до пояса. Однако рельефные, хотя и расплывчатые, складки ткани - спереди на левом боку и сзади, спускающиеся с левого плеча - говорят о том, что одежда состоит из короткого хитона, спадающего с правого плеча. Он подложен скрученным в жгут поясом из мягкой ткани, который завязан узлом, со смыкающимися концами на левом боку. Ниже пояса хитон ложится полуруглыми складками. Такой типичный для небогатого люда костюм, уместный и на ремесленнике и на рабе, дополняется гирляндой, спускающейся с левого плеча до пояса, чья поверхность проработана вмятинами (тот же прием, что и при передаче ноздрей). Пальцы правой руки переданы довольно небрежно парапинами, на левой - не обозначены вовсе.

Эта редкая, поражающая своей необычностью статуэтка почему-то осталась вне поля зрения Ф. Винтера, не включившего её в свой свод типов терракот²; при том, что к моменту его выхода в свет терракота уже полстолетия находилась в эрмитажном собрании, материал которого Винтер широко использовал. Самая главная особенность фигурки - маска - как бы предполагает её связь с театральной тематикой, однако в профессиональном театре пользовались только масками, целиком закрывающими лицо. К тому же, полумаска нашего персонажа далека от стандартных разновидностей масок, существовавших в античной комедии. Хотя письменные источники не упоминают об употреблении полумасок в аттеплане (от осского города Атеплы) - представлении, напоминающем первичные формы дорийской фарсовой комедии³ - некоторых изображениях персонажей в полумасках, исполненных в терракоте и бронзе, французская исследовательница Г. Гирон-Бистан склонна видеть действующие лица аттепланы⁴.

В Лувре хранится терракотовая головка с лицом, закрытым маской до верхней губы, предположительно персонажа аттепланы⁵. Действительно, узконийский, с большим горбатым носом,

этот типаж мог бы вписаться в ряд героев аттланы с их шестью характерными масками - незадачливого старика Паппа, обжора Макка, глупого хиастуна Буффона, хитрого горбуня Доссена, лубястого Манчука и пугающей детей Ламин⁶, чего никак не скажешь о персонаже воплощеннем нашей терракотовой. Более того, они воспринимаются как его антиподы не только из-за физиономического склада, отличающегося огромными крючковатыми носами на худых лицах с жесткими складками в углах больших ртов, но и потому, что образы аттланы неотделимы от повседневности, в то время как наши персонажи в её рамки не вписываются. Заметим также, что существует весьма убедительная версия использования таких масок воинов не в аттлане, а во времена культивированных игр в честь местных итальянских богов⁷.

Причастность эрмитажной терракотовой к другому народному жанру театральных представлений, распространенному не только в Италии, но и восточно-греческом регионе - миму - сказали можно подтвердить надежными доказательствами. Правда, в противовес утверждениям Г.М.А. Рихтер и М. Бибер, теперь очевидно, что в отдельных, хотя, по-видимому, очень редких случаях мимы тоже играли в масках⁸. Пример тому - статуэтка происходящая с родины мима, Александрии⁹. Безобразный карлик с огромными ушами совершил искажение в обычный набор персонажей мима, в котором сплошь и рядом использовались в качестве актеров люди с врожденными и приобретенными уродствами и патологиями¹⁰. В берлинском Античном хранилище хранится приобретенная в Смирне фрагментированная фигура актера-мима с характерной внешностью, лисого и носатого, держащего бородатую маску¹¹. Однако, судя по не столь уж многочисленным целиком сохранившимся фигуркам мимов¹², они не отличались могучим телосложением, даже напротив, выглядели скорее тщедушными. В отличие от представлений трагедии, где мимичность стать исполнителей ценилась настолько, что история сохранила имя актера Аполлонига, занимавшегося боксом и добившегося победы на состязаниях в Александрии¹³, в миме этого совершенства не требовалось. Поэтому образ персонажа, запечатленного в эрмитажной терракоте, контрастирует с привычным обликом мима не только из-за полумаски.

Среди огромного количества гротескных терракотовых головок, главным образом, из Малой Азии и Египта¹⁴, многие наверняка воспроизводили мимов. Тем не менее, они даже отдаленно не перекликаются с нашим персонажем. Правда, представления мимов включали акробатические номера и выступления жонглеров, но их исполнители едва ли скрывали под масками лица, во всяком случае это не прослеживается ни в литературных, ни в изобразительных источниках.

Иконографические особенности полумаски эрмитажной статуэтки скорее напоминают персонажа дionисийского фиаса, сатира или силен, с их узкими раскосыми глазами и вздернутыми широкими носами. Надо отметить, что в коройпластике, к тому же, имеются изделия, которые можно принять как доказательство использования полумасок в дionисийских ритуалах. Существуют, хотя и единичные (в отличие от многочисленных разнообразных целых масок), терракотовые полумаски почти в натуральную величину. Одна из них хранится в Лувре¹⁵. Важной деталью полумаски являются торчащие над лбом маленькие рожки, какие обычно изображаются у сатиров. Не исключено, что терракотовая полумаска повторяла исполненные из соответствующих материалов полумаски, практически употреблявшиеся участниками дionисийских действ - например, теми, кто хотел сохранить свою анонимность.

Рожками считает Гирон-Бистанн небольшие выпуклости на маске терракотовой головки из Национального музея древностей в Лейдене (рис. 4), хотя это не представляется абсолютно бесспорным. Как полагает Паула Леенар Плэсне, на которую ссылается Гирон-Бистанн, терракота происходит из Смирны и датируется эзелинистическим временем. Следует, однако, отметить, что близкие головки II в. до н.э. были обнаружены при раскопках некрополя Тарента¹⁶. Приблизительно совпадающая по размерам с головой нашей статуэтки, лейденская головка совпадает с ней и по конструкции полумаски: у них совершенство одинаково трактовано: её низкий выпуклый край сзади. Возможно, терракоты даже вышли из одной мастерской. Пожалуй, экземпляр из Лейдена точнее следует иконографии персонажей дionисийского фиаса, что особенно наглядно при сравнении его, например; с бронзовой головой молодого Пана из коллекции Христоса Г. Бастиса¹⁷.

Несколько странное впечатление возникает из-за отсутствия и у эрмитажного, и у лейденского явно не старых персонажей даже намёка на швейцеров. Попытки найти нечто подобное на

памятниках дионисийского круга дали мизерный результат: на фрагменте итальянской вазы IV в. до н.э. из Музея Алларда Пирсона в Амстердаме изображен не только совершенно лысый, что вполне оправдано его преклонным возрастом, но и безбородый Павослен в сцене из сатириковой драмы¹⁸. Впрочем, как отмечает американский исследователь А. Дэвид Нэйнер, “если мы попытаемся воспроизвести иконографически маску сатира, чтобы перенести существенные черты, то они могут быть такими общими, что не имеют аналитического значения. Успех такого рода маски часто создавался самим легким обозначением звериной, а не человеческой формы”¹⁹. Кроме того, известно, что лысая голова, наряду с преувеличенно большим фаллусом, свидетельствовала о похотливости и склонности к сексуальному разврату²⁰. Следует признать, что особую остроту, даже гротескность, эрмитажной фигурке придает форма носа с ноздрями, словно выставленными напоказ наподобие звериных. Интересно, что эта особенность вызывает ассоциацию с памятником, как раз линейным даже намёка на карикатуру или гротеск, претендующим исключительно на портретное сходство при несомненном уважении к модели. Речь идет о камерном мраморном портрете Сократа в Британском музее, представляющем собой римскую работу императорского времени по оригиналу Лисиппа²¹.

Сходство Сократа с силеном, о котором неоднократно упоминают литературные источники, в частности Платон и Кеенофонт²², давно превратилось в аксиому. Однако в связи с этим заслуживает внимания рассуждение французской исследовательницы Франсуазы Фронтен-Дюкру о соотношении подлинного лица философа и некой его маски, созданной словесным способом с целью продемонстрировать яркий пример сочетания духовной красоты и внешнего безобразия, воплощенного “по столь знакомому грекам закодированному каноническому образу старого Силенса” - с тем, чтобы последние еще больше оттеняло первое: “Если лицо Сократа - маска, то это потому, что лицо Силенса - маска: маска отца сатиров, которую афишие хорошо знали, потому что они её надевали, чтобы самим сделаться сатирами и силенами и следовать за Дионисом в его шумных процесиях. В глазах греков эта маска олицетворяла полузвезренную природу спутников бога”²³. Вообще же, вздернутый нос считался некрасивым, и Плутарх упоминает курносые носы (наряду с крюконосными) как закономерный объект для высмеивания²⁴. Задолго до Плутарха, у Аристофана тоже легко найти этому подтверждение. Например, в “Законодательницах” эта деталь часто обыгрывается, когда речь идет о безобразных старухах, жаждущих затянуть юношу в свою постель: “Но с красивою ридою уродки стоять и старухи курносые будут”, “Нам, курносым, уродам, трухлявым хромцам / по закону с девчонкой не в очередь спать”, “Если бы мне не лежать сперва с курносой / Гильей старухой!”²⁵.

Роль изначальной и органичной связи театрального зрелища и культа Диониса трудно преувеличить. Она выражалась уже в том, что алтари этого бога был важной частью театра, что его жрецы занимали почетные места на каждом представлении, что пьесам предназначены для Дионисий, предшествовало соответствующее жертвоприношение и торжественная процесия со статуей Диониса. Установления в театре во время представления, она олицетворяла самого божества, в то время как актеры представляли “полномочными посвященными” представителями культа Диониса²⁶. При таком подходе граница между культовыми ритуалами, часто органического характера, и театральным представлением оказывалась достаточно условной.

Так же, как и профессиональные актеры, участники ритуалов могли испытывать необходимость скрыть лицо за маской. Во время Аифестерий устраивалась процесия людей в масках, обменивавшихся ругательствами, заключавшими антропонестический смысл²⁷. Вероятно, нечто подобное происходило и во время процесии из Афин в Элевсин на мосту через реку Кефис²⁸. У Буркерт, говоря об одной из разновидностей дионисийских действ - инистики фаллоферов - отмечает, что из-за их фривольного и разрушительного характера, участники, чтобы не быть узнанными, мазали лица сажей и скрывали их под масками, о чем сообщает эзалинистический источник²⁹. Такие маски должны были отличаться от масок профессиональных театральных актеров, и более легкие и не столь громоздкие полумаски могли подходить в данном случае.

Не исключено, что Демофеон имел в виду как раз нечто подобное, когда приводит в качестве примера разврата сыновка Эсхина: “...проклятый Кирибон, ищущий шестнадцати без маски!”³⁰.

Участники дионисийской пантомимы (один или два танцора и музыкант), спектакли которой устанавливались в частных домах, также могли использовать полумаски, как изображено на фреске из

Геркуланума, хранящейся в Национальном музее в Неаполе. Мне кажется, что прав фон Мерклин,³¹ и на одном из персонажей фрески - именно полумаска³¹. Дионисийская пантомима могла иногда ассоциироваться с самим культом, где требовалось исполнение ритуала "любителями", которым маска нужна была для сохранения анонимности. Можно также упомянуть редкий пример использования полумаски флейтистом, аккомпанирующим во время репетиции актерам сатирической драмы, запечатленным на мозаике из дома трагического поэта в Помпеях - вероятно, копии оригинала IV в. до н.э.³²

Идея о причастности изображений в полумасках с определенными иконографическими особенностями к дионисийскому культу и о том, что функции маски заключались в сохранении анонимности участников соответствующих действий, представляется вполне допустимой. Рискнем, однако, несколько расширить такую гипотезу, для большей полноты картины привлекая еще одну статуэтку - из музея искусства и ремесел в Гамбурге³³ (илл. 5). Эта терракота эллинистического времени имеет много общего с эрмитажным экземпляром: полумаска с сильно вздернутым носом; маска натянута на безбородое лицо тем же способом и также нет никакого намека на парик; соидает вид одежды, поверх которой тоже спускается гирлянда. Правая рука, тоже с широким браслетом на запястье, поднята вверх тем же жестом, что и у нашей фигуры. Мерклин определяет персонажа как участника фарса³⁴.

Гамбургский персонаж роднит с эрмитажным и лейденским сильно выраженный гротеский характер, причем, из-за сочетания характерных физиономических черт с полным отсутствием прически возникает некий намек на сходство со свиной мордой. Кстати, выпуклости на голове из Лейдена скорее напоминают не рожки, как это кажется Гирон-Бистану, а поросчики уши. Возникает ассоциация с сообщением Фриника о происходящем из Египта непристойном танце под называнием γρύλλοφ, исполнитель которого назывался, соответственно, грилл (γρύλλος)³⁵. Причем, в своем словаре Фриних точно указывает и происхождение термина "γρύλλος" от "γρύλλος" (с одним "λ"). Такое обозначение он связывает со свиньей, так как звук "gru" воспроизводит хрюканье и шум, производимые этим животным³⁶.

Египетское происхождение самого понятия "грилл" подтверждает и Плиний Старший, повествующий о знаменитом Александрийском живописце времени Птолемея I Антифиле, который "в шутливых картинах написал в смешном виде человека по имени Грилл, откуда такого рода картины называются гриллами".³⁷

Так как имя "Грилл" созвучно с γρύλοι (свинья, поросенок), то существуют две версии трактовки этого слова в тексте Плиния. Первая заключается в том, что Антифил карикатурно изобразил некоего Грилла со свиной головой, вторая - сводится к тому, что речь идет не об имени собственном, а об обозначении жанра гротеска в живописи. В пользу последнего предположения трактуется высказывание энциклопедиста Филодема, сохранившееся на фрагменте обугленного скиптика написанном в один из помпейских вилл. В нем он противопоставляет "писание гриллов", т.е. γρύλλογράφειν, созданию прекрасных картин³⁸, то καλός δημοφιλέστερός τίτακας. Стивенсон полагает, что в таком подходе Филодема проявился его нео-платонические или нео-эпикурейские эстетические поззрения, с их глаивством внесенной красоты над моралью и логикой³⁹.

Представляется, что обе версии не являются взаимоисключающими. Более того, как раз материал коропластики подтверждает существование в эллинистическом Египте некоего танца, который, судя по облику его исполнителей, носил далеко не пуританский характер. Терракотовые фигуры в бурном движении, в полумасках, отчасти скрывающие комичные физиономии, с гирляндами, сминающимися на груди, были обнаружены при раскопках Александрии⁴⁰. Можно предположить, что Фриних, упоминая коробящий его танец, имел в виду нечто подобное. При открытости и взаимной воспринимчивости областей эллинистического мира такой танец мог легко быть перенят в Малой Азии, откуда, по всей вероятности, происходит эрмитажная статуэтка.

Примечания

1. *A Passion for Antiquities. Ancient Art from the Collection of Barbara and Lawrence Fleischman*. Malibu, California, 1994. Pp. 236-237, no.119.
2. Winter F. Die Typen der figurlichen Terrakotten. Bd. 1-2. Berlin - Stuttgart, 1903.
3. Гаспаров М.Л. Римская литература III-II вв. до н.э. // История всемирной литературы. Т. I. М., 1983. С. 424.
4. Giron-Bistagne. *Les demi-masques* // RA, 1970, fasc. 2. P. 279 слv.

5. Besques S. *Atlas du Musée national de figurines et reliefs en terre cuite grecs, étrusques et romains*. Vol. IV.3. Paris, 1986. Pl. I, 32, c. D 4088.
6. Тим.Лицо Истории Рима от основания города. VII, 2; Bieber M. *The History of the Greek and Roman Theater*. Princeton, 1939. Pp. 416-417, figs. 546-549.
7. Binsfeld W. *Schauspieler im Römischen Trier // Landeskundliche Vierteljahrsschriften* 12, 1966, Nr. 2, S. 47 ff.; *Римское искусство и культура. Выставка Римско-германского музея города Кельна в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва, и в Государственном Эрмитаже, Ленинград. Кельн*, 1984. С. 125, № 82, рис. 84.
8. Richter G.M.A. *Grotesques and Minos // AIA*. 1913, Vol. 17, no. 2. P. 155; Bieber M. Op. cit., pp. 160, 313.
9. Breccia E. *Monumenti de l'Egitto greco-romano. Vol. II. Terrecotte figurate greche e greco-egizie del Museo di Alessandria*. Bergamo, 1930. Pl. XXXVIII.
10. Stevenson William E. *The Pathological Grotesque Representation in Greek and Roman Art*. Dissertation. University of Pennsylvania, 1975. P. 58 ff., 71.
11. Winter, op. cit., S. 442, 2.
12. Государственный Эрмитаж, инв. № Г. 1761, не опубликована; Wiegand Th., Schrader H. *Priene*. Berlin, 1904. S. 358, Abb. 436 - 437; *изделия из терракоты лампа и фриз с темой персонажами и надписью "ΜΙ ΜΟΑΓΓΟΙ ΗΠΤΗΘΟΝΕΣ ΕΙΚΤΡΑ"* - C.Watzinger *Mimologen //AAI*. 1901. Bd XXVI, S. 1 ff., Taf. I; Bieber M. *Die Denkmäler zum Theatereser in Altertum*. Berlin, 1920. S. 176 f. Nr. 187, Abb. 142; Bieber M. *The History of Greek and Roman Theater*. Pp. 253, 421, fig. 290, 557; *La gloire d'Alexandrie. Catalogue une exposition. Musée du Petit Palais 7 mai - 26 juillet 1998*. Paris, 1998. No. 216.
13. Flückinger R.C. *The Greek Theater and its Drama*. Chicago, 1936. P. 191 f.
14. Besques S. *Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite grecs, étrusques et romains*. Vol. III. Paris, 1972. Pl. 306, 309 - 317; Leyenaar-Pluisier Pauline G. *Les terres cuites grecques et romaines*. Vol. III. Leiden, 1979. P. 88, 90-92; Scheibenbauer Th. *Die Nekropole von Königs-Schüpfku. Ausgrabungen und Forschungen. Expedition Ernst Sieglin I*. Leipzig, 1908. Taf. LXII, 1-2.
15. Инв.№ Ср. 4780. Вазона - 14 см., ширина - 15 см. Точные данные о происхождении отсутствуют и оно считается представительным итальянским, но нельзя не согласиться с Бирон-Бистаном, который отмечает присущие именному греческой эпохе с ее синcretизмом быстрые распространение и приспособление к местным особенностям греческих типов терракот, а первую очередь в Малой Азии, Египте и Южной Италии. - Ghiron-Bistagne P. Op. cit., pp. 270-272.
16. Ghiron-Bistagne P. Op. cit. Pp. 268-269, figs. 21-24; Graepler D. *Tinfiguren in Grab*. München, 1997. S. 232. Abb. 278-279.
17. *Antiquities from the Collection of Christos G. Bousti*. New York, 1987. P. 233, no. 137.
18. Bieber M. *The History of Greek and Roman Theater*. 2-nd ed. Princeton, 1961. Pp. 13-14, fig. 44.
19. Napier David A. *Masks, Transformation and Paradox*. Berkeley and Los Angeles, 1986. P. 58.
20. Pfisterer-Haas S. *Die bronzenen Zwergentänzer // Das Wrack. Der antike Schiffsfund von Mahdia*. Band I. Köln, 1994. S. 496.
21. Так называемый тип Б - Ridgeway Sismondo B. *Hellenistic Sculpture I*. Winsconsin, 1990. P. 79, pl. 39. Вызывают удивление, что Риджвей Сисмондо называет сатира, а не сирена.
22. Платон. Нар. 215a - 216c; Ксенофон. Нар. IV, 19 // Ксенофон. *Сократические сочинения*. М.-Л., 1935; Ходза Е.Н. *К вопросу об отражении греческой комедии в королевской* // ГГЭ. 1984. Т. XIV. С. 64-65.
23. Франтиш-Дюктор Франсуа. *Du masque au visage. Aspects de l'identité en Grèce ancienne*. Paris, 1995. Pp. 53-54, note 72.
24. Пападарх. Застольные беседы II, I, II, 1990; Stevenson, P. 68.
25. Аристофан. *Законодательница*. 610, 700, 930 // Аристофан. *Комедии*. Т. II. М.-Л., 1934. Перевод Альф. Пантелейонова.
26. Garton Ch. *Personal aspects of the Roman Theater*. Toronto, 1972. P. 34; Napier D.A. Op. cit., p. 40.
27. Pickard-Cambridge A. *Dramatic festivals in Athens*. Oxford, 1968. Pp. 5-7, 19, 27, 36.
28. Эпизод под названием γένεσις φρυγίας - от γένεσις - отпускают шутки, бранятся, одно из значений γένεσις - мост; полной яростью о mestе nem, спускаются дын парнина. - См.: Myronas G. *Eleusis and the Eleusinian Mysteries*. Princeton, 1961.P.246; Clinton K. *Myth and Cult. The iconography of the Eleusinian Mysteries*. Stockholm, 1992. Pp. 30-63; Burkert W. *Greek Religion*. Cambridge, 1985. P. 238.
29. Burkert W. Op. cit., p. 104.
30. Демосфен. О председателском посольстве, 287. *Оrationes Graecorum*. M., 1985. С. 117. Перевод С. Ошерова.
31. Elcklein E. von. *Antiken im Hamburgerischen Museum für Kunst und Gewerbe // AA*. 1928. S. 383 - 384, Abb. 97, a не маска особого фасона, как утверждают Бирон-Бистан - Ghiron-Bistagne P. Op. cit., pp. 265-266, fig. 18.
32. Неаполь. Национальный музей. - Герман Р. Викентиан. *Denkmäler der Malerei des Altertums*. München, 1907. Taf. 14; Bieber M. *The History of the Greek and Roman Theater*. 1961. P. 12, fig. 36.
33. Mercklin E. Op. cit., S. 382, Abb. 96.
34. Ibid.
35. Phrynicus. *Preparatio sophistica*. Ed. J. Boeck, Leipzig, 1911. P. 58.
36. Stevenson W. E. Op. cit., p. 12, note 29.
37. Плиний Старший. *Естествоизнание об искусстве*, XXXV, 114. Перевод Г.А. Тароняна. М., 1994; Binsfeld W. Grylli. Ein Beitrag zur Geschichte der antiken Karikatur. Dissertation. Köln, 1956. S. 26 ff., 52, 67 - 68, Ann. 11.
38. *Volumina Rhetorica*. Ed. S. Sudhaus, vol. II. Leipzig, 1896. p. 297; Binsfeld, op. cit., S. 28; Плиний Старший. *Естествоизнание об искусстве. Примечание Г.Б. Тароняна к гл. XXXV, 114, cc. 557- 558*, 12.

39. Stevenson, *op. cit.*, pp.17-18.

40. Breccia E. *Terracotte figurate greche e greco-egizie del Museo di Alessandria. Monuments de l'Egypte Gréco-romaine II*, fasc. 2. Bergamo, 1934. Pl. LXXV, nos. 383-385, pl. LXXVI, 388; Ballet P. *Terres cuites Gréco-Égyptiennes du Musée d'Alexandrie // Alessandria e il mondo Ellenistico-Romano*”, Roma, 1995, p. 261, tav. XXIX, 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДЖ - Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. Спб.1914.
АДПГ - Античные древности Подонья-Приазовья
АДСП - Античные древности Северного Причерноморья
АРД - Археологические раскопки на Дону
АСбГЭ - Археологический сборник. Государственный Эрмитаж
БНР - Боспорские надгробные рельефы. Каталог выставки. Л. 1990
ВДИ - Вестник древней истории.
ГМИИ - Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
ГЭ - Государственный Эрмитаж
ДНД - Древности Нижнего Дона
ЗОАО - Записки Одесского археологического общества
ЗООИД - Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРОИПП - Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы
ИАСПЛ - Исследования по античной археологии Северного Причерноморья
ИАК - Известия Археологической комиссии
ИГАНИМК - Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИАНД - Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИРАНИМК - Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТУАК - Известия Таврической учебной архивной комиссии
КБН - Корпус боспорских надписей
КЛ - Керченский лапидарий
КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ - Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ -Нумизматика и эпиграфика
ОЛК - Отчет Императорской археологической комиссии
ОАМ - Одесский археологический музей
ПАВ - Петербургский археологический вестник.
ПИСПЛ - Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху
ПСИДМ - Проблемы социально-экономической истории древнего мира
СА - Советская археология.
САИ - Свод археологических источников
СГМИИ - Сообщения Государственного музея изобразительных искусств.
ТГЭ - Труды Государственного Эрмитажа
Хсб - Херсонесский сборник
АА - Archäologischer Anzeiger
ААН - Acta Archaeologica Hungaricae
AJA - American Journal of Archaeology
AM - Athenische Mitteilungen
BCH - Bulletin de Correspondence Hellénique
CAJ - Central Asiatic Journal
CEG - Carmine epigraphica Graeca. Ed. Hansen P. A. I.-
CIG - Corpus inscriptionum graecarum. Ed. Boeckh A. I-IV
CIL - Corpus inscriptionum latinarum
Del.3 - Dialectarum Graecarum exempla epigraphica potiora. Ed. Schwyzer E. Lipsiae 1923
EG - M.Guarducci. Epigrafia greca. Romà. 1967.I
EpAn - Epigraphica Anatolica
EurAnt - Eurasia Antiqua
IG - Inscriptiones Graecae. IGBulg - Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Ed.

- Mihailov G. I-V
- IOSPE - V.V. Latychev. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. 1916
- ISM - Inscriptile din Scythia Minor
- JHS - Journal of Hellenic Studies
- JRS - Journal of Roman Studies der klassischen Altertumswissenschaft
- LGPN - A Lexicon of Greek Personal Names. Edd. Fraser P M., Matthews E.
- LSAG - ed. Révisée et complétée par A.W. Johnston. 1990
- LSAG - L.H. Jeffery. *The Local Scripts of Archaic Greece*. Oxford. 1961
- PCG - Poetae comici Graeci. Edd. Kassel K., Austin N. I-
- RA - Revue archéologique
- RE - Pauly's Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
- SEG - Supplementum epigraphicum Graecum. 1923
- Syll.3 - Dittenberger Gu. (ed.). *Sylloge inscriptionum Graecarum*. Ed. tertia. I-III. Lipsiae. 1915-1920
- ZPE - Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

SUMMARY

The collection of articles is dedicated to the memory of Yuri Vinogradov (1946-2000), prominent Professor of History and Antiquity. The articles and publications in the collection cover the scope of Vinogradov's scientific interests and concern current problems in archaeology and ancient history of the Northern Pontic area.

Some of the articles are related to the epigraphy, i.e. the major scientific work of Vinogradov. An article from his scientific archive dedicated to the paleography of the early inscriptions of Olbia begins this collection. The new readings of some of the Bosporan inscriptions are described in the article by S. Tokhtashev. The graffiti found during the excavations in the Western themenos of Olbia are published in the work of A. Rusyaeva. The new information about the Roman citadel in Chersonesos is described in the article by V. Zubar, T. Samovsky, and I. Antonova. The publication of the new coins from the unique monument in the Northwestern Crimea called "Sakskaya peresyp" is found in the article by S. Lantsov. The major conclusions of the study of Achilles' sanctuary in the Northwestern Pontic area at the settlement of Beikush are covered in the work by S. Buiskikh. The chronology and the development of events that finally defined the borders of the state of Chersonesos are worked in the article by M. Zolotarev. A. Buiskikh continued her research in the architectural orders of the ancient Chersonesos. The articles by M. Treister, Yu. A. Vinogradov, and V. Goroncharovsky deal with the Bosporan subject-matter. B. Boettger's article presents a thorough historical essay on the history of the ancient Tanais. D. Zhuravlev dedicated an article to the study of the stamps planta pedis on the sigillata vessels. The art historical problems of ancient glyptic and terracotta figurines production are reflected in the publications by O. Neverov and E. Khodza. M. Rusyaeva and I. Gurevich concentrated on the analysis of some aspects of the scientific work of Yu. Vinogradov.

The varied number of topics covered in the collection by the colleagues and friends of Yu. Vinogradov is the tribute to the memory of the talented scientist and an outstanding person.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

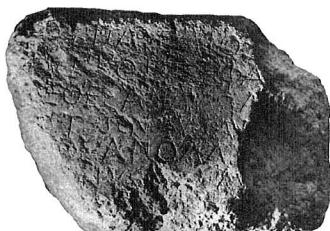
К статье Ю.Г. Виноградова

HO №111

HO №57

HO №167

HO №63Б

IOSPE P №270

Декрет Тимесилея

НО №1

НО №56

НО №2А, Б

НО №63А

IOSPE F №212

НО №58А

К статье М.И. Золотарева

К статье Л.И. Давыдовой, С.Р. Тохтасьева

Посвятительный рельеф Гераклу. №. Эрмитаж.

Фрагмент рельефа с надписью.

К статье С.Б. Ланцова

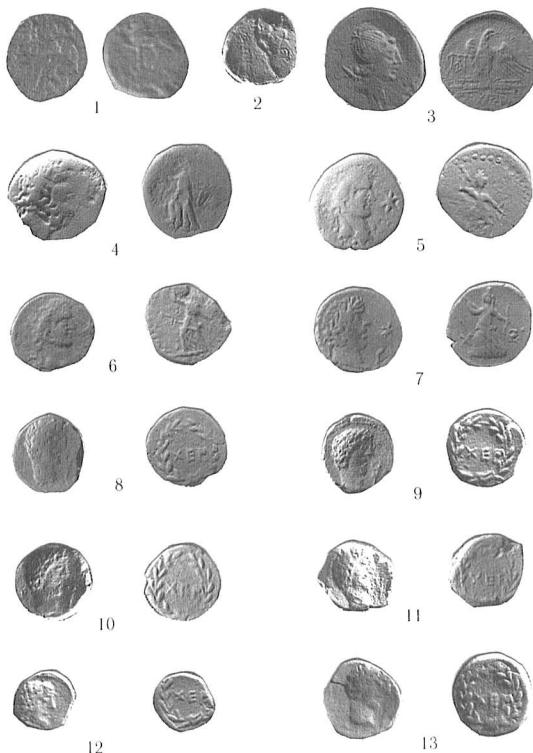

Рис. 1. Керкинитидская (№1) 300 - 290 гг. до н.э. и херонесские монеты последней четверти II в. до н.э. - второй четверти I в. н.э. из Сакского святилища

Рис. 2. Херонесские монеты второй четверти I в. н.э. из Сакского святилища.

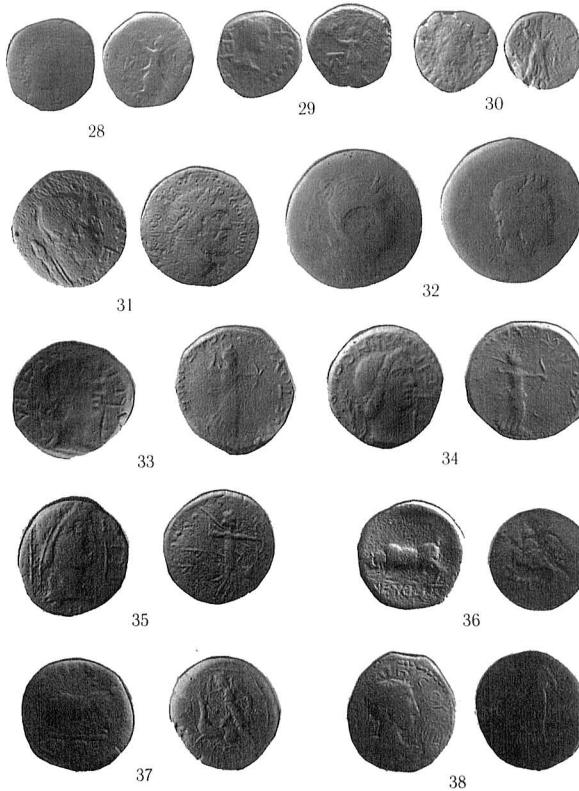

Рис. 3. Херсонесские монеты шестидесятых гг. I - середины II вв. н.э. из Сакского святилища.

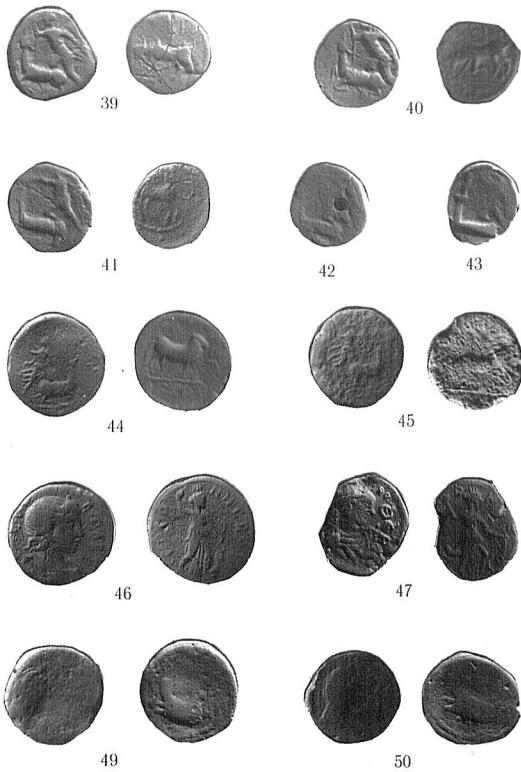

Рис. 4. Херсонесские (№№ 39-47) третьей четверти II - середины III вв. н.э.
и фанагорийские (№№ 49-50) 18-12 гг. до н.э. монеты из Сакского святилища

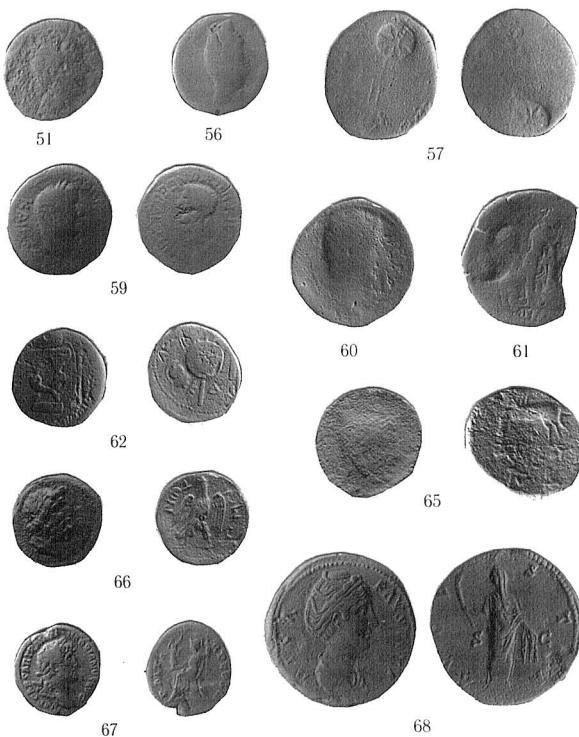

Рис. 5. Монеты Пантикапея (№51), Кесарии (№56), парской чеканки Боспора (№№ 57-62), Амисса (№65), Томи (№66), и Рима (№№ 67-68) из Сакского святилища.

К статье О.Я. Неверова

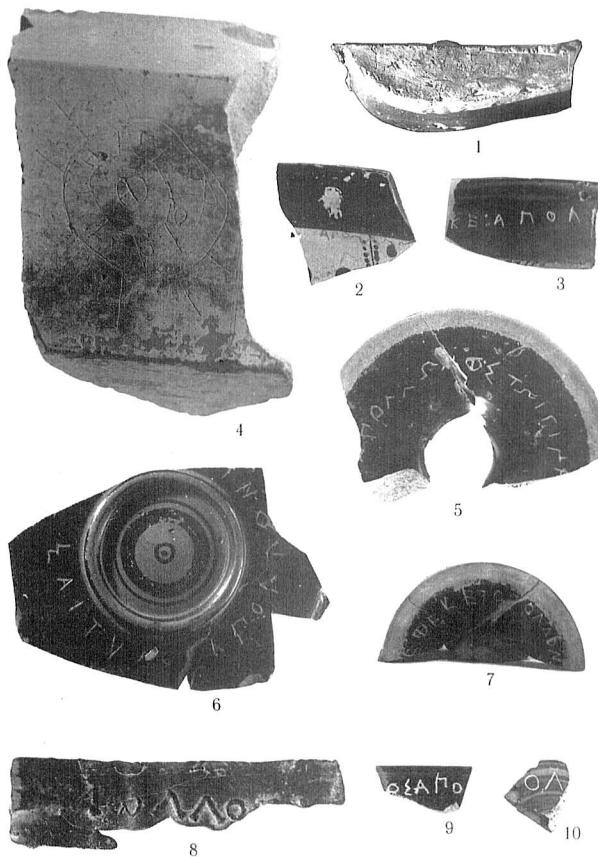
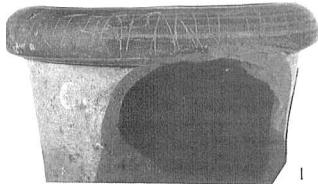
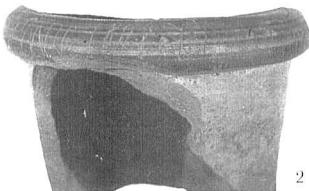

Рис. 2.

1

2

FIG. 3.

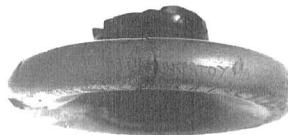

FIG. 5.

FIG. 6.

К статье М.Ю. Трейстера

Рис. 1. Серебряный рельеф с Rankenfrau.
Лицевая сторона

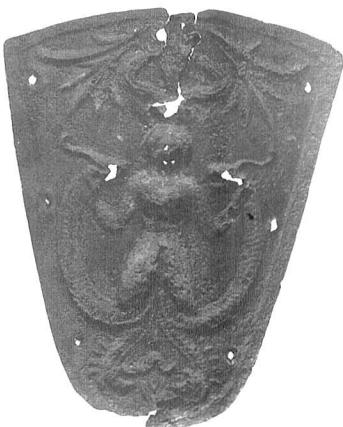

Рис. 2. То же. Оборотная сторона.

К статье С.Р. Тохтасьева

Рис. 1. Надпись КБН 6а.

Рис. 2. КБН 7.

Рис. 3. КБН 65 (+ 41).

Рис. 4. КБН 884.

К статье Е.Н. Ходза

Рис. 1. Терракотовая статуэтка в полумаске. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж.

Рис. 2. Терракотовая статуэтка актера-мима.
Коллекция Барбры и Лоренса Флойдман.

Рис. 3. Терракотовая статуэтка в полумаске.
Музей искусства и ремесел. Гамбург.

Рис. 4. Терракотовая головка. Национальный музей древностей. Лейден.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. И. Золотарев</i>	
ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Ю.Г. Виноградов</i>	
ПАЛЕОГРАФИЯ РАННИХ ЛАПИДАРНЫХ НАДПИСЕЙ ОЛЬВИИ (VI - V вв. до н.э.)	6
<i>А.В.Буйских</i>	
К ИЗМЕНЕНИЮ СТИЛЕЙ В МОНУМЕНТАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ	
ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э.....	13
<i>С.Б.Буйских</i>	
ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯТИЛИЩА АХИЛЛА	
НА БЕЙКИНСКОМ МЫСУ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ)	34
<i>Burkhard Böttger</i>	
ZUR HELLENISTISCHEN PERIODE DER STADT TANAIS (3.-1. JH.V. CHR.)	44
<i>Ю.А. Виноградов</i>	
О ДВУХ ПОБЕДАХ НЕОНТОЛЕМА НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ	65
<i>А.Ю. Виноградов</i>	
К ДАТИРОВКЕ НАДПИСИ ЮСТИНИНА С МАНГУПА.....	70
<i>В.А. Городничевский</i>	
БОСПОРСКАЯ КАВАЛЕРИЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э.	72
<i>И.М. Гиресен</i>	
О ПЛАНАХ Ю.Г.ВИНОГРАДОВА ПО ИНФОРМАТИЗАЦИИ	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.	86
<i>Л.И. Дашидова, С.Р. Токтасев</i>	
ПОСВЯТИТЕЛЬНЫЙ РЕЛЬЕФ ГЕРАКЛУ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЭРМИТАЖА	
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)	88
<i>Д.В. Журавлев</i>	
К ВОПРОСУ О КЛЕЙМАХ PLANTA PEDIS НА РИМСКОЙ КЕРАМИКЕ	90
<i>М.И. Золотарев</i>	
О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦАХ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В IV ВЕКЕ ДО Н.Э.....	100
<i>В.М. Зубаря, Т. Сарновский, И.А. Антонова</i>	
НОВАЯ ЛАТИНСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ РАСКОПОК ЦИТАДЕЛИ	
И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА	106
<i>С.Б. Лапцова</i>	
МОНЕТЫ ИЗ АНТИЧНОГО СВЯТИЛИЩА ОКОЛО Г. САКИ	116
<i>Ю.М. Москариев</i>	
ЗАБЫТЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА	129
<i>О.Я. Нешеров</i>	
ПАМЯТНИКИ ГЛИПТИКИ ИЗ ХЕРСОНЕСА	132
<i>Ю.Г. Виноградов, А.С. Русаков</i>	
ГРАФФИТИ ИЗ СВЯТИЛИЩА АПОЛЛОНА НА ЗАПАДНОМ ТЕМЕНОЕ ОЛЬВИИ.....	134
<i>М.В. Русаков</i>	
СКУЛЬПТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	
В НАУЧНЫХ ТРУДАХ Ю.Г.ВИНОГРАДОВА.	143
<i>М.Ю. Трейстер</i>	
СЕРЕБРЯНЫЙ РЕЛЬЕФ С ОБРАЗОМ "RANKENFRAU" ИЗ КРЫМА.....	149
<i>С.Р. Токтасев</i>	
ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	155
<i>А.А. Хлебов</i>	
ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КЕРЧЕНСКИХ РУН.....	169
<i>Е.З. Ходза</i>	
ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА ПЕРСОНАЖА В ПОЛУМАСКЕ ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА.	185
Список СОКРАЩЕНИЙ.....	191
SUMMARY.....	193
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	195

ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ
ПАМЯТИ ЮРИЯ ГЕРМАНОВИЧА ВИНОГРАДОВА
(Херсонесский сборник. Выпуск XI)
Сборник научных статей

Отв. за выпуск - М. Золотарев
Дизайн, макет, верстка - С. Золотарев
Корректор - Д. Коробков

Сдано в набор 07.05.2001г. Подписано к печати 30.07.2001г.
Формат 70х100/16. Бумага офсетная и мелованная. Печатура Литературная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 14,05. Тираж 1000 экз.

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Издательство «ООО "Рабуст"»
ДК №190 от 20.09.2000г.

Печать и изготовление тиража в типографии «Искра»